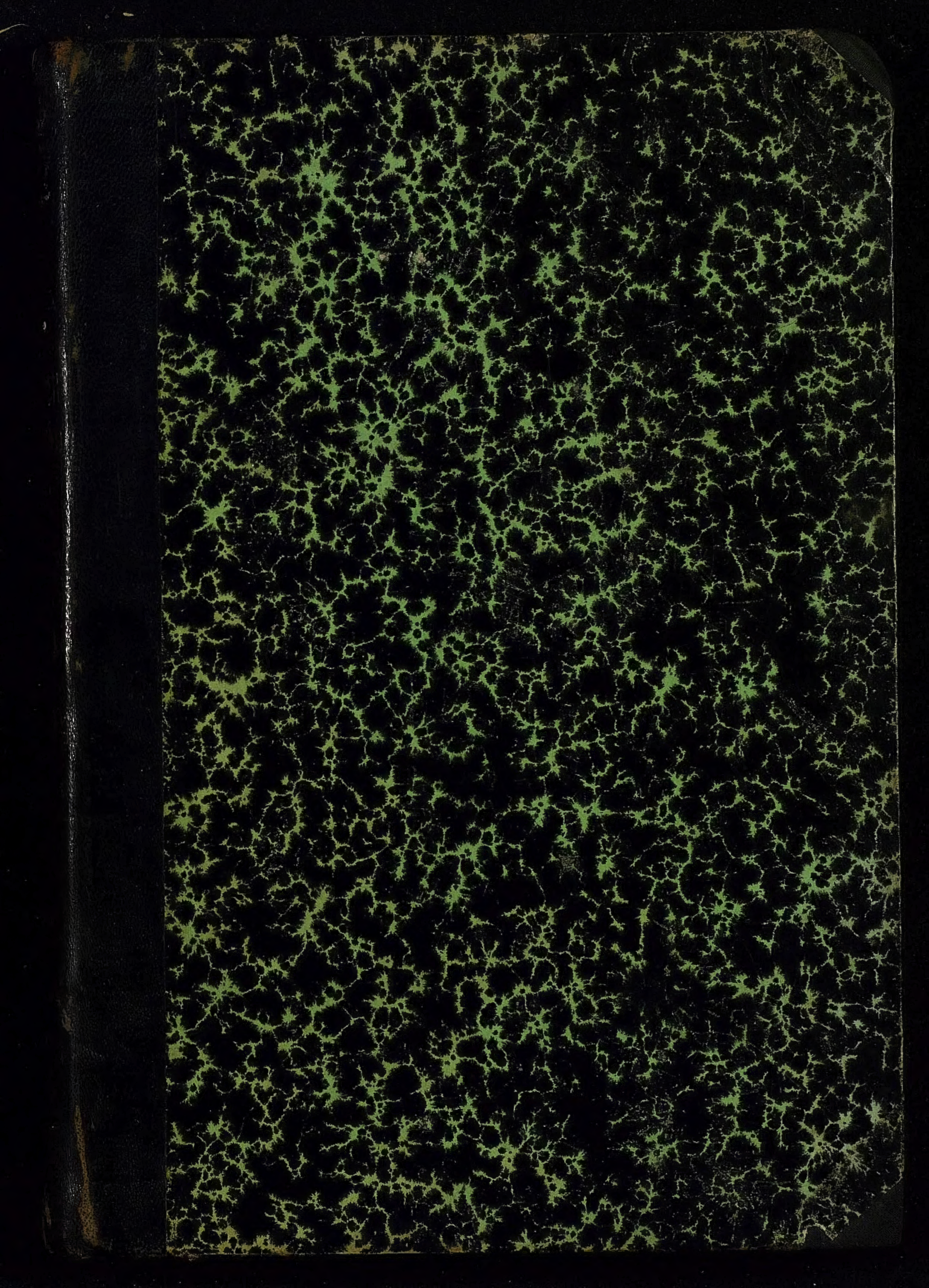

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. ОКТЯБРЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39.
1904.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ I. Рукописи богослужебныя. С.-Петербургъ. 1904 г.

Собраніе рукописей въ архивѣ Святѣйшаго Синода, заключающее въ себѣ болѣе 2.000 нумеровъ, составилось постепенно и имѣетъ свою исторію. Въ разное время и по разнымъ обстоятельствамъ представлялись въ Святѣйшій Синодъ рукописи, которыя, по разсмотрѣніи, или отсылались авторамъ и въ тѣ учрежденія, откуда были присланы, или сдавались въ Синодальный архивъ.

Интересно прослѣдить исторію возникновенія этого архива, т. е. когда и при какихъ обстоятельствахъ та или другая рукопись поступила въ архивъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1721 году 25-го августа присланы были изъ Тайной канцеляріи въ Святѣйшій Синодъ тетради бывшаго архимандрита Владимірскаго Рождественскаго монастыря Гедеона, названнаго по снятіи сановъ „разстригою Григоріемъ",— числомъ 166 нумеровъ, изъ которыхъ большая часть оказались „казаніями" или проповѣдями самого архимандрита на разные праздники, на царскіе дни, на викторію надъ „свейскимъ королемъ" и на другіе случаи, говоренными имъ или въ своемъ монастырѣ или въ другихъ мѣстахъ. Весьма немногія тетрадки, двѣ или три, составляли что-то въ родѣ записокъ для памяти; были также три письма. По своей малоцѣнности эта часть имущества доставлена была въ Святѣйшій Синодъ безспорно и оставлена имъ непроданною.

Въ 1749 году въ Синодѣ возникло дѣло объ исправленіи чина Православія по доношенію Московскаго Успенскаго большаго собора ключарей. Изъ дѣла видно, что по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 1-го февраля 1751 г. прислана была въ Святѣйшій Синодъ кіевскимъ митрополитомъ Тимоѳеемъ, при доношеніи отъ 28-го марта 1751 г., „вѣрная копія о бываемомъ въ Кіево-каѳедрально-Свято-Софейскомъ соборѣ повсягодно въ первую святаго великаго поста недѣлю Православія о поминовеніи содержащихъ православную вѣру и о анаѳематствованіи отступниковъ, еретиковъ и раскольниковъ, хулящихъ святую православную вѣру, и о протчемъ чиподѣйствіи, каковое въ ту недѣлю бываетъ". Въ журналѣ Синода февраля 20-го дня 1752 г. между прочимъ написано: „Разсуждено о отправленномъ сего 1752 г. февраля 16-го дня, т. е. въ первую святаго великаго поста недѣлю Православія съ высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія въ Санктъ-Петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ церемоніальномъ чинопослѣдованіи со утвержденіемъ благочестію и съ проклятіемъ противныхъ Святой церкви еретиковъ и протчихъ раздорниковъ и мятежниковъ дѣйствіи впредь для вѣдома записать и тое писменное чинопослѣдованіе, по нему же тогда во ономъ соборѣ дѣйствіе учинено, отдать въ Синодальный архивъ при копіи съ сего журнальнаго пункта съ роспискою".

Въ 1758 г. февраля 24-го дня Святѣйшій Синодъ, „разсуждая, что новоявленнаго Димитрія, митрополита ростовскаго чудотворца, сказыванныя имъ за жизнь свою слова Божія проповѣди, какъ извѣстно, въ народѣ и понынѣ имѣются, а уповательно, что оныя и въ Ростовскомъ архіерейскомъ домѣ находятся, того ради приказали: преосвященному Арсенію, митрополиту ростовскому, таковыя проповѣди, сколько ихъ отыскаться можетъ, а особливо ежели есть собственныя руки его святительства, оные всѣ собравъ и скрѣпя своеручно, прислать въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ немедленно".

Оберъ-прокуроръ Синода князь А. С. Козловскій, представляя полученныя имъ отъ митрополита ростовскаго Арсенія письмо къ нему и проповѣди святаго Дмитрія ростовскаго, 8-го января 1760 г. сдѣлалъ Святѣйшему Синоду слѣдующее предложеніе: „А понеже какъ мною присмотрено, что въ тѣхъ поученіяхъ нѣкоторыя есть малороссійскаго тогдашняго нарѣчія съ польскимъ сходнаго, того ради Святѣйшій Правительствующій Синодъ не соблаговолитъ ли оныя проповѣди разсмотреть и что подлежательно приказавъ исправить и для прославленія имени Божія и угодника его и притомъ и для всенародной пользы издать въ печать". Въ дѣлѣ Синода нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы эти проповѣди кѣмъ-либо, по порученію Синода, были разсмотрѣны для приготовленія къ печати. Дѣло заканчивается только слѣдующею выпискою изъ журнала отъ 8-го декабря 1770 г. за № 24: „докладывано по нерѣшенному дѣлу прошлаго 1758 г. февраля 24-го дня, и приказали: присланныя отъ бываго ростовскаго архіерея сказыванные святителемъ Димитріемъ, митрополитомъ ростовскимъ, при жизни его проповѣди, переплетя, поставить съ протчими книгами въ Синодальной Архивѣ, куда и дѣло о томъ отдать".

Въ Синодальномъ Архивѣ есть собраніе монастырскихъ грамотъ.

Въ поясненіи того, какъ составилось въ этомъ архивѣ собраніе грамотъ, приводимъ слѣдующее опредѣленіе Синода отъ 13-го сентября 1743 г.: „по указу Ея И. В. Святѣйшій Правительствующій Синодъ по сообщенному изъ Кабинета Ея И. В. требованію, которымъ во изъясненіе поданной въ Кабинетъ Ея И. В. изъ Синода отъ 3-го дня сего сентября вѣдомости требуется: Троицкій Сергіевъ и прочія объявленныя въ той вѣдомости монастыри имѣютъ ли такіеж жалованныя грамматы, каковы имѣютъ ставропигіальные Кіево-Печерская лавра и Кіево-Межигорскій монастырь, а какова Крестовоздвиженскаго Бизюкова монастыря архимандриту жалованная грамата въ нынѣшнемъ 1743 г. марта 19-го числа дана, со оной

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1904.

ОКТЯБРЬ.— НОЯБРЬ.— ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1904.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1904 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа каждаго** мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по **30** к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

Записки Василія Антоновича Инсарскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА IV [1]).

Преобразованіе главнаго управленія намѣстника. — Первые шаги князя Барятинскаго на этомъ пути.—Неопредѣленность его идей по этому вопросу.—Спеціальные департаменты и начальникъ главнаго управленія во главѣ ихъ.—Стремленіе князя обратить свой Совѣтъ въ Сенатъ.—Поиски личности для должности начальника главнаго управленія. — Выборъ палъ на отсутствующаго К—рна. — Мысли князя объ участіи его въ общемъ государственномъ управленіи. — Дѣйствительное колебаніе К—рна, имѣвшее вліяніе на самого князя.—Учрежденіе спеціальнаго комитета для разсмотрѣнія и осуществленія плана преобразованія.

Забѣжавъ нѣсколько впередъ, чтобы совершенно покончить съ вопросомъ объ Обществѣ распространенія христіанства на Кавказѣ, перехожу къ дѣлу, которое, безъ преувеличенія можно сказать, составило эпоху на Кавказѣ; это—преобразованіе тамошняго гражданскаго управленія. Что это преобразованіе составило дѣйствительно эпоху—служитъ доказательствомъ то, что оно внесено въ кавказскіе календари на-ряду съ другими историческими событіями на Кавказѣ.

Я говорилъ уже выше, что князь Александръ Ивановичъ, въ числѣ другихъ обширныхъ правъ, испрошенныхъ имъ при назначеніи его

---

[1]) См. „Русскую Старину", сентябрь 1904 г.

намѣстникомъ кавказскимъ, правъ, превосходящихъ даже права князя Воронцова, получилъ право преобразовать тамошнее гражданское управленіе, какъ признаетъ за благо. Я говорилъ также, что право это выразилось, прежде всего, въ учрежденіи «министерства прогресса», т. е. временнаго отдѣленія для дѣлъ гражданскаго устройства края, съ Ха—рымъ во главѣ этого министерства; а потомъ вслѣдъ за нимъ «особаго управленія сельскаго хозяйства», съ храбрымъ генераломъ Ротомъ во главѣ.

Изъ предыдущихъ моихъ разсказовъ извѣстно и то, что оба эти учрежденія оказались крайне неудачными. Съ предоставленіемъ мнѣ управленія канцеляріею намѣстника князь Александръ Ивановичъ, въ постоянныхъ бесѣдахъ со мной, много разъ развивалъ свои виды, по которымъ онъ желалъ бы устроить гражданское управленіе.

Надо замѣтить, что въ этихъ видахъ много было неопредѣленнаго, неяснаго и даже неприложимаго къ дѣлу, что̀ происходило отъ того, что если князь умѣлъ схватывать общій духъ и направленіе государственнаго нашего управленія, то ему были мало знакомы частныя основы, на которыхъ зиждется, такъ сказать, наша высшая администрація. Въ воззрѣніяхъ князя ясно было только то, что онъ считалъ нелѣпымъ подписываніе намѣстникомъ тысячи ничтожныхъ бумагъ, которыхъ онъ не читаетъ и не долженъ читать, именно по ихъ ничтожности, и утверждалъ, что намѣстникъ, какъ и всякое государственное лицо, поставленное во главѣ какого-нибудь управленія, долженъ заниматься только высшими дѣлами и вопросами, его достойными.

Затѣмъ тысячи варіацій на эту основную тему и припомнить, и передать невозможно, сколько по общности и неопредѣленности этихъ разсужденій, столько же и потому, что умъ мой поглощенъ былъ массами текущихъ дѣлъ; я выслушивалъ ихъ точно такъ же, какъ множество разныхъ другихъ разсужденій, нисколько не ожидая, что именно на меня падетъ осуществленіе ихъ, тѣмъ болѣе, что для разныхъ законодательныхъ работъ существовало «министерство прогресса» или «временное отдѣленіе» тожъ. Между тѣмъ, однажды, снова обратившись къ этой темѣ, князь сказалъ: «я не знаю, можно-ли такъ сдѣлать, но я желалъ бы должность нынѣшняго директора раздѣлить на двѣ, то-есть имѣть двухъ директоровъ: одинъ завѣдывалъ бы текущими дѣлами, подписывалъ всѣ бумаги, которыя вы теперь мнѣ носите и которыхъ я не читаю, и докладывалъ бы мнѣ только самыя важнѣйшія дѣла; а другой постоянно работалъ бы со мною лично и помогалъ мнѣ исполнять различныя мысли, о которыхъ мы съ вами такъ давно и такъ много толкуемъ. Текущую канцелярію мы отдали бы, а въ другой вы были бы, по-прежнему, моимъ сотрудникомъ. Еще я желалъ бы, если это можно, чтобы мнѣ лично дали управлять самому сельскимъ хозяй-

ствомъ: я такъ люблю сады, цвѣты»... Прежде, въ подобныхъ случаяхъ, я почтительно, какъ всегда, слушалъ князя и, грѣшный человѣкъ, поддакивалъ, можетъ быть, тогда какъ, съ одной стороны, по общему знакомству моему съ основаніями государственной администраціи, а съ другой по спеціальному знакомству съ кавказскою администраціею, находилъ, что мысль князя, значительно поэтическая, не вполнѣ разрѣшаетъ вопросъ... «Но пусть обдѣлываетъ ее, какъ знаетъ, тотъ, кому поручено будетъ ея осуществленіе»—думалъ я—«у меня, особенно теперь, много другаго дѣла».

Но въ тотъ моментъ, о которомъ говорю, такое успокоительное соображеніе было совершенно опрокинуто словами князя: «Любезный Василій Антоновичъ, потрудитесь мнѣ это обдѣлать»... Я, сколько помню, значительно смутился при этой совершенно-неожиданной атакѣ. Вѣроятно, замѣтивъ это смущеніе, князь продолжалъ: «я знаю, что вы ужасно заняты; но что же мнѣ дѣлать?» Конечно, ничего не оставалось, какъ отвѣчать, что это порученіе я принимаю за великую честь и постараюсь быть ея достойнымъ. Въ связи съ этимъ я довольно рѣшительно сказалъ князю: «ваше сіятельство! Я буду руководствоваться вашими идеями; но позвольте мнѣ придумать порядокъ ихъ осуществленія. Опытность моя по настоящей моей должности и знакомство мое съ общимъ порядкомъ администраціи значительно мнѣ въ этомъ помогутъ. Однимъ словомъ, я прошу позволенія составить и представить вамъ подробный планъ преобразованія высшаго гражданскаго управленія на Кавказѣ. Однѣ части этого плана, которыя удостоятся вашего одобренія, останутся, другія будутъ измѣнены и замѣнены согласно вашимъ дополнительнымъ указаніямъ. Во всякомъ случаѣ лично для вашего сіятельства будетъ удобнѣе и легче работать надъ этимъ вопросомъ, имѣя уже какую нибудь основную точку». Выслушавъ мое объясненіе, князь сказалъ: «прекрасно!»

Канцелярія намѣстника соединяла въ себѣ рѣшительно всѣ части, входящія въ составъ гражданскаго управленія: инспекторскую, судебную, финансовую, духовную, медицинскую и т. п. Понятно, что по самой ограниченности средствъ одной канцеляріи, а еще болѣе, по физической невозможности одному директору, какъ-бы онъ геніаленъ и дѣятеленъ ни былъ, углубляться во всѣ эти части—они пребывали значительно въ сонномъ состояніи и плелись кое-какъ по благоусмотрѣнію столоначальниковъ и начальниковъ отдѣленій, также заваленныхъ дѣлами сверхъ мѣры. Понятно также, что такой порядокъ дѣлъ не можетъ приносить большой пользы и что для того, чтобы всѣ части гражданскаго управленія могли получить оживленіе и развитіе, надобно подчинить ихъ болѣе энергичному руководству и контролю. Отсюда явилась мысль объ учрежденіи спеціальныхъ департаментовъ, изъ ко-

торыхъ каждый, получивъ въ свое завѣдываніе часть, ему принадлежащую, напр. судебную, финансовую и пр., долженъ стремиться довести ее до совершенства.

Мысль эта представилась мнѣ тотчасъ, какъ только вступилъ я въ управленіе канцеляріею. Раздѣленіе канцеляріи на департаменты я находилъ самымъ нужнымъ и вѣрнымъ дѣломъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы я былъ большой честолюбецъ, то вслѣдствіе тѣхъ взглядовъ князя, которые я только-что привелъ, я долженъ бы тотчасъ ее бросить и ухватиться за идею, высказанную княземъ. Мысль объ учрежденіи департаментовъ могла сулить мнѣ положеніе, равное многимъ другимъ; мысль князя ставила меня выше всѣхъ, ибо отдавала въ мои руки самыя капитальныя дѣла и, что̀ главное, сохраняла мнѣ прямыя и непосредственныя отношенія съ самимъ княземъ. Но, если я былъ хорошимъ работникомъ, то никогда не былъ хорошимъ, относительно себя, политикомъ.

Оставалось идею о департаментахъ согласить съ тою идеею князя, что до него должны восходить только наиважнѣйшія дѣла. Ясно, что поставить эти департаменты въ непосредственныя съ нимъ отношенія было не возможно. Если онъ отягощался и скучалъ докладомъ одного директора канцеляріи, очевидно, что доклады многихъ директоровъ поставятъ его въ положеніе, несравненно худшее противу прежняго. Поэтому надобно было поставить между нимъ и департаментами лицо посредствующее, которое, разрѣшая неважныя дѣла собственною властью, представляло бы намѣстнику только тѣ дѣла, которыя отличаются особенною важностью и требуютъ, непремѣнно, личнаго его разрѣшенія. Для созданія положенія такого лица существовали уже нѣкоторыя указанія въ положеніи начальника главнаго штаба въ только-что преобразованной кавказской арміи, а частію въ положеніи прежняго начальника гражданскаго управленія на Кавказѣ. Я говорилъ уже, что послѣднимъ начальникомъ гражданскаго управленія былъ знаменитый князь Бебутовъ. Еще при жизни его, князь Александръ Ивановичъ отнялъ у него нѣкоторыя права, присвоенныя этой должности по закону, и сосредоточилъ все гражданское управленіе исключительно въ своей канцеляріи, оставивъ Бебутову одно предсѣдательство въ Совѣтѣ намѣстника; съ кончиною же сего мужа мѣсто его уже никѣмъ не замѣщалось и, слѣдовательно, беззащитно могло быть подвергнуто всевозможнымъ преобразованіямъ. Существенное преобразованіе, которому оно должно было преимущественно подвергнуться, состояло въ томъ, чтобы создать не начальника гражданскаго управленія, а начальника главнаго управленія намѣстника, или высшаго начальника департаментовъ; чтобы, не имѣя никакихъ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ правъ, какъ лицо, отдѣльно стоящее, онъ имѣлъ только права, такъ сказать, канцеляр-

скія, представляя собою высшаго и главнаго сотрудника намѣстника, дѣйствуя только по его видамъ и указаніямъ и нисколько не отдѣляясь отъ него.

Для того же, чтобы намѣстникъ имѣлъ возможность, независимо отъ текущаго управленія, лично заниматься разработкою разныхъ, какъ говорится, органическихъ вопросовъ, предполагалось учредить при немъ особенную канцелярію, которая, не сливаясь съ общимъ главнымъ управленіемъ, образуемымъ департаментами и начальникомъ главнаго управленія, работала бы подъ личнымъ руководствомъ самого намѣстника и занималась только тѣми работами, какія намѣстникъ ей поручитъ.

Во всей этой системѣ важное значеніе имѣлъ денежный вопросъ. Надобно было, какъ говорится, свести концы съ концами. Я хорошо зналъ, что многіе проекты самаго перваго сорта умирали, именно, потому, что не было денегъ на ихъ осуществленіе. Точно также я отлично зналъ, что какъ ни былъ мудръ мой проектъ, но если я не найду соотвѣтственныхъ источниковъ, то и онъ будетъ сданъ въ архивъ. Поэтому, изыскивая подобные источники, я долженъ былъ остановиться на существовавшихъ тамъ до того времени округахъ: таможенномъ, учебномъ и почтовомъ. Таможеннымъ завѣдывалъ, какъ я выше говорилъ, достопочтенный Дю—си; учебнымъ—баронъ Николаи, а почтовымъ—сначала Коцебу, а потомъ—полковникъ Кохановъ. Эти окружныя управленія представляли чисто передаточную инстанцію и не приносили почти никакой существенной пользы; они только тормозили дѣлопроизводство... Какая-нибудь училищная дирекція или почтовая контора пишетъ, напримѣръ, управляющему округомъ, что полагаетъ наградить такого-то или сдѣлать то-то. Управляющій округомъ переписываетъ это представленіе и, присовокупляя, что «онъ вполнѣ раздѣляетъ изложенное мнѣніе», отсылаетъ свою бумагу въ канцелярію намѣстника. Разрѣшеніе намѣстника отправляется на имя управляющаго округомъ, который снова переписываетъ полученную бумагу и, добавляя ее словами: «о таковомъ разрѣшеніи даю знать», посылаетъ свою бумагу по принадлежности. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность этихъ господъ могла бы и должна производить нѣчто, болѣе существенное; но никакихъ существенныхъ плодовъ отъ нея не оказывалось, и потому я находилъ не только возможнымъ, но и весьма полезнымъ изъять изъ системы высшей администраціи эти ненужныя инстанціи, обязанности ихъ возложить на департаменты, а деньги, какія поглощаются ими, обратить въ число суммъ, необходимыхъ на образованіе новаго управленія.

Всю эту систему я развилъ и, объяснивъ подробно въ особомъ обширномъ докладѣ, къ которому приложилъ самый проектъ учрежденія глав-

наго управленія и штата, къ нему принадлежащаго. По проекту этому предназначалось образовать слѣдующіе департаменты:

1) Судебный.

2) Финансовый.

3) Государственныхъ имуществъ, въ который обращалась существовавшая дотолѣ экспедиція государственныхъ имуществъ.

4) Общихъ дѣлъ, куда относились части: инспекторская, хозяйственная, полицейская, духовная, медицинская, почтовая и всѣ тѣ, которыя не подчинялись другимъ спеціальнымъ департаментамъ.

5) Управленіе сельскаго хозяйства, которое, по общей системѣ, удобно могло бы быть слито съ департаментомъ государственныхъ имуществъ, но по личному желанію князя сохраняло отдѣльное свое существованіе.

Всѣ эти департаменты относились къ начальнику главнаго управленія, облеченному извѣстными правами, уподобленными частію правамъ товарищей министровъ. Начальникъ главнаго управленія относился, въ свою очередь, къ намѣстнику, дѣйствовалъ по его видамъ и указаніямъ, и получалъ отъ него разрѣшенія.

Кромѣ этихъ департаментовъ, собственно при намѣстникѣ, и внѣ вліянія начальника главнаго управленія, учреждалась особая канцелярія, собственно для производства тѣхъ работъ, какія самимъ намѣстникомъ будутъ возлагаемы.

Дипломатическая канцелярія намѣстника сохраняла прежнее свое устройство.

Точно также и Совѣту намѣстника сохранено прежнее существованіе. Существованіе это и прежде казалось мнѣ безполезнымъ; при учрежденіи спеціальныхъ департаментовъ безплодность эта становилась еще безплоднѣе, тѣмъ болѣе, что по моему проекту директоры, для вопросовъ общихъ, требующихъ единства направленія, должны были составлять свои совѣщанія подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго управленія. За всѣмъ тѣмъ я никакъ не могъ наложить руки на существованіе этого Совѣта, зная любовь и стремленіе князя къ пышной обстановкѣ. Хотя князь рѣшительно отнялъ у Совѣта, какъ и у прежняго начальника гражданскаго управленія, всякое значеніе и никогда почти не читалъ его журналовъ, которые докладывались князю черезъ директора канцеляріи и обыкновенно занимали въ его докладахъ едва-ли не послѣднее мѣсто, тѣмъ не менѣе ко внѣшней, такъ сказать, сторонѣ этого учрежденія князь относился довольно почтительно, выдвигая свой Совѣтъ всегда впередъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Ему, очевидно, нравилось присутствіе въ этихъ случаяхъ значительнаго числа сѣдыхъ и лысыхъ головъ, образующихъ его Совѣтъ. Съ другой стороны, ему было важно, какъ и всякому другому большому начальнику, имѣть

учрежденіе, въ которое онъ могъ частію сваливать людей заслуженныхъ, но уже устарѣвшихъ и испарившихся, а частію сажать нѣкоторыхъ господъ, для которыхъ не было другихъ мѣстъ, или которые не могли бы занимать никакихъ другихъ мѣстъ, какъ, напримѣръ, Бар—ей и другіе.

Здѣсь къ слову сказать, что нѣсколько позже, послѣ преобразованія главнаго управленія, князя чрезвычайно увлекала мысль объ обращеніи этого Совѣта въ Сенатъ, на подобіе Варшавскаго Сената, и только мое самое энергическое и, можно сказать, отчаянное противодѣйствіе воспрепятствовало осуществленію этой странной идеи. Передалъ-ли кто-нибудь эту идею князю или самъ онъ взялъ ее изъ сравненія Кавказскаго намѣстничества съ Варшавскимъ намѣстничествомъ, которому онъ ни въ чемъ не хотѣлъ уступать, я не знаю, только онъ постоянно къ ней обращался съ обычнымъ его упорствомъ. Не знаю, какъ эта идея была бы принята въ Петербургѣ, но мнѣ она казалась способною скомпрометтировать сильно князя. Я не могъ представить себѣ, чтобы князь сталъ писать рапорты и представленія въ свой Сенатъ, члены котораго, почтительно являясь въ его пріемную, старались бы всѣми средствами угадывать его малѣйшую волю и этою угодливостью пріобрѣтать право на милость намѣстника. Создать такое положеніе, по моимъ убѣжденіямъ, значило бы профанировать власть правительства, и эти убѣжденія я рѣшительно высказывалъ князю. Онъ, повидимому, соглашался съ моими доводами, а чрезъ нѣкоторое время снова обращался къ той же идеѣ, и я никакъ не позволю себѣ утверждать, чтобы, въ силу моихъ возраженій, князь не осуществилъ этой идеи, если бы оставался долѣе на Кавказѣ.

Обращаясь къ преобразованію главнаго управленія, повторяю, что какъ ни мало имѣлъ я уваженія къ дѣятельности Совѣта, тѣмъ не менѣе я не могъ коснуться вопроса о его существованіи. Искренній, и потому болтливый, я, на первыхъ же порахъ, опредѣлилъ значеніе Совѣта фразой, которая, съ одной стороны, вызвала апплодисменты, а съ другой—породила среди Совѣта моихъ неблагопріятелей, отъ которыхъ и предъявлялись князю ожесточенные протесты противъ назначенія меня къ исправленію должности директора. Я назвалъ Совѣтъ: «большимъ капиталомъ, не приносящимъ никакихъ процентовъ», и отзывъ этотъ быстро разошелся по всѣмъ кружкамъ Тифлиса, что̀ и свидѣтельствовало о его мѣткости. Ясно, что если бы я предложилъ уничтоженіе Совѣта, то со всѣхъ сторонъ поднялись бы такіе вопли, которые были бы непріятны князю, не говоря уже о томъ, что онъ и самъ, по своимъ видамъ, какъ я выше объяснилъ, не утвердилъ бы этой мѣры. Поэтому существованіе Совѣта въ моемъ проектѣ сохранялось; но значеніе его совершенно уже измѣнилось. Проектъ не говорилъ, какъ было опредѣлено прежними законами, какія, именно, дѣла должны непремѣнно

вноситься въ Совѣтъ, онъ опредѣлялъ только, что Совѣтъ разсматриваетъ всѣ дѣла, какія намѣстникъ ему поручитъ.

Въ докладѣ своемъ я говорилъ, что для ближайшаго и подробнаго разсмотрѣнія проекта, во всѣхъ его частяхъ, необходимо образовать особый комитетъ изъ тѣхъ лицъ, которыхъ князь признаетъ достойными призвать въ должности директоровъ департаментовъ, и которые ближе и вѣрнѣе могутъ опредѣлить кругъ дѣйствій каждаго департамента и средства для успѣшнаго исполненія обязанностей, на департаментъ возлагаемыхъ. Предсѣдательство въ этомъ комитетѣ должно быть предоставлено тому лицу, которое будетъ предназначено къ должности начальника главнаго управленія.

Когда я представилъ мой трудъ князю, онъ усердно и внимательно погрузился въ него и, ознакомившись съ нимъ, былъ удовлетворенъ. Онъ призналъ въ немъ сходство съ устройствомъ министерствъ въ западныхъ государствахъ. Въ начальникѣ главнаго управленія онъ видѣлъ перваго министра и на этомъ основаніи находилъ возможнымъ и даже нужнымъ, чтобы онъ самъ управлялъ однимъ изъ министерствъ, т. е. нашихъ департаментовъ, директоровъ департаментовъ онъ уподоблялъ второстепеннымъ министрамъ. Предположенныя совѣщанія директоровъ, подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго управленія, онъ находилъ сходными съ засѣданіями европейскихъ министерствъ. Однимъ словомъ, предложенная мною система вполнѣ удовлетворила князя. Если я находилъ ее необходимою и полезною собственно въ дѣловомъ отношеніи, то съ вѣроятностью можно предполагать, что въ глазахъ князя, независимо отъ этого достоинства, она имѣла много привлекательнаго въ томъ отношеніи, что яснѣе опредѣляла ту высоту, которая принадлежала намѣстнику, которая не допускала непосредственныхъ его сношеній съ различными департаментами, уравненными во всемъ съ министерскими департаментами, и которая, наконецъ, для посредства въ этихъ отношеніяхъ, требовала созданія особой должности, подобно должности министра, присвоенной начальнику главнаго управленія.

Всегда быстрый въ осуществленіи своихъ желаній и рѣшеній, князь совершенно предался этому дѣлу и старался круто повернуть имъ. Первымъ шагомъ къ осуществленію его предначертаній онъ считалъ, и весьма справедливо, назначеніе начальника главнаго управленія, который, по соображеніямъ князя, долженъ составить основную точку, откуда должны развиться всѣ дальнѣйшія дѣйствія по преобразованію главнаго управленія. При такомъ-то именно взглядѣ онъ спросилъ меня однажды, совершенно неожиданно: «кого бы назначить начальникомъ главнаго управленія?» Излагая біографію Дю—си, я объяснилъ уже часть этой замѣчательной сцены; здѣсь остается только

дополнить ее. Когда, подъ вліяніемъ петербургскихъ слуховъ о большомъ значеніи Дю—си, я назвалъ этого господина, князь какъ-то нетерпѣливо выразилъ рѣшительный протестъ. Значительно сконфуженный такимъ неудачнымъ указаніемъ, я старался объяснить князю, что указаніе это я сдѣлалъ подъ вліяніемъ различныхъ слуховъ и предположеній, доходившихъ до меня еще въ Петербургѣ; что, упоминая о Дю—си, я думалъ угадать только мысль князя; что я лично съ нимъ не имѣю никакихъ отношеній и вовсе его не знаю; знаю только то, что ко мнѣ собственно онъ относится непріязненно; слѣдовательно, въ моемъ указаніи не можетъ быть никакой затаенной цѣли, никакихъ пристрастныхъ видовъ и т. п. «Знаю, знаю все это; лучше васъ самихъ знаю», сказалъ князь, «а я полагалъ бы назначить Кр—на! Какъ вы думаете?»

Кр—на я успѣлъ уже узнать, какъ отличнаго человѣка, какимъ и всѣ его знали; но всѣ знали также, что онъ очень слабоватъ, какъ дѣловой человѣкъ; кромѣ того, по чинамъ и по службѣ, онъ былъ моложе многихъ другихъ лицъ гражданскаго управленія. Сообразивъ все это мгновенно, я отвѣчалъ: «Алексѣй Ѳедоровичъ превосходный человѣкъ; но, кажется, въ немъ геніальности мало». «Зачѣмъ намъ его геніальность?»—живо возразилъ князь, «у насъ своей довольно, а человѣкъ онъ дѣйствительно превосходный; я привыкъ къ нему, а онъ ко мнѣ; всѣ его любятъ; ни интриговать, ни умничать онъ не будетъ». Ясно было, что мнѣ тутъ думать много было нечего и что стремиться измѣнить предрѣшеніе князя, если бы и были у меня на то какіе-либо серьезные поводы, было бы съ моей стороны и глупо, и безполезно. Какъ бы то ни было, князь окончательно остановился на выборѣ Кр—на въ начальники будущаго главнаго управленія.

Чрезвычайно нетерпѣливый въ своихъ предположеніяхъ, князь не сталъ ожидать подробнаго развитія общаго плана преобразованія управленія и рѣшилъ тотчасъ представить главныя черты этого плана государю въ частномъ письмѣ и просить, прежде всего, утвержденія Кр—на въ предназначенномъ званіи и тѣмъ, какъ выражался князь, положить первый основный камень новаго зданія. Эта поспѣшность оправдывалась еще слѣдующими соображеніями. Князь справедливо находилъ, что Кр—нъ, какъ главное дѣйствующее лицо въ новомъ управленіи, долженъ неизбѣжно принять участіе въ установленіи основаній, для него предназначаемыхъ. Съ другой стороны, зная робость Кр—на и недовѣріе его къ собственнымъ силамъ, князь также справедливо находилъ, что Кр—нъ совершенно уничтожится предъ важностью будущаго положенія начальника главнаго управленія и обширностью обязанностей, ему предстоящихъ, и князю будетъ чрезвычайно трудно, а можетъ быть и невозможно, уломать этого милаго и скромнаго чело-

вѣка принять это званіе, тѣмъ болѣе, что онъ былъ, какъ я говорилъ уже, моложе многихъ, которыми предстояло ему командовать. Поэтому князь и рѣшился все, что въ новомъ планѣ касалось лично Кр—на, покончить безъ него, а для того, чтобы дать ему преимущество предъ всѣми лицами будущаго управленія, исходатайствовать ему званіе статсъ-секретаря. Въ этомъ именно видѣ и отправлено было письмо государю.

Его величество согласился на все. Кр—нъ рѣшительно ничего не зналъ и ничего не предугадывалъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ я упомянулъ только, чтобы онъ скорѣе возвращался на Кавказъ, гдѣ приготовлено для него нѣчто хорошее. Въ своихъ письмахъ ко мнѣ онъ просилъ меня разъяснить ему таинственность; но я не имѣлъ на это никакого права потому, что князь желалъ хранить все это въ сильнѣйшемъ секретѣ. Такимъ образомъ онъ рѣшительно ничего не зналъ, и на этотъ мотивъ князь, съ обычною прелестью и необычайнымъ талантомъ, разыгрывалъ великолѣпныя варіаціи. Сущность ихъ заключалась въ томъ, что князь представлялъ, какъ Кр—нъ, возвращаясь на Кавказъ чрезъ Петербургъ, явится къ государю, какъ государь поздравитъ его статсъ-секретаремъ и начальникомъ главнаго управленія, какъ Кр—нъ оцѣпенѣетъ отъ этого поздравленія.

Если эти предположенія мы считали нужнымъ скрывать отъ Кр—на, то въ той же таинственности мы держали ихъ и отъ другихъ. Существо плана, впрочемъ, не было возможности сохранить вь тайнѣ. Знали, что по этому плану главнымъ дѣйствующимъ лицомъ будетъ начальникъ главнаго управленія; но кто будетъ начальникомъ главнаго управленія, рѣшительно никому не было извѣстно. Предположеній было, конечно, множество; указывали то на того, то на другаго и менѣе всего на Кр—на. Самъ князь сознавалъ, что объявленіе этого назначенія произведетъ страшную суматоху и поразитъ Тифлисъ.

Однимъ словомъ князь какъ будто опасался даже впечатлѣнія, какое въ гражданскомъ мірѣ должно было произвести назначеніе Кр—на, и потому долго удерживалъ его въ тайнѣ; но, съ другой стороны, онъ боялся также чрезвычайной слабости характера его и не безъ основанія предполагалъ, что это впечатлѣніе, если оно проявится уже въ то время, когда Кр—нъ уже возвратится, можетъ окончательно сбить его съ толку и заставить снова отбиваться отъ должности начальника главнаго управленія. Князь сдѣлалъ назначеніе Кр—на извѣстнымъ въ Тифлисѣ незадолго до его пріѣзда съ тою цѣлью, чтобы весь шумъ, всѣ сплетни, всѣ протесты, какіе должно было вызвать это извѣстіе, могли вспыхнуть, развиться и потомъ, по естественнымъ законамъ, стихнуть и улечься въ его отсутствіе.

Такъ это и было сдѣлано. Князь сказалъ, подъ видомъ секрета,

объ этомъ назначеніи двумъ, тремъ лицамъ высшихъ чиновъ, и этого, конечно, было достаточно, чтобы оно мгновенно сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ и взволновало весь Тифлисъ. Странное дѣло! Кр—нъ пользовался большою популярностью; большинство его любило, какъ добраго человѣка; но и у сего незлобиваго господина было значительное число ожесточенныхъ враговъ, порожденныхъ преимущественно его служебными успѣхами, которыхъ онъ не только не искалъ, но отъ которыхъ постоянно отбивался. Такъ же точно, какъ онъ былъ совершенно чуждъ соединенныхъ усилій князя и Буткова, выдвинувшихъ его, совершенно невѣдомо для него, на должность директора канцеляріи—онъ и въ настоящемъ случаѣ былъ рѣшительно чуждъ задуманнаго княземъ механизма, которымъ онъ поднялъ его, также не вѣдомо для него, на должность начальника главнаго управленія. Все это, однако же, не мѣшало образоваться значительной группѣ его недоброжелателей, которые и старались всѣми силами уничтожить его, опираясь въ своихъ нападкахъ преимущественно на его малую способность, какъ государственнаго человѣка, свойство котораго, какъ я выше замѣтилъ, онъ и самъ не отрицалъ.

Къ удивленію, ожесточеннѣйшимъ его врагомъ явился князь Георгій Мухранскій, который никакъ не могъ перенести предстоявшей ему обязанности, въ качествѣ директора судебнаго департамента, подчиниться Кр—ну. Оппозиція его была такъ сильна, что онъ рискнулъ даже написать пространное письмо князю, которое самъ Мухранскій потомъ показывалъ мнѣ. Въ письмѣ этомъ, изложивъ исторію своихъ отношеній къ Кр—ну, сравнительное ихъ значеніе въ прошедшемъ, какія-то несправедливости, сдѣланныя ему Кр—номъ въ качествѣ директора канцеляріи, по части наградъ—онъ просилъ князя освободить его отъ унизительнаго для него подчиненія. Князь Александръ Ивановичъ, потомъ, упоминая объ этомъ письмѣ, которое произвело на него въ высшей степени дурное впечатлѣніе, говорилъ, что онъ пригласилъ князя Мухранскаго забыть даже совершенно о существованіи того письма, если желаетъ сохранить добрыя къ нему, т. е. намѣстнику, отношенія.

Между тѣмъ наступила половина 1858 года. Князь съ огромнымъ штабомъ переѣхалъ уже въ Боржомъ. Должность директора походной канцеляріи исполнялъ при немъ Булатовъ. Сближалось время возвращенія Кр—на.

Въ постоянномъ опасеніи за слабость характера его, князь не желалъ даже, чтобы онъ заѣзжалъ въ Тифлисъ и поддавался вліянію различныхъ толковъ о преобразованіи главнаго управленія вообще и о его назначеніи въ особенности, и съ этою цѣлью предоставилъ мнѣ распорядиться, такимъ образомъ, чтобы Кр—нъ, не заѣзжая въ Тиф-

лисъ, проѣхалъ мимо его, прямо въ Боржомъ, что и было исполнено, посредствомъ разосланныхъ на ближайшія къ Тифлису станціи предъувѣдомленій.

Жары начинались страшные. Всѣ разъѣзжались и спасались, кто куда могъ. Я, съ моими дѣлами и обязанностями, рѣшительно не имѣлъ возможности разстаться съ Тифлисомъ и вынужденъ былъ задыхаться въ немъ денно и нощно. Извѣстно, что тифлисскія ночи не приносятъ прохлады, а еще болѣе увеличиваютъ духоту, вслѣдствіе которой человѣкъ постоянно обливается потомъ. Но главная бѣда моя была въ томъ, что жена моя никакъ не хотѣла оставить меня одного въ Тифлисѣ и переѣхать на дачу, несмотря на общія настоянія туземныхъ моихъ докторовъ. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ нею оставались и наши дѣти, т. е., за потерею одного сына въ Баку и за отправленіемъ другаго въ Петербургъ, двѣ маленькія дочери: одна лѣтъ пяти, а другая еще на рукахъ кормилицы. Извѣстно также, что тифлисскіе жары особенно гибельно дѣйствуютъ на маленькихъ дѣтей, что къ несчастью намъ скоро и пришлось испытать.

Между тѣмъ въ Тифлисѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Кр—нъ проѣхалъ уже въ Боржомъ, и всѣ, а болѣе всѣхъ я, ждали, что затѣмъ произойдетъ. Дня чрезъ два послѣ его проѣзда въ Боржомъ, я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ увѣдомилъ меня о желаніи князя, чтобы и я какъ можно скорѣе пріѣхалъ туда [1]).

Въ тотъ же вечеръ я отправился и на другой день утромъ пріѣхалъ въ Боржомъ. Экипажъ у меня былъ отвратительнѣйшій въ невообразимой степени; какъ это случилось, я ужъ не помню; помню только, что въ моихъ приказаніяхъ по части экипажа поставлялось главнымъ и непремѣннымъ условіемъ—его легкость; кажется, именно во имя этой легкости, мнѣ и подвернули какую-то гадость, представлявшую нѣчто среднее между старымъ дряннымъ тарантасомъ и почтовою телѣгою. Въѣзжая въ этомъ замѣчательномъ экипажѣ въ Бор-

---

Вотъ его письмо: «Боржомъ. 6-го іюня 1858 г. Въ Душетѣ я получилъ письмо ваше отъ 30-го мая, душевно уважаемый Василій Антоновичъ, и съ Цилканскаго поста свернулъ на Боржомъ. Вчера я представился князю Александру Ивановичу, который сообщилъ мнѣ проектъ предписанія на мое имя и другія бумаги, относительно преобразованія главнаго управленія. Я не успѣлъ еще вполнѣ познакомиться съ ними, но съ перваго шагу встрѣчаю надобность въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ, о которыхъ я докладывалъ его сіятельству. Князь Александръ Ивановичъ находитъ нужнымъ, чтобы вы прибыли сюда теперь же, для окончательныхъ совѣщаній по дѣлу о преобразованіи, и поручить мнѣ изволилъ извѣстить васъ о томъ. Опасаюсь, что вояжъ этотъ не будетъ вамъ пріятенъ, отвлекая васъ отъ громады текущихъ дѣлъ; но безъ васъ нѣтъ возможности окончить это дѣло. Въ ожиданіи скораго и пріятнаго съ вами свиданія и пр.».

жомъ, я былъ, при самомъ въѣздѣ, несмотря на раннее утро, встрѣченъ самимъ намѣстникомъ и всею его свитою. Оказалось потомъ, что князь учредилъ раннія прогулки, такъ что всѣ окружающіе его, волею неволею, должны были вставать часовъ въ пять, собираться у его маленькихъ домиковъ и подъ его предводительствомъ путешествовать по заранѣе составленному и имъ утвержденному маршруту. Именно въ началѣ этой ранней прогулки князь, услышавъ почтовый колокольчикъ моей тройки, остановился, а съ нимъ остановилась и вся свита. Завидѣвъ меня, всѣ они дружно привѣтствовали меня и ожидали, какъ было замѣтно, что я выскочу изъ моего рыдвана и паду въ ихъ объятія. Но безпокойное путешествіе въ безпокойномъ экипажѣ въ теченіе цѣлой ночи привело мою фигуру въ такое растрепанное, чуждое всякаго изящества положеніе, что, приказавъ ямщику ѣхать скорѣе, я предпочелъ вѣжливо раскланяться только съ княземъ и его разнообразной свитой, а дальнѣйшее сближеніе отложить до времени, когда личность моя будетъ приведена сколько-нибудь въ приличный видъ.

Съ громомъ и трескомъ подкатилъ я къ крыльцу гостиницы и въ одно время съ распоряженіями, относящимися до моего гардероба, приказалъ пригласить ко мнѣ тотчасъ Булатова, чтобы разузнать отъ него состояніе какъ придворной собственно, такъ и правительственной атмосферы. Послѣ разсказовъ, относящихся до частной жизни князя въ Боржомѣ, Булатовъ передалъ мнѣ, что Кр—нъ, какъ и ожидалъ князь, относится къ своему новому положенію чрезвычайно робко, пятится отъ него всѣми способами и умоляетъ князя, по крайней мѣрѣ, отложить на нѣкоторое время оффиціальное объявленіе его назначенія. «Князь находится въ нерѣшительномъ состояніи»,—продолжалъ Булатовъ—«и для этого-то вытребовалъ васъ. Теперь рѣшительно отъ васъ зависитъ повернуть дѣло въ ту или другую сторону». При этомъ оказалось, что Кр—нъ живетъ въ той же гостиницѣ, гдѣ и я остановился, только въ другомъ номерѣ. Ускоривъ всевозможно мое переодѣваніе и сокративъ, а потомъ и вовсе отстранивъ различные визиты, которыми тотчасъ начали меня осаждать, я бросился къ Кр—ну и безъ всякихъ предисловій началъ осыпать его дружескими укорами за его мнительность и доказывать, какъ сильно она можетъ повредить всѣмъ планамъ, которыми такъ усердно занимался самъ князь и которые онъ считалъ уже исполненными. Краснорѣчіе мое заливало, такъ сказать, своими волнами Кр—на. Онъ защищался весьма слабо и изрѣдка только говорилъ: «какой я начальникъ главнаго управленія?» или: «кажется, лучше подождать немного, пока я вступилъ бы въ прежнюю должность и осмотрѣлся бы»... «Нечего вступать и осматриваться»,—живо возражалъ я,—«все сдѣлано, предусмотрѣно, приготовлено и даже

обнародовано уже самимъ княземъ, хотя частнымъ образомъ. Если вы появитесь въ Тифлисѣ не начальникомъ главнаго управленія, произойдетъ громаднѣйшій скандалъ!» «Право, не знаю»—вяло говорилъ Кр—нъ. «Вы не знаете, а я знаю»,—неотступно продолжалъ я атаковать его,—«и предупреждаю васъ, что тѣ же самыя убѣжденія, какія я вамъ высказалъ, я передамъ и князю, къ которому и отправляюсь сейчасъ»...

У князя была, между прочимъ, такая манера, что по какому бы то ни было дѣлу онъ меня ни потребовалъ, онъ, при моемъ появленіи, никогда не начиналъ говорить собственно объ этомъ дѣлѣ, а сначала обращалъ рѣчь къ предметамъ, совершенно постороннимъ, и потомъ уже круто поворачивалъ эту рѣчь къ существенному вопросу. Такъ было и здѣсь.

Встрѣтивъ меня самымъ благосклоннымъ образомъ, князь, прежде всего, замѣтилъ, какой у меня отвратительный экипажъ, потомъ сталъ рисовать прелести боржомской жизни. Послѣ нѣсколькихъ недѣль, которыя я не видалъ князя, мнѣ показалось, что онъ значительно поправился. Когда я выразилъ ему это наблюденіе, было видно, что оно доставило ему большое удовольствіе. «Мнѣ здѣсь очень хорошо и покойно»,—продолжалъ князь.—«Такой образъ жизни всегда для меня полезенъ. Здѣсь меня никто не стѣсняетъ. Что касается до Елисаветы Дмитріевны [1]), то вы, конечно, поймете, что мои отношенія къ ней—отношенія отца къ дочери»...

Бесѣда князя со мной и на этотъ разъ была и продолжительна, и разнообразна. Князь любилъ въ этихъ случаяхъ плавать въ воспоминаніяхъ, предаваться мечтамъ о будущемъ... Во всемъ этомъ, конечно, выяснялось и опредѣлялось отношеніе его къ Кавказу особенно, и къ государству вообще. Въ приличный моментъ и пользуясь прекраснымъ настроеніемъ князя, я позволилъ себѣ снова повторить не разъ уже высказанную мною мысль, что Кавказъ, конечно, долженъ считать себя очень счастливымъ, имѣя такого намѣстника; но что Кавказъ есть только часть общаго, цѣлаго государства, и что государству было бы выгоднѣе, если бы князь съ его дарованіями, съ его великими принципами стоялъ подлѣ престола царя и дѣйствовалъ не на одинъ Кавказъ, или какую-либо другую страну, но на всѣ страны, на всѣ части всего государства; въ заключеніе я прибавлялъ, что это не есть мое только личное мнѣніе, но мнѣніе многихъ, мнѣніе, публично высказываемое ему на многихъ торжественныхъ праздникахъ, которыми встрѣчали и провожали его на пути отъ Петербурга на Кавказъ.

Князь какимъ-то нетерпѣливымъ тономъ отвѣчалъ мнѣ: «Вы много

---

[1]) Давыдова.

уже разъ говорили мнѣ это, любезный Василій Антоновичъ; правда— то же самое говорили мнѣ разные губернаторы и предводители. Но вы ошибаетесь точно такъ же, какъ ошибаются и эти господа. Какимъ это образомъ я могъ бы дѣйствовать на всю Россію? Вѣроятно, думаютъ, что я, какъ другъ государя, могу придти къ государю и сегодня посовѣтовать одно, а завтра другое... ошибаются. Государь очень добръ ко мнѣ; но всегда отошлетъ меня съ моими мнѣніями и совѣтами къ тому министру, до котораго они касаются». «Это по части такого-то министра»,—скажетъ государь, «переговори съ нимъ; пусть онъ доложитъ мнѣ потомъ». Да и откуда я буду набирать эти совѣты и мнѣнія, когда дѣла будутъ находиться не въ моихъ рукахъ; у меня есть часть просвѣщенія, юстиціи, финансовая и всякія другія; всѣми этими частями я распоряжаюсь независимо и самостоятельно. Если я хорошо что-нибудь сдѣлаю здѣсь, они могутъ то же сдѣлать у себя, и это будетъ самое вѣрное, самое естественное вліяніе мое на ходъ дѣлъ въ государствѣ. Кромѣ того вы знаете, что я пишу государю о всѣхъ моихъ взглядахъ, о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ по важнѣйшимъ вопросамъ. Эти письма, конечно, я глубоко обдумываю, и они составляютъ, можно сказать, эссенцію моего ума. Вѣдь государь читаетъ же ихъ... Стало быть, отъ него зависитъ, что ему покажется вѣрнымъ и справедливымъ, приказать сдѣлать или примѣнить въ Россіи. Точно также, если бы государю нужны были ближайшіе мои совѣты, отъ него же зависитъ призвать меня къ себѣ или дать другое назначеніе».

Потомъ, въ ряду другихъ предметовъ, князь сталъ развивать идею о преподнесеніи всего Боржомскаго имѣнія государынѣ императрицѣ. Соображеній, изъ которыхъ родилась эта идея, я уже не помню; помню только, что она чрезвычайно занимала князя и въ его пылкомъ воображеніи считалась уже въ ряду получившихъ осуществленіе до такой степени, что онъ опредѣлялъ уже мѣсто, гдѣ долженъ быть поставленъ императорскій дворецъ; за всѣмъ тѣмъ однако же, идея эта осталась неосуществимою, по той простой причинѣ, если не ошибаюсь, что императрица отказалась отъ удовольствія имѣть имѣніе, какъ бы прекрасно и живописно оно ни было, за три тысячи верстъ отъ Петербурга.

Послѣ завтрака, который прервалъ нашу бесѣду, князь обратился къ вопросу, по которому я преимущественно былъ вытребованъ въ Боржомъ. «Алексѣй Ѳедоровичъ упирается»—началъ князь,—«онъ проситъ дозволить ему прежде вступить въ управленіе канцеляріею, осмотрѣться и потомъ уже постепенно перейти къ новому положенію. Я не знаю, быть можетъ, это въ самомъ дѣлѣ будетъ лучше?» Изъ этихъ неопредѣленныхъ словъ я тотчасъ понялъ, съ одной стороны, что князь поколебленъ въ своей энергической рѣшимости, или, просто, по обычаю, охладѣлъ уже къ этому дѣлу, а съ другой, что дальнѣйшее направле-

ніе его передастся въ мои руки. Выслушавъ почтительно слова князя, я столь же почтительно отвѣчалъ: «какъ угодно будетъ вашему сіятельству; но мнѣ кажется, что вамъ самимъ угодно было сдѣлать извѣстнымъ уже назначеніе Алексѣя Ѳедоровича до его возвращенія, именно съ тою цѣлью, чтобы этимъ облегчить и подготовить его вступленіе прямо въ новую должность. И дѣйствительно это извѣстіе произвело то впечатлѣніе и тѣ толки, которыхъ ожидали; теперь впечатлѣніе ослабѣло, толки затихли, и всѣ спокойно ожидаютъ вступленія Алексѣя Ѳедоровича въ должность начальника главнаго управленія. Нѣтъ сомнѣнія, что если, вопреки этому общему ожиданію, Алексѣй Ѳедоровичъ вступитъ въ прежнюю должность директора канцеляріи, то это произведетъ новое впечатлѣніе и новые толки, общій смыслъ которыхъ будетъ тотъ, что мы пятимся назадъ».

Въ своихъ докладахъ и соображеніяхъ я не рѣдко употреблялъ простыя, тривіальныя фразы и никогда не обманывался въ силѣ ихъ. Такъ точно было и здѣсь. Я нарочно употребилъ фразу «мы пятимся назадъ», зная, что она ни для кого не можетъ представлять ничего лестнаго, а для такой гордой, властолюбивой натуры, какъ князь, она будетъ просто невыносима. И дѣйствительно, какъ только я произнесъ эти слова, князь какъ-то непріятно покоробился и какъ-то неопредѣленно сказалъ: «какъ! пятиться!». Потомъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ продолжалъ: «да, ваша правда! откладывать тутъ нечего, только перепортимъ все! Потрудитесь заготовить всѣ нужныя бумаги. Когда онѣ будутъ готовы—принесите мнѣ». Съ чувствомъ нѣкотораго торжества я прямо отъ князя ринулся къ Кр—ну, объявилъ ему мою побѣду и потомъ, собравъ всѣхъ чиновниковъ и писцовъ, какіе только находились въ Боржомѣ, засадилъ ихъ всѣхъ за работу. Бумаги, которыя я долженъ былъ заготовить, не представляли ничего головоломнаго, но ужасали своимъ количествомъ. О новомъ назначеніи Кр—на надо было увѣдомить всѣ мѣста и лица, находящіяся въ сношеніяхъ съ главнымъ управленіемъ намѣстника, имъ же нѣсть числа въ цѣломъ краѣ. Тѣмъ не менѣе всѣ онѣ были скоро изготовлены и на другое же утро представлены къ подписи князю. При этой подписи находился уже Кр—нъ. Подписывая бумаги, князь весело подсмѣивался надъ Дю—си, мимо котораго проскользнуло мѣсто начальника главнаго управленія. «Это счастье для насъ»—говорилъ князь—«что мингрельское дѣло такъ выяснило намъ таланты этого господина. А знаете-ли, продолжалъ князь, обращаясь къ Кр—ну: «вѣдь я сначала хотѣлъ васъ послать туда»—«и навѣрное я еще хуже провалился бы»,—скромно замѣтилъ Кр—нъ. «Ну нѣтъ! Какъ можно!»—снисходительно сказалъ князь. Послѣ бумагъ, относящихся до назначенія Кр—на, князь подписалъ бумаги объ учрежденіи комитета для разсмотрѣнія составленнаго проекта

преобразованія главнаго управленія. Въ этихъ бумагахъ, согласно особому настоянію самого князя, сказано было, что самая система преобразованія въ основныхъ ея принципахъ совершенно одобрена уже княземъ и что комитету предлежитъ только разсмотрѣть подробности ея, относящіяся до образованія каждаго департамента въ частности, опредѣленія его средствъ и т. п.

ГЛАВА V.

Боржомская жизнь князя.—Утреннія и вечернія прогулки князя въ сопровожденіи всей свиты.—Ухаживаніе князя за Да—вой, принадлежавшей тоже къ свитѣ.—Проявленіе здѣсь женскаго вліянія на князя. — Мои семейныя потери.—Пріѣздъ великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича.—Небывалая охота, для нихъ устроенная.

Когда эта дѣловая сторона была кончена, я получилъ любезное приглашеніе князя остаться въ Боржомѣ на столько, на сколько могу и желаю. На этомъ основаніи я провелъ тамъ три дня, о которыхъ сохраняю самое пріятнѣйшее воспоминаніе. Само собою разумѣется, что я остался бы тамъ и больше, если бы самыя неумолимыя обязанности не призывали меня настоятельно въ Тифлисъ.

Не должно думать, чтобы Боржомъ представлялъ для намѣстника и двора его какое-нибудь роскошное помѣщеніе. Ничуть не бывало. Непривычный глазъ поражался величайшею простотою закавказской обстановки вообще намѣстника. Мое удивленіе по этой части было особенно сильно потому, что я зналъ петербургскую жизнь и обстановку князя, его роскошное помѣщеніе, его великолѣпныя дачи. Я полагалъ, въ невѣдѣніи моемъ кавказскаго быта, что если князь, въ положеніи частнаго человѣка, окружалъ себя баснословною роскошью, то въ положеніи намѣстника онъ долженъ былъ ежеминутно блистать въ золотѣ и брилліантахъ, однимъ словомъ, плавать въ той, такъ называемой, «восточной» роскоши, о которой съ раннихъ лѣтъ мы читаемъ такъ много вздору въ различныхъ книгахъ. Напротивъ, о тифлисскомъ дворцѣ съ его обтоптанною деревянною лѣстницею, съ его старинною казенною мебелью, носящею множество слѣдовъ постояннаго и малоуспѣшнаго ремонта, съ его деревяннымъ, обвитымъ зеленою бумагою, обручемъ въ бальной залѣ, замѣняющимъ люстру, я говорилъ уже. О старомъ и плохомъ домѣ Андреевскаго, въ которомъ князь помѣщался на Кожарахъ, я тоже говорилъ. Боржомская обстановка меня удивила еще болѣе, чѣмъ все предыдущее.

Тамъ были два или три (кажется, три, но хорошо не помню) маленькіе деревянные домика, составлявшіе помѣщеніе намѣстника. Въ этихъ домикахъ умѣлъ какъ-то располагаться и предмѣстникъ князя Барятинскаго, князь Воронцовъ; въ нихъ же умѣстился и князь Александръ Ивановичъ. Въ одномъ маленькомъ домѣ жилъ онъ самъ. Этотъ домъ представлялъ такіе миніатюрные размѣры, что просто было смѣшно, особенно по отношенію къ такой величавой и высокой фигурѣ, какъ князь Александръ Ивановичъ. Крошечное крылечко вело въ этотъ домикъ. Я ужъ не помню подробно его внутренняго расположенія; помню только, что при самомъ входѣ была маленькая комнатка, которая носила названіе кабинета князя, маленькая до того, что двумъ, тремъ человѣкамъ рѣшительно было тѣсно повернуться около также маленькаго письменнаго стола, который тамъ стоялъ. Другой домикъ, кажется нѣсколько побольше, занимали Да—вы, съ обязанностью принимать всѣхъ пріѣзжающихъ изъ Тифлиса и вообще быть центромъ всего міра, окружающаго князя, надъ которымъ самъ Да—въ имѣлъ вліяніе, въ качествѣ гофмаршала. Наконецъ, третій домикъ, если не ошибаюсь, заключалъ въ себѣ столовую, гдѣ собирались чай пить и обѣдать. Впрочемъ, я хорошо уже не помню, былъ-ли этотъ третій домикъ и не заключалъ-ли въ себѣ этой столовой домикъ, занимаемый Да—выми.

День начинался, какъ я сказалъ уже, утренней прогулкой, для чего всѣ должны были вставать чрезвычайно рано. Едва-ли не съ вечера еще опредѣлялся пунктъ, куда должна была направиться прогулка. Казаки и лакеи князя заранѣе отправлялись туда съ коврами, грузинскими мутахами, подушками различныхъ видовъ и различными съѣстными и питейными матеріалами. Когда всѣ участвующіе въ прогулкѣ достигали этого пункта, они находили тамъ все необходимое для самаго комфортабельнаго отдыха. Всѣ кидались на ковры и подушки и располагались, какъ кто хотѣлъ. Свобода царствовала полная. Часто заливалась тамъ, подъ моимъ руководствомъ, русская пѣсня и подхватывалась хоромъ. Кто хотѣлъ—пилъ чай, кофе. Затѣмъ шествіе принимало обратное направленіе, раздѣляясь на многія группы, изъ которыхъ однѣ убѣгали впередъ, другія отставали... Князь неизбѣжно и постоянно оставался въ одной группѣ съ маленькой Елизаветой Дмитріевной, единственной особой женскаго пола, участвовавшей въ этихъ раннихъ прогулкахъ, и трудно передать тѣ утонченнѣйшія попеченія, которыми князь окружалъ ее.

По возвращеніи въ Боржомъ всѣ направлялись въ столовую и размѣщались кругомъ столовъ, заставленныхъ принадлежностями чая, кофе и различными блюдами, которыя, на англійскій манеръ, и употреблялись вмѣстѣ съ чаемъ. За этими столами шла самая оживленная

бесѣда, гдѣ каждый старался блеснуть своими знаніями или своимъ остроуміемъ. Именно здѣсь и происходилъ тотъ споръ между княземъ Иваномъ Мухранскимъ и княземъ Исаакомъ Тумановымъ, въ заключеніе котораго князь Мухранскій предпочелъ согласиться, что древній родъ ихъ жидовскаго происхожденія, но съ гордостью отвергъ всякую связь этого рода съ армянами, къ числу которыхъ принадлежалъ антагонистъ его князь Тумановъ. Послѣ этого завтрака общество расходилось: дѣловые люди шли къ своимъ дѣламъ, князь принималъ пріѣзжихъ изъ Тифлиса и слушалъ различные доклады; люди не дѣловые, образующіе свиту, обращались туда, куда хотѣли: одни продолжали увиваться около любимицы князя, разсчитывая на различныя блага; другіе тотчасъ садились за карты и начинали козырять.

Къ обѣду опять всѣ собирались въ столовую и принимали уже болѣе торжественный и церемонный видъ, на томъ основаніи, что самъ князь, всю жизнь, относился къ обѣду какъ-то почтительно. Обѣдъ происходилъ поздно и, кажется, часовъ въ 6-ть, такъ что скоро послѣ обѣда подавались верховыя лошади, и всѣ отправлялись въ прогулку на коняхъ, прогулку чрезвычайно продолжительную. Елизавета Дмитріевна и здѣсь была предметомъ тѣхъ же попеченій князя, какъ и утромъ. Онъ постоянно ѣхалъ рядомъ съ ней. Возвращались очень поздно, часовъ въ 10-ть, и прямо переходили опять въ столовую, гдѣ, какъ и утромъ, на приготовленныхъ столахъ стояли чай, кофе и различныя яства. Затѣмъ слѣдовали «causeries», карты, пѣніе... Любители и мастера пѣнія удалялись или въ особую комнату, или становились подъ окномъ Елизаветы Дмитріевны и старались совершить что-нибудь въ родѣ серенады. Почти всегда усилія наши награждались мѣдными грошами, которые Елизавета Дмитріевна распредѣляла между нами, по приказанію князя.

Я уже не помню, да и считаю излишнимъ перечислять свиту, которая находилась въ это время при князѣ въ Боржомѣ, особенно послѣ того, какъ я представилъ тому, кто когда-нибудь будетъ читать эти записки, цѣлую портретную галлерею личностей, сюда принадлежащихъ. Помню только, что въ составъ нашихъ хоровъ, награждаемыхъ мѣдными деньгами, входили: я, Да—въ, отличный знатокъ музыкальнаго искусства, Шереметевъ, начальникъ конвойной команды, двое Всеволожскихъ, Всеволодъ и Андрей, сыновья знаменитаго Никиты Всеволожскаго, оставившаго имъ громаднѣйшія имѣнія и еще болѣе громаднѣйшіе долги. Въ моей портретной галлереѣ имъ не отведено мѣста потому, что они на Кавказѣ были не долго и не имѣли особаго значенія. Старый Всеволодъ, чрезвычайно образованный человѣкъ, находился при князѣ для иностранной переписки и вѣроятно сдѣлалъ бы хорошую карьеру, если бы не влюбился въ примадонну Тифлисской

итальянской оперы, женщину, дѣйствительно хорошенькую, хотя и плохую пѣвицу и, погнавшись за ней, не бросилъ Кавказа, откуда скоро исчезъ и другой братъ его, Андрей.

Въ Боржомѣ же я встрѣтился съ Ностицемъ, который впослѣдствіи такъ неожиданно для всего Кавказа получилъ знаменитый Нижегородскій драгунскій полкъ.

Съ назначеніемъ Кр—на начальникомъ главнаго управленія, я положительно уже сдѣлался начальникомъ канцеляріи намѣстника. Такимъ образомъ я былъ въ это время центромъ всѣхъ текущихъ дѣлъ и въ то же время центромъ имѣющаго совершиться преобразованія главнаго управленія. Какъ я выше сказалъ, для разсмотрѣнія составленнаго мною проекта этого преобразованія, образованъ былъ, подъ предсѣдательствомъ Кр—на, которому ввѣрялось въ управленіе, кромѣ прямыхъ его обязанностей, департаментъ общихъ дѣлъ, особый комитетъ изъ лицъ, предназначенныхъ въ должности директоровъ другихъ департаментовъ, а именно: Харитонова, какъ директора будущаго финансоваго департамента, князя Мухранскаго, какъ директора судебнаго департамента, Витте—какъ директора департамента государственныхъ имуществъ, и меня, какъ составителя проекта, начальника дѣйствующей общей канцеляріи и начальника будущей особенной канцеляріи намѣстника. Комитетъ тотчасъ приступилъ къ своимъ трудамъ по возвращеніи моемъ изъ Боржома. Такъ какъ въ теченіе утра все мое время поглощалось текущими дѣлами, то засѣданія комитета происходили по вечерамъ. Такимъ образомъ выходило, что я буквально работалъ цѣлый день отъ ранняго утра до поздней ночи—и это въ продолженіе самыхъ жесточайшихъ тифлисскихъ жаровъ. Все это въ совокупности сдѣлало для меня лѣто 1858 г. навсегда незабвеннымъ.

Тягостное служебное положеніе мое увеличивалось еще неблагопріятными обстоятельствами моего семейнаго быта. Несмотря ни на какія настоянія съ моей стороны, жена моя никакъ не соглашалась переѣхать на дачу и оставить меня одного, какъ она выражалась «въ этомъ аду». Между тѣмъ ясно было, что она сильно страдала отъ невыносимыхъ жаровъ днемъ и невыносимой духоты ночью. Старшая наша дочь, дѣвочка лѣтъ пяти, находилась въ какомъ-то странномъ, ненормальномъ состояніи. Въ теченіе дня она была какъ будто здорова, а между тѣмъ въ теченіе каждой ночи постоянно и сильно бредила и возбуждала въ насъ сильнѣйшія опасенія, тѣмъ болѣе для насъ мучительныя, что мы не могли еще опомниться, такъ сказать, отъ потери Леодора. Но бѣда пришла съ той стороны, съ которой менѣе всего можно было ее ожидать. Другая дочь, маленькая дѣвочка, грудной ребенокъ, на рукахъ своей кормилицы, была совершенно здорова и весела, такъ что, сосредоточивая всѣ заботы и опасенія на

старшей дѣвочкѣ, мы на эту почти не обращали вниманія. Между тѣмъ, однажды, среди ночи, я былъ внезапно разбуженъ моею женою, на лицѣ которой написанъ былъ ужасъ и отчаяніе. «Посмотри, что такое съ Ниночкой?»—едва могла произнести она, задушаемая стонами и рыданіями... Я мгновенно бросился въ комнату, гдѣ помѣщался этотъ ребенокъ съ кормилицей. Тамъ представилось мнѣ зрѣлище, о которомъ и теперь не могу вспомнить безъ содроганія. Младенецъ, съ закатившимися глазами, лежалъ на своей постелькѣ, пораженный «родимцемъ». Что это за болѣзнь—понять трудно; понятно только, что болѣзнь страшная и кажется неизлѣчимая. Ребенокъ, конвульсивно подергиваясь, какъ бы находился во власти какой-то невѣдомой страшной силы. Само собою разумѣется, что я мгновенно согналъ толпу докторовъ, всѣ они усердно старались помочь дѣлу, но безуспѣшно. Ребенокъ на короткое время приходилъ въ себя, а потомъ опять впадалъ въ какое-то сверхъестественное состояніе. Конецъ нетрудно было предвидѣть—смерть, въ такое короткое время, отняла у насъ втораго ребенка!

Отчаяніе матери изобразить трудно. Ей казалось, что мы должны тутъ всѣ погибнуть. Это убѣжденіе глубоко укоренилось въ ней и не оставляло ее. Отсюда явилось неудержимое стремленіе бѣжать изъ Тифлиса, куда бы то ни было и какъ бы то ни было; въ этомъ она полагала единственное наше спасеніе. Само собою разумѣется, что обставленный оффиціальными отношеніями и по природѣ своей не одаренный такою страшною воспріимчивостью, какою надѣлена эта замѣчательная женщина—я далеко не раздѣлялъ ея воззрѣній, да если бы и раздѣлялъ, то не считалъ бы, какъ она, очень легкимъ и удобнымъ осуществить ихъ. Уважая, однако, страшное душевное ея разстройство, я обѣщалъ объ этомъ подумать, разсчитывая, что все исцѣляющее время утѣшитъ ея волненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнитъ ея эксцентрическія стремленія. Когда кончились хлопоты, съ печальною церемоніею погребенія сопряженныя, я вмѣстѣ съ докторами сталъ убѣждать жену переѣхать на дачу, чтобы не нажить еще бо̀льшихъ бѣдъ, оставаясь въ палящемъ Тифлисѣ. Убѣжденія эти имѣли тотъ результатъ, что жена согласилась переѣхать на Коджары на три дня. Отправивъ туда мою маленькую семью, я вздохнулъ свободно, какъ будто устранивъ какую-то неизбѣжную и грозную опасность. Въ глубокую полночь того же дня, занимаясь одинъ въ канцеляріи, я получаю телеграфическую депешу изъ Коджаръ, которою меня увѣдомляли, что жена моя, тотчасъ по пріѣздѣ туда, серьезно занемогла и находится въ бреду. Только сильному оффиціальному моему положенію обязанъ я, что могъ, въ ту же ночь, темную и мрачную до невозможности, отправить туда доктора, снабдивъ его проводниками, которые должны были оберегать

его со всѣхъ сторонъ. Этому доктору поручено чрезъ каждый часъ увѣдомлять меня о состояніи больной. Извѣстія его не представляли ничего утѣшительнаго, и понятно, какъ покойно я провелъ эту мучительную ночь. Докторъ настаивалъ, чтобы я самъ пріѣхалъ непремѣнно, потому что больная, въ своемъ бреду, постоянно звала меня къ себѣ. По его мнѣнію, мое присутствіе могло принести большую пользу.

И дѣйствительно, какъ только я пріѣхалъ на Коджары, женѣ тотчасъ сдѣлалось лучше. Здѣсь не излишне замѣтить ту чудодѣйственную силу, которая, совершенно не постижимо для насъ самихъ, проявляется въ отношеніяхъ личностей, столь близкихъ между собою, какъ напр. мужъ и жена. Устраняя всякое сантиментальничанье, я долженъ сказать, что вообще мое личное вліяніе на состояніе жены было могущественно въ высшей степени. Въ самыхъ тяжелыхъ болѣзняхъ, въ самомъ сильномъ какомъ-либо разстройствѣ жены, мое присутствіе, мое участіе видимо облегчало ея страданія, утѣшало ея волненія. Такъ и было и здѣсь. Всякая опасность въ положеніи жены миновалась; но въ то же время, вслѣдствіе-ли жаровъ, или усиленныхъ занятій, или, наконецъ, нравственныхъ безпокойствъ всякаго рода, я самъ занемогъ такъ, что такъ называемыя неблагопріятныя обстоятельства всякаго рода какъ нарочно цѣплялись одни за другими въ этотъ тяжелый періодъ моей кавказской жизни. По возвращеніи изъ Коджаръ я нашелъ значительное утѣшеніе въ слѣдующемъ письмѣ князя Александра Ивановича, присланномъ мнѣ изъ Боржома:

„Боржомъ, 19-го іюля 1858 г. Скорбно было для меня узнать о вновь постигшемъ васъ несчастіи, любезнѣйшій Василій Антоновичъ. Переношусь мысленно въ вашъ домъ и всѣмъ сердцемъ соболѣзную вамъ и бѣдной матери, такъ сильно испытанной судьбой. Да поможетъ вамъ Богъ перенести печаль съ тою теплою вѣрою, которая одна можетъ служить утѣшеніемъ болящаго сердца. Примите еще выраженіе полнаго моего сочувствія къ вамъ“...

Въ заключеніе этой главы надобно сказать, что тихая, покойная и пріятная жизнь князя въ Боржомѣ взволнована была, въ концѣ лѣта, событіемъ, которое, безъ сомнѣнія, на долго останется памятнымъ всему Кавказу. Событіе это—пріѣздъ великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича. Князь Александръ Ивановичъ долженъ былъ встрѣтить ихъ на берегу Чернаго моря, въ Поти. При этой встрѣчѣ, къ обычнымъ своимъ недугамъ, князь пріобрѣлъ еще черноморскую лихорадку, такъ что когда онъ, вмѣстѣ съ великими князьями, пріѣхалъ въ Тифлисъ и, разумѣется, прежде всего, вступилъ въ Сіонскій соборъ, гдѣ ожидала ихъ вся тифлисская знать, на князя смотрѣть было страшно: его синебагровое лицо, его помутившіеся глаза ясно говорили, что онъ съ трудомъ держится на ногахъ. И дѣйстви-

тельно, вслѣдъ затѣмъ, онъ слегъ въ постель и не вставалъ уже во все время пребыванія въ Тифлисѣ ихъ высочествъ.

Князь самъ замѣчалъ иногда, что недуги его находятся въ большой зависимости отъ настроенія его мыслей. Въ Вильнѣ потомъ, гдѣ онъ такъ сильно болѣлъ, онъ иногда говорилъ намъ: «вчера все было хорошо, и я надѣялся хорошо заснуть; пришли скверныя мысли, и я къ утру уже совсѣмъ расклеился». Хотя черноморскія лихорадки слишкомъ сильны для того, чтобы повалить человѣка безъ всякаго отношенія къ его хорошимъ или дурнымъ мыслямъ, тѣмъ не менѣе я считаю не безъинтереснымъ замѣтить, что въ началѣ пріѣзда великихъ князей мысли князя были очень не хороши.

Болѣзнь князя не мѣшала, впрочемъ, совершаться великолѣпнымъ торжествамъ, для великихъ князей приготовленнымъ. Князь нигдѣ не былъ, но за всѣмъ слѣдилъ и все зналъ. По истинѣ нельзя не удивляться невообразимо громаднымъ средствамъ, которыми и въ то же уже время располагалъ Тифлисъ въ этомъ отношеніи. Но было бы долго и утомительно описывать всѣ эти парадные спектакли, торжественные обѣды, великолѣпные балы, блистательныя иллюминаціи, дивнѣйшіе фейерверки и т. п. Пройду все это мимо и скажу только нѣсколько словъ о праздникѣ, какой едва-ли когда-нибудь устраивался и могъ быть устроенъ на другой точкѣ земнаго шара.

Недалеко отъ Тифлиса, по направленію къ Елисаветполю, тянется громадная степь, называемая «Караязскою». Степь эта, кажется, всегда была мѣстомъ охоты грузинскихъ царей. На этой степи предназначено было устроить охоту и для великихъ князей. Избранное для этого особыми спеціалистами мѣсто буквально превращено въ городъ. Началось съ того, что для обѣдовъ и танцевъ выстроенъ великолѣпнѣйшій павильонъ. Для посѣщенія великихъ князей и всего высшаго населенія Тифлиса громаднѣйшее пространство было занято безчисленными палатками, образовавшими улицы и площади. Въ то время, когда къ назначенному дню этотъ импровизованный городъ началъ наполняться тифлисскою знатью, всѣ видимыя окрестности наводнялись неисчислимыми массами коннаго народа грузинскаго, мусульманскаго, армянскаго.

Праздникъ продолжался нѣсколько дней. Я опять пройду мимо обѣды, балы, даже представленія италіанской оперы на открытомъ воздухѣ, среди натуральныхъ декорацій и перейду прямо къ охотѣ, какъ предмету, дѣйствительно, не обычайному. Впрочемъ, самъ не знатокъ по этой части, я никакъ не въ состояніи представить никакихъ техническихъ подробностей, а скажу только то, что видѣлъ.

На одномъ какомъ-то возвышеніи устроены были мѣста для дамъ и для тѣхъ, кто лично не участвовалъ въ охотѣ—однимъ словомъ, для

зрителей. Внизу открывалась необозримая долина, на которой должно происходить самое дѣйствіе. Извѣстному «Мамукѣ» Орбеліани поручалось взять начальство надъ конными толпами и массою тысячъ въ десять человѣкъ оцѣпить съ противоположной стороны долины громадное пространство и потомъ въ назначенное время начать движеніе по направленію къ возвышенію, выгоняя, такъ сказать, на сцену все, что въ кругъ этой невообразимой облавы попадется.

Прекраснѣйшимъ кавказскимъ утромъ все собравшееся въ Караязѣ общество двинулось изъ своего города къ мѣсту охоты, въ экипажахъ, верхомъ, а кто и пѣшкомъ. По прибытіи туда, оно раздѣлилось на зрителей и охотниковъ. Зрители усѣлись на возвышеніи и готовились смотрѣть предстоящій спектакль. Я, лично, присоединился къ этому отдѣлу общества.

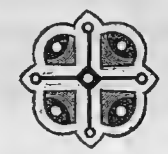
Я, впрочемъ, не знаю, можно-ли назвать открывшуюся предъ нами охоту—охотою, въ строгомъ смыслѣ слова. На мои неопытные глаза она походила скорѣе на бойню. Дѣло въ томъ, что когда толпы, предводимыя «Мамукой», стали подвигаться на лежащую предъ нами долину, стали безпрестанно выскакивать «джейраны». Такъ какъ долина эта была наполнена всадниками, то бѣдному животному, несмотря на поразительную быстроту его, не было уже никакого спасенія. Спасаясь отъ одного охотника, оно встрѣчало другаго, утекая отъ этого, натыкалось на третьяго и такъ безъ конца. Наконецъ, измученное, выбившееся изъ силъ—оно падало. Такимъ образомъ мы, зрители, видѣли безпрерывную и бѣшеную скачку по всѣмъ направленіямъ долины.

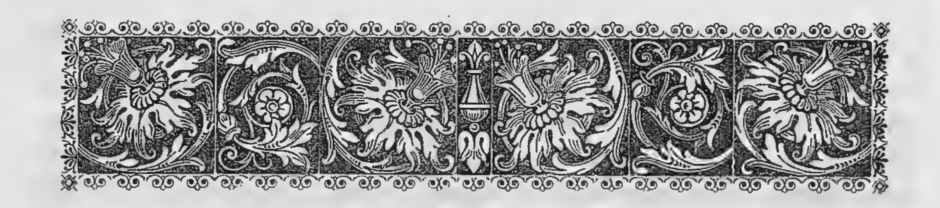
«Джейранъ» это небольшое, чрезвычайно красивое, животное съ прекрасной маленькой головкой и блестящими, умными глазами. Вопросъ о томъ: составляетъ-ли оно особую породу, именно породу «джейрановъ», какъ на Кавказѣ его называютъ, или принадлежитъ къ породѣ дикихъ козъ и даже оленей, ибо сходствуетъ съ тѣми и другими,—остался для меня неразрѣшеннымъ, и кого ни спрашивалъ я объ этомъ—тѣ тоже отзывались незнаніемъ.

Понятно, что при этихъ условіяхъ добыча была ужасна. Всѣхъ загнанныхъ или убитыхъ «джейрановъ» тотчасъ приносили къ намъ на возвышеніе, и скоро оно, на большомъ протяженіи, устлано было сплошь трупами этихъ животныхъ. Другихъ животныхъ въ нашей добычѣ было мало; помню только, что лисицы были; помню потому, что одну изъ нихъ, загнанную, а потомъ оправившуюся, мы хотѣли подвергнуть отдѣльной, такъ сказать, «частной» травлѣ; но коварное животное никакъ не хотѣло доставить намъ этого удовольствія, какъ-будто разгадывая наши замыслы. Какъ мы ни гнали ее въ степь—она постоянно упиралась или отбѣжитъ немного, какъ-будто, для пробы, но только замѣтитъ погоню за собой—остановится.

При разъѣздѣ съ праздника всѣхъ этихъ добытыхъ охотою «джейрановъ» дѣлили между отъѣзжающими гостями. На мою долю достались два; но они, какъ, безъ сомнѣнія, и всѣ другіе, оказались негодными уже. Время стояло чрезвычайно жаркое, и они, пролежавъ на солнцѣ сутки или двое—начали портиться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

и

Россія шестнадцатаго вѣка.

VII [1]).

Во время происшедшихъ въ Москвѣ, въ 1547 г., вышеописанныхъ бурныхъ событій, Іоаннъ съумѣлъ противопоставить требованіямъ толпы свою властную, самодержавную волю и поступить такъ, какъ онъ находилъ справедливымъ и нужнымъ, но далѣе этого онъ тогда не пошелъ. Управленіе государствомъ, послѣ этого событія, по-прежнему находилось въ рукахъ бояръ, и безпорядки, происшедшіе въ Москвѣ, были ничто по сравненію съ той неурядицей, которая царствовала въ странѣ повсюду и отъ которой всѣ жестоко страдали. Прошло еще два—три года, пока въ умѣ Іоанна не созрѣло наконецъ убѣжденіе въ необходимости прекратить столь нестерпимый порядокъ вещей, или, лучше сказать, пока онъ не убѣдился въ томъ, что онъ былъ въ состояніи это сдѣлать. Наконецъ, рѣшеніе его было принято. Въ 1550 г. онъ созвалъ въ Москвѣ земскій соборъ изъ представителей всѣхъ сословій и областей. Въ засѣданіи собора, происходившемъ въ Кремлѣ, на Красной площади, царь произнесъ краснорѣчивую рѣчь, въ которой, упомянувъ о злодѣяніяхъ и злоупотребленіяхъ вѣроломныхъ бояръ, онъ заявилъ, что они должны прекратиться и что должно настать «торжество добродѣтели и любви». Въ заключеніе, поклонившись на всѣ четыре стороны, царь сказалъ: «нельзя исправить

---

1) См. „Рус. Ст." 1904 г., августъ.

минувшаго зла; могу только спасти васъ отъ подобныхъ притѣсненій и грабительства; забудьте, чего уже нѣтъ и не будетъ! оставьте ненависть, вражду, соединимся всѣ любовію христіанскою. Отнынѣ я судья вашъ и защитникъ».

Въ тотъ же день пріемъ челобитныхъ былъ порученъ Алексѣю Адашеву, возведенному въ званіе окольничьяго, и ему было повелѣно разсмотрѣть съ особеннымъ тщаніемъ жалобы самыхъ малыхъ людей, не страшась злобы бояръ, кои, захвативъ высшія должности, «угнетали бѣдныхъ и слабыхъ».

Этотъ разсказъ требуетъ поясненій. Іоаннъ былъ всегда большой любитель характерныхъ зрѣлищъ; онъ любилъ и умѣлъ говорить красно, поэтому, весьма возможно, что его рѣчь была произнесена въ томъ именно видѣ, какъ ее передали лѣтописцы, но нельзя согласиться съ тѣми историками славянофильской школы, которые готовы видѣть въ соборѣ 1550 г. примѣръ идеальныхъ отношеній между правителемъ и народомъ, основанныхъ на взаимной любви, а равно и съ тѣми, кои видятъ въ немъ призывъ къ народу со стороны царя, недовольнаго правленіемъ бояръ.

Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ относительно состава этого земскаго собора, но, судя по спискамъ послѣдующихъ соборовъ, весьма сомнительно, чтобы на немъ присутствовали представители собственно народа. Что это было именно такъ, можно заключить со словъ самого Іоанна, который, припоминая впослѣдствіи рѣчь, произнесенную имъ на Красной площади, говорилъ: «Я совѣтовалъ моимъ боярамъ, служилымъ людямъ и правителямъ примириться со всѣмъ христіанскимъ міромъ». Сопоставляя эти слова съ его рѣчью, мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что земскій соборъ 1550 г. былъ не что иное, какъ собраніе служилыхъ людей, и представлялъ собою только событіе административнаго характера и, наконецъ, что Іоаннъ и не думалъ измѣнять что-либо въ управленіи страною.

Царь былъ, повидимому, такъ далекъ отъ мысли обратиться къ народу съ нареканіями противъ бояръ, что, осуждая самымъ строгимъ образомъ ихъ дѣйствія, онъ обращался, тѣмъ не менѣе, въ своей рѣчи исключительно къ нимъ, хотя въ третьемъ лицѣ.

Да и гдѣ бы Іоаннъ взялъ людей изъ народа и что онъ могъ бы ожидать отъ нихъ? т. е., могъ-ли онъ найти, въ то время, среди народа людей, способныхъ разобраться въ подобнаго рода сложныхъ вопросахъ? Конечно, нѣтъ; еще менѣе можно было найти среди народа людей, способныхъ дѣлать лучше то дѣло, которое бояре дѣлали такъ плохо.

Созывая соборъ и произнося свою знаменитую рѣчь, Іоаннъ имѣлъ въ виду улучшить управленіе страною, не ломая всего государственнаго строя и не уничтожая класса служилыхъ людей, которые злоупо-

требляли столько лѣтъ данною имъ властью, но взять правленіе въ свои руки и ввѣрить нѣкоторыя его отрасли людямъ, которые пользовались бы его довѣріемъ и были бы имъ самимъ избраны. Этимъ только и можно объяснить тотъ фактъ, что, заявивъ о своемъ намѣреніи самому быть впредь «судьею народа», Іоаннъ возложилъ въ то же время на Адашева весьма важную обязанность — принятіе челобитенъ.

Что касалось прошлаго, то такъ какъ не было возможности «все исправить», то, слѣдовательно, надобно было предать все забвенію. Въ спискахъ нерѣшенныхъ, въ то время, дѣлъ были тысячи неразсмотрѣнныхъ жалобъ, накопились вороха челобитенъ, ожидавшихъ рѣшенія, о которомъ нечего было и думать при тогдашней нескончаемой судебной волокитѣ. Слова «торжество добродѣтели и любви» и «примириться со всѣмъ христіанскимъ міромъ» означали, просто-на-просто, приказаніе замѣнить безконечную судебную волокиту полюбовнымъ соглашеніемъ, для чего царемъ былъ назначенъ, вѣроятно, довольно короткій срокъ, ибо уже въ 1551 г. онъ имѣлъ возможность объявить, что всѣ нерѣшенныя дѣла были благополучно приведены къ концу.

Созывать земскій соборъ изъ представителей всего народа, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не входило въ планъ политической системы, унаслѣдованной Іоанномъ отъ его предковъ и которую онъ не думалъ измѣнить, а хотѣлъ только приспособить къ своимъ надобностямъ. Что это было именно такъ, ясно изъ того, что представители боярской партіи, съ Курбскимъ во главѣ, не возставали противъ созыва дальнѣйшихъ соборовъ, видя въ нихъ, вѣроятно, исключительно административную мѣру, а нѣкоторые предлагали даже созывать подобнаго рода соборы въ извѣстные, правильно опредѣленные, промежутки времени.

Однако второй соборъ былъ созванъ лишь въ 1566 г., и опять таки съ совершенно опредѣленной цѣлью, а именно для обсужденія недоразумѣній, возникшихъ съ Польшею. До насъ дошелъ оффиціальный списокъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ соборѣ. Въ немъ засѣдали 32 представителя высшаго духовенства, 258 бояръ или боярскихъ дѣтей (высшихъ и низшихъ служилыхъ людей), 9 вотчинниковъ, 53 московскихъ купца и 22 смоленскихъ, которые обозначены подъ общимъ названіемъ «смолянъ». Слѣдовательно, на этомъ соборѣ не было ни одного представителя народа. Это былъ совѣтъ «служилыхъ людей», въ составъ котораго были допущены купцы, такъ какъ сношенія съ Польшею касались главнымъ образомъ торговли и, слѣдовательно, затрогивали преимущественно интересы пограничнаго купечества.

Итакъ, эти соборы ничѣмъ не напоминаютъ возврата къ старинному

вѣчу или стремленія къ представительнымъ собраніямъ въ духѣ западныхъ державъ.

Служилые люди, принимавшіе въ нихъ участіе, являлись представителями не общественныхъ, но административныхъ интересовъ. Они возвышали свой голосъ не какъ защитники извѣстныхъ сословныхъ нуждъ, а какъ представители правительственныхъ органовъ, призванные для того, чтобы дать центральному правительству извѣстныя свѣдѣнія и получить отъ него соотвѣтствующія указанія. Этимъ все исчерпывалось, и царь, подъ видомъ фиктивныхъ совѣщаній, во время которыхъ онъ дѣлалъ видъ, что совѣщается съ присутствующими, въ сущности только давалъ приказанія.

Земскіе соборы были мимолетнымъ явленіемъ въ исторіи Россіи. Съ 1550 по 1653 г. ихъ было шестнадцать, но они не оставили по себѣ ни воспоминаній, ни сожалѣній. Вызванные къ жизни волею царя, они по его же волѣ прекратили свое существованіе, не оставивъ слѣда въ жизни русскаго народа.

Все историческое значеніе собора 1550 г. заключается всецѣло въ тѣхъ побужденіяхъ, кои руководили при этомъ царемъ, и въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, коимъ постановленія этого собора послужили исходной точкою. Созвавъ земскій соборъ, Іоаннъ доказалъ, что онъ давалъ себѣ вполнѣ ясно отчетъ въ тѣхъ ужасныхъ язвахъ, отъ которыхъ страдала его страна, и которыя онъ обнажилъ съ удивительной смѣлостью, доказавъ этимъ свое желаніе избавить отъ нихъ народъ. Это былъ первый шагъ къ реформамъ, къ коимъ онъ приступилъ въ слѣдующемъ году.

Весьма немногочисленная въ царствованіе Іоанна и не особенно развитая интеллигенція, къ которой принадлежали всѣ мыслящіе и пишущіе люди того времени, интересовалась однако уже политическими и соціальными вопросами, и въ ея средѣ началось (какъ мы уже знаемъ) движеніе въ пользу реформъ. Хотя въ основѣ образовавшихся тогда двухъ умственныхъ теченій легли совершенно различные взгляды, но конечная цѣль, которую имѣли въ виду представители обоихъ направленій, была почти одинакова и сводилась къ волновавшему ихъ великому вопросу о владѣніи землею. Намъ уже извѣстно, каковы были взгляды на этотъ предметъ послѣдователей Нила Сорскаго и Вассіана Патрикѣева.

Въ появившемся весьма рѣзкомъ обличительномъ сочиненіи «Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа», которое приписываютъ перу Патрикѣева, осуждалось чрезмѣрное накопленіе земли и богатствъ въ рукахъ чернаго духовенства и указывалось на тѣ злоупотребленія, коимъ это давало поводъ.

Чтеніе этой «Бесѣды» невольно рождало вопросъ: если считать зломъ чрезмѣрное накопленіе земельной собственности монастырями,

то не была-ли подобнымъ же зломъ неумѣренная раздача земли «служилымъ людямъ» и постепенный ея захватъ этимъ привилегированнымъ классомъ, поступки котораго были такъ жестоко заклеймены Іоанномъ.

Вскорѣ появилось другое обличительное сочиненіе въ формѣ письма или челобитной къ царю Іоанну отъ имени нѣкоего Ивашки Пересвѣтова (было-ли это настоящее имя автора или псевдонимъ, осталось невыясненнымъ); это былъ настоящій обвинительный актъ противъ землевладѣльческаго класса, который колдовствомъ и интригами овладѣлъ сердцемъ царя и заставлялъ его дѣлать все, что ему хотѣлось. Разбогатѣвъ на счетъ безземельныхъ крестьянъ, которыхъ они немилосердно обирали, вотчинники проводили время въ праздности и развратѣ. Алчные и трусливые, они плохо предводительствовали царскимъ войскомъ во время войны, а въ мирное время брали въ свою пользу огромный налогъ съ податей, которыя они вымогали у его подданныхъ, поэтому на нихъ падала главнымъ образомъ вина за всѣ бѣдствія народа. Таково было содержаніе этой челобитной.

Какой же слѣдовалъ изъ этого выводъ, какимъ способомъ полагалъ авторъ челобитной устранить зло? Такимъ же точно радикальнымъ средствомъ, какова была секуляризація духовныхъ имуществъ, къ которой московская политика стремилась со временъ Іоанна III. Ивашка Пересвѣтовъ предлагалъ уничтожить «кормленіе», отобрать у служилыхъ людей пожалованныя имъ земли въ пользу государства и замѣнить этотъ способъ вознагражденія за государеву службу опредѣленнымъ жалованьемъ. Такимъ образомъ царь имѣлъ бы вѣрныхъ и покорныхъ слугъ, а земля вернулась бы къ ея законнымъ владѣльцамъ, и народъ избавился бы отъ невыносимыхъ поборовъ и притѣсненій.

Какъ видимъ, смѣлый и радикальный реформаторъ XVI вѣка предлагалъ ни болѣе, ни менѣе какъ полное преобразованіе всего политическаго и соціальнаго строя, какъ бы дополняя этимъ программу, предложенную на Стоглавомъ соборѣ, для преобразованія быта духовныхъ лицъ.

Разумѣется, отъ теоріи до примѣненія ея на практикѣ было далеко.

Интересно знать, что думалъ объ этомъ Іоаннъ? Какъ относился онъ къ этому двоякому умственному теченію? Не подлежитъ сомнѣнію, что относительно вопроса объ отобраніи церковныхъ имуществъ онъ былъ готовъ идти по стопамъ своего дѣда, ибо московская политика шла, въ этомъ отношеніи, неизмѣнно однимъ путемъ, несмотря на перемѣну царствованій и даже династіи. Но внуку, точно такъ же, какъ дѣду, пришлось столкнуться, при проведеніи этой реформы, съ цѣлымъ рядомъ препятствій, которыя могли быть устранены и побѣждены только съ теченіемъ времени.

Преобразованія въ области свѣтской земельной собственности были сопряжены еще съ бо̀льшими затрудненіями и препятствіями. Кто бы ни былъ Ивашка Пересвѣтовъ, но для того чтобы говорить такъ смѣло, онъ долженъ былъ знать, что у него есть сильная защита; мѣстами въ его челобитной слышался какъ бы отголосокъ рѣчи, произнесенной юнымъ царемъ на Красной площади.

Громя одинаково крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ и требуя отобранія у нихъ земли, авторъ дѣлалъ впрочемъ большую ошибку, ибо когда землею владѣли помѣщики пожизненно и въ ограниченномъ количествѣ, то это отнюдь не составляло злоупотребленія съ соціальной точки зрѣнія и не представляло ни малѣйшей опасности, съ точки зрѣнія политической.

Настоящимъ привилегированнымъ и опаснымъ для правительства сословіемъ были прежніе удѣльные князья, которые одни пользовались достаткомъ среди всеобщаго обнищанія и даже увеличивали свое состояніе, пользуясь наступившимъ экономическимъ и соціальнымъ кризисомъ, привлекая на свои земли рабочія руки приманкою болѣе крупнаго заработка, или даже увлекая ихъ силою, изъ другихъ, мелкихъ помѣстій.

Вотчинники были также царскіе слуги, но съ ними трудно было совладать; они часто порицали правительство, плохо повиновались ему и были недоступны наказанію.

Соблюсти интересы государства, не уничтожая ни крупныхъ, ни мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ какъ ихъ нечѣмъ было замѣнить, но противупоставить ихъ другъ другу, ослабивъ сильнѣйшаго и болѣе опаснаго и усиливъ болѣе слабаго и безвреднаго, а затѣмъ, перейти отъ угрозъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, и, не разрушая правительственнаго зданія, сохранить въ немъ все полезное, устранивъ все то, что было помѣхою, завершивъ такимъ образомъ историческую эволюцію, посредствомъ которой на мѣсто прежней, удѣльно-вѣчевой Россіи возникла Русь самодержавная—такова была программа, которую намѣтилъ себѣ впослѣдствіи Іоаннъ IV и которая вполнѣ соотвѣтствовала историческому прошлому государства и его современнымъ нуждамъ.

Разумѣется, эта программа не могла быть выработана сразу, и въ описываемую эпоху Іоаннъ увлекался еще быть можетъ тѣми умственными теченіями, коихъ новизна и смѣлость должна была прельщать его живой, воспріимчивый умъ. Онъ прислушивался къ рѣчамъ «нестяжателей» и поощрялъ Ивашку Пересвѣтова въ его проповѣди.

Судебникъ, изданный Іоанномъ въ 1550 г., едва коснулся вопроса о владѣніи землею и даже, вопреки тогдашнему стремленію къ реформамъ, согласно желанію консервативной партіи, обратилъ въ законъ существовавшій обычай выкупа наслѣдственныхъ имѣній, согласно кото-

*

рому, продавъ свою землю, помѣщикъ, а за его отсутствіемъ его родственники имѣли право выкупить ее, по прошествіи неопредѣленнаго срока, уплативъ ту сумму, за которую оно было продано.

Хотя законъ этотъ былъ вскорѣ ограниченъ сорокалѣтнею давностью, тѣмъ не менѣе имъ былъ узаконенъ самый нелѣпый и устарѣвшій обычай, чрезвычайно стѣснявшій продажу имѣній и экономическій прогрессъ.

Въ томъ же 1550 г., къ которому относятся первыя, довольно робкія начинанія Іоанна, имъ былъ сдѣланъ и болѣе рѣшительный шагъ на томъ пути, который привелъ его къ побѣдѣ надъ боярскою партіей и далъ ему возможность согласовать необходимую реформу съ существованіемъ той политической системы, объ уничтоженіи которой онъ не могъ думать.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1550 г. появился указъ, коимъ былъ преобразованъ высшій классъ «служилыхъ людей». Указъ этотъ имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ въ немъ таился зародышъ будущей опричины и весь смыслъ внутренней политики царствованія Іоанна.

Царь повелѣлъ набрать въ разныхъ мѣстахъ тысячу боярскихъ дѣтей изъ лучшихъ семей и раздать имъ помѣстья въ окрестностяхъ Москвы и близъ лежащихъ округахъ. Они должны были образовать дворянство столицы, или тотъ контингентъ людей, коими царь могъ бы располагать для отправленія всякаго рода службы и преимущественно военной. Къ нимъ были причислены и боярскія семьи, издавна поселившіяся въ этой мѣстности, и всѣ высшія должностныя лица, коимъ были розданы тамъ земли.

При этомъ были вполнѣ точно опредѣлены обязанности, кои должны были нести эти боярскія дѣти, а именно: владѣлецъ 50 десятинъ былъ обязанъ доставлять казнѣ, въ случаѣ войны, коннаго воина и запасную лошадь, если походъ предстоялъ продолжительный. Впрочемъ, эта натуральная повинность могла быть замѣнена денежной.

Въ установленной такимъ образомъ служебной іерархіи идея о государевой службѣ была поставлена на первый планъ. Это обнаружилось весьма скоро на практикѣ. Въ протоколѣ земскаго собора 1566 г. въ спискѣ приглашенныхъ на совѣщаніе высокопоставленныхъ лицъ не значилось ни одного князя. Они какъ бы исчезли въ той передѣлкѣ, въ которой на первый планъ былъ поставленъ классъ служащихъ людей, по крайней мѣрѣ они перестали существовать оффиціально. Въ означенномъ спискѣ ихъ титулы были замѣнены наименованіемъ несомой ими должности. Эти титулы встрѣчаются только при подписяхъ, чѣмъ князья какъ бы старались поддержать и подтвердить свои права. Но законъ игнорировалъ ихъ, и они сами, мало-по-малу, какъ будто начали забывать о своихъ княжескихъ правахъ. Такъ, напр., въ 1554 г. одинъ изъ потомковъ бывшихъ удѣльныхъ князей Воротынскихъ, Ми-

хаилъ Ивановичъ Воротынскій, кичился не своимъ княжескимъ титуломъ, а лишь званіемъ дворянина, т. е. человѣка придворнаго, служащаго при дворѣ, что считалось тогда выше всего. Московская политика, со своей стороны, старалась неизмѣнно исключить родовитый элементъ изъ этой высшей сферы служилыхъ людей.

Эта система получила дальнѣйшее развитіе въ 1571 г., когда охрана южной и югозападной границы Московскаго государства была возложена на тѣхъ лицъ, которыя владѣли землею въ этой мѣстности. По приказанію Іоанна многимъ боярскимъ дѣтямъ, не имѣвшимъ опредѣленныхъ занятій, были розданы помѣстья на этой окраинѣ, подвергавшейся зачастую набѣгамъ татаръ; они были такимъ образомъ заинтересованы въ защитѣ границы и за пожалованныя имъ земли были обязаны нести караульную службу. Такимъ образомъ, отъ Алатыря и Темникова до Путивля и отъ Нижняго Новгорода до Звенигорода была сооружена двойная линія укрѣпленій. Когда этотъ опытъ оказался удачнымъ, то эта система была распространена на востокъ и на западъ, и такимъ образомъ безопасность имперіи была вполнѣ обезпечена.

Одного этого, широко задуманнаго плана обороны границъ Московскаго государства, который былъ проведенъ въ высшей степени энергично, несмотря на тяжелыя времена, переживаемыя страною,—было бы достаточно, чтобы защитить Іоанна отъ взводимаго на него обвиненія, будто въ первую половину своего царствованія онъ только и былъ занятъ казнями и суровыми расправами.

Также точно нельзя ставить ему въ вину того обстоятельства, что Стоглавый соборъ не отмѣтилъ собою блестящей страницы въ исторіи Россіи.

Въ немъ принимали участіе митрополитъ, архіепископы новгородскій и ростовскій и множество епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, высшихъ придворныхъ чиновъ и боярская дума въ полномъ составѣ; на обсужденіе собора былъ представленъ новый Судебникъ. Конечно, это дѣлалось только для формы, ибо этотъ законодательный трудъ былъ предварительно разсмотрѣнъ царемъ и его ближайшими совѣтниками; собору же, какъ высшему авторитету въ странѣ, предстояло только утвердить произведенныя уже или только намѣченныя преобразованія.

Всѣхъ занималъ въ особенности вопросъ объ отобраніи государствомъ церковныхъ имуществъ, относительно котораго Іоаннъ рѣшилъ, повидимому, поступить энергично. Онъ находился тогда, очевидно, подъ вліяніемъ идей Нила Сорскаго, и Артемію, впослѣдствіи настоятелю Троицко-Сергіева монастыря и ярому противнику іосифлянъ [1]), было

[1]) Іосафъ—одинъ изъ членовъ, стоявшій за реформу.

разрѣшено представить царю записку, въ которой этотъ вопросъ обсуждался бы открыто.

Но митрополитъ Макарій, какъ достойный ученикъ Волоколамскаго монастыря, высказался рѣшительно противъ всякихъ крайнихъ мѣръ. Въ знаменитомъ посланіи, написанномъ очевидно въ отвѣтъ на проектъ какого-нибудь закона, подготовленнаго юнымъ царемъ, онъ сослался на примѣръ греческихъ императоровъ, русскихъ государей и даже татарскихъ хановъ, которые относились всегда бережно къ церковнымъ имуществамъ. На соборѣ противники реформы оказались въ огромномъ большинствѣ, и Іоанну пришлось уступить; но онъ предложилъ все-же на обсужденіе собравшихся вопросъ о дурномъ управленіи монастырскихъ имуществъ и о чрезмѣрной алчности монашествующей братіи.

Соборъ высказался, въ принципѣ, за искорененіе злоупотребленій, но согласился крайне неохотно на принятіе нѣкоторыхъ практическихъ мѣръ, какъ-то: возвращеніе вотчинъ, уступленныхъ боярами, монастырямъ безъ согласія царя, а равно всѣхъ земель, присвоенныхъ церковью незаконно или пожертвованныхъ ей во время малолѣтства Іоанна; запрещеніе монастырямъ пріобрѣтать впредь наслѣдственныя имѣнія удѣльныхъ князей и бѣлому духовенству пріобрѣтать вотчины безъ соизволенія царя, обложеніе церковныхъ имуществъ дополнительными сборами, несмотря на протестъ духовенства, утверждавшаго, что оно и безъ того несло большія тяготы, поставляя для военной службы извѣстное число рекрутъ и принимая участіе въ содержаніи нѣкоторыхъ укрѣпленій. На соборѣ 1573 г. «по повелѣнію царя» было окончательно запрещено отдавать вотчины въ даръ богатымъ монастырямъ, кои имѣли достаточно земли. На соборѣ 1580 г. этотъ законъ былъ расширенъ: бѣлому и черному духовенству окончательно было воспрещено пріобрѣтать какія бы то ни было земли покупкою или принимать въ пожертвованіе: такимъ образомъ былъ положенъ предѣлъ росту церковнаго имущества.

Рядъ вопросовъ, предложенныхъ Іоанномъ на обсужденіе этого собора относительно быта духовенства, былъ съ его стороны данью новымъ вѣяніямъ. Эти вопросы вошли вмѣстѣ съ данными на нихъ отвѣтами и дополнительными замѣчаніями царя въ текстъ Стоглава. Весьма любопытно, какъ ловко старался соборъ уклониться отъ прямыхъ отвѣтовъ на предложенные оскорбительные для духовенства вопросы, то сбиваясь на чисто обрядовую сторону дѣла, то распространяясь на тему объ испорченности нравовъ среди мірянъ.

Преобразованія, принятыя соборомъ въ принципѣ, остались на практикѣ мертвою буквою. Но онъ все-таки былъ вынужденъ признать фактъ страшной испорченности нравовъ среди духовества, которая роняла православную церковь и внушала опасенія за ея будущее. При-

чиною этого явленія было признано поголовное невѣжество бѣлаго и чернаго духовенства; поэтому было рѣшено основать значительное число школъ для обученія духовныхъ лицъ, но существованіе ихъ не было ничѣмъ обезпечено. Богатые епископы и архимандриты уклонились отъ какого бы то ни было денежнаго участія въ этомъ дѣлѣ, какъ будто оно могло быть выполнено однимъ усердіемъ и стараніями бѣдныхъ поповъ, которые влачили большею частью нищенское существованіе и сами были весьма мало образованы.

Соборъ не хотѣлъ признать, что тутъ надобно было начать дѣло съ верху, т. е. поднять прежде всего умственный уровень высшей церковной іерархіи. Самъ митрополитъ Макарій дѣлалъ, напр., весьма грубыя ошибки при истолкованіи и выборѣ текстовъ.

Стоглавый соборъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ Максима Грека, занялся также обсужденіемъ вопроса объ исправленіи богослужебныхъ книгъ и постановилъ основать, для перепечатанія ихъ по правильнымъ образцамъ, первую въ Москвѣ типографію. Но существованіе ея было, какъ извѣстно, непродолжительно; она была разрушена во время одного изъ народныхъ волненій.

Несмотря на всѣ недостатки и недочеты собора 1551 г., его постановленія не заслуживаютъ того пренебрежительнаго отношенія, съ какимъ принято отзываться о нихъ; самая анаѳема, произнесенная противъ нихъ на соборѣ 1667 г., свидѣтельствуетъ о томъ, что эта смѣлая попытка къ преобразованіямъ имѣла для того времени не малое значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не заслуживаетъ уваженія тотъ фактъ, что въ малообразованномъ и довольно развращенномъ обществѣ нашлась кучка людей, способная добиться всѣхъ этихъ нововведеній и желать бо̀льшаго. Нѣкоторые умаляютъ и даже совершенно отрицаютъ личное участіе въ этомъ дѣлѣ Іоанна. По мнѣнію этихъ лицъ, все было сдѣлано Сильвестромъ и Адашевымъ, или Максимомъ Грекомъ и Макаріемъ, которые будто бы составили даже знаменитый списокъ вопросныхъ пунктовъ, послужившій основою для преній на соборѣ. Конечно, молодой царь не могъ все сдѣлать и обдумать самъ. Даже первыя постановленія собора были посланы въ Троицко-Сергіевскій монастырь, гдѣ жили въ опалѣ престарѣлый митрополитъ Іоасафъ, бывшій ростовскій епископъ Алексѣй и другіе іерархи, которые должны были высказать относительно ихъ свое мнѣніе, и по всей вѣроятности, благодаря имъ, вопросъ о монастырскихъ владѣніяхъ былъ рѣшенъ въ вышеупомянутомъ смыслѣ.

Но эти опальные іерархи, извѣстные послѣдователи Нила Сорскаго, могли быть привлечены къ трудамъ собора не иначе, какъ по особому

повелѣнію высшей власти, которая не исходила, конечно, отъ членовъ собора.

Къ числу матеріаловъ, служившихъ при составленіи Стоглава, нѣкоторые причисляютъ посланіе, съ коимъ Сильвестръ обратился къ Іоанну во время безпорядковъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1547 г.

Надобно замѣтить, что Іоаннъ, несмотря на свою молодость, стоялъ, по уму и образованію, гораздо выше морали, проповѣдуемой авторомъ Домостроя. Къ тому же вопросы, которые обсуждались на соборѣ, не только были предложены отъ имени царя, но частью были писаны имъ собственноручно. Сравнивая ихъ съ другими, позднѣйшими сочиненіями Іоанна, въ нихъ ясно виденъ отпечатокъ его личности: его образъ мыслей, его способъ изложенія, обороты рѣчи, его живой, сильный и язвительный слогъ, не имѣвшій ничего общаго со слогомъ Сильвестра, скромнаго писателя и не глубокаго мыслителя. Даже въ вопросахъ церковныхъ, въ которыхъ Іоанномъ могъ руководить Макарій, царь выказывалъ всегда большую начитанность.

Главнымъ виновникомъ за ту относительную неудачу, которой окончился соборъ 1551 г., надобно считать митрополита Макарія, такъ какъ онъ стоялъ во главѣ оппозиціи, которая боролась съ реформаторскими стремленіями послѣдователей Нила Сорскаго и Іоасафа и самого царя.

Впрочемъ, митрополитъ также находилъ необходимымъ реформу духовнаго быта, но онъ понималъ ее въ другомъ смыслѣ. Не стремясь къ прогрессу, онъ видѣлъ опасеніе въ возвратѣ къ прошлому, къ его нарушеннымъ и позабытымъ преданіямъ и къ произвольно понятому идеалу первобытнаго христіанства. Благочестіе, основанное на точномъ исполненіи обрядовъ, строгое чиноначаліе церковной іерархіи, пополняемой изъ аристократическаго круга и накопляющей изъ года въ годъ богатства, «ниспосылаемыя ей Богомъ»; соглашеніе со свѣтской властью, основанное на принципѣ взаимопомощи; безпощадное искорененіе ересей и полное отсутствіе школъ,—таковъ былъ идеалъ митрополита Макарія; что касается замѣчаній, сдѣланныхъ на Стоглавъ Іоасафомъ, то они, конечно, не были бы приняты соборомъ, если бы этого не потребовалъ всемогущій человѣкъ, который одинъ только могъ бросить большинству подобный вызовъ. Включенныя въ Стоглавъ, эти замѣчанія, весьма естественно, сбиваютъ съ толку изслѣдователей, заставляя предполагать, что они были сдѣланы самимъ соборомъ, и что онъ раздѣлялъ идеи нестяжателей. Въ сущности, это была только нѣкоторая уступка со стороны собора, вся честь которой должна принадлежать Іоанну.

Эта, сама по себѣ, довольно скромная побѣда была значительно умалена стараніями консервативной партіи: постановленія собора дол-

гое время не были оглашены повсемѣстно, вдобавокъ, духовныя власти всячески постарались о томъ, чтобы помѣшать ихъ осуществленію на практикѣ.

Преобразовать церковь Іоанну такъ и не удалось, но, продолжая выполненіе своей программы, онъ вступилъ вслѣдъ за тѣмъ въ упорную и энергическую борьбу съ представителями другаго оппозиціоннаго элемента—съ боярской партіей и вышелъ изъ нея побѣдителемъ, повергнувъ страну въ ужасъ и оставивъ по себѣ такую память, что одно имя его повергаетъ до сихъ поръ въ трепетъ и содроганіе.

Но прежде чѣмъ приступить къ этой ломкѣ, Іоанну предстояло другое дѣло. Забота о территоріальномъ увеличеніи нарождавшейся огромной имперіи заставила его отложить на время законодательную работу и подумать о завоеваніяхъ.

VIII.

При вступленіи на престолъ Іоанна, о нашествіи татаръ осталось въ Россіи только одно тяжелое воспоминаніе. Царство Чингисъ и Тимуръ-хановъ распалось, и только на южной и восточной границѣ Московскаго государства уцѣлѣли остатки Золотой Орды, въ видѣ нѣсколькихъ, почти независимыхъ, ханствъ или царствъ, образовавшихся въ Казани, Астрахани и въ Крымскихъ степяхъ. Монгольскій потокъ отхлынулъ обратно въ Азію; въ рукахъ татаръ не осталось ни пяди русской земли. По ихъ пятамъ шли русскіе переселенцы и завоеватели, проникая все далѣе и далѣе въ глубь необозримаго Азіатскаго материка. Медленными, но вѣрными шагами подвигались великіе князья московскіе на востокъ, увеличивая свои владѣнія и расширяя вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно сферу своего вліянія. Изъ бывшихъ вассаловъ они превратились постепенно въ верховныхъ властителей сосѣднихъ хановъ.

Но на Крымскомъ полуостровѣ образовался новый центръ татарскаго владычества, и крымскій ханъ, благодаря болѣе искусной политической и военной организаціи своего ханства, сумѣлъ привлечь къ себѣ сосѣднихъ татарскихъ князей и порвать вассальныя узы, которыя связывали ихъ съ Москвою.

Крымскій ханъ Саибъ-Гирей, которому удалось утвердиться, въ 1539 г., въ Казани, оставилъ тамъ гарнизонъ подъ начальствомъ Сафы-Гирея, принялъ къ своему двору перебѣжчика Симеона Бѣльскаго и вскорѣ до того расхрабрился, что осмѣлился послать въ Москву письмо, написанное въ тонѣ тѣхъ повелительныхъ приказаній, которыя татар-

скіе ханы посылали нѣкогда великимъ князьямъ. «Иду на тебя, не крадучись, чтобы завладѣть твоей землею,—писалъ онъ,—тебѣ же до моей земли не достать». Обѣщаніе не трогать Казани показалось дерзкому хану недостаточнымъ; онъ требовалъ ежегодной дани. Это было бы возвратомъ къ постыдному прошлому, поэтому московскому правительству пришлось вступить съ ханомъ въ борьбу, которая продолжалась все малолѣтство Іоанна.

Въ Казани, сторонники Сафы-Гирея боролись съ московской партіей, которая, заручившись содѣйствіемъ самаго славнаго татарскаго воина, Булата, успѣла, при его помощи, посадить на мѣсто Сафы-Гирея Шаха-Али, которому покровительствовали русскіе. Но Саибъ-ханъ, взявъ съ собою Бѣльскаго и получивъ отъ турокъ помощь людьми и оружіемъ, угрожалъ Москвѣ. Былъ моментъ, когда боярами обсуждался вопросъ о томъ, могъ-ли юный царь оставаться долѣе въ столицѣ и принять участіе въ ея оборонѣ, и только вслѣдствіе настоянія митрополита Іоасафа Іоаннъ не покинулъ Кремля, и Саибъ-ханъ отступилъ, вообразивъ, что если юный царь не счелъ нужнымъ бѣжать, то значитъ, у него было довольно сильное войско, которое могло одолѣть татаръ.

Въ 1548 и 1549 гг., Іоаннъ самъ водилъ безуспѣшно свою рать противъ Казани, но его войско выступило въ походъ слишкомъ поздно и было застигнуто въ пути морозами. Полки шли въ сугробахъ снѣга, артиллерія утонула при переправѣ черезъ Волгу. «Служилые люди» такъ увлеклись своими распрями изъ-за мѣстничества, что позабыли свои обязанности. Царь, внѣ себя отъ гнѣва, дважды былъ вынужденъ отступить, а крымскіе и казанскіе татары расхрабрились и опустошили самыя лучшія его земли.

Впрочемъ, второй походъ царя увѣнчался нѣкоторымъ успѣхомъ: при впаденіи въ Волгу Свіяги, неподалеку отъ Казани, на непріятельской землѣ, была заложена крѣпость и въ ней оставленъ гарнизонъ. Къ русскимъ стали вскорѣ тяготѣть сосѣднія племена: черемисъ, чувашей и мордвы, и казанскіе татары поняли, что имъ придется вскорѣ считаться съ новымъ сосѣдомъ. Между тѣмъ ихъ ханство приходило, мало-по-малу, въ упадокъ. Покинутые крымскими татарами, которые, бросивъ своихъ женъ и дѣтей, оставили городъ, предварительно разграбивъ его, казанцы обратились къ московскому царю съ просьбою прислать имъ управителя по его собственному выбору, и Іоаннъ разсчитывалъ уже, что Казань станетъ вскорѣ его добычею, но, когда назначенный туда воеводою князь Семенъ Ивановичъ Микулинъ прибылъ въ Казань въ февралѣ мѣсяцѣ 1552 г., вмѣстѣ съ Адашевымъ, то вслѣдствіе происковъ Шаха-Али, который удалился въ Свіяжскъ, и вмѣшательства эмиссаровъ крымскаго хана, положеніе дѣлъ измѣни-

лось. Ворота города не растворились предъ царскимъ посланнымъ, татары вооружились и послали въ Крымъ просить о помощи.

Микулинъ былъ вынужденъ повернуть въ Свіяжскъ, гдѣ онъ едва не былъ окруженъ со своимъ маленькимъ отрядомъ татарами. Въ его лагерѣ обнаружилась чума, и солдаты не хотѣли ему повиноваться. Когда объ этомъ узнали въ Москвѣ, то бояре, собравшись на совѣщаніе, прибѣгли, для предотвращенія бѣдствія, къ слѣдующимъ мѣрамъ: изъ Благовѣщенскаго собора въ Успенскій были торжественно перенесены мощи и совершенъ крестный ходъ; затѣмъ, мощи эти были посланы въ Свіяжскъ вмѣстѣ съ назидательнымъ словомъ, написаннымъ новымъ митрополитомъ Макаріемъ.

Но Іоаннъ и его ближайшіе совѣтники были того мнѣнія, что слѣдовало принять болѣе дѣйствительныя мѣры, ибо тутъ дѣло шло о вліяніи и политическомъ преобладаніи Москвы. Поэтому надобно было либо одержать, во что бы то ни стало, побѣду, либо отказаться впредь отъ всякихъ завоеваній и, быть можетъ, подпасть снова подъ ненавистное иго татаръ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ показывалъ, что надобно было спѣшить.

16-го іюня 1552 г. Іоаннъ, ввѣривъ царицѣ Анастасіи управленіе государствомъ, приказалъ возвратить свободу значительному числу плѣнныхъ и совершилъ другія благочестивыя дѣла, дабы призвать на начатое дѣло благословеніе Божіе, а затѣмъ двинулся къ Казани со всей своей ратью.

По словамъ лѣтописцевъ, подъ стѣнами Казани у Іоанна было 150 орудій и 150 тысячъ войска. Цифры эти очевидно преувеличены, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что у царя было этотъ разъ значительное войско. Несомнѣнно также, что Іоанну пришлось сдѣлать надъ собою большое усиліе воли, чтобы пойти въ походъ. Не говоря уже о томъ, что онъ, какъ всѣ Рюриковичи, не питалъ ни малѣйшей любви къ превратностямъ военнаго времени, его удерживала дома весьма важная причина: Анастасія ожидала первенца.

Но казанцы не даромъ обратились за помощью къ своимъ крымскимъ сородичамъ: полчища новаго крымскаго хана Девлетъ-Гирея появились уже подъ Тулой. Узнавъ объ этомъ, юный царь поспѣшилъ ей на выручку; крымцы обратились въ бѣгство. Тогда Іоаннъ повелъ часть рати на Владиміръ, Муромъ и Нижній; а на Сурѣ къ нему присоединились другія части русскаго войска, съ которымъ онъ подошелъ къ Свіяжску 13-го августа. Появленіе царя болѣе ободрило войско, нежели окропленіе его святой водою и чтеніе наставленій, присланныхъ митрополитомъ Макаріемъ. 23-го августа Іоаннъ былъ подъ стѣнами Казани.

Городъ былъ огражденъ только деревянными стѣнами и землянымъ

валомъ, но его тридцатитысячный гарнизонъ былъ полонъ отваги и рѣшимости защищаться до послѣдней крайности. Татары понимали, что имъ нельзя было ожидать пощады и что подъ стѣнами Казани рѣшалась вѣковая борьба двухъ племенъ, двухъ царствъ и двухъ религій. За исключеніемъ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ постовъ и вновь основаннаго Свіяжска, русскіе взяли у нихъ обратно всего нѣсколько второстепенныхъ укрѣпленій; завоевавъ Казань, они овладѣли бы однимъ изъ оплотовъ ислама. Ободренные прибывшимъ изъ Крыма царемъ Едигеромъ, который привелъ съ собою отрядъ превосходныхъ воиновъ, татары вспомнили свою прежнюю боевую славу и отразили побѣдоносно первые приступы русскаго войска. Іоаннъ уже опасался, что походъ затянется и что его застигнетъ подъ Казанью суровая зима.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ сильнымъ ураганомъ снесло въ московскомъ лагерѣ много палатокъ и потопило на Волгѣ значительное количество судовъ, везшихъ провіантъ, и осажденные, съ высоты своихъ стѣнъ, въ коихъ артиллерія Іоанна не могла пробить бреши, начали насмѣхаться надъ «бѣлымъ царемъ». Дѣлая непристойныя тѣлодвиженія, повернувшись спиною къ русской арміи и поднимая полы своихъ кафтановъ, они кричали: «Не взять тебѣ Казани, царь-государь, хоть...»; своими ужимками и дикими криками, которые русскіе принимали за колдовство, они наводили ужасъ на своихъ противниковъ.

Но Іоаннъ не упалъ духомъ. Чтобы разсѣять колдовство, нагнавшее проливные дожди, онъ велѣлъ привезти изъ Москвы чудотворный крестъ, благодаря чему возстановилась хорошая погода, а для того, чтобы овладѣть искусно возведенными укрѣпленіями, онъ обратился къ содѣйствію иноземныхъ инженеровъ, которые, соорудивъ апроши, облегчили этимъ дѣйствіе артиллеріи и ускорили паденіе крѣпости.

Осада Казани, продолжавшаяся нѣсколько недѣль, пріобрѣла въ глазахъ народа эпическіе размѣры осады Трои. Въ народныхъ пѣсняхъ говорится, будто Іоаннъ провелъ подъ Казанью восемь и даже тридцать лѣтъ. На самомъ же дѣлѣ, артиллерія уже къ концу сентября настолько обизсилила осажденныхъ, что было рѣшено 2-го октября штурмовать крѣпость.

Побѣда русскихъ была несомнѣнна. Но Іоаннъ, проявивъ въ началѣ большую энергію и храбрость, выказалъ себя тутъ не въ свою пользу. Войско уже привыкло къ тому, чтобы имъ командовалъ царь; оно его боялось и вмѣстѣ съ тѣмъ повиновалось ему. Но когда войско пошло на приступъ, то Іоанна не оказалось во главѣ его. Храбрый предводитель войска исчезъ, остался только Рюриковичъ, который страшился опасности, содрогался при мысли о кровопролитіи и вмѣсто того, чтобы идти въ бой, простоялъ всю ночь колѣнопреклоненнымъ, вознося къ Богу молитвы о дарованіи войску побѣды. На разсвѣтѣ, въ то время,

когда князь Михаилъ Воротынскій бралъ приступомъ послѣднія укрѣпленія, въ походной церкви, въ лагерѣ московскихъ войскъ, были отслужены обѣдня и торжественное молебствіе. По словамъ легенды, въ то время, какъ діаконъ произнесъ слова: «и о покорити подъ нозѣ всякаго врага и супостата», раздался первый взрывъ заложенныхъ минъ, а когда священникъ окончилъ чтеніе Евангелія словами: «и будетъ едино стадо и единъ пастырь»—послышался второй, еще болѣе сильный взрывъ.

Наконецъ, священнослужители и саперы окончили свое дѣло: насталъ моментъ идти на приступъ. Въ воздухѣ уже свистѣли стрѣлы и пули, и онъ оглашался криками осаждающихъ и осажденныхъ, когда къ Іоанну прибѣжалъ, весь запыхавшись, одинъ изъ бояръ: «Государь! пора идти! начался рукопашный бой; вашъ полкъ ожидаетъ васъ....»

Іоаннъ отвѣчалъ на это текстомъ священнаго писанія, коимъ доказывалась польза продолжительной молитвы. Царь не двинулся съ мѣста.

Но вотъ явился второй посланный: осаждающіе дрогнули; татары снова взяли верхъ, присутствіе царя во главѣ войска было необходимо.... Іоаннъ глубоко вздохнулъ, горько заплакалъ и сталъ громко читать молитвы, прося у Господа помощи

Въ этомъ сказались всѣ наслѣдственныя черты его предковъ и отчасти его собственный нервный темпераментъ.

Можно-ли было назвать это трусостью? Конечно, нѣтъ, ибо нельзя назвать трусомъ того, кто не побоялся вооружить противъ себя страшную злобу, кто сумѣлъ подчинить все и всѣхъ своей желѣзной волѣ и дѣйствовать такъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, не обращая вниманія на вызванную имъ всеобщую ненависть и на противодѣйствіе своихъ ближайшихъ бояръ; будущій глава опричины не могъ быть трусомъ. Онъ былъ истый потомокъ тѣхъ московскихъ князей, которые создали величіе Россіи не храбрыми подвигами и побѣдами на полѣ битвы, но путемъ интригъ, переговоровъ и скопидомства, дѣйствуя съ изумительнымъ терпѣніемъ, хитростью и стоическимъ самоотреченіемъ; это былъ также достойный ученикъ тѣхъ восточныхъ наставниковъ страны, которые привили ей привычку къ азіатской лѣни, презрѣніе къ физической силѣ и невозмутимое равнодушіе. Сражаться, чтобы наносить удары, рискуя самому получить ихъ,—не было, по ихъ понятіямъ, дѣломъ приличнымъ монарху. Для этого у него были слуги. Онъ повелѣвалъ, посылалъ людей на смерть, а самъ молился.

Но бояре, окружавшіе Іоанна, не раздѣляли этого взгляда. Весьма вѣроятно, что кто-нибудь изъ нихъ принудилъ его дѣйствовать, пустивъ для этого въ ходъ угрозы; какъ бы то ни было, Іоаннъ, послѣ долгихъ колебаній, приложившись къ чудотворной иконѣ св. Сергія, испилъ святой воды, скушалъ кусокъ просфоры, принялъ благословеніе своего духовника, сказалъ рѣчь доховенству, прося у него проще-

нія и благословенія въ «ту минуту, когда онъ готовъ былъ пострадать за истинную вѣру», и сѣлъ наконецъ на коня, чтобы ѣхать къ своему полку. Но и тутъ, по свидѣтельству Курбскаго, которое не было опровергнуто Іоанномъ, несмотря на то, что сраженіе приходило къ концу и осажденные не могли болѣе взять верхъ, съ трудомъ удалось заставить лошадь и всадника идти впередъ: боярамъ пришлось вести ее подъ уздцы.

Московскія знамена уже развѣвались на стѣнахъ крѣпости; первыя штурмовыя колонны проникли въ городъ. Началась рѣзня. Шесть тысячъ татаръ тщетно искали спасенія, стараясь перейти Казанку въ бродъ. Іоаннъ не далъ приказанія прекратить бойню. Это неудивительно, ибо и на западѣ, всякій городъ, взятый приступомъ, былъ обреченъ на погибель. Только однѣ женщины и дѣти были пощажены и уведены въ плѣнъ. Послѣ чего, приказавъ отслужить молебенъ, царь водрузилъ собственноручно большой крестъ на мѣсто, гдѣ во время сраженія развѣвалось знамя послѣдняго казанскаго хана. На этомъ мѣстѣ было рѣшено соорудить церковь, которая два дня спустя была готова и освящена, а Іоаннъ, горя нетерпѣніемъ вкусить радости семейнаго счастья и насладиться славою, ожидавшею его въ Москвѣ, поспѣшилъ уѣхать изъ завоеваннаго края, оставивъ въ Казани двухъ управителей, князя Александра Борисовича Горбатова и князя Василія Семеновича Серебреннаго. По словамъ Курбскаго, бояре настаивали на томъ, чтобы онъ пробылъ въ Казани до весны. Но возможно, что они сами были причиною его поспѣшнаго отъѣзда. Его «служилые люди» не разъ готовы были покинуть его, во время похода, жалуясь на утомленіе, на недостатокъ силъ и денежныхъ средствъ. Между ними и царемъ уже началась безмолвная борьба; Іоаннъ чувствовалъ, что онъ не держалъ ихъ всецѣло въ своихъ рукахъ, а они видѣли, со своей стороны, что царь не долго удовольствуется тѣмъ призрачнымъ повиновеніемъ, которое они оказывали ему скрѣпя сердце, позволяя себѣ нерѣдко громко роптать. Совершенныя Іоанномъ и подготовленныя имъ реформы вызвали среди бояръ недовольство, которое проявлялось при всякомъ удобномъ случаѣ, такъ что Іоаннъ едва-ли чувствовалъ себя въ полной безопасности среди военачальниковъ, которые рѣшались указывать ему его мѣсто на полѣ битвы и вели его противъ воли въ бой.

По пути въ столицу, во Владимірѣ царя ожидала радостная вѣсть: царица разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ во св. крещеніи Димитріемъ. Въ селѣ Тайнинскомъ, въ окрестностяхъ Москвы, братъ царя, Юрій, поздравилъ его съ побѣдою, а въ Москвѣ его встрѣтилъ митрополитъ во главѣ духовенства и въ своей привѣтственной рѣчи сравнилъ его съ Дмитріемъ Донскимъ, съ Александромъ Невскимъ и съ Константиномъ Великимъ и, сдѣлавъ земной поклонъ, благодарилъ

государя за побѣду, дарованную странѣ и церкви, а три года спустя, первый архіепископъ казанскій и свіяжскій Гурій отправился къ мѣсту своего служенія съ цѣлой свитою священниковъ. Освятивъ церковь во имя Пресвятой Богородицы, сооруженную въ Кремлѣ въ память одержанной побѣды, онъ сѣлъ на судно, на которомъ продолжали служить молебны и пѣть молитвы; во время его плаванія по Москвѣ и Волгѣ, несмѣтная толпа народа восторженно привѣтствовала архипастыря, ѣхавшаго проповѣдывать православную вѣру язычникамъ.

Подъ стѣнами Казани былъ нанесенъ исламу и власти крымскихъ хановъ такой ударъ, отъ котораго они уже не могли оправиться. Отнынѣ Іоанну не было надобности «бить челомъ» своимъ грознымъ сосѣдямъ, какъ онъ дѣлалъ это нѣкогда въ перепискѣ съ ними, тогда какъ онъ претендовалъ вести переговоры съ императоромъ германскимъ и султаномъ, какъ равный съ равными.

Но и помимо этого, съ матеріальной стороны, Казань представляла драгоцѣнное пріобрѣтеніе: расположенная на среднемъ теченіи Волги, эта послѣдняя монгольская столица, хотя и не угрожала болѣе Москвѣ, но во всякомъ случаѣ преграждала ей путь на востокъ, препятствуя ея естественному росту и развитію.

Для Азіи Казань оставалась по-прежнему торговымъ и промышленнымъ центромъ, а для монгольскаго царства—это былъ послѣдній его оплотъ въ Европѣ, такъ какъ Крымское ханство представляло собою не болѣе, какъ лагерь кочевниковъ, бродившихъ по южнымъ степямъ. Правда, у монголовъ оставалась еще Астрахань; но послѣ взятія Казани, паденіе этого города было только вопросомъ времени, и начатыя русскими завоеванія и колонизація должны были неудержимо устремиться къ богатымъ землямъ, орошаемымъ притоками Волги и Дона. Наконецъ, Казань была естественнымъ центромъ, къ которому тяготѣли многочисленныя дикія племена черемисъ, морды, чувашей, вотяковъ и башкиръ, заселившихъ оба берега Волги.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1552 г. Іоаннъ едва не лишился плодовъ своей побѣды. Въ Казани и ея окрестностяхъ началось броженіе, которое выразилось вскорѣ открытымъ возстаніемъ. Казаки и стрѣльцы оккупаціоннаго отряда потеряли тысячу человѣкъ въ стычкѣ съ племенами, населявшими нагорный берегъ Волги; эти непокорные горцы основали даже новый городъ, въ 70 верстахъ отъ Казани. Въ 1554 г. пришлось начать противъ нихъ новый походъ, и край былъ окончательно усмиренъ только по прошествіи пяти лѣтъ. Въ это время Москва сдѣлала еще одно крупное пріобрѣтеніе.

Весною того же 1554 г. 30.000 русскихъ, подъ предводительствомъ князя Юрія Ивановича Пронскаго, отправились внизъ по Волгѣ и 29-го августа, въ день ангела Іоанна, къ нему прискакалъ въ Коломну

гонецъ съ извѣстіемъ о взятіи Астрахани. Хотя этотъ городъ не былъ еще окончательно покоренъ, но Пронскій посадилъ въ немъ ханомъ Дербыша, заставивъ его платить Москвѣ ежегодную дань и обезпечить ей свободное плаваніе по Волгѣ, отъ Казани до Астрахани.

Дербышъ-хану было не легко лавировать между своими новыми покровителями и мѣстными татарами, которые нетерпѣливо сносили ихъ власть, и между крымскимъ ханомъ, который также считалъ себя ихъ верховнымъ властителемъ, и турками, которые были не прочь вмѣшаться въ ихъ распри; поэтому онъ поспѣшилъ войти въ сношеніе съ сосѣднимъ племенемъ ногайскихъ татаръ, гдѣ два брата, Измаилъ и Юсуфъ, оспаривали, въ то время, другъ у друга власть. Дербышъ попытался при поддержкѣ одного изъ нихъ добиться независимости. Москвѣ пришлось снова послать противъ него войско, такъ какъ Дербышъ вступилъ въ соглашеніе съ Юсуфомъ, а когда послѣдній былъ убитъ братомъ, съ его дѣтьми, то Іоаннъ началъ переговоры съ Измаиломъ, который потребовалъ за свое содѣйствіе весьма скромную плату: три охотничьихъ птицы: кречета, сокола и ястреба, большое количество свинца, шафрана, красильнаго вещества, бумаги и 500.000 гвоздей... Дербышъ былъ изгнанъ; его мѣсто занялъ Измаилъ, но такъ какъ онъ, въ свою очередь, оказался непокорнымъ, то ему пришлось уступить мѣсто своимъ племянникамъ. Москвѣ долго еще пришлось возиться съ этими неугомонными данниками, но въ концѣ концовъ она все же утвердила свое владычество на устьяхъ Волги; тогда съ нею вошли въ сношенія сосѣднія мелкія кавказскія княжества, которыя то обращались къ ней съ просьбою быть судьею въ ихъ распряхъ, то просили у нея поддержки и незамѣтнымъ образомъ увлекали ее все далѣе и далѣе на востокъ.

По пятамъ московскихъ завоевателей хлынула въ Крымъ и Азовъ волна переселенцевъ и казаковъ съ береговъ Дона и Терека. Въ казачествѣ была въ рукахъ московскаго правительства огромная сила, которая могла однако со временемъ превратиться въ опасность.

Власть Москвы надъ этимъ буйнымъ и своенравнымъ элементомъ была долгое время весьма призрачна. Только въ 1570 г. одному изъ воеводъ Грознаго, Новосильцеву, удалось подчинить отчасти власти правительства донскихъ казаковъ. Но уже въ 1577 г. Іоаннъ былъ вынужденъ послать цѣлый корпусъ, подъ предводительствомъ Мурашкина, чтобы обуздать эту вольницу, которая предавалась грабежамъ и насиліямъ; тогда будущіе покорители Сибири, Ермакъ и его сотоварищи, убѣгая отъ угрожавшаго имъ наказанія, искали убѣжища у Строгановыхъ, обширныя владѣнія которыхъ соприкасались съ Азіей.

Такимъ образомъ было подготовлено новое, еще болѣе важное завоеваніе; но покуда Іоаннъ не имѣлъ возможности обуздать вооружен-

ныхъ казаковъ, которые грабили и безчинствовали на границахъ Крыма, и ему пришлось изъ-за этого вступить съ крымскимъ ханомъ въ многолѣтнюю борьбу, которая завершилась только при Екатеринѣ II, покореніемъ Крыма.

Въ 1555 г. противъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея, напавшаго на русскую Украйну, былъ посланъ 13.000-й отрядъ подъ начальствомъ Шереметева. Болѣе смѣлый и подвижный, нежели русскіе, ханъ подошелъ уже къ Тулѣ; но когда Іоаннъ двинулся ему навстрѣчу, то ханъ поворотилъ назадъ, однако нанесъ Шереметеву серьезное пораженіе у Судбища—въ 150 в. отъ Тулы. Это не помѣшало отряду казаковъ, подъ командою дьяка Ржевскаго, совершить въ слѣдующемъ году набѣгъ на Очаково и всполошить приднѣпровское населеніе Украйны, а годъ спустя подданный короля польскаго, князь Дмитрій Вишневецкій, заключивъ союзъ съ Іоанномъ, вздумалъ помѣриться силами съ крымскимъ ханомъ на одномъ изъ Днѣпровскихъ острововъ,—Хортицѣ, который былъ имъ занятъ и укрѣпленъ; потерпѣвъ неудачу, онъ долженъ былъ отступить. Но въ слѣдующемъ 1558 году онъ отплатилъ татарамъ, побивъ ихъ подъ Азовомъ, между тѣмъ какъ командующій московскимъ войскомъ, Даніилъ Адашевъ, дошелъ до Днѣпровскаго лимана, гдѣ захватилъ два турецкихъ судна, а затѣмъ высадился въ Крыму и навелъ страхъ на татаръ.

Этотъ моментъ казался благопріятнымъ для того, чтобы предпринять противъ татаръ рѣшительныя дѣйствія и нанести имъ окончательный ударъ. Окружающіе склоняли къ этому Іоанна, но въ его умѣ зародился въ то время новый планъ. Его влекло на западъ, въ Ливонію, пріобрѣтеніемъ которой онъ надѣялся принести своей странѣ болѣе пользы во всѣхъ отношеніяхъ.

Одновременное завоеваніе Крыма и Ливоніи было, разумѣется, немыслимо, и хотя планъ, избранный Іоанномъ, подвергался многократно критикѣ, но вполнѣ понятно, что онъ на немъ остановился. Идти походомъ въ Крымъ было далеко не то, что идти на Казань или Астрахань. Перевозка войска и провіанта съ береговъ Москвы-рѣки на Волгу облегчалась воднымъ путемъ, который шелъ, хотя отчасти, по довольно населенной мѣстности. На пути же въ Крымъ, отъ Тулы и Пронска, тянулась необъятная пустынная равнина, гдѣ трудно было укрыться и найти какіе-либо припасы, уже не говоря о томъ, что позади Крыма стояла Турція, въ то время грозное государство, Турція XVI вѣка и Солимана Великаго.

Строго говоря, Іоаннъ не былъ вполнѣ свободенъ въ своемъ выборѣ. Уже съ 1554 г. онъ воевалъ, изъ-за той же Ливоніи, со Швеціей, и изъ-за нея же находился въ постоянной враждѣ съ Польшей; заключаемыя съ нею перемирія то и дѣло грозили быть нарушены.

При томъ, какъ ни опасенъ былъ Крымъ, но завоеваніемъ его можно было повременить, тогда какъ Ливонія легко могла ускользнуть изъ рукъ. Ливонскій орденъ пришелъ въ состояніе такого упадка, который возбуждалъ алчность сосѣдей; онъ постепенно разрушался, и всякій старался подоспѣть первымъ, чтобы урвать свою долю; Москвѣ нужно было опередить Польшу и Швецію, иначе онѣ навсегда оттѣснили бы ее отъ Балтійскаго моря. Отказаться отъ Ливоніи? Іоаннъ не могъ и думать объ этомъ. Онъ и въ Казани одержалъ побѣду только благодаря искусству европейскихъ инженеровъ и рабочихъ, вызванныхъ имъ изъ Германіи, Венгріи и Италіи. Хотя въ Италіи и отчасти въ Германіи охотно исполняли его просьбы о присылкѣ въ Москву артистовъ и мастеровъ, но въ другихъ и при томъ сосѣднихъ странахъ относились къ его попыткамъ къ сближенію крайне недовѣрчиво и даже враждебно, задерживали по пути ѣхавшихъ въ Москву мастеровъ, запрещали имъ покупку усовершенствованныхъ боевыхъ снарядовъ и старались поддержать то отчужденіе, въ которомъ жила Москва. Ливонія была окномъ въ Европу—тѣмъ самымъ окномъ, которое прорубилъ со временемъ Петръ Великій; Іоанну представлялся случай открыть это окно, какъ ему казалось, безъ особенныхъ усилій. Отказаться отъ этого было бы безуміемъ.

Нѣкоторые историки высказывали мысль, что Іоаннъ могъ воспользоваться для этой цѣли той частью Финскаго залива, которая уже принадлежала ему отъ рѣки Сіестры до устьевъ Наровы. Едва-ли Іоанну могла придти смѣлая мысль основать городъ на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышается нынѣ Петербургъ. Обладай онъ даже геніемъ Петра, врядъ-ли онъ могъ бы заставить своихъ подданныхъ выполнить это грандіозное дѣло, противъ котораго возстали бы рѣшительно всѣ. Нужно было еще полтораста лѣтъ неустаннаго, упорнаго труда, чтобы упрочить побѣду самодержавія и дать въ руки Петра ту власть, которой не обладалъ Іоаннъ, чтобы совершить грандіозное дѣло, значеніе котораго, впрочемъ, до нынѣ многими оспаривается. Да и самъ Петръ Великій не слишкомъ былъ доволенъ новымъ портомъ на непривѣтливомъ, болотистомъ берегу Финскаго залива, а Іоанну казалось, что, стоило только протянуть руку, чтобы пріобрѣсти нѣчто гораздо лучшее.

Задуманное имъ предпріятіе не удалось только потому, что онъ натолкнулся на совершенно неожиданное препятствіе. Этимъ препятствіемъ или «чудомъ» была блистательная карьера Баторія: это былъ настоящій король въ странѣ, гдѣ давно уже были только слабые намеки на королевскую власть. Хотя Баторій царствовалъ всего 10 лѣтъ, но этого короткаго срока было вполнѣ достаточно, чтобы создать изъ Ягеллонской Польши, которую Москва знала и съ которой она могла безбоязненно сразиться, другую Польшу, существованіе которой она не подо-

зрѣвала и могущество которой ей не могло быть извѣстно. Такимъ образомъ походъ, который все повелѣвало ему предпринять, превратился въ рискованное предпріятіе, и побѣда, которую завоеватель Казани и Астрахани считалъ несомнѣнной, обратилась въ пораженіе.

Іоаннъ началъ этотъ походъ, окруженный ореоломъ недавнихъ побѣдъ; онъ пользовался въ то время такою славою, которая была превзойдена только однимъ изъ его преемниковъ, и такою популярностью, какой не пользовался никто изъ нихъ. Побѣды и реформы Петра Великаго были не такъ доступны пониманію народа и поэтому менѣе оцѣнены имъ. Но Іоаннъ, побѣдитель ислама, законодатель, заботившійся о нуждахъ самыхъ скромныхъ своихъ подданныхъ, судья грозный только для однихъ «бояръ»—вызывалъ восхищеніе даже среди иностранцевъ. Дженкинсонъ, напр., писалъ въ 1557 г., что никто изъ христіанскихъ монарховъ не сумѣлъ внушить своимъ подданнымъ такого страха и вмѣстѣ съ тѣмъ такой любви, какъ Іоаннъ. Въ то же время венеціанскій посланникъ Фоскарини превозносилъ правосудіе царя, его привѣтливость, человѣколюбіе, его обширныя познанія, роскошь его двора, его могущественную армію и ставилъ его въ число первѣйшихъ государей своего времени.

Въ самомъ дѣлѣ, Іоаннъ обладалъ въ то время несомнѣннымъ превосходствомъ надъ своими сосѣдями, королями польскимъ и шведскимъ. У него была многочисленная армія, богатая казна, огромная власть и та увѣренность въ своихъ силахъ, которую даетъ побѣда.

Но могуществу и славѣ Іоанна суждено было погибнуть въ той пропасти, которой никто въ то время не видѣлъ и глубину которой никто не былъ въ состояніи измѣрить.

IX.

Въ борьбѣ, которую вели въ XVI вѣкѣ Швеція, Данія, Москва и Польша, за обладаніе Балтійскаго побережья, были замѣшаны самые разнообразные торговые, промышленные, культурные и религіозные интересы.

Съ точки зрѣнія исторической давности, наиболѣе законныя права на Ливонію имѣлъ московскій царь, ибо еще въ лѣтописи Нестора упоминается о томъ, что Ливонія и Эстляндія составляли часть русской земли.

Въ нѣмецкой литературѣ и народной поэзіи XVI вѣка нашествіе русскихъ на Ливонію, со всѣми связанными съ этимъ ужасами, изо-

бражается, какъ Божье наказаніе за грѣхи рыцарей Ливонскаго ордена. Положеніе ихъ страны представляло, дѣйствительно, картину весьма неприглядную. Она была въ состояніи полнѣйшаго упадка, прежній воинственный духъ рыцарей угасъ, не уступивъ мѣсто гражданскимъ доблестямъ. Обязательное для рыцарей безбрачіе привело къ самому грязному разврату. По близости отъ ихъ замковъ жило всегда множество женщинъ легкаго поведенія; роскошь, которая царила въ этихъ замкахъ, и происходившія въ нихъ оргіи были причиною страшной нищеты простаго народа.

Впрочемъ, упадокъ нравственности былъ, въ то время, явленіемъ повсемѣстнымъ въ Европѣ; слѣдовательно, одного этого недостаточно, чтобы объяснить печальное положеніе, въ какомъ находилась Ливонія. На это была другая причина.

Начиная съ XII вѣка Ливонскій орденъ представлялъ странную картину нѣмецкой колоніи, которая, по примѣру греческихъ поселеній на берегу Малой Азіи и Сициліи, стремилась сдѣлаться независимымъ государствомъ, не имѣя никакой основы въ народѣ. Мѣстное населеніе финскаго или латышскаго племени только терпѣло своихъ иноземныхъ властителей, но не имѣло съ ними ничего общаго: ни языка, ни нравовъ, ни религіи. Не имѣя никакой опоры въ народѣ, орденъ не имѣлъ также прочной связи съ метрополіей, и въ то время какъ ему угрожали со всѣхъ сторонъ сосѣди, у него не было ни собственныхъ средствъ къ защитѣ, ни надежды на постороннюю поддержку. Правда, Польша не только предлагала, но даже навязывала свою помощь, но она была уже въ то время ослаблена внутренними смутами и раздорами, и ея приходилось скорѣе бояться, какъ врага, нежели видѣть въ ней союзницу.

Въ 1554 г., король шведскій, Густавъ I хотѣлъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Іоанна Грознаго, который былъ отвлеченъ въ то время завоеваніями на востокѣ, чтобы образовать вмѣстѣ съ Ливоніей, Польшей и Литвою лигу противъ московскаго царя, но это ему не удалось, и когда ему пришлось одному вступить въ борьбу съ Москвою, то онъ былъ вынужденъ заключить съ нею въ 1557 г. сорокалѣтнее перемиріе. Такимъ образомъ злополучная Ливонія была предоставлена самой себѣ, а между тѣмъ у Іоанна было достаточно поводовъ, чтобы напасть на нее.

Прибалтійскія провинціи всегда были не прочь принять участіе въ томъ безмолвномъ противодѣйствіи, которое иныя державы оказывали всѣмъ попыткамъ Московскаго государства завязать сношенія съ Европой. Объ усердіи, съ какимъ они дѣйствовали въ этомъ случаѣ, можно судить по надѣлавшему въ то время не мало шума дѣлу Ганса Шлитте. Этотъ саксонецъ, получивъ въ 1548 г. отъ императора Карла V дозволеніе

набрать въ Германіи художниковъ и мастеровъ на службу московскаго царя, былъ задержанъ вмѣстѣ съ ними въ Ливоніи и заключенъ въ тюрьму, гдѣ ихъ продержали до тѣхъ поръ, пока приглашенные Шлитте мастера не разбѣжались.

Кромѣ столь явнаго недоброжелательства къ Москвѣ были и другія причины, которыя, послѣ паденія Новгорода, сдѣлали завоеваніе Ливоніи необходимымъ. Овладѣвъ Новгородомъ, русскіе проявили въ немъ свою власть прежде всего въ томъ, что разрушили нѣмецкій дворъ, и торговля этого бывшаго Ганзейскаго города перешла въ Ригу, Нарву и другіе ливонскіе города, гдѣ жители относились къ Москвѣ враждебно, запрещали иностранцамъ учиться русскому языку и вести торговлю непосредственно съ Россіей, а за кредитъ, оказанный русскимъ купцамъ, налагали денежныя пени. Все это служило, разумѣется, поводомъ къ неудовольствію. Въ числѣ поводовъ къ ссорѣ могло служить и слѣдующее обстоятельство: между ливонскимъ городомъ Нейгаузеномъ и Псковомъ существовала въ древности нейтральная полоса земли, на которую русскіе, послѣ долгихъ споровъ и пререканій, пріобрѣли верховную власть, и мѣстные ливонскіе земледѣльцы были обязаны платить имъ ежегодную дань въ видѣ 10 фунтовъ меда. Съ теченіемъ времени, когда были вырублены лѣса, исчезли улья и эта натуральная повинность была обращена въ денежную, которая была опредѣлена въ 6 ефимковъ, но со временемъ о ней позабыли.

Въ 1554 г., послѣ взятія Астрахани, Іоаннъ вспомнилъ объ этой недоимкѣ, къ которой присоединились новыя жалобы по поводу нарушенія пограничной черты и конфискаціи православныхъ церквей протестантами. Два года спустя, когда его новыя пріобрѣтенія на востокѣ были вполнѣ обезпечены, царь заговорилъ еще болѣе рѣшительнымъ тономъ. Ежегодная дань въ десять фунтовъ меда или въ шесть ефимковъ превратилась, въ устахъ его посланника, въ обязательство платить по одной маркѣ съ души, и на основаніи этого общая сумма недоимокъ была исчислена въ 50.000 ефимковъ или талеровъ.

Епископъ дерптскій думалъ выпутаться изъ бѣды, прибѣгнувъ къ слѣдующей уловкѣ: онъ обѣщалъ все заплатить, если на это послѣдуетъ согласіе императора, которому онъ написалъ въ то же время, разумѣется, въ совершенно иномъ смыслѣ. Посланный царя, Терпигоревъ, сдѣлалъ видъ, будто онъ не понялъ этой хитрости.

— Императоръ? какое же ему до этого дѣло?—говорилъ онъ. Согласны ли вы уплатить деньги, да или нѣтъ?

Вмѣсто ефимковъ ему дали письмо къ Іоанну съ объясненіями.

— Ого!—воскликнулъ онъ, тщательно пряча документъ въ шелковый мѣшечекъ. Вотъ скотинка, которая порядкомъ раздобрѣетъ со временемъ.— И, приказавъ изумленнымъ членамъ магистрата подать вы-

пить и закусить, онъ весело расхаживалъ по комнатѣ. Испуганные ливонцы ссылались на невозможность собрать въ нѣсколько дней столь значительную сумму.

— Полно, полно,—возразилъ Терпигоревъ,—въ подвалахъ городской ратуши есть двѣнадцать бочекъ серебра.

— Можетъ быть, но ключи отъ нея не у однихъ насъ: одинъ ключъ въ Ригѣ, другой въ Ревелѣ.

— Ладно, ладно! Если вы не хотите дать денегъ, царь самъ придетъ за ними.

Царь замышлялъ дѣйствительно походъ въ Ливонію. Недаромъ послѣ взятія Казани Макарій сравнилъ его съ Александромъ Невскимъ. Іоаннъ былъ не прочь оправдать это лестное сравненіе. Но времена измѣнились: въ защитѣ балтійскаго побережья была заинтересована теперь вся Европа.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1557 г. въ Москву прибыла изъ Ливоніи депутація съ просьбою отсрочить уплату долга, но Іоаннъ отказался принять пословъ, поручилъ Адашеву выпроводить ихъ за границу и объвилъ походъ. Въ концѣ года войско, состоявшее по большей части изъ татаръ, подъ начальствомъ бывшаго казанскаго царя Шахъ-Али, вторглось въ Ливонію и произвело въ ней жестокое опустошеніе. Русскіе насиловали и замучивали женщинъ до смерти, вырывали младенцевъ изъ утробы матерей, жгли дома, топтали посѣвы. Быть можетъ, эти разсказы нѣсколько преувеличены, но извѣстно, что войны сопровождались въ то время страшнымъ звѣрствомъ. Черемисы Шахъ-Али не уступали въ этомъ отношеніи болѣе дисциплинированнымъ разбойникамъ герцога Альбы. Выбравъ самыхъ красивыхъ плѣнницъ и удовлетворивъ на нихъ свои желанія, татарскіе воины привязывали ихъ, по словамъ лѣтописцевъ, къ деревьямъ и упражнялись на нихъ въ стрѣльбѣ въ цѣль. Такъ какъ походъ былъ предпринятъ не столько ради завоеванія, сколько въ видѣ военной экзекуціи, то, само собою разумѣется, что считалось необходимымъ застращать жителей.

Населеніе Ливоніи не оказало почти никакого сопротивленія. Войско Іоанна встрѣтило, на протяженіи 200 верстъ, лишь нѣсколько слабыхъ отрядовъ, которые оно безъ труда обратило въ бѣгство или разбило на-голову.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1558 г. Шахъ-Али, собравъ огромную добычу, заключилъ перемиріе, и въ Москву была отправлена новая депутація, привезшая царю нѣкоторую сумму денегъ, въ счетъ уплаты требуемой недоимки. Этотъ разъ ея ходатайство, благодаря вмѣшательству московскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Дерптомъ и сосѣдними городами, было успѣшнѣе. Іоаннъ рѣшился уже вести переговоры, согласившись обождать уплату подати, въ виду истощенія страны, какъ вдругъ полу-

ченное неожиданно извѣстіе о взятіи Нарвы испортило все дѣло. Адашевъ, который велъ переговоры, перемѣнилъ тонъ. До тѣхъ поръ онъ говорилъ, что только одно Дерптское епископство обязано платить дань; теперь же онъ сталъ говорить, что не только вся Ливонія была обязана платить ее, но что она должна была «подобно Казани и Астрахани» признать верховную власть Москвы. Гросмейстеру ордена, Фюрстенбергу, и епископамъ дерптскому и рижскому повелѣвалось явиться въ Москву и изъявить свою покорность въ качествѣ вассаловъ, а Нарва и прочіе уже завоеванные города просто-на-просто присоединены къ Московскому царству.

Но, очевидно, Іоаннъ не думалъ, что всѣ эти условія будутъ приняты сразу. Война продолжалась; хотя несчастная Ливонія была совершенно не въ состояніи вести ее. Фюрстенбергу удалось собрать всего на всего 8.000 человѣкъ, и въ отчаяніи онъ передалъ командованіе Кетлеру, но и тотъ не могъ ничего сдѣлать; города и крѣпости сдавались Москвѣ одинъ за другимъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1558 г. былъ осажденъ Дерптъ; епископъ и его приближенные поспѣшили сдаться, чтобы выговорить себѣ кое-какія льготы. Эта капитуляція представляла собою явленіе исключительное, дѣлающее честь Москвѣ. Главнокомандующій русскими войсками, князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, даровалъ жителямъ полную амнистію, свободу вѣроисповѣданія, ихъ старинное муниципальное управленіе, свой судъ и полную свободу торговыхъ сношеній съ Россіей. Вначалѣ условія эти соблюдались въ точности, такъ какъ Шуйскій держалъ своихъ солдатъ въ строгой дисциплинѣ и запрещалъ имъ всякое насиліе.

Но Нарва была предана разграбленію, послѣ чего побѣдители выказали великодушіе, предоставивъ ей такія же права и привилегіи, какъ Дерпту. Іоаннъ нашелъ эти льготы чрезмѣрными. Онъ утвердилъ грамоты, данныя этимъ городамъ Шуйскимъ, лишь съ нѣкоторыми ограниченіями; а именно съ тѣмъ, чтобы въ муниципалитетѣ присутствовалъ представитель царя; чтобы аппеляціи подавались не въ Рижскій судъ, а московскому воеводѣ или самому царю; и чтобы торговля съ русскими городами, за исключеніемъ Новгорода, Пскова, Ивангорода и Нарвы, облагалась пошлиною. За то жителямъ Дерпта было разрѣшено селиться въ любой мѣстности Московскаго государства. Но и ограниченныя такимъ образомъ привилегіи казались вѣроятно довольно заманчивы, такъ какъ къ осени изъявили покорность еще двадцать городовъ.

Война далеко еще не была окончена. Ревель держался, и когда, съ приближеніемъ зимняго времени года, Шуйскій, по неизмѣнному обычаю русскихъ воеводъ, отступилъ, то Кетлеръ воспользовался этимъ, чтобы перейти въ наступленіе. Собравъ 10.000 человѣкъ, онъ взялъ

обратно Рингенъ, потерявъ при этомъ, какъ говорятъ, 2.000 человѣкъ и, дойдя до Себежа и Пскова, сжегъ ихъ предмѣстья. Въ это время Іоанну угрожали крымскіе татары, поэтому ему пришлось обуздать свой гнѣвъ и согласиться на перемиріе, которое было заключено въ маѣ 1559 г. Но на слѣдующій годъ царь отплатилъ Ливоніи за этотъ набѣгъ. Курбскій, подъ стѣнами Феллина, нанесъ 2-го августа 1560 г. рѣшительное пораженіе цвѣту ливонскихъ рыцарей, и когда, вскорѣ послѣ этого, былъ взятъ Феллинъ, то въ числѣ плѣнныхъ оказался самъ Фюрстенбергъ, уже отказавшійся отъ власти въ пользу Кетлера. Бывшій гросмейстеръ, вмѣстѣ съ прочими, наиболѣе знатными плѣнными, былъ отправленъ въ Москву, гдѣ, по словамъ ливонскихъ хроникеровъ, съ нимъ обращались съ величайшимъ варварствомъ. Ихъ водили по улицамъ и били желѣзными прутьями, а затѣмъ послѣ жестокихъ пытокъ убили, оставивъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Что касается Фюрстенберга, то это свѣдѣніе не вѣрно, такъ какъ онъ былъ живъ еще въ 1575 г. и писалъ изъ-подъ Ярославля, гдѣ ему было пожаловано помѣстье, что ему живется не дурно. Въ тотъ моментъ, когда онъ былъ привезенъ въ Москву, тамъ находились датскіе послы, которые на обратномъ пути удостовѣрили передъ Ревельскимъ магистратомъ, что съ Фюрстенбергомъ обращались хорошо, присовокупивъ однако, что всѣ прочіе плѣнные были убиты.

Съ точки зрѣнія Іоанна эти казни были вполнѣ логичны. По мѣрѣ успѣха его войскъ въ Ливоніи возрождались пріятныя для національной гордости воспоминанія о принадлежности нѣкогда этихъ земель Москвѣ, поэтому было вполнѣ естественно, что царь смотрѣлъ на эту страну какъ на принадлежащую ему по праву, а жителей ея считалъ своими подданными, возставшими противъ своего законнаго государя, такъ что когда датскій король заявилъ ему о своихъ правахъ на Эстляндію, то онъ отвѣчалъ, что Ярославъ уже пятьсотъ лѣтъ назадъ пріобрѣлъ на нее неоспоримыя права, заложивъ Юрьевъ и соорудивъ въ странѣ православныя церкви.

Ливонія была почти завоевана, въ ней оставалось всего нѣсколько крѣпостей, которыя продолжали обороняться, и хотя Кетлеръ и его сподвижники обращались за помощью къ императору, къ Даніи, Швеціи и Польшѣ, но надежды на вмѣшательство державъ было весьма мало, несмотря на то, что вторженіе русскаго войска въ Ливонію произвело въ Европѣ потрясающее впечатлѣніе. Протестантскіе публицисты, готовые видѣть вездѣ и во всемъ интриги Испаніи, обвиняли въ ней Филиппа II, который, какъ монархъ католической державы и какъ супругъ Маріи Тюдоръ, былъ вдвойнѣ заинтересованъ въ этой войнѣ, ибо онъ могъ воспользоваться ею, чтобы нанести въ Ливоніи ударъ протестантству и утвердиться на прибрежьи Балтійскаго моря. Просьба о

помощи, съ которою ливонцы обратились къ императору Фердинанду I, осталась безуспѣшна; это былъ бюрократъ, дорожившій прежде всего своимъ спокойствіемъ. Онъ просилъ извѣщать его о ходѣ дѣлъ, завелъ переписку съ Іоанномъ, обмѣнялся взглядами съ королями польскимъ, шведскимъ и датскимъ, но не двинулся съ мѣста.

При томъ, Іоаннъ постарался расположить этого вліятельнаго государя въ свою пользу. Сношенія Москвы съ Габсбургскимъ домомъ, начавшіяся въ исходѣ пятнадцатаго вѣка, поддерживались со стороны великихъ князей путемъ мелкихъ уступокъ въ вопросахъ, затрогивавшихъ самолюбіе императора. Такъ и теперь, стараясь оправдать свой поступокъ, Іоаннъ не стѣснился приписать всѣ несчастія Ливоніи ея отступничеству отъ католической вѣры.

Нѣкоторую надежду подали Ливоніи нѣмецкіе курфирсты, признававшіе необходимость придти на помощь своимъ ливонскимъ сородичамъ. Но ни одно изъ постановленій германскихъ сеймовъ объ ассигнованіи ливонцамъ денежнаго пособія и объ отправленіи къ Іоанну для переговоровъ посольства не было приведено въ исполненіе.

26-го ноября 1561 г. императоръ Фердинандъ сдѣлалъ кое-что въ ихъ пользу, издавъ манифестъ, коимъ воспрещалось плаваніе по Наровѣ. Это было равносильно запрещенію ввоза въ Московію западныхъ товаровъ и въ особенности военныхъ снарядовъ. Но Англія нашла уже средство ввозить въ Россію товары инымъ путемъ, и сама Ганза, несмотря на болѣе или менѣе искреннія симпатіи къ Ливоніи, была не прочь конкурировать въ этомъ отношеніи съ англичанами и воспользоваться случайностью, благодаря которой она избавилась въ Ригѣ, Ревелѣ и Дерптѣ отъ опасныхъ конкурентовъ.

Злополучная Ливонія была всѣми оставлена, и ей не оставалось ничего инаго, какъ испытать послѣднее средство—обратиться къ иноземнымъ державамъ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1559 г. посланный Ливонскимъ орденомъ появился въ Піотроковѣ передъ польскимъ сеймомъ. Но, убѣдясь, что сеймъ былъ всецѣло поглощенъ внутренними дѣлами Польши, онъ обратился къ королю Сигизмунду-Августу. Этотъ послѣдній представитель угасавшей династіи Ягеллоновъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, обладалъ способностью правильно оцѣнивать интересы, затрогиваемые вопросами внѣшней политики. Онъ выслушалъ посланнаго и два мѣсяца спустя вступилъ въ переговоры съ Кетлеромъ, поставивъ ему свои условія. Польша соглашалась защитить Ливонію, рискуя войною съ Москвой, если ей будетъ обѣщано за ея содѣйствіе: Кокенгаузенъ, Юкскуль, Динабургъ и Рига, т. е. ключи ко всей Ливоніи.

Кетлеръ колебался нѣкоторое время, ѣздилъ въ Вѣну, гдѣ онъ надѣялся уладить дѣло выгоднѣе, хотѣлъ отправиться на сеймъ въ Аугсбургъ, но возвратился въ Вильно, не достигнувъ никакого успѣха.

Впрочемъ, король польскій не спѣшилъ выполненіемъ довольно сложной программы, сознавая, что плохо дисциплинированное польское войско легко могло оказаться не на высотѣ своей задачи. Онъ мечталъ образовать лигу изъ скандинавскихъ державъ и ганзеатическихъ городовъ, чтобы имѣть такимъ образомъ то, чего ему недоставало: регулярное войско, флотъ и гавани.

Къ сожалѣнію, предполагаемые его союзники были заняты въ это время совсѣмъ другимъ. Скандинавскія державы отнюдь не хотѣли играть въ руку Польшѣ, и началась борьба, которая велась цѣлыхъ двадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ неоднократно перерѣшалась судьба несчастной Ливоніи, за обладаніе которой велась эта борьба.

Сигизмунду-Августу пришлось приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ гораздо скорѣе, нежели онъ того желалъ. Въ августѣ 1560 г. появился въ Ригѣ, во главѣ польской арміи, виленскій воевода, Николай Радзивиллъ, прозванный Чернымъ, и потребовалъ подчиненія Польшѣ всей Ливоніи и присоединенія къ ней и секуляризаціи всѣхъ земель, лежавшихъ по правому берегу Двины.

Кетлеръ, котораго современники обвиняли въ измѣнѣ, употребилъ все свое стараніе, чтобы хотя отсрочить паденіе страны и найти какой-нибудь исходъ. Только въ концѣ этого злополучнаго года онъ былъ вынужденъ уступить настоятельнымъ требованіямъ Польши и подписалъ 21-го ноября 1561 г. актъ, коимъ, въ качествѣ гросмейстера Ливонскаго ордена, онъ признавалъ присоединеніе Ливоніи къ Литвѣ, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ наслѣдственное владѣніе, подъ верховною властью Польши, герцогство Курляндское съ нѣсколькими сосѣдними округами.

5-го марта 1562 г. Кетлеръ передалъ Радзивиллу свой крестъ, мантію и ключи Рижскаго замка.

Въ этотъ моментъ прибалтійскія провинціи представляли зрѣлище необычайное даже для той эпохи, когда то и дѣло происходили споры и ссоры изъ-за обладанія разныхъ областей. Къ югу отъ Двины водворился новый герцогъ Курляндскій и Семигальскій. На сѣверѣ король польскій вступилъ во владѣніе нѣкоторой части земель Ливонскаго ордена и заявилъ себя верховнымъ властителемъ всѣхъ принадлежавшихъ ему земель. Рига, признавшая также верховную власть короля польскаго, сохранила нѣкоторую долю независимости, какъ вольный городъ. Ревель и Гарріенъ находились во власти Швеціи. Эзель, Викъ и Пельтенъ признавали власть Магнуса. Наконецъ, русскіе, утвердившіеся въ Дерптѣ и на границѣ Ливоніи, намѣревались оспаривать обладаніе ею и у всѣхъ остальныхъ.

Такимъ образомъ отношенія Москвы къ Польшѣ, и безъ того недружелюбныя со времени завоеванія Смоленска въ 1514 г., грозили

обостриться изъ-за Ливоніи, какъ вдругъ, въ тотъ самый моментъ, когда Кетлеромъ былъ подписанъ актъ объ уступкѣ Ливоніи королю польскому, Іоаннъ вздумалъ послать въ Варшаву одного изъ своихъ близкихъ бояръ съ самымъ дружественнымъ предложеніемъ.

Въ Москвѣ совершилось въ это время событіе, послѣдствія котораго были нѣсколько преувеличены, но вліянія котораго на умъ царя, на его характеръ и до нѣкоторой степени на направленіе его политики, нельзя отрицать: царь лишился своей жены, Анастасіи, которой приписываютъ столь благотворное вліяніе на его необузданный и жестокій нравъ; впрочемъ, хотя царь дѣйствительно очень любилъ свою первую супругу, но это не помѣшало ему тотчасъ по ея кончинѣ подумать о новомъ бракѣ.

У Сигизмунда-Августа было двѣ незамужнія сестры, и окольничьему Ѳедору Ивановичу Сукину, посланному Іоанномъ въ Варшаву вскорѣ послѣ кончины Анастасіи, было поручено просить у него руку одной изъ нихъ. Король крайне неохотно и послѣ долгихъ проволочекъ изъявилъ согласіе показать ему обѣихъ принцессъ въ церкви. Случайно, или быть можетъ съ умысломъ, младшая, Екатерина, обернулась, и это послужило прологомъ къ одной изъ самыхъ мрачныхъ трагедій, разыгравшихся въ ту эпоху, столь богатую драматическими эпизодами. Помимо личныхъ прелестей, которыя Сукинъ изобразилъ Іоанну въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ, эта невѣста имѣла, въ глазахъ царя, то преимущество, что, вступивъ съ нею въ бракъ, царь всея Россіи пріобрѣталъ право на Литву, какъ на ея наслѣдственное владѣніе. Благодаря его страстному и своенравному характеру, эта мысль до того овладѣла Іоанномъ, что она сдѣлалась въ послѣдующіе годы руководящей нитью его политики.

Но, согласившись показать принцессу царскому посланному, Сигизмундъ-Августъ старался, видимо, только сохранить благопристойность и выиграть время. Помимо различія вѣроисповѣданій, вопросъ о наслѣдіи Литвы былъ, съ точки зрѣнія Польши, препятствіемъ къ браку, который могъ угрожать неприкосновенности ея владѣній и помѣшать сліянію двухъ славянскихъ племенъ, Польши и Литвы, къ чему именно и стремился послѣдній изъ Ягеллоновъ. Кромѣ того, Екатерина была почти помолвлена съ братомъ шведскаго короля, великимъ княземъ финляндскимъ, Іоанномъ.

Въ 1562 г. она была оффиціально объявлена его невѣстою, и вскорѣ послѣ того между Польшею и Москвою возобновились непріязненныя дѣйствія.

Іоаннъ писалъ Сигизмунду-Августу оскорбительныя письма, а король отплатилъ ему за это, склонивъ крымскаго хана вторгнуться въ московскіе предѣлы.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1563 г. Іоаннъ двинулся противъ Сигизмунда-Августа во главѣ многочисленнаго войска, везя съ собою гробъ, въ который, какъ онъ говорилъ, будетъ положенъ трупъ короля или его собственный, и вскорѣ одержалъ значительную побѣду, взявъ Полоцкъ, главный городъ польско-литовскаго воеводства, и важный торговый центръ, имѣвшій постоянныя сношенія съ Ригою.

Но на слѣдующій годъ поляки одержали, въ свою очередь, крупную побѣду въ окрестностяхъ Орши: Николай Радзивиллъ разбилъ на голову войска князя Петра Ивановича Шуйскаго, который самъ при этомъ былъ убитъ.

Тогда Іоаннъ возъимѣлъ желаніе сблизиться со Швеціей.

Эрикъ XIV, при вступленіи своемъ на престолъ, въ 1561 г., поспѣшилъ послать посольство въ Москву и, несмотря на пренебрежительное отношеніе къ нему царя и на совѣты своего приближеннаго, Филиппа-де-Морнэ, онъ упорно добивался сближенія съ Іоанномъ, расширяя въ то же время свои владѣнія въ Ливоніи.

Когда царь обратился къ нему совершенно неожиданно съ нѣкоторыми дружескими предложеніями, то Эрикъ вообразилъ, что всѣ его желанія сбудутся и что онъ подѣлитъ Ливонію съ Іоанномъ. Но онъ вскорѣ убѣдился въ своей ошибкѣ. Во-первыхъ, Іоаннъ потребовалъ себѣ львиную долю, соглашаясь уступить королю только Ревель, Перновъ и Виттенштейнъ; а затѣмъ, совершенно неожиданно, вздумалъ примѣшать къ переговорамъ польскую принцессу, ставшую великой княгиней финляндской, отъ которой онъ все еще не думалъ отказываться. Онъ заявилъ желаніе получить почти всю Ливонію и Екатерину, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что она была уже замужемъ. Стоило-ли церемониться съ великимъ княземъ финляндскимъ!

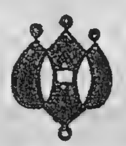
Впрочемъ, самъ Іоаннъ уже былъ женатъ вторично, но это также ни мало не смущало его, такъ какъ его вторая жена была его подданная. Впослѣдствіи Іоаннъ отрицалъ то обстоятельство, что онъ хотѣлъ нарушить священныя узы брака и утверждалъ, что онъ хотѣлъ получить Екатерину только въ качествѣ заложницы...

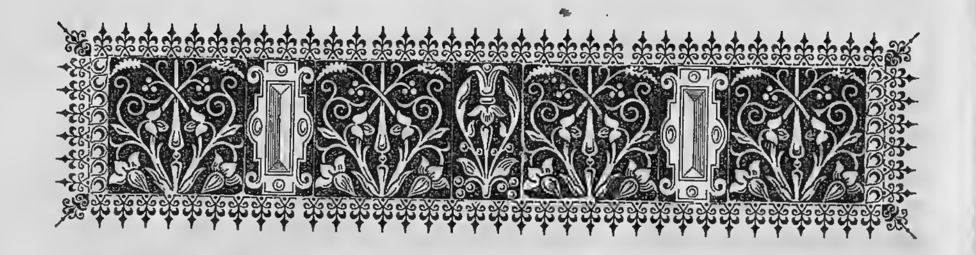
Эрикъ XIV держался вначалѣ стойко, не соглашаясь предать ни своей невѣстки, ни Ливоніи, и мечталъ о союзѣ съ Польшей, съ императоромъ, со всѣми нѣмецкими владѣтельными князьями, чтобы справиться съ московскимъ варваромъ, какъ вдругъ оказалось, что въ то время, какъ эти грозныя мечты были только въ проектѣ, ему приходилось уже считаться съ гораздо болѣе страшной опасностью; переговоры, начатые Польшей въ 1561 г. съ Даніей, завершились наступательнымъ и оборонительнымъ союзомъ, заключеннымъ этими державами въ Штеттинѣ 5-го октября 1563 г., а вслѣдъ за тѣмъ, по соглашенію, заключенному въ Любекѣ, къ этому союзу присоединился союзъ ганзеатиче-

скихъ городовъ. Іоаннъ, со своей стороны, велъ переговоры съ Даніей и подписалъ, 7-го августа 1562 г., въ Можайскѣ договоръ, коимъ обѣ державы обязались дѣйствовать совмѣстно съ Польшей и Швеціей, за что царь призналъ, со своей стороны, права Даніи на Эстляндію. Швеція оказалась одинокою. Эрику ничего не оставалось, какъ примириться съ совершившимся фактомъ, что онъ и сдѣлалъ, пославъ въ Дерптъ своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ русскими, которые окончились заключеніемъ перемирія.

Эрикъ, вынужденный вести борьбу одновременно съ Польшей и съ Даніей, становился волей-неволей союзникомъ Іоанна. Но это былъ скользкій путь, который могъ привести его къ погибели.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тарговицкая конфедерація.

III [1]).

Принимая мѣры къ оборонѣ Рѣчи Посполитой, варшавскій сеймъ, въ засѣданіи 10-го (21-го) апрѣля 1792 г., постановилъ довести численность польской арміи до ста тысячъ человѣкъ. Между тѣмъ, если не считать гарнизоновъ, стоявшихъ въ Варшавѣ, Краковѣ, Ченстоховѣ, Познани и др. городахъ, въ составъ коихъ входило около 7.000 чел., то Польша могла выставить въ поле всего около половины этого числа, а именно 45.000 человѣкъ, большая часть которыхъ находилась въ Украйнѣ, подъ начальствомъ племянника короля, князя Іосифа Понятовскаго, а другая, меньшая часть,—въ Литвѣ.

Собственно коронное войско, предназначавшееся для обороны юго-восточныхъ воеводствъ, состояло изъ двухъ дивизій: брацлавско-кіевской и резервной, волыно-подольской. Первая, численностью въ 17.000 человѣкъ, была растянута на протяженіи 100 миль вдоль границы, отъ Могилева на Днѣстрѣ до Лоева, при впаденіи въ Днѣпръ р. Сожи. Растянутая на столь большомъ пространствѣ, она не могла оказать русскому войску энергичнаго сопротивленія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторая часть ея была распредѣлена внутри страны до Полоннаго, въ разстояніи 50 миль отъ Днѣпра и Днѣстра.

Въ волыно-подольской дивизіи подъ командою князя Михаила Любомірскаго было всего около 4.500 человѣкъ.

Литовская армія, вмѣстѣ съ вспомогательными польскими отрядами, состояла изъ 14.500 чел.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, сентябрь 1904 г.

Въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцѣ обѣ польскія арміи только еще формировались и были далеки отъ боевой готовности.

На мѣсто Щенснаго-Потоцкаго, уволеннаго 16-го (27-го) января 1792 г. отъ занимаемой имъ должности, командующимъ брацлавско-кіевской дивизіей былъ назначенъ племянникъ короля, князь Іосифъ Потоцкій, начавшій свое военное поприще въ австрійской службѣ, въ которой онъ пріобрѣлъ хорошую военную выправку, но онъ не обладалъ ни талантомъ, ни самостоятельностью, необходимыми для командованія войскомъ.

Онъ отправился къ мѣсту своего служенія 25-го апрѣля (6-го мая), тотчасъ по окончаніи празднованія годовщины майской конституціи, и поселился въ Тульчинѣ, бывшей резиденціи Щенснаго-Потоцкаго. Ему было приказано сосредоточить дивизію въ Полонномъ и возвести тамъ укрѣпленіе для защиты провіантскихъ магазиновъ.

Князю Любомірскому было приказано расположиться со своей дивизіей въ окрестностяхъ Стараго Константинова.

Такое сосредоточеніе польскихъ силъ имѣло цѣлью не столько оборону юго-западныхъ границъ, сколько защиту Варшавы, откуда войско должно было получать оружіе, аммуницію, шатры и деньги.

Главнокомандующимъ литовской арміи былъ назначенъ генералъ-поручикъ князь Людвигъ Виртембергскій, зять Адама Чарторыйскаго и двоюродный братъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Онъ выѣхалъ изъ Варшавы въ половинѣ мая, но вмѣсто того, чтобы спѣшить въ Минскъ, къ главному корпусу литовской арміи, остановился въ Волчинѣ, имѣніи своего тестя, сославшись на боль въ ногѣ, и пребывалъ тамъ въ полномъ бездѣйствіи, въ то время какъ обстоятельства требовали съ его стороны самой напряженной дѣятельности. Войска, коими онъ долженъ былъ командовать, были разсѣяны на такомъ протяженіи что, по его собственному сознанію [1]), онъ не имѣлъ даже свѣдѣній о томъ, гдѣ именно они находятся и въ какой мѣрѣ годны для боя; у него не были заготовлены магазины для провіанта, онъ былъ совершенно незнакомъ съ мѣстностью и съ краемъ, гдѣ должны были происходить военныя дѣйствія, и, вслѣдствіе этого, не имѣлъ возможности составить соображеній ни о мѣстѣ сосредоточенія войска, ни о расположеніи магазиновъ, ни о будущихъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля. Донося объ этомъ королю, онъ писалъ, что положеніе его безвыходно и что ему надобно сдѣлать почти чудо, чтобъ спасти, если не край, то хоть войска, довѣренныя ему королемъ, и просилъ его, принявъ

[1]) Донесеніе королю польскому отъ 10-го (21-го) мая 1792 г. Сборникъ, т. 47, стр. 326.

во вниманіе всѣ эти обстоятельства, быть его защитникомъ передъ націей, въ случаѣ несчастнаго окончанія дѣла, какого онъ долженъ былъ ожидать при существующемъ положеніи вещей, будучи увѣренъ, что непріятель не дастъ ему времени ни съ чѣмъ управиться [1]).

Между тѣмъ принцъ вовсе не спѣшилъ приступить къ дѣлу и хотя нѣсколько дней спустя онъ увѣдомилъ короля, что здоровье его улучшилось и что онъ собирался ѣхать для осмотра Минска, Вильны и Ковны, но оказалось, что онъ и въ концѣ мая все еще находился въ Волчинѣ. Причина столь страннаго образа дѣйствій вскорѣ объяснилась. Въ Ломжѣ было перехвачено письмо принца къ королю прусскому, въ которомъ онъ извѣщалъ Фридриха-Вильгельма, что онъ дѣйствуетъ согласно его приказанію: не сосредоточиваетъ силъ, разсѣянныхъ въ Литвѣ, чтобы онѣ могли быть легче разбиты русскими войсками.

Когда измѣна принца Виртембергскаго открылась, то онъ былъ немедленно уволенъ отъ командованія войсками, и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Юдицкій, человѣкъ мало способный, въ помощники которому были назначены: генералъ коронной артиллеріи Станиславъ Потоцкій и литовскій хорунжій Вавржецкій.

11-го (22-го) мая сеймъ постановилъ отдать верховную команду надъ войскомъ королю, съ неограниченнымъ правомъ заключать перемирія, военныя капитуляціи и всякіе договоры, кромѣ окончательнаго мирнаго трактата, заключеніе котораго было предоставлено исключительно сейму. Взявъ судьбы страны въ свои руки, Станиславъ-Августъ сказалъ на засѣданіи сейма: „Положитесь на меня! если понадобится пожертвовать жизнью, то я не пощажу ее!“

Хотя Польша не была готова вести войну собственными силами съ сто тысячной почти русской арміей, но она могла разсчитывать на помощь со стороны другихъ державъ. Договоръ 18-го (29-го) марта 1790 г. обезпечивалъ ей содѣйствіе Пруссіи; она могла также надѣяться на помощь со стороны Австріи и курфирста саксонскаго.

Переговоры съ Пруссіей были начаты въ Варшавѣ и въ Берлинѣ. Въ Дрезденъ поѣхалъ ксендзъ Піатоли съ посломъ инфляндскимъ, Іосифомъ Мостовскимъ.

14-го (25-го) мая, министръ иностранныхъ дѣлъ, литовскій подканцлеръ Хрептовичъ, подалъ прусскому посланнику въ Варшавѣ, ноту, въ которой говорилось, что «вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы

---

[1]) Донесенія принца Виртембергскаго королю польскому отъ 10-го (21-го) мая, 12-го (23-го), 14-го (25-го), 19-го (30-го), 28-го мая (8-го іюня) и 12-г-(23-го) іюня 1792 г. (Сборникъ ист. общ., т. 47, стр. 326, 340, 345, 346, 356, 366, 390).

Рѣчи Посполитой ставитъ республику въ такое положеніе, которое вынуждаетъ ихъ обратиться къ королю прусскому, какъ своему союзнику, съ просьбою о помощи», гарантированной Польшѣ 6-мъ пунктомъ договора, заключеннаго ею съ Пруссіей въ мартѣ мѣсяцѣ 1790 г.

Луккезини отвѣчалъ Хрептовичу въ тотъ же день, но довольно уклончиво, присовокупивъ, что рѣшеніе зависитъ отъ Берлинскаго двора, которому онъ препроводитъ записку канцлера.

Для того чтобы поддержать это ходатайство, въ Берлинъ былъ отправленъ 20-го (31-го) мая великій литовскій маршалъ Игнатій Потоцкій, одинъ изъ главныхъ участниковъ въ заключеніи союза между Польшей и Пруссіей; онъ везъ Фридриху-Вильгельму письмо короля польскаго, въ которомъ Станиславъ-Августъ писалъ: «письмо, которое будетъ отдано вашему королевскому величеству маршаломъ графомъ Игнатіемъ Потоцкимъ, пишу въ то время, когда все налагаетъ на меня обязанность защищать независимость и владѣнія Польши. Тѣ и другія подверглись нападенію со стороны ея величества, императрицы Россійской. Если союзъ, существующій между вашимъ величествомъ и Польшею, даетъ право обратиться къ вамъ за помощью, то мнѣ существенно важно знать, какимъ образомъ вашему величеству угодно будетъ исполнить свои обязательства; положительныя свѣдѣнія о чувствахъ вашего величества также необходимы для моего поведенія, какъ необходимы ваши войска для моихъ успѣховъ. Среди безпокойства и страданій я утѣшаюсь тѣмъ, что стою за святое дѣло и опираюсь на союзника, самаго почтеннаго и самаго вѣрнаго въ глазахъ современниковъ и потомства».

Разговоръ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ произвелъ на Потоцкаго самое тягостное впечатлѣніе.

Прусскій министръ Шуленбургъ, съ которымъ онъ видѣлся вслѣдъ за тѣмъ, доказывалъ ему, что король прусскій не обязанъ помочь Польшѣ, такъ какъ война предстоитъ изъ-за конституціи 3-го мая, объявленной безъ его вѣдома.

«Если вы хотите поступить честно и прямодушно,—говорилъ Потоцкій Шуленбургу,—то вы обязаны защищать неприкосновенность и независимость Польши, помимо вопроса о конституціи 3-го мая. Его королевское величество можетъ потребовать удаленія русскихъ войскъ отъ нашей границы, не упоминая о конституціи. Впрочемъ, если бы три сосѣднія державы потребовали отъ насъ измѣненія конституціи то я полагаю, что народъ обратилъ бы вниманіе на это требованіе и сдѣлалъ бы шаги, какіе повелѣваетъ благоразуміе».

«Мы не можемъ—отвѣчалъ Шуленбургъ,—«помѣшать дѣйствіямъ Россіи въ Польшѣ иначе какъ силою оружія, но война не соотвѣтствуетъ

нашимъ интересамъ. Ведите войну, если это вамъ нравится; побѣждайте русскихъ; для насъ это безразлично».

Напрасно убѣждалъ Потоцкій прусскаго министра, такъ какъ наканунѣ этого разговора и на другой день послѣ его аудіенціи у короля, 28-го мая (8-го іюня), въ Варшаву былъ посланъ отвѣтъ на ноту Хрептовича и на письмо Станислава-Августа.

Нотою отъ 30-го мая (10-го іюня) Луккезини увѣдомилъ Хрептовича, что король прусскій не можетъ вмѣшиваться въ дѣйствія варшавскаго сейма, такъ какъ они его совершенно не касаются.

Отвѣтъ «вѣрнаго союзника» на письмо короля польскаго былъ полонъ лжи и отговорокъ:

«Изъ письма вашего величества съ сожалѣніемъ вижу тѣ затрудненія, въ какія теперь поставлена республика Польская», —писалъ Фридрихъ-Вильгельмъ,—«но скажу откровенно, что ихъ легко было предвидѣть послѣ того, что произошло въ Польшѣ годъ тому назадъ. Вспомните, ваше величество, что не одинъ разъ маркизу Луккезини поручаемо было передавать вамъ мои справедливыя опасенія на этотъ счетъ. Съ той минуты, какъ возстановленіе общаго спокойствія въ Европѣ позволяло мнѣ объясниться и съ тѣхъ поръ, какъ императрица россійская обнаружила рѣшительно свою враждебность къ новому порядку вещей, установленному переворотомъ 3-го мая, мой образъ мыслей и языкъ моихъ министровъ никогда не измѣнялся и, взирая спокойнымъ окомъ на новую конституцію, которую дала себѣ республика, безъ моего вѣдома и содѣйствія, я никогда не думалъ ее поддерживать или ей покровительствовать. Напротивъ, я предсказывалъ, что угрожающія мѣры и военныя приготовленія, къ которымъ не переставалъ прибѣгать сеймъ, непремѣнно вызовутъ враждебное чувство со стороны императрицы россійской и навлекутъ на Польшу бѣдствія, которыхъ думали избѣгнуть. Не будь этой новой правительственной формы, не выкажи республика усилій для ея поддержанія, Русскій дворъ не рѣшился бы на тѣ сильныя мѣры, которыя онъ теперь приводитъ въ исполненіе. Какова бы ни была дружба, питаемая мною къ вашему величеству, и участіе, принимаемое мною во всемъ, до него касающемся, ваше величество поймете сами, что вслѣдствіе совершенной перемѣны дѣлъ со времени заключенія союза между мною и республикою, и вслѣдствіе настоящихъ отношеній, созданныхъ конституціею 3-го мая, и неприложимыхъ къ обязательствамъ, въ трактатѣ постановленнымъ, отъ меня не зависитъ удовлетворить ожиданіямъ вашего величества, если намѣренія патріотической партіи остаются неизмѣнны и если она непремѣнно хочетъ поддержать свое созданіе. Но если она захочетъ возвратиться назадъ, обративъ вниманіе на затрудненія, возникающія со всѣхъ сторонъ, то я буду готовъ снестись съ императрицею и съ Вѣн-

скимъ дворомъ и постараюсь примирить различные интересы и согласовать наши взгляды относительно мѣръ, могущихъ возвратить Польшѣ спокойствіе».

О результатѣ миссіи Потоцкаго Берлинскій кабинетъ немедленно сообщилъ Петербургскому двору.

Сопоставляя отвѣтъ Фридриха-Вильгельма съ обнаруженнымъ участіемъ его въ поведеніи принца Виртембергскаго, становится ясна та роль, которую онъ намѣревался играть по отношенію къ своей союзницѣ—Польшѣ. Онъ торжественно нарушилъ обязательства, принятыя имъ по договору 1790 г., и подстрекалъ къ измѣнѣ другихъ, имѣя въ виду войти въ соглашеніе съ Россіей, чтобы поживиться на счетъ Польши.

Вѣнскій дворъ (Чарторыйскій былъ представленъ канцлеру Кауницу польскимъ посломъ Войною 20-го (31-го) мая) поручилъ своему посланнику въ Варшавѣ, де-Кашэ, опровергнуть слухъ, будто бы онъ желалъ, чтобы въ Польшѣ удержалась новая конституція, или что онъ, какимъ бы то ни было образомъ, намѣренъ идти противъ видовъ союзныхъ съ нимъ державъ [1]).

Курфирстъ саксонскій (Піатоли пріѣхалъ въ Дрезденъ 1-го (11-го) іюня) не могъ, при всемъ своемъ желаніи, оказать Польшѣ никакой услуги.

«Я вполнѣ убѣдился»,—такъ характеризовалъ положеніе дѣлъ Станиславъ-Августъ, въ письмѣ къ Букатому отъ 12-го (23-го) іюня,—«въ окончательной измѣнѣ короля прусскаго. Австрія отказывается оказать намъ какую бы то ни было помощь, ссылаясь на войну съ Франціей. Курфирстъ саксонскій держитъ себя вполнѣ безучастно» [2]).

Когда исчезла, такимъ образомъ, всякая надежда на помощь со стороны сосѣднихъ державъ, варшавскому правительству оставалось только одно: принять, какъ можно скорѣе, мѣры къ оборонѣ страны. Для этого необходимы были, прежде всего, деньги, затѣмъ хорошее войско и наконецъ готовность обывателей придти на помощь правительству. Всего этого Польшѣ какъ разъ недоставало.

Денегъ у варшавскаго правительства не было; въ казначействѣ Рѣчи Посполитой и великаго княжества Литовскаго на всѣ военные расходы находилось едва 1.300.000 злотыхъ въ то время, когда были начаты переговоры съ голландскими банкирами о ссудѣ 30.000.000 злотыхъ. Но этотъ заемъ не удался; голландцы, предостереженные Прус-

---

[1]) Хрептовичъ—польскому послу въ Копенгагенѣ, 9-го (20-го) іюня 1792. (Рукоп. Оссол. № 411, ч. II, стр. 147.)

[2]) Kalinka. Ostatnia lata pan St. Aug. Познань, 1868, т. II, стр. 215.

сіей, не дали Польшѣ денегъ, такъ какъ они видѣли, что ея дѣло проиграно.

Тогда, для увеличенія средствъ, было издано «Уложеніе о вѣчномъ устройствѣ королевщинъ», заключавшее правила о продажѣ и залогѣ староствъ; былъ утвержденъ «генеральный поборъ», состоявшій въ увеченіи на 10% податей съ крупной поземельной собственности; подати, взимаемыя съ мелкихъ помѣстій и съ еврейскаго населенія, были удвоены; было положено удерживать извѣстный процентъ изъ жалованья гражданскихъ чиновъ, и открытъ повсемѣстный сборъ «добровольныхъ патріотическихъ пожертвованій на оборону отечества».

Кромѣ сбора денежныхъ пожертвованій было постановлено: включить въ число регулярныхъ войскъ милиціи, содержимыя на частныя средства, вызвать охотниковъ, желающихъ вступить въ ряды защитниковъ отечества, и наконецъ призвать, въ случаѣ надобности, къ оружію всѣхъ жителей Польши (посполитое рушеніе).

Для того, чтобы привлечь жителей къ участію въ войнѣ, было рѣшено: выдавать извѣстное вознагражденіе за убытки, причиненные непріятельскимъ войскомъ; учредить фондъ въ 1.500.000 злот. для выдачи наградъ отличившимся воинамъ и для пособія семействамъ убитыхъ въ бою, а для поощренія храбрости была учреждена королемъ медаль: на голубой эмали въ срединѣ вѣнца былъ изображенъ золотой крестъ съ большимъ орломъ по срединѣ и съ надписью: «Virtuti militari». Медаль была золотая для офицеровъ и серебряная для унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ; ее полагалось носить на голубой лентѣ съ черными краемъ.

По воеводствамъ, въ кои могли вступить русскія войска, были разосланы эмиссары, съ приказаніемъ побуждать обывателей къ оборонѣ, либо къ выселенію изъ своихъ домовъ, въ случаѣ, если бы конфедерація стала принуждать ихъ дѣйствовать съ нею заодно. Всѣ тѣ, кои присоединятся къ русскимъ войскамъ, были объявлены врагами отечества; виновнымъ было назначено очень сильное наказаніе.

Особой полицейской коммиссіи, состоявшей изъ 26 полицейскихъ чиновъ и 51 стражниковъ, было поручено слѣдить за образомъ мыслей обывателей. Въ данной этимъ полицейскимъ секретной инструкціи, имъ повелѣвалось объѣзжать ввѣренный имъ участокъ, разузнавать, съ должной осторожностью, въ тѣхъ селеніяхъ и мѣстностяхъ, гдѣ имѣлись костелы, были-ли и когда именно оповѣщены съ амвона универсалъ и королевскіе приказы стражѣ и другія распоряженія правительства; узнавать, не читались-ли какія-либо противныя правительству и волнующія умы брошюры, не слышно-ли было о какихъ-либо сборищахъ или подстрекательствахъ, съ цѣлью волновать умы, не производилась ли закупка аммуниціи, оружія; не скупалъ-ли кто-либо лошадей; не укрывались-ли гдѣ дезертиры изъ польскаго войска или иностранные шпіоны

и т. п. Обо всемъ этомъ, а равно обо всемъ, что могло угрожать общественному спокойствію, полицейская коммиссія была обязана немедленно доносить одновременно гражданской коммиссіи и ближайшимъ властямъ.

Что касалось состоянія польскаго войска, передъ началомъ войны, то оно было весьма неудовлетворительно; «войско было плохо обучено, полки были скудно комплектованы; такъ, напр., тамъ, гдѣ нужно было быть въ полку по два баталіона, было по одному, въ кавалеріи были плохія лошади, былъ недостатокъ шатровъ, аммуниціи и боевыхъ запасовъ. Артиллерія была въ дурномъ состояніи. Уже по полученіи русской декларапіи было сдѣлано распоряженіе о постройкѣ новаго литейнаго завода и о выпискѣ желѣзныхъ пушекъ изъ Англіи. Въ доставкѣ фуража и съѣстныхъ припасовъ господствовалъ безпорядокъ.

Готовность населенія приносить жертвы на алтарь отечества была также не велика. Народъ не только не стремился въ ряды войска, напротивъ, разбѣгался и прятался, какъ только появлялись вербовщики.

Таково было далеко не отрадное состояніе Польши наканунѣ войны; но русскую декларацію народъ принялъ съ достоинствомъ.

«Декларація, поданная русскимъ посланникомъ, не вызвала здѣсь (въ Варшавѣ) ни волненія, ни особыхъ опасеній,—писали въ «Народовой газетѣ» (Gazeta narodowa i obca, 12 (23) мая 1792 № 41). Глубоко почувствовавъ причиненныя ему несправедливость и обиду, твердо рѣшивъ отомстить за нее и защитить свою свободу и неприкосновенность, всѣ соблюдали въ своихъ поступкахъ и словахъ умѣренность, твердость и степенность, приличествующія вольному и доблестному народу. Такъ же точно народъ отнесся и къ угрозамъ иностранныхъ державъ, только постыдный поступокъ тѣхъ выродковъ польскаго народа, которые, преслѣдуя свои выгоды и цѣли, просили иноземную державу вступить, съ оружіемъ въ рукахъ, въ ихъ собственное отечество, заставилъ содрогнуться всѣ сердца и вызвалъ съ ихъ стороны вполнѣ заслуженные гнѣвъ и презрѣніе».

Гнѣвъ, вызванный къ тѣмъ, кои были виновниками вторженія русскихъ войскъ, обрушился на всѣхъ сторонниковъ Россіи. Особенно ярко проявился патріотизмъ въ Варшавѣ.

На другой день, по обнародованіи русской деклараціи, въ Саксонскій садъ и къ дому Красинскихъ собралась несмѣтная толпа народа. Въ то время, когда шли горячіе толки на тему о вторженіи русскаго войска и о средствахъ обороны, въ Саксонскій садъ прибѣжалъ поморскій воевода Войцехъ Міеръ (Mier), крича:

«Bonne nouvelle! bonne nouvelle! (Хорошая вѣсть, хорошая вѣсть), русское войско уже вступило въ Польшу и разбило отрядъ народовой кавалеріи въ 600 человѣкъ!»

Воевода едва не поплатился жизнью за свою наивность или под-

лость, точно такъ же, какъ познанскій посолъ Мелжинскій, который говорилъ, что поляки не могутъ воевать съ Россіей, такъ какъ они не готовы къ войнѣ. Міера хотѣли повѣсить, а Мелжинскаго едва не убили. Народъ грозилъ также висѣлицей послу Боскампу, который былъ извѣстенъ прислуживаніемъ русскому посольству, и другимъ лицамъ, которыя были замѣчены въ симпатіи къ Россіи.

Подобное же настроеніе господствовало и въ столицѣ Литвы. Епископъ инфляндскій Коссаковскій, которому угрожали смертью, если онъ не будетъ стоять за конституцію, поспѣшно уѣхалъ изъ Вильны въ свое ковенское имѣніе. По той же причинѣ выѣхалъ изъ Вильны епископъ Масальскій. Полагая, что онъ собрался въ Россію, жители Кальваріи задержали его со всей свитой, подъ предлогомъ, что онъ ѣхалъ безъ паспорта. Полицейская коммиссія поспѣшила прислать Масальскому паспортъ и разрѣшеніе продолжать путь, однако съ условіемъ, что онъ не поѣдетъ въ Россію.

Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, въ Варшавѣ былъ учрежденъ 31-го мая (11-го іюня) чрезвычайный сеймовый судъ, для присужденія наказаній виновнымъ, которые присоединятся къ непріятельской арміи.

Выказывая такую ненависть къ сторонникамъ Россіи, шляхта и мѣщане г. Варшавы проявили вмѣстѣ съ тѣмъ необычайный воинственный пылъ и учредили клубъ волонтеровъ, лозунгомъ котораго было: «сражаться за отечество или умереть». Въ этотъ клубъ принимали и тѣхъ, которые, не будучи въ состояніи воевать, выражали готовность жертвовать деньгами.

Отвѣтъ сейма на русскую декларацію, универсалъ къ народу и воззваніе короля къ войску были одобрены всѣми. Всѣ вѣрили въ торжество праваго дѣла, возлагали надежду на доблесть польскаго войска и на цѣлесообразность средствъ обороны, принятыхъ правительствомъ. Но эта вспышка патріотизма не могла сослужить Польшѣ особенной службы.

Принявъ главное начальство надъ арміей и желая воодушевить войско и народъ, король объявилъ о своемъ намѣреніи отправиться къ войску. 25-го мая (5-го іюня) былъ учрежденъ военный совѣтъ, въ составъ котораго вошли: маршалы сейма, Малаховскій и Сапѣга, изъ военныхъ: генералъ-поручикъ Горженскій, генералъ-маіоръ Цихоцкій, генералъ артиллеріи коронной Станиславъ Потоцкій, подполковникъ коронной артиллеріи Шюллеръ, подполковникъ Гицъ и изъ гражданскихъ чиновъ: князь Казиміръ Понятовскій и Тадеушъ Дембовскій.

Въ ночь съ 7-го (18-го) на 8-е (19-е) мая переправились черезъ Днѣстръ два русскихъ корпуса: Кутузова подъ Могилевомъ и Дунина

у Сорокъ. Одновременно перешелъ границу ольвіопольскій корпусъ, а три дня спустя вступилъ въ Польшу васильковскій корпусъ.

О поводахъ къ вступленію русскихъ войскъ въ Рѣчь Посполитую Каховскій извѣстилъ поляковъ плакатомъ, который вмѣстѣ съ русской декларацiей былъ присланъ ему изъ Петербурга, въ количествѣ 500 экземпляровъ для распространенія по помѣстьямъ и мѣстечкамъ. Въ этихъ плакатахъ жителей увѣряли въ дружелюбныхъ намѣреніяхъ русскаго войска, приглашали ихъ присоединиться къ конфедераціи, обѣщая всѣмъ личную безопасность и неприкосновенность имущества, и угрожая наказаніемъ всякому, кто будетъ противиться волѣ императрицы.

При томъ, крайне неудовлетворительномъ положеніи, въ какомъ находились польскія войска, они не могли, разумѣется, оказать русской арміи никакого сопротивленія; война состояла, въ сущности, въ томъ, что польскія войска постоянно отступали передъ русскими. Значительная битва была въ началѣ іюня при деревнѣ Деревичи, недалеко отъ Любара, гдѣ потерпѣлъ пораженіе Віельгорскій.

Второй упорный бой былъ при Зеленцѣ, недалеко отъ Полоннаго, гдѣ генералъ Марковъ удержалъ поле сраженія, несмотря на превосходное число непріятеля.

Каховскій преслѣдовалъ польскую армію по пятамъ, съ намѣреніемъ окружить ее и заставить сдаться въ плѣнъ, и расчищалъ путь генеральной коронной конфедераціи.

Изъ конфедератовъ первымъ выѣхалъ изъ Петербурга Злотницкій-передъ отъѣздомъ онъ былъ представленъ императрицѣ и удостоился отъ нея подарка, который онъ, однако, не принялъ, вѣроятно для того, чтобы доказать свое республиканское безкорыстіе. Ему было поручено сконфедеровать подольское воеводство и вести переговоры съ польскимъ войскомъ. По дорогѣ его нагналъ посланный Щенснаго-Потоцкаго съ письмомъ, въ которомъ маршалъ просилъ его повременить собираніемъ конфедераціи и не вступать въ переговоры съ польскимъ войскомъ до полученія отъ него дальнѣйшихъ указаній, мотивируя это тѣмъ, что конфедераты выѣдутъ изъ Петербурга нѣсколько позднѣе, чѣмъ предполагали.

Получивъ это письмо, Злотницкій поѣхалъ въ Яссы, куда онъ прибылъ 3-го (14-го) мая, а затѣмъ въ Хотинъ для разсылки оттуда своимъ пріятелямъ писемъ [1]. Въ Хотинѣ ему представился случай начать дѣйствовать до полученія дальнѣйшихъ приказаній отъ генеральнаго маршала конфедераціи. Встрѣтивъ 7-го (18-го) мая въ пограничномъ селѣ Новоселицахъ своего товарища, Яна Илинскаго, служившаго въ кавалерiи

[1]) Донесеніе Каховскаго мипературицѣ отъ 11-го (22-го) мая 1792 года (Сборникъ, т. 47, стр. 33).

леріи народовой, онъ сталъ уговаривать его дезертировать съ 30 или 40 рядовыми въ Могилевъ, за чтó обѣщалъ ему штабъ-офицерскій чинъ и 500 дукатовъ.

«Вскорѣ,—говорилъ онъ Илинскому,—въ Польшу вступитъ съ трехъ сторонъ болѣе 75.000 русскаго войска, а 4.000 народовой кавалеріи и пѣхоты только и ждутъ прибытія конфедератовъ, чтобы отдать себя въ ихъ распоряженіе. Мы обратимъ костелъ, сооруженный для увѣковѣченія памяти о конституціи 3-го мая, въ провіантскій магазинъ» [1]).

Склонить Илинскаго къ дезертирству Злотницкому, однако, не удалось, и онъ отправился 8-го (19-го) мая въ Могилевъ, куда пріѣхалъ и червоноградскій кравчій Северинъ Качковскій, и гдѣ они совѣщались съ Каховскимъ, въ ожиданіи приказаній отъ генеральнаго маршала.

Щенсный-Потоцкій выѣхалъ изъ Петербурга 26-го апрѣля (7-го мая), а 9-го (20-го) числа того же мѣсяца былъ въ Елисаветградѣ и въ тотъ же день писалъ Злотницкому, прося его приступить къ исполненію возложеннаго на него дѣла.

Тогда Злотницкій, принявъ званіе маршала подольскаго воеводства, началъ вмѣстѣ съ Качковскимъ составлять и разсылать письма къ офицерамъ польскаго короннаго войска и къ обывателямъ. Письма эти развозились казаками, которые прятали ихъ за пазуху, въ шапку, въ лошадиной гривѣ, подъ сѣдломъ и т. п.

Однако, несмотря на всѣ усилія конфедератовъ, вооруженіе шло крайне плохо.

Польскій народъ узналъ оффиціально о состоявшейся конфедераціи впервые не отъ ея творцовъ, а изъ плакатовъ Каховскаго и изъ опубликованной деклараціи русскаго правительства. Въ этихъ документахъ говорилось о конфедератахъ и о томъ, что императрица, уступая ихъ просьбамъ, рѣшилась помочь польскому народу, но не говорилось, кѣмъ именно, когда и гдѣ была составлена конфедерація. Въ Варшавѣ все это было извѣстно изъ сообщеній Деболи.

Только по вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу, когда Каховскій уже распространилъ свои плакаты, генеральная коронная конфедерація сочла нужнымъ заявить о своемъ существованіи польскому народу, издавъ въ Тарговицѣ, 8-го (19-го) мая, универсалъ, который былъ составленъ еще въ Петербургѣ, но подписанъ конфедератами только 3-го (14-го) мая въ Тарговицѣ.

Въ Тульчинѣ конфедерація получила впервые правильную организацію.

Главную заботу конфедератовъ составлялъ недостатокъ собственнаго войска. У нихъ былъ всего одинъ полкъ легкой конницы, въ составъ

[1]) Показаніе Илинскаго (Militaria, т. V).

котораго вошло нѣсколько сотъ человѣкъ, набранныхъ въ украинскихъ имѣніяхъ Потоцкаго, изъ окрестностей Елисаветграда и Тарговицъ. Кромѣ того въ Тульчинѣ Потоцкій не нашелъ никакого оружія, такъ какъ оно было забрано княземъ Понятовскимъ. Гетманы находились постоянно въ лагеряхъ русскихъ генераловъ, и вся сила конфедераціи опиралась на русскую армію. Это роняло ее въ глазахъ императрицы и польскаго народа. Поэтому Потоцкій употребилъ все свое стараніе, чтобы устранить этотъ недостатокъ. Онъ обратился къ командирамъ польской арміи съ посланіемъ, въ которомъ предлагалъ имъ, во избѣжаніе пролитія польской крови, идти вмѣстѣ съ конфедератами на защиту польской вольности и не сражаться напрасно противъ монархини, которую Провидѣніе избрало, чтобы освободить Польшу изъ неволи.

Екатерина, рескриптомъ отъ 12-го (23-го) іюня [1], повелѣла Каховскому и барону Бюллеру принять противъ конституціонной партіи самыя суровыя мѣры, издавъ отъ имени конфедераціи декреты «противъ всѣхъ мятежниковъ и противниковъ ея законной власти Весьма важно, чтобъ конфедерація немедленно заявила эту власть»,— писала императрица, «и приступила къ такимъ мѣрамъ, для укрощенія и обузданія умовъ, которыхъ надежда на безнаказанность только поощряетъ къ дерзости и насилію. Итакъ, вы сдѣлаете представленія объ этомъ маршалу конфедераціи и его главнымъ совѣтникамъ, удостовѣривъ ихъ, что гдѣ только понадобится для праваго дѣла помощь моихъ войскъ, тамъ они вездѣ могутъ на нее разсчитывать».

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стр. 384.

Воспоминанія педагога [1]).

Реформа кадетскихъ корпусовъ [2]).

Въ мартѣ 1863 года военно-учебныя заведенія принялъ свиты его величества генералъ-маіоръ Николай Васильевичъ Исаковъ [3]). Въ это время вопросъ о преобразованіи кадетскихъ корпусовъ былъ уже рѣшенъ, и генералу Исакову оставалось только привести въ исполненіе самую реформу на тѣхъ основаніяхъ, которыя были выработаны до него. Николай Васильевичъ былъ не такой человѣкъ, чтобы задумываться надъ вопросомъ, какъ бы реформа не отразилась гибельно на воспитывавшихся тогда въ корпусахъ дѣтяхъ; онъ предпринялъ не преобразованія а ничѣмъ не оправдываемую ломку, не заботясь о жертвахъ, хотя жертвами (не говоря о служащихъ) были дѣти и юноши

---

[1]) См. „Русскую Старину" сентябрь 1904 г

[2]) Эта часть записокъ была составлена мною во время самаго преобразованія кадетскихъ корпусовъ; почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ преобразованія я, при чтеніи этихъ записокъ, найдя ихъ во многихъ мѣстахъ слишкомъ рѣзкими, старался ихъ смягчить; но, несмотря на столь продолжительное протекшее время, я, какъ служившій тогда въ 1-мъ корпусѣ и лично видѣвшій по истинѣ ужасное преобразованіе 1-го корпуса, до сихъ поръ еще не могу вполнѣ спокойно отнестись не къ теоретической сторонѣ дѣла, противъ которой я ничего не могу сказать, но къ самому исполненію его. При чтеніи, во мнѣ снова подымалось возмущающее душу чувство; поэтому хотя я нѣсколько разъ прочиталъ и исправлялъ настоящія записки свои, съ цѣлью дать имъ вполнѣ спокойный тонъ, я не ручаюсь, чтобы мнѣ это удалось достигнуть.

[3]) Умеръ въ должности члена Государственнаго Совѣта и генераломъ-отъ-инфантеріи въ 1891 году.

Согласно составленному плану, генералъ Исаковъ долженъ былъ въ 1863 году ограничиться слѣдующими преобразованіями: 1) закрыть одинъ корпусъ (указывалось на Виленскій Александровскій), 2) соединить спеціальные классы всѣхъ корпусовъ въ трехъ училищахъ: Константиновское, уже существовавшее при Я. И. Ростовцовѣ, другія же два предполагалось открыть на мѣсто двухъ какихъ-нибудь корпусовъ, одного въ Петербургѣ и одного въ Москвѣ; 3) въ видѣ опыта одинъ изъ петербургскихъ корпусовъ преобразовать въ военную гимназію.

Первый вопросъ состоялъ въ закрытіи Александровскаго Виленскаго кадетскаго корпуса, къ чему и было приступлено въ началѣ іюня, тотчасъ по окончаніи экзаменовъ въ этомъ корпусѣ. Вотъ какъ было произведено это закрытіе.

Въ пятницу вечеромъ, совершенно неожиданно для служащихъ, пріѣзжаетъ въ Вильну помощникъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній генералъ-маіоръ Никита Васильевичъ Корсаковъ и объявляетъ, что корпусъ немедленно закрывается, что черезъ два дня, т. е. въ понедѣльникъ, воспитанники должны быть на вокзалѣ желѣзной дороги для отправки въ Петербургъ, что видно по обмундированію; бѣлье, книги, библіотека, аптека и кабинеты физическій, химическій и военные должны быть упакованы въ ящики и отправлены въ Петербургъ, а мебель должна быть продана теперь же. Я бы могъ привести многіе возмутительнаго свойства разсказы служившихъ въ это время въ Виленскомъ корпусѣ офицеровъ о томъ, какъ распродавалось казенное имущество; но въ запискахъ своихъ я держусь правила говорить только то, что я самъ видѣлъ, или за вѣрность чего могу ручаться, поэтому я не рѣшаюсь повторять слова лицъ, совершенно обиженныхъ при этомъ обстоятельствѣ. Довольно сказать, что такъ какъ покупщиками вещей явились одни евреи, которые въ пятницу вечеромъ и въ субботу ничего не покупаютъ, то все имущество пришлось распродать въ одинъ воскресный день. Можно себѣ представить, за что пошли казенныя вещи, и что потеряли несчастные дежурные офицеры и ротные командиры, обязанные также продать въ одинъ день все свое добро евреямъ, которые конечно не упустили случая прижать невольныхъ продавцовъ.

По своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, воспитанники Александровскаго Виленскаго корпуса были раздѣлены на три части: одну часть помѣстили въ зданіе 1-го кадетскаго корпуса на Васильевскомъ островѣ, а двѣ остальныя на Петербургской сторонѣ въ Павловскомъ и во 2-мъ кадетскихъ корпусахъ. Офицерамъ и ротнымъ командирамъ, даже и семейнымъ, отвели каждому по одной классной комнатѣ. На этомъ бивакѣ, почти безъ всякаго дѣла, воспитанники упраздненнаго Виленскаго корпуса провели время до конца іюля, когда ихъ постепенно распре

дѣлили по разнымъ корпусамъ: меньшую часть оставили въ Петербургѣ, а большую часть опять вывезли изъ Петербурга въ разные губернскіе корпуса [1]).

Въ вопросѣ о преобразованіи корпусовъ въ военныя училища остановились на 1-мъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ и на Александринскомъ сиротскомъ корпусѣ въ Москвѣ. Но генералъ Ванновскій хотѣлъ получить военное училище, гдѣ фронтъ и военная дисциплина были на первомъ планѣ, и вотъ онъ начинаетъ хлопотать о томъ, чтобы не 1-й, а Павловскій корпусъ былъ преобразованъ въ военное училище. Какіе доводы приводилъ Ванновскій въ пользу своего мнѣнія, мнѣ не извѣстно, но ему удалось убѣдить генерала Исакова, который согласился обратить Павловскій корпусъ въ военное училище, директору же 1-го корпуса, генералъ-маіору Николаю Павловичу Гартонгу, было сказано, что 1-й корпусъ будетъ преобразованъ въ военную гимназію черезъ годъ, т. е. въ 1864 году, а пока отъ него только отдѣляютъ спеціальные классы въ военныя училища. Достигнувъ своей главной цѣли, ген. Ванновскій пожелалъ перемѣститься въ зданіе 1-го корпуса. Онъ началъ заявлять генералу Исакову о неудобствахъ, какія представляетъ зданіе Павловскаго корпуса на Петербургской сторонѣ (гдѣ нѣкогда помѣщался Дворянскій полкъ) для будущаго военнаго училища. Онъ указывалъ, что для правильнаго исполненія возложеннаго на него порученія, было бы удобнѣе и цѣлесообразнѣе

---

[1]) Много говорили тогда въ Петербургѣ о причинѣ такого быстраго закрытія Виленскаго Александровскаго корпуса. Разсказывали о тѣхъ симпатіяхъ, которыя проявляли воспитанники этого корпуса, по большей части поляки, бывшему въ то время повстанью. Между прочимъ извѣстенъ тотъ фактъ, что когда генералъ Ганецкій, бывшій тогда начальникомъ собранныхъ тамъ войскъ, проѣзжалъ мимо корпуса, то воспитанники стали стучать ему въ окна, а когда онъ посмотрѣлъ на окна, то грозили ему кулаками. Разсказывали также, что унтеръ-офицеръ какого-то полка донесъ своему начальству, что старшіе воспитанники корпуса, разговаривая съ караульными солдатами, стоявшими въ зданіи корпуса, совѣтовали имъ не стрѣлять въ своихъ же братьевъ поляковъ. Какъ бы тамъ ни было, но достаточно было перевести воспитанниковъ спеціальныхъ классовъ въ другіе корпуса, гдѣ и распредѣлить ихъ по 10-ти въ корпусѣ; тамъ ихъ польскія идеи среди русскихъ дѣтей не могли бы имѣть никакого дурнаго вліянія, и остальные классы можно было бы оставить на мѣстѣ до августа, когда и пополнить ими другіе корпуса, замѣстивъ ими открывшіяся вакансіи. Во всякомъ случаѣ можно было не разорять ни несчастныхъ служащихъ, ни казенное добро такимъ неожиданнымъ закрытіемъ; больше же всего пострадали дѣти, жившія безъ дѣла слишкомъ два мѣсяца. Бывшее зданіе Виленскаго корпуса было тотчасъ занято госпиталемъ; но не нужда въ госпиталѣ заставила закрыть корпусъ, а оставшееся свободнымъ зданіе, какъ ненужное, отдано было госпитальному вѣдомству.

перевести Павловскій корпусъ на Васильевскій островъ въ зданіе 1-го кадетскаго корпуса, гдѣ и преобразовать его въ училище, а 1-му корпусу отдать зданіе Павловскаго корпуса, зданіе котораго для военной гимназіи гораздо удобнѣе, нежели зданіе 1-го корпуса.

Казалось бы, что, убѣдившись въ истинѣ словъ ген. Ванновскаго, Исаковъ могъ бы просто распорядиться преобразованіемъ 1-го корпуса въ военное училище, а Павловскаго въ военную гимназію; онъ могъ бы по крайней мѣрѣ спросить директора 1-го корпуса, точно-ли ему удобнѣе будетъ помѣстить будущую военную гимназію въ зданіи Павловскаго корпуса. Но не таковъ былъ генералъ Исаковъ, чтобы серьезно задумываться надъ какими бы то ни было вопросами. Онъ даже не обратилъ вниманія на странныя, противорѣчившія одна другой, просьбы генерала Ванновскаго; онъ просто отдалъ приказъ въ іюнѣ 1863 года, чтобы къ августу 1-й и Павловскій корпуса помѣнялись своими зданіями.

Такимъ образомъ 1-й корпусъ, существовавшій съ 1731 г., уже отпраздновавшій свой стодвадцатипятилѣтній юбилей, бывшій первымъ свѣтскимъ училищемъ въ Россіи, когда не существовало ни одной гимназіи, ни одного университета,—корпусъ, который далъ уже Россіи много славныхъ военныхъ, государственныхъ и литературныхъ дѣятелей, вдругъ однимъ почеркомъ пера изгоняется изъ его историческаго зданія. Директоръ 1-го корпуса, генералъ Гартонгъ, обратился къ главному начальнику съ письменнымъ запросомъ, какъ поступить съ тѣми историческими памятниками, которые существуютъ въ заведеніи, и которыми гордятся кадеты 1-го кадетскаго корпуса, можетъ-ли онъ взять ихъ съ собою въ новое помѣщеніе, но получилъ въ отвѣтъ, чтобы оставить ихъ Павловскому училищу. Онъ спросилъ, разрѣшено-ли будетъ ему взять съ собою ту икону, которой благословилъ корпусъ императоръ Александръ Николаевичъ, при своемъ вступленіи на престолъ; велѣно было и ее оставить въ зданіи, а въ утѣшеніе воспитанниковъ разрѣшено было взять съ собою мундиръ покойнаго государя Николая Павловича, свое знамя и свой архивъ, все же остальное сдать Ванновскому. Такимъ образомъ однимъ ударомъ были разбиты всѣ хорошія традиціи 1-го корпуса. Воспитанники привыкли уважать исторію корпуса, они гордились тѣми замѣчательными личностями, которыхъ далъ 1-й корпусъ [1]); но когда они узнали, что все это попрано

---

[1]) Воспитанники до такой степени любили 1-й корпусъ, что дѣлали пожертвованія на украшеніе своей корпусной церкви, такъ всѣ мѣстные образа (большихъ размѣровъ) на иконостасѣ были въ серебряныхъ ризахъ, которыя начали кадеты постепенно дѣлать на свой счетъ. Увидѣвъ нѣкоторые образа уже въ ризахъ, прихожане пожелали своими пожертвованіями украсить и остальные ризами. При сдачѣ корпуса ризы снимали и вѣшали на вѣсахъ гг. пріемщики отъ Павловскаго корпуса.

Исаковымъ да Ванновскимъ, они пришли въ полное негодованіе и громко стали выражать свое неудовольствіе, говоря: къ чему намъ говорили, что мы должны гордиться своимъ воспитаніемъ въ 1-мъ корпусѣ, когда одинъ человѣкъ, по своей прихоти, можетъ уничтожить все, что намъ дорого; намъ даже не позволяютъ дорожить благословленіемъ государя; вотъ мундиръ не нуженъ Ванновскому, и онъ отдалъ намъ его, а болѣе цѣнныя вещи забралъ себѣ... Годъ спустя послѣ такого погрома, мнѣ пришлось по одному дѣлу лично явиться къ генералу Исакову; ему почему-то вздумалось ходить со мною взадъ и впередъ по діагонали своей пріемной комнаты, при этомъ онъ жаловался, что онъ, посѣщая школы въ Англіи, съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ тамъ ученики дорожатъ своимъ заведеніемъ, уважаютъ его, дорожатъ исторіею, и какъ мало это развито у насъ въ Россіи. По истинѣ человѣкъ самъ не вѣдалъ, что творилъ! Много лѣтъ спустя мнѣ пришлось встрѣтиться въ Кіевѣ съ генераломъ Ванновскимъ, который былъ тогда начальникомъ дивизіи; я прямо выразилъ ему удивленіе, какъ только могло быть допущено такое отношеніе къ 1-му корпусу. Онъ отвѣтилъ мнѣ на это слѣдующее: «да слишкомъ поцеремонились тогда съ однимъ человѣкомъ, все это произошло оттого, что не хотѣли сдѣлать начальникомъ училища Гартонга». Въ это время я уже ничему больше не удивлялся и потому не удивился даже этому отвѣту.

Все это было очень дурно, но худшее было еще впереди; казалось, что генералъ Исаковъ имѣлъ какую-то личную непріязнь къ 1-му корпусу и поставилъ себѣ задачею во что бы то ни стало привести 1-й корпусъ къ полному упадку.

При рѣшеніи вопроса, какой корпусъ преобразовать раньше другихъ въ военную гимназію, генералъ Исаковъ остановился на 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, по указанію инспектора классовъ этого корпуса, полковника Да—ича.

Да—ичъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ коммиссіи по преобразованію военно-учебныхъ заведеній, обсуждавшей вопросъ о преобразованіи подъ предсѣдательствомъ Д. А. Милютина. Ловкій, но въ то же время умный и образованный, человѣкъ этотъ умѣлъ обратить на себя вниманіе военнаго министра, который и рекомендовалъ его Исакову, какъ лучшаго его помощника въ предстоявшемъ преобразованіи кадетскихъ корпусовъ. Генералъ Исаковъ сказалъ Да—ичу, что при преобразованіи корпусовъ въ военныя гимназіи прежніе директора корпусовъ будутъ устранены отъ своихъ должностей и первую вакансію на должность директора гимназіи онъ предоставитъ ему—Д—ичу.

Какъ разъ въ это время (1863 г.) директоръ 2-го кадетскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Степановъ, рѣшился оставить корпусъ, и

полковнику Д—чу предложено было принять корпусъ и, согласно его просьбѣ, приступить къ преобразованію его въ военную гимназію.

Да — ичъ съумѣлъ обойти молчаливаго, величаваго Николая Васильевича Исакова. Онъ заявилъ, что такъ какъ онъ открываетъ военную гимназію первымъ, дѣлаетъ первый опытъ, то онъ непремѣнно долженъ сразу поставить новое заведеніе въ отличное состояніе, чтобы враги реформы военно-учебныхъ заведеній увидѣли бы пользу отъ преобразованія. Поэтому ему необходимо отобрать въ свое заведеніе болѣе молодыхъ (подразумѣвалось лучшихъ) воспитанниковъ изъ всѣхъ петербургскихъ корпусовъ, т. е. 1-го, 2-го и Павловскаго, оставивъ застарѣлыхъ воспитанниковъ 1-го корпуса въ томъ же заведеніи и пополнивъ комплектъ его худшими воспитанниками 2-го и Павловскаго корпуса. Получивъ на это согласіе Исакова, онъ потребовалъ себѣ черезъ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній списки всѣхъ воспитанниковъ общихъ классовъ 1-го и Павловскаго корпуса, съ обозначеніемъ возраста каждаго воспитанника, балловъ за поведеніе, балловъ за ученіе, съ отмѣткою, кто изъ воспитанниковъ оставался въ которомъ-нибудь классѣ. По этимъ спискамъ Да—ичъ лично выбралъ себѣ составъ своего заведенія, назначивъ всѣхъ засидѣвшихся въ корпусѣ, безнравственныхъ, лѣнивыхъ и тупыхъ воспитанниковъ трехъ корпусовъ въ 1-й корпусъ [1]).

Комплектъ какъ 1-го, такъ и 2-го корпуса былъ 600 человѣкъ, комплектъ Павловскаго корпуса—500 человѣкъ, всего 1.700 воспитанниковъ; изъ нихъ 150 человѣкъ вышли въ тотъ годъ изъ этихъ трехъ корпусовъ офицерами, около 400 переходило въ военныя училища; при отдѣленіи спеціальныхъ классовъ, оставалось 1.150 человѣкъ, которые и слѣдовало распредѣлить между 2-мъ и 1-мъ корпусами; но Да—ичъ упросилъ уменьшить свой комплектъ; ему разрѣшено было выбрать себѣ только 500 воспитаниковъ изъ 1.150.

Вслѣдствіе такого распоряженія, 1-й корпусъ пришелъ въ новое свое помѣщеніе изъ лагеря подъ Петергофомъ въ половинѣ августа 1863 года въ слѣдующемъ составѣ:

Переведенныхъ изъ 2-го корпуса.	139	человѣкъ
» » Павловскаго корпуса. . .	176	»
» » Виленскаго корпуса . . .	25	»
» » Тульскаго и Воронежскаго	2	»
Всего . .	342	»

[1]) Говорятъ, что Д—ичъ объявилъ прямо Исакову, что надо отлично обставить 2-ю воен. гимназію и въ то же время какъ можно хуже обставить 1-й кад. корпусъ, съ тѣмъ, чтобы явился рѣзкій контрастъ этихъ двухъ рядомъ стоящихъ заведеній, и тѣмъ расположить общество въ пользу преобразованія.

Къ этому числу прибавилось оставшихся въ 1-мъ корпусѣ 300 воспитанниковъ, да сверхъ того вновь поступило около 20 или 25 человѣкъ (точнаго числа я не записалъ).

Страннымъ покажется, почему бы назначить новичковъ въ 1-й корпусъ, а не опредѣлить ихъ прямо во вновь открытую 2-ю военную гимназію, гдѣ они могли бы сразу быть поставлены въ новыя условія воспитанія; но Да—ичъ, отказываясь отъ новичковъ, имѣлъ свой разсчетъ: новенькій воспитанникъ нерѣдко оказывался и лѣнивымъ, и безнравственнымъ мальчикомъ, его не узнаешь раньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ заведеніи, а Д—ичъ билъ на-вѣрняка: онъ выбиралъ уже испытанныхъ дѣтей, уже отлично аттестованныхъ прежнихъ кадетъ. Что же касалось того, что несчастные новички попадали въ зачумленную среду и, побывъ лишь одинъ годъ подъ управленіемъ стараго порядка, должны были затѣмъ черезъ годъ переходить къ новому режиму, то Да—чу до этого не было никакого дѣла, лишь бы дѣла шли хорошо. А Исаковъ легко соглашался на всякое предложеніе Да—ича.

Достигъ-ли по крайней мѣрѣ Да—чъ своей цѣли, привелъ-ли онъ свою гимназію въ образцовое состояніе? И умные люди могутъ горько ошибаться, особенно когда въ основаніи ихъ дѣйствій лежитъ не польза дѣла, а одни лишь посторонія разсчеты.

Лучшіе ученики 2-й военной гимназіи стали портиться, соревнуя выказать свои туземные виды молодечества. Въ ноябрѣ 1863 года эти лучшіе ученики вновь преобразованной военной гимназіи устроили такой скандалъ, который превзошелъ всѣ ходячія понятія о кадетскихъ бунтахъ. Генералъ Исаковъ пріѣхалъ на другой день въ военную гимназію и приказалъ Да—ичу вызвать наиболѣе виновныхъ въ этомъ скандалѣ. Были вызваны три воспитанника, которыхъ Исаковъ тотчасъ же велѣлъ отправить въ военно-начальную школу (батальонъ кантонистовъ) [1]). Одного изъ этихъ погубленныхъ дѣтей, переведеннаго въ августѣ того же года изъ 1-го корпуса, я хорошо зналъ и могу только пожалѣть, что такія способныя и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасныя дѣти, достигшія уже 15-ти лѣтняго возраста, были жертвами реформы. Такъ какъ остальные двое также были подобраны Да—ичемъ, какъ лучшіе ученики изъ трехъ заведеній, то конечно и они не тѣмъ бы окончили при другихъ условіяхъ.

Случай этотъ далъ поводъ Г. Г. Д—ичу указать на 1-й кор-

---

[1]) При этомъ ген. Исаковъ прибавилъ: „очень жаль, что вы нашли виновными только троихъ; но если комитетъ такъ призналъ, то пусть такъ и будетъ; если же что-нибудь подобное повторится, то представить къ переводу въ батальонъ военныхъ кантонистовъ по крайней мѣрѣ половину (!!).

пусъ какъ на главнаго виновника всѣхъ его бѣдъ. Тамъ, говорилъ онъ, другіе порядки, моимъ воспитанникамъ они больше нравятся, поэтому они недовольны и воспользовались первымъ случаемъ, чтобы произвесть такой скандалъ. Генералъ Исаковъ прямо изъ военной гимназіи явился въ 1-й корпусъ, который долженъ былъ вынести на себѣ еще одно нелѣпое его распоряженіе; но объ этомъ скажу ниже. Какъ вообще шло воспитаніе во вновь устроенной военной гимназіи, можно судить изъ того обстоятельства, что жители Петербургской стороны перестали ходить по той сторонѣ тротуара, гдѣ находилась 2-я военная гимназія, потому что ихъ постоянно обливали водой и чернилами, бросали въ нихъ шариками изъ бумаги или хлѣба, кустами штукатурки и т. п. [1]).

Но посмотримъ результаты сортировки въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Когда отобранные воспитанники пришли въ 1-й корпусъ, то оказалось, что отъ рвенія слить все худшее въ одно мѣсто собрано было слишкомъ много воспитанниковъ: вмѣсто 600 — 670. Директоръ корпуса обратился къ главному начальнику съ вопросомъ, что дѣлать ему съ оверхъ-комплектными воспитанниками, такъ какъ онъ не имѣетъ ни денежныхъ средствъ содержать ихъ и открывать для нихъ особыхъ классовъ, ни должнаго помѣщенія. Ему сказано было, чтобы онъ отдѣлилъ излишнихъ, которые и будутъ отправлены въ другіе корпуса. До конца сентября (полтора мѣсяца) отдѣленные 66-ть воспитанниковъ болтались безъ всякаго дѣла и, наконецъ, отправлены были 35 человѣкъ въ Тульскій корпусъ и 31—въ Орловскій. Тульскій корпусъ имѣлъ у себя тогда одни только низшіе классы, комплектъ былъ небольшой (кажется, 125 или 150 человѣкъ), и вдругъ въ это заведеніе являются 35 отчаянныхъ молодцовъ, побывавшихъ уже въ разныхъ корпусахъ, привыкшихъ къ праздности и сразу заявившихъ себя во всевозможныхъ проступкахъ. Директоръ корпуса генералъ-маіоръ Набель страшно испугался этого подарка, онъ убѣдительно сталъ просить главнаго начальника взять ихъ отъ него, такъ какъ они портятъ его воспитанниковъ. Онъ, наконецъ, успѣлъ въ этомъ и получилъ разрѣшеніе отправить полученный товаръ въ Орелъ [2]). Такимъ образомъ эти 35 человѣкъ снова поѣхали въ другой корпусъ.

---

[1]) Мѣстныя преданія объ этомъ подтверждаются журналомъ „Педагогическій Сборникъ" № V (февраль) 1865 г. стр. 71.

[2]) Передъ закрытіемъ Тульскаго корпуса въ 1866 году генералъ Набель былъ въ Петербургѣ, въ 1-й военной гимназіи; хотя уже прошло три года, онъ не могъ забыть этой присылки и при мнѣ горько жаловался бывшему тогда директору гимназіи генералу Баумгартену, что Гартонгъ отобралъ для него самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ, удивляясь при этомъ, какъ могли довести кадетъ до такого состоянія. Онъ и не подозрѣвалъ, что выбора никакого не было, а просто часть переведенныхъ изъ другихъ корпусовъ въ 1-й корпусъ—передали ему.

Директоромъ Орловскаго кадетскаго корпуса, а затѣмъ военной гимназіи, генералъ-маіоромъ Бушеномъ эти 66 воспитанниковъ были въ короткое время постепенно удаляемы изъ заведенія и изъ 66-ти—63 было выгнано, а въ военныя училища перешло только трое!!.. Фактъ этотъ, надѣюсь, говоритъ самъ за себя..... Это только первоначальныя жертвы реформы [1]...

Но возвратимся къ 1-му корпусу. При повѣркѣ по спискамъ состава вновь сформированнаго 1-го корпуса въ августѣ 1863 года оказалось, что возрастъ кадетъ вмѣсто того чтобы понизиться (вслѣдствіе отдѣленія спеціальныхъ классовъ), — значительно повысился. Пришлось на 600 воспитанниковъ открыть 21 классное отдѣленіе въ слѣдующемъ составѣ:

для 5-го общаго класса. . . .	5 отдѣленій	(около	150 чел.)
» 4-го » »	5 »	»	150 »
» 3-го » »	5 »	»	145 »
» 2-го » »	3 »	»	75 »
» 1-го » »	2 »	»	55 »
» приготовительнаго класса	1 »	»	25 »

При нормальномъ составѣ въ 5-мъ общемъ классѣ бывало обыкновенно 2 параллельныя отдѣленія, а въ приготовительномъ и 1-мъ классахъ по 4-ре отдѣленія.

Такъ какъ корпусъ по законному положенію долженъ былъ дѣлиться на пять ротъ 120 воспитанниковъ въ каждой, то въ неранжированную роту, гдѣ прежде были воспитанники до 12-ти лѣтъ, пришлось теперь помѣстить—даже слишкомъ 14-ти лѣтъ, такъ что многіе воспитанники, бывшіе уже въ 3-й и даже въ 1-й ротѣ, попали теперь въ неранжированную. Рота 1-я (его величества) и 4-я нисколько не различались возрастомъ, да и 2-я мало отличалась отъ нихъ, потому что Д—ичъ выбралъ себѣ только лучшихъ 25 воспитанниковъ 5-го общаго класса изъ трехъ корпусовъ, а остальныхъ цѣликомъ передалъ 1-му корпусу, но младшіе классы онъ у себя устроилъ многочисленные, такъ что 1-му корпусу эти классы достались на подборъ и дурные по поведенію, и малоспособные, и несоотвѣтственные возрасту. Тѣмъ не менѣе соста-

[1]) Я помѣстилъ это число исключенныхъ воспитанниковъ (63) на основіи словъ переведенныхъ воспитанниковъ Орловской военной гимназіи въ петербургскія военныя училища. Интересуясь судьбою этихъ несчастныхъ жертвъ, я къ нѣсколькимъ воспитанникамъ Орловской гимназіи обращался съ вопросомъ, много-ли было изгнано изъ переведенныхъ изъ 1-го корпуса, и всѣ они единогласно говорили мнѣ, что фактъ этотъ былъ хорошо извѣстенъ всему заведенію, такъ какъ онъ былъ предметомъ частаго разговора между служащими, а также между воспитанниками. То же самое мнѣ впослѣдствіи подтвердили и лица, служившія въ то время въ Орлѣ.

вившаяся неранжированная рота была устроена въ особомъ помѣщеніи и, при сравнительно небольшомъ числѣ воспитанниковъ (110 человѣкъ при 10 унтеръ-офицерахъ изъ 5-го класса), ихъ удалось привести въ должный порядокъ. Однако генералъ Исаковъ своимъ, какъ ниже увидимъ, неумѣстнымъ и неумѣлымъ вмѣшательствомъ во внутреннюю жизнь заведенія, съумѣлъ тутъ испортить дѣло.

Въ началѣ года, получивъ кадетъ изъ четырехъ корпусовъ, мы, служившіе тогда въ 1-мъ корпусѣ, полагали, что кадеты 2-го корпуса окажутся хуже остальныхъ, потому что воспитанниковъ 1-го и Павловскаго корпуса Да—чъ подбиралъ себѣ лишь по аттестатамъ, которые не всегда даютъ полное представленіе о нравственности аттестуемаго; воспитанниковъ же 2-го корпуса онъ зналъ лично и не могъ ошибиться въ выборѣ ихъ. Оказалось однако, что худшими вышли бывшіе кадеты Павловскаго корпуса, потомъ 2-го, затѣмъ 1-го, а лучшими—Виленскаго Александровскаго корпуса. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что небольшое число этихъ кадетъ (25 человѣкъ) не были выбраны какъ негодные и между ними попали очень хорошіе мальчики. Но выдающаяся испорченность кадетъ Павловскаго корпуса могла свидѣтельствовать о крайней распущенности и деморализаціи этого заведенія въ послѣдніе годы передъ преобразованіемъ, когда директоромъ былъ полковникъ, а потомъ генералъ-маіоръ Ванновскій.

Къ оставшимся въ 1-мъ корпусѣ 600 кадетамъ были приставлены дежурные офицеры, которые очень хорошо знали, что черезъ годъ никто изъ нихъ не останется въ заведеніи, такъ какъ предполагалось въ 1864 году преобразовать корпусъ въ военную гимназію, а при подобномъ преобразованіи, какъ показалъ примѣръ 2-й военной гимназіи, и хорошіе, и дурные офицеры поголовно оставлялись за штатомъ. Вслѣдствіе этого, офицеры отыскивали себѣ другія мѣста, а кто могъ, уходить прочь. Наличное число дежурныхъ офицеровъ стало быстро уменьшаться; сначала дошло до того, что за недостаткомъ офицеровъ по лазарету стали назначать дежурнымъ кадета 5-го класса (и это въ лазаретѣ, гдѣ постоянно были больные сифилисомъ), а въ концѣ года даже иногда и по двумъ ротамъ дежурилъ одинъ офицеръ. Собравши въ одно заведеніе все негодное изъ трехъ корпусовъ, не хотѣли даже установить порядочнаго надзора, не говоря уже о воспитаніи! Директоръ корпуса просилъ прикомандировать къ нему нѣсколькихъ офицеровъ, просившихся въ корпусъ, хотя на одинъ годъ, но отъ генерала Исакова получилъ отвѣтъ, что, вслѣдствіе имѣющихся въ виду преобразованій, прикомандировывать на время новыхъ лицъ—не стоитъ [1]. Тогда директоръ просилъ прислать къ нему по крайней мѣрѣ

[1]) Отказъ мотивировался тѣмъ, что остающимся за штатомъ приходилось выдавать не въ зачетъ годовой окладъ, слѣдовательно, на трехъ офицеровъ,

тѣхъ офицеровъ, которые находились при военно-начальной школѣ, но считались состоящими въ 1-мъ корпусѣ, гдѣ, изъ суммъ 1-го корпуса, получали жалованье,—ему отвѣтили, что они и тамъ нужны. Кромѣ того, положеніе самихъ начальствующихъ лицъ было не обезпеченное.

Разумѣется, что при подобной обстановкѣ не могло быть и рѣчи объ исправленіи дурныхъ воспитанниковъ, да и оставшіеся хорошіе мальчики и новички стали замѣтно портиться. Проступки, которые прежде считались выходящими изъ ряда обыкновенныхъ, теперь стали явленіемъ нормальнымъ, и на нихъ не обращалось почти никакого вниманія. Въ заведеніи развились: пьянство (не рѣдко цѣлыми компаніями), венерическія болѣзни, картежная игра, кража казенныхъ книгъ и продажа ихъ на толкучемъ рынкѣ (одинъ воспитанникъ, лютеранинъ, былъ отпущенъ къ пастору на конфирмацію и встрѣченъ былъ на улицѣ съ узломъ казенныхъ книгъ, которыя онъ несъ на продажу), подписываніе подъ руку учителей на выдачу бумаги въ большомъ количествѣ и т. п. Сверхъ того бывало много случаевъ дѣйствій воспитанниковъ скопомъ, и всегда зачинщиками оказывались кадеты бывшаго Павловскаго корпуса.

Въ ноябрѣ трое воспитанниковъ (одинъ 2-го корпуса и 2 Павловскаго), будучи въ отпуску, зашли въ распивочную и выпили водки; на улицѣ одинъ изъ нихъ опьянѣлъ и упалъ (2-го корпуса, видно еще не привыкъ пить), тогда другіе двое пошли за извощикомъ, но въ это время его взяли въ полицію, о чемъ тотчасъ донесли оберъ-полицеймейстеру, а тотъ донесъ государю. Государь, не знавшій, что изъ 1-го корпуса была сдѣлана помойная яма, куда сливали все негодное, разгнѣвавшись, сказалъ: «никогда ничего подобнаго я не видалъ въ

въ прикомандированіи которыхъ отказывали, приходилось выдать лишніе 900 рублей. Эти 900 р. показались такими большими деньгами въ то время, когда зря кидали десятки тысячъ! Такъ, всѣ чины (директоръ, инспекторъ классовъ, офицеры, учителя) вновь переименованнаго Павловскаго училища получили неизвѣстно за что годовой окладъ каждый, точно также получили годовые оклады всѣ чины 2-й военной гимназіи, Александровскаго училища въ Москвѣ и всѣ переведенные изъ одного заведенія въ другое не фактически, а хотя бы только по названію. Директоръ 2-й военной гимназіи, оставаясь въ той же квартирѣ, какую онъ занималъ, будучи въ званіи директора 2-го кадетскаго корпуса, только потому, что онъ сталъ называться директоромъ военной гимназіи, получаетъ годовой окладъ. Были многочисленные случаи, что служащій, даже не перемѣнившій казенной квартиры, получалъ годовой окладъ только потому, что заведеніе его получало другое названіе. Чины же 1-го корпуса, хотя и переѣхали въ другое зданіе, но такъ какъ они остались съ тѣмъ же названіемъ 1-го корпуса,—ничего не получили.

1-мъ корпусѣ», и съ тѣхъ поръ на всѣхъ разводахъ и парадахъ, гдѣ участвовали также кадеты 1-го корпуса, проходилъ мимо кадетъ, не здороваясь. Точно также ни одного раза въ томъ году онъ не посѣтилъ 1-й корпусъ. И тѣ, которые имѣли смѣлость испортить заведеніе, не имѣли мужества оправдать невинныхъ передъ лицомъ государя!

Генералъ Исаковъ посѣтилъ заведеніе въ сентябрѣ, молча ходилъ цѣлый часъ и молча уѣхалъ. Въ октябрѣ онъ посѣтилъ заведеніе во второй разъ во время утреннихъ классовъ. Во время перемѣны онъ замѣтилъ табачный дымъ, который наполнялъ классный корридоръ, и обратился къ директору съ вопросомъ: «отчего это дымъ?» Генералъ Гартонгъ, озлобленный на всѣ тѣ невзгоды, которыя ему пришлось вынести вмѣстѣ съ заведеніемъ, отвѣчалъ хладнокровно: это курятъ воспитанники въ ватеръ-клозетѣ.—«Отчего же вы не запретите?»—Я имъ запрещаю, но не имѣю достаточнаго числа офицеровъ для усиленнаго надзора, и этотъ проступокъ сдѣлался у насъ ничтожнымъ сравнительно съ другими, на которые приходится больше обращать вниманіе.

— Какъ же такъ, они не стѣсняются даже моимъ присутствіемъ? Собрать, по окончаніи классовъ, двѣ старшія роты въ залъ!

Двѣ старшія роты были приведены и построены въ библіотекѣ. Съ свойственнымъ ему спокойствіемъ и хладнокровіемъ, генералъ Исаковъ высказалъ имъ слѣдующее: «Вы позволяете себѣ курить даже и въ моемъ присутствіи, я это выведу. Васъ здѣсь болѣе двухсотъ человѣкъ, но васъ останется здѣсь полтораста, можетъ быть, и сто, можетъ быть, и меньше, остальные будутъ выгнаны, мнѣ это все равно, но только я вамъ объявляю, что я уничтожу ваше куреніе». Воспитанники улыбаются на эту рѣчь. Генералъ Исаковъ обратился къ директору: «дежурнаго по корпусу—на трое сутокъ арестовать, также и дежурныхъ офицеровъ». Затѣмъ онъ уѣхалъ. Въ тотъ же день воспитанники послали доносъ военному министру на генерала Исакова.

Послѣ этого посѣщенія, генералъ Исаковъ, какъ кажется, закаялся показываться въ 1-й корпусъ, но бунтъ, учиненный воспитанниками 2-й военной гимназіи въ ноябрѣ, заставилъ его еще разъ явиться въ заведеніе. Высказавъ навѣенную на него Да—чемъ мысль, что безпорядокъ во 2-й гимназіи произошелъ отъ вліянія 1-го корпуса, онъ приказалъ директору старшую роту отдѣлить въ отдѣльное помѣщеніе. Когда же директоръ заявилъ ему, что у него въ зданіи такого помѣщенія нѣтъ, то онъ пошелъ самъ по заведенію и указалъ мѣсто неранжированной роты, которую приказалъ перевесть на мѣсто 1-й его величества роты, а 1-ю на мѣсто неранжированной. Напрасно генералъ Гартонгъ казывалъ все неудобство соединенія неранжированной роты съ другими ротами, напрасно онъ говорилъ, что старшую роту этимъ не отдѣлишь, а только неранжированную смѣшаешь съ другими, генералъ Исаковъ

остался при своемъ и съ тѣмъ уѣхалъ. Въ тотъ же день генералъ Гартонгъ собралъ воспитательный комитетъ, гдѣ и было изложено приказаніе генерала Исакова. Члены комитета единогласно признали приведеніе въ исполненіе этого приказанія крайне вреднымъ для заведенія, которымъ и безъ того съ такимъ трудомъ приходилось управлять; всѣ пришли просто чуть не въ отчаяніе и просили директора корпуса объяснить генералу Исакову всѣ дурныя послѣдствія, какія отъ этого надо ожидать для неранжированной роты, безъ всякой пользы для 1-й роты. Гартонгъ объявилъ, что онъ уже высказалъ свое мнѣніе Исакову и считаетъ себя не въ правѣ опять съ тѣмъ же являться къ нему, что приходится подчиниться приказанію и исполнить его.

И началось переселеніе; послѣдствія вышли самыя пагубныя. И маленькіе кадеты, и новички, все заразилось дурнымъ примѣромъ старшихъ: порча вышла поголовная.

А генералъ Исаковъ? Испортивъ въ конецъ заведеніе, онъ успокоился и съ тѣхъ поръ больше ни разу въ него не заглядывалъ до самаго преобразованія. Видя такое равнодушіе къ заведенію, какъ жалѣлъ потомъ директоръ, что онъ послушался Исакова и не оставилъ всего по-старому!

Впрочемъ, заведеніе вспомнило его еще разъ. На Крещенскомъ парадѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, воспитанники 1-й роты были также со знаменемъ 1-го корпуса. Государь, хотя въ началѣ и не поздоровался съ кадетами, но по окончаніи парада въ присутствіи кадетъ приказалъ отпустить всѣхъ участвовавшихъ въ парадѣ воспитанниковъ (двухъ училищъ и 1-го корпуса) въ отпускъ на три дня. По уходѣ государя генералъ Исаковъ, подойдя тутъ же во дворцѣ къ директору Гартонгу, сказалъ ему: «ваши довольно гуляли, можно ихъ не отпускать». (Между тѣмъ на репетицію парада кадеты должны были являться во время Рождественскихъ праздниковъ почти каждый день). Такой-то примѣръ исполненія царскаго приказа преподавался юношамъ![1]).

---

[1]) Позволю себѣ привести другой случай, который былъ мнѣ лично разсказанъ генераломъ Гартонгомъ тотчасъ послѣ того, какъ онъ былъ. Государь призвавъ къ себѣ ген. Исакова, наканунѣ назначеннаго имъ парада кадетъ въ лагеряхъ подъ Петергофомъ въ 1863 году, приказалъ Исакову разставить кадетскіе корпуса въ указанномъ имъ порядкѣ; ген. Исаковъ, выслушавъ приказаніе государя, уѣхалъ домой, не сказавъ никому ни слова. На другой день государь пріѣхалъ на парадъ и, замѣтивъ, что воспитанники стоятъ не такъ, какъ онъ приказалъ, обратился къ генералу Гартонгу (который въ тотъ годъ командовалъ кадетскимъ отрядомъ) съ вопросомъ: „развѣ тебѣ Исаковъ не передалъ моего приказанія?"—Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество,—отвѣчалъ Гартонъ. Государь, не сказавъ ни слова, пошелъ по фронту.

Не буду перечислять тѣхъ выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ проступковъ, какіе происходили въ 1-мъ корпусѣ въ этотъ злополучный для него годъ, достаточно упомянуть о двухъ изъ нихъ, чтобы составить понятіе о той средѣ, которую создали господа высшіе педагоги своими распоряженіями.

Рота 1-я (его величества) и 4-я поссорились между собою и объявили другъ другу, что при первой возможности они разсчитаются. Та и другая сторона принялись точить ножи. Въ промежутокъ времени между обѣдомъ и вечерними классами обѣ стороны бросились другъ на друга. Послѣдствія были бы ужасныя, если бы къ счастію не нашлось въ обѣихъ ротахъ человѣкъ до 25-ти, не одобрявшихъ воинственный пылъ своихъ товарищей; они заранѣе условились быть постоянно насторожѣ и не допустить свалки. Находясь все свободное время около ружей, эти нейтральные, замѣтивъ движеніе, схватили ружья и, помѣстившись въ дверяхъ, не допускали противниковъ сойтись. Одинъ изъ воспитанниковъ, по приказанію дежурнаго офицера, отправился на квартиру директора и сообщилъ о готовящейся дракѣ на ножахъ. Директоръ корпуса, явившись въ роту, прочелъ длинный списокъ тѣхъ кадетъ, которыхъ онъ немедленно поѣдетъ представить къ исключенію въ полки рядовыми, если драка состоится. Кадеты пожалѣли переименованныхъ товарищей и рѣшились помириться.

Учебная часть была въ началѣ года правильно установлена, но и здѣсь Исаковъ показалъ свое полное равнодушіе (чтобы не сказать пренебреженіе) къ заведенію. Инспекторъ классовъ 1-го корпуса, генералъ-маіоръ Линденъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ былъ назначенъ директоромъ Омскаго кадетскаго корпуса; на мѣсто его лишь 1-го сентября былъ Исаковымъ присланъ въ 1-й корпусъ полковникъ Николай Павловичъ Воронцовъ-Вельяминовъ при запискѣ, въ которой приказывалось директору корпуса выдавать ему инспекторское жалованье, начиная съ 15-го августа. Въ началѣ сентября государь императоръ, на представленіи о назначеніи полковника Воронцова-Вельяминова въ должность инспектора классовъ 1-го кадетскаго корпуса, вычеркнулъ его фамилію, и такимъ образомъ 1-й корпусъ остался безъ инспектора.

Воронцовъ-Вельяминовъ представляетъ довольно замѣчательную личность, поэтому нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ какъ о немъ самомъ, такъ и о причинѣ нежеланія государя сдѣлать его инспекторомъ классовъ въ 1-мъ корпусѣ.

Окончивъ курсъ въ Артиллерійской академіи, Воронцовъ-Вельяминовъ поступилъ учителемъ математики и артиллеріи въ кадетскій корпусъ въ Москвѣ. Во время Крымской войны, когда для доставленія студентамъ университета возможности поступать въ военную службу было

введено въ университетахъ преподаваніе военныхъ наукъ, Воронцовъ-Вельяминовъ назначенъ былъ читать студентамъ лекціи артиллеріи. Чтеніями этими Воронцовъ-Вельяминовъ на столько съумѣлъ заинтересовать студентовъ и даже профессоровъ, посѣщавшихъ его лекціи, что совѣтъ университета сдѣлалъ представленіе (которое не было утверждено) о сохраненіи каѳедры артиллеріи на математическомъ факультетѣ и въ мирное время. Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, будучи тогда профессоромъ университета, очень скоро оцѣнилъ умнаго и образованнаго Воронцова-Вельяминова и предложилъ ему сотрудничество въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ «Московскихъ вѣдомостяхъ». Въ 1863 году, во время польскаго возстанія, «Московскія вѣдомости», какъ извѣстно, представляли органъ національной партіи; органъ этотъ разбиралъ дѣйствія правительства въ царствѣ Польскомъ, осуждалъ неумѣлость администраторовъ и нерѣшительность правительственныхъ мѣръ къ подавленію возстанія. «Московскія вѣдомости» встрѣтили сочувствіе во всемъ русскомъ обществѣ и расходились въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Вотъ почему великій князь Константинъ Николаевичъ (бывшій тогда намѣстникомъ) писалъ М. Н. Каткову, что такая распространенная газета, какъ «Московскія вѣдомости», неправильно судитъ о дѣйствіяхъ правительства въ царствѣ Польскомъ, что̀ происходитъ отъ неимѣнія на мѣстѣ дѣйствія постояннаго корреспондента, который могъ бы слѣдить за ходомъ дѣлъ. На предложеніе великаго князя прислать въ Варшаву корреспондента, Михаилъ Никифоровичъ изъявилъ согласіе и обратился къ Воронцову-Вельяминову съ просьбой взять на себя эту обязанность, выбравъ себѣ помощника по своему усмотрѣнію. Въ это время Воронцовъ-Вельяминовъ состоялъ въ должности инспектора классовъ Александровскаго сиротскаго кадетскаго корпуса въ Москвѣ; онъ воспользовался наступившимъ каникулярнымъ временемъ и согласился ѣхать въ Вильно и въ Варшаву на три лѣтніе мѣсяца, т. е. на іюнь, іюль и августъ, помощникомъ же себѣ выбралъ своего помощника по службѣ поручика Павла Николаевича Юшенова.

Константинъ Николаевичъ принялъ Воронцова-Вельяминова очень любезно, безпрестанно приглашалъ его къ завтраку и къ своему столу. Умный и прямой Воронцовъ-Вельяминовъ все видѣлъ и умѣлъ здраво оцѣнить. Начали появляться въ «Московскихъ вѣдомостяхъ» корреспонденціи, которыя приводили въ ужасъ великаго князя. Видя безуспѣшность всѣхъ мѣръ, великій князь пожелалъ поскорѣе избавиться отъ неподкупнаго корреспондента: его перестали принимать у намѣстника, обращались болѣе чѣмъ холодно; жизнь его въ Варшавѣ сдѣлалась тяжелой, приходилось бѣжать, въ это же время уже истекалъ срокъ отпуска, и въ концѣ августа Воронцовъ-Вельями-

новъ оставилъ царство Польское. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Варшавы, Воронцовъ-Вельяминовъ счелъ своей обязанностью явиться къ великому князю; Константинъ Николаевичъ принялъ его очень любезно и предложилъ ему вопросъ, что онъ думаетъ съ собой дѣлать? Такъ какъ въ это время Александровскій сиротскій корпусъ былъ уже преобразованъ въ Московское александровское военное училище и инспекторомъ былъ назначенъ Сергѣй Александровичъ Слуцкій, то Воронцовъ-Вельяминовъ остался за штатомъ. Узнавъ это, Константинъ Николаевичъ предложилъ ему свое содѣйствіе и свою рекомендацію по какому угодно вѣдомству. Вѣря въ искренность словъ великаго князя, Воронцовъ-Вельяминовъ изъявилъ желаніе служить по министерству финансовъ. Великій князь написалъ письмо министру финансовъ и передалъ его запечатаннымъ Воронцову-Вельяминову. Это письмо Воронцовъ-Вельяминовъ лично доставилъ министру финансовъ, который, прочитавъ его, сказалъ, что онъ его устроитъ, но затѣмъ никакого дальнѣйшаго дѣйствія письмо не имѣло.

Когда государь получилъ представленіе о назначеніи полковника Воронцова-Вельяминова въ должность инспектора классовъ 1-го кадетскаго корпуса,то онъ сдѣлалъ на поляхъ такую надпись: «тотъ-ли это Воронцовъ-Вельяминовъ, который былъ лѣтомъ въ царствѣ Польскомъ?» и по полученіи отвѣта, что это тотъ самый, перечеркнулъ представленіе.

Когда генералъ Исаковъ сообщилъ Воронцову-Вельяминову, что ему нельзя оставаться въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній, по нежеланію государя, то Воронцовъ-Вельяминовъ сталъ искать другаго мѣста. Катковъ рекомендовалъ его министру внутреннихъ дѣлъ, который предложилъ ему должность, которая должна была вскорѣ открыться: предсѣдателя временной коммиссіи по надѣлу крестьянъ въ царствѣ Польскомъ. Представленіе было сдѣлано государю черезъ министра внутреннихъ дѣлъ: государь сдѣлалъ на поляхъ помѣтку: «не тотъ-ли это Воронцовъ-Вельяминовъ, который служитъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ?» По полученіи утвердительнаго отвѣта, государь перечеркнулъ представленіе.

Воронцовъ-Вельяминовъ очень безпокоился такимъ исходомъ дѣла; онъ явился къ военному министру Д. А. Милютину и разсказалъ ему все это. Д. А. принялъ участіе въ немъ и сказалъ, что если генералъ Исаковъ сдѣлаетъ вторичное представленіе его въ должность инспектора 1-го корпуса, или если министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлаетъ о немъ другое представленіе, то онъ лично будетъ ходатайствовать передъ государемъ императоромъ объ утвержденіи такого представленія. Генералъ Исаковъ отказался сдѣлать вторичное представленіе, министръ

же внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ второе представленіе, и государь подписалъ его [1]).

Около двухъ недѣль Воронцовъ-Вельяминовъ исправлялъ должность инспектора классовъ 1-го кадетскаго корпуса; въ половинѣ сентября онъ передалъ мнѣ разговоръ свой съ генераломъ Исаковымъ по поводу неутвержденія его въ должности, въ заключеніе сказалъ, что такъ какъ ген. Исаковъ обѣщалъ назначить новаго инспектора къ концу сентября, черезъ двѣ недѣли, то онъ, въ виду необходимости пріискать себѣ мѣсто, прекращаетъ свои занятія теперь же и проситъ меня остаться за инспектора эти двѣ недѣли. Между тѣмъ проходитъ мѣсяцъ, другой, инспекторъ не назначается; Воронцовъ-Вельяминовъ пока получаетъ инспекторское жалованье; онъ ѣдетъ къ ген. Исакову съ вопросомъ, не будетъ-ли онъ оставленъ инспекторомъ 1-го корпуса; но получаетъ отвѣтъ, что къ концу ноября явится въ корпусъ новый инспекторъ. Я снова остаюсь одинъ. Приходитъ Рождество, инспектора нѣтъ. Въ январѣ Воронцовъ-Вельяминовъ опять отправляется къ ген. Исакову, который объявляетъ ему, что въ этомъ мѣсяцѣ онъ пришлетъ инспектора. Проходитъ январь, февраль, мартъ, Исаковъ объявляетъ пріѣхавшему къ нему директору, что къ Святой недѣлѣ будетъ назначенъ инспекторъ. Такъ прошелъ учебный годъ, и инспекторъ былъ назначенъ только къ новому учебному году. Такимъ образомъ мнѣ пришлось цѣлый годъ исправлять должность инспектора классовъ въ заведеніи съ 600 отборныхъ воспитанниковъ, не имѣя помощника, не имѣя соотвѣтствующихъ правъ, не получая соотвѣтствующаго содержанія и, что̀ всего хуже,—это исполненіе тяжелой обязанности было даже неоффиціальное; не имѣя права, я былъ вполнѣ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ внизу, на инспекторской квартирѣ, жило лицо извѣстное всѣмъ какъ инспекторъ, но только не являющееся въ классы. Сколько я вынесъ труда и тяжелыхъ впечатлѣній въ теченіе этого ужаснаго для меня года, извѣстно только мнѣ, для котораго одно только воспоминаніе объ этомъ годѣ подымаетъ слишкомъ тяжелыя чувства, чтобы я могъ говорить объ этомъ.

Между тѣмъ переводъ 1-го корпуса на Петербургскую сторону вызвалъ ропотъ не только между воспитанниками и служащими, но и въ высшихъ военныхъ сферахъ, гдѣ было много лицъ, воспитывавшихся въ 1-мъ корпусѣ, дорожившихъ славою заведенія. Ропотъ этотъ усили-

---

[1]) Коммиссія для надѣла крестьянъ царства Польскаго существовала только, кажется, три года; послѣ закрытія ея, Воронцовъ-Вельяминовъ, по ходатайству попечителя Варшавскаго учебнаго округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника Витте, былъ назначенъ помощникомъ попечителя этого округа. Въ 1885 г. Воронцовъ-Вельяминовъ былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, въ 1897 г. онъ вышелъ въ отставку.

вался все болѣе и болѣе и наконецъ дошелъ до государя Александра Николаевича, который выразилъ свое неудовольствіе генералу Исакову на такое неуваженіе къ исторіи (никто однако не зналъ, что сдѣлали изъ 1-го корпуса, знали только объ его удаленіи изъ его зданія). Генералъ Исаковъ долженъ былъ исправить ошибку и не нашелъ ничего лучшаго, какъ въ концѣ учебнаго года внести въ проектъ высочайшаго приказа о преобразованіи 1-го кадетскаго корпуса въ 1-ю петербургскую гимназію—дополненіе этого приказа о приданіи Павловскому военному училищу названія **перваго** Павловскаго военнаго училища, о присвоеніи 1-й ротѣ этого училища—названія роты его величества, о передачѣ изъ 1-го корпуса въ Павловское военное училище мундира Николая Павловича, знамени 1-го корпуса, архива и другихъ историческихъ памятниковъ (таковыхъ не оказалось). Высочайшій приказъ этотъ напечатанъ въ приказахъ по военно-учебнымъ заведеніямъ 17-го мая 1864 г. № 158. Такимъ образомъ 1-й корпусъ обратился въ 1-ю военную петербургскую гимназію, а изъ Павловскаго училища сдѣлали не то Павловскій, не то 1-й корпусъ.

Интересно привести число исключенныхъ изъ тѣхъ воспитанниковъ, которыхъ собрали въ 1-й корпусъ въ 1863 году. Могу привести только нѣкоторыя цифры, за неполные два года, которыя однако вполнѣ достаточны, чтобы должнымъ образомъ оцѣнить взглядъ преобразователей на воспитываемыхъ и отношеніе ихъ къ судьбѣ дѣтей.

Съ сентября 1863 г. по сентябрь 1864 г. было исключено изъ корпуса въ юнкера и домой	82 воспит.
Съ сентября 1864 г. по сентябрь 1865 г. было еще исключено въ юнкера и домой	41 »
Всего въ два года исключено . . .	123 »

что составляетъ 20,5%, т. е. болѣе $^1/_5$ части всего состава, а если возьмемъ не 600 воспитанниковъ, какъ это было въ октябрѣ, а 670, какъ было въ началѣ учебнаго года, въ августѣ 1863 г., изъ которыхъ 66 были отправлены въ Орелъ и оттуда исключены изъ нихъ 63, то на 670 воспитанниковъ будетъ исключенныхъ 123 + 63 = 186, что составитъ 28,08%, т. е. слишкомъ на 3% болѣе четверти всего состава. Сколько впослѣдствіи было исключено изъ оставшихся въ 1-й военной гимназіи и изъ переведенныхъ въ другіе корпуса (о чемъ я скажу немного ниже),—мнѣ не извѣстно; но, судя по сильно развившемуся уже въ 1-й военной гимназіи пристрастію къ этой мѣрѣ, въ исполненіи весьма легкой, можно опасаться, что изъ 670 воспитанниковъ, собранныхъ въ 1863 году въ 1-й корпусъ, въ конечномъ результатѣ исключено около половины!

Да не подумаетъ читатель, что всѣ исключенные были настолько дурны, что отъ нихъ и ожидать нельзя было ничего хорошаго даже и въ томъ случаѣ, если бы они оставались въ своихъ прежнихъ заведеніяхъ. Нѣтъ, я лично наблюдалъ печальныя явленія. Ничего не могу сказать о тѣхъ мальчикахъ, которые были переведены въ 1-й корпусъ изъ другихъ корпусовъ, такъ какъ мнѣ не извѣстно, каковы они были прежде; но что касается до оставшихся въ 1-мъ корпусѣ, то они въ одинъ годъ испортились до такой степени, что приходилось исключать нерѣдко бывшихъ прежде очень хорошихъ воспитанниковъ. Я видѣлъ даже такихъ воспитанниковъ, которые еще весной 1863 года получили подарки за хорошіе успѣхи и хорошее поведеніе, а въ слѣдующемъ учебномъ году, заразившись дурнымъ примѣромъ, они испортились до того, что бросили учиться, стали дурно вести себя, и ихъ исключили изъ корпуса. Поступившіе въ томъ году новички сдѣлались настолько нравственно-испорченными дѣтьми, что черезъ два-три года, будучи уже въ военной гимназіи, они обращали на себя серьезное вниманіе воспитателей и часто приходилось слышать въ педагогическомъ комитетѣ 1-й военной гимназіи, отчего эти дѣти, бывшія въ корпусѣ всего одинъ неполный годъ, такъ выдаются своими дурными нравственными качествами? Оно и понятно: прежде нерѣдко дѣти вмѣстѣ съ родителями своими попадали въ тюрьмы, откуда выходили вполнѣ готовыми опытными мошенниками; но тогда никто и не думалъ задаваться какими-нибудь цѣлями воспитанія этихъ несчастныхъ дѣтей преступниковъ. Здѣсь же всѣ эти преобразованія совершались во имя внесенія въ военно-учебныя заведенія правильнаго воспитанія. Все это дѣлалось тѣми людьми, которые поголовно изгоняли всѣхъ прежнихъ ротныхъ командировъ и дежурныхъ офицеровъ какъ людей, яко бы не понимающихъ, какъ надо воспитывать, и замѣняли ихъ другими людьми—яко бы педагогами. Все это дѣлалось тѣми, которые прежніе корпуса, прежніе порядки называли «ростовщиной», употребляя почтенное имя заслуженнаго человѣка въ видѣ браннаго слова. А сами смотрѣли на дѣтей, какъ на старые гвозди, которые задано имъ пересыпать изъ мѣшка въ мѣшокъ, которые слѣдовало сортировать на годные и негодные.... Пересыпку эту не окончили однимъ годомъ, сортировка эта продолжалась и дальше....

Въ маѣ 1864 года было приступлено къ преобразованію 1-го кадетскаго корпуса въ 1-ю военную гимназію. Одновременно съ 1-мъ корпусомъ приступили къ преобразованію въ военныя гимназіи слѣдующихъ кадетскихъ корпусовъ: 1-й и 2-й московскіе, Тульскій-Александровскій (съ увеличеніемъ комплекта съ 150 до 300) и Орловскій Бахтина.

При преобразованіи кадетскихъ корпусовъ имѣлось въ виду, во 1-хъ,

уменьшить число корпусовъ, оставивъ во всемъ государствѣ только девять военныхъ гимназій и сохранивъ въ прежнемъ составѣ корпуса Сибирскій, Оренбургскій, Пажескій и Финляндскій и, во 2-хъ, уменьшить: комплектъ военныхъ гимназій до 300 человѣкъ (вмѣсто бывшаго комплекта въ корпусахъ 600, 500 и 400 человѣкъ) такъ, чтобы имѣть въ девяти военныхъ гимназіяхъ всего 2.700 интерната. 300 человѣкъ въ одномъ заведеніи признано было наибольшимъ числомъ, возможнымъ для правильнаго воспитанія дѣтей.

Уменьшеніе числа корпусовъ началось, какъ сказано уже, закрытіемъ Виленскаго корпуса въ 1863 году, затѣмъ назначено было черезъ годъ, т. е. въ 1864 г., закрыть Новгородскій графа Аракчеева корпусъ, но въ это время былъ еще живъ одинъ изъ душеприказчиковъ Аракчеева—графъ Клейнмихель, который, узнавъ совершенно случайно отъ одного изъ учителей 1-го корпуса о предполагавшемся закрытіи Аракчеевскаго корпуса, сдѣлалъ заявленіе военному министру, что въ случаѣ закрытія Новгородскаго корпуса, онъ имѣетъ распоряженіе покойнаго графа Аракчеева дать оставленному имъ капиталу на содержаніе корпуса другое назначеніе. Вслѣдствіе заявленія графа Клейнмихеля, Новгородскій корпусъ не закрыли, а въ 1865 году перевели его въ Нижній-Новгородъ и тамъ преобразовали въ военную гимназію. Вопросъ же объ уменьшеніи числа корпусовъ былъ пока отложенъ.

Преобразованные корпуса въ 1864 году въ военныя гимназіи должны были довести свой комплектъ до 300 воспитанниковъ, но такъ какъ некуда было дѣвать излишекъ, то временно велѣло было сохранить комплектъ въ 350 человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы черезъ годъ перейти къ нормальному комплекту—300.

1-й корпусъ, состоявшій въ 1863—64 учебномъ году изъ 600 кадетъ, приведенъ былъ въ августѣ 1864 г. къ слѣдующему составу:

Переведено въ военныя училища	125
» » приготов. пансіонъ при кавалер. училищѣ.	8
Исключено изъ заведенія, какъ негодные.	82
Всего. . . .	215

слѣдовательно, осталось въ заведеніи 600—215=385, къ нимъ назначено еще 25 новичковъ, итого—410. Можно было бы всѣхъ ихъ временно оставить въ 1-й военной гимназіи, гдѣ помѣщалось же въ предыдущій годъ 600 человѣкъ; но страсть къ ломкѣ и перевозкѣ (лучше сказать пересыпкѣ товара) выразилась и здѣсь. Для чего-то вздумали переводить изъ различныхъ корпусовъ въ 1-ю военную гимназію:

изъ Воронежскаго корпуса.	4
» Орловскаго »	1
изъ различныхъ корпусовъ магометанъ.	20
Всего. . .	25

За то изъ 1-й военной гимназіи велѣно было отправить:

въ Новгородскій гр. Аракчеева корпусъ	22
» Полоцкій корпусъ.	46
» Михайловскій Воронежскій корпусъ.	23
Всего. . . .	91

Началась опять перевозка, не справляясь съ желаніемъ родителей; разумѣется, при этомъ отбирался худшій товаръ, что заставляетъ предположить, что немногіе изъ этихъ 91 воспитанника окончили курсъ въ тѣхъ заведеніяхъ, куда были переведены.

Но особенно замѣчательно распорядились съ воспитанники 2-й петербургской военной гимназіи. Какъ сказано выше, въ 1863 году туда отбирали лучшихъ учениковъ изъ трехъ петербургскихъ корпусовъ, а въ 1864 году, по выпускѣ 21 воспитанника въ военныя училища и переводѣ 3-хъ въ приготовительный пансіонъ при кавалерійскомъ училищѣ, всего 24-хъ воспитанниковъ, велѣно было привести комплектъ заведенія также къ 350, при чемъ приказано перевести:

въ Новгородскій гр. Аракчеева корпусъ	18
» Полоцкій корпусъ.	80
» Михайловскій Воронежскій корпусъ.	35
Всего. . . .	133

Директоръ гимназіи Г. Г. Д—чъ, собравъ педагогическій комитетъ, сталъ снова чистить свое заведеніе; онъ читаетъ фамиліи воспитанниковъ своихъ и, согласно указаніямъ членовъ комитета, отмѣчаетъ, кто изъ нихъ похуже и кто лучше. Затѣмъ были отобраны 133 воспитанника похуже и отправлены въ три названныя заведенія. Многіе изъ этихъ 133 взяты были за годъ передъ тѣмъ изъ другихъ заведеній и, побывавъ въ рукахъ воспитателей при новыхъ порядкахъ снова отправлены были въ три названные корпуса, еще не преобразованные, слѣдовательно, опять подпали старому режиму, т. е. военной дисциплинѣ, шагистикѣ и ружистикѣ. Многіе родители справедливо выражали свое неудовольствіе такому ежегодному переводу ихъ дѣтей и измѣненію воспитательныхъ условій; кромѣ того, живя въ Петербургѣ, они заявляли желаніе видѣть дѣтей своихъ около себя. Такимъ

родителямъ было любезно замѣчено Д—чемъ, что «они могутъ взять дѣтей къ себѣ домой, чему заведеніе препятствовать не будетъ!».. Замѣтимъ, что въ то время не было еще желѣзныхъ дорогъ, и переводъ ребенка въ Воронежъ былъ равносиленъ удаленію его отъ семьи на все время воспитанія.

Передъ преобразованіемъ 1-го корпуса въ военную гимназію генералъ Гартонгъ былъ отстраненъ отъ должности директора. Было необходимо назначить лицо болѣе сильное въ знаніи педагогическихъ требованій, и генералъ Гартонгъ признанъ былъ для этого негоднымъ. Прибавлю отъ себя, что для приведенія искусственно испорченнаго во всѣхъ отношеніяхъ заведенія въ должный порядокъ, дѣйствительно требовался руководитель съ сильнымъ, твердымъ характеромъ, опытный въ дѣлѣ воспитанія, но не таковъ былъ вновь назначенный директоръ 1-й военной гимназіи генералъ-маіоръ Евгеній Карловичъ Баумгартенъ; человѣкъ этотъ, отличавшійся лишь необыкновеннымъ упрямствомъ, не державшійся никакого постояннаго принципа, добрый, но ограниченный, совершенно не въ силахъ былъ поднять нравственное состояніе заведенія. Понятно поэтому, что послѣ болѣе 13-ти-лѣтняго управленія заведеніемъ онъ передалъ его новому директору генералъ-маіору Носовичу въ нравственномъ отношеніи столь плохимъ, что генералъ Носовичъ, испугавшись отвѣтственности, которая можетъ пасть на него, представилъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній секретную записку о нравственномъ состояніи принятой имъ 1-й с.-петербургской военной гимназіи; въ запискѣ этой онъ указывалъ на полное отсутствіе въ заведеніи нравственнаго воспитанія. Но о личности генерала Баумгартена мнѣ придется еще говорить въ той части записокъ, въ которой я буду излагать свою службу въ 1-й военной гимназіи.

Генералъ Гартонгъ былъ назначенъ директоромъ 1-го корпуса въ 1862 году, послѣ выхода въ отставку генерала Лихонина; до того генералъ Гартонгъ былъ полковымъ командиромъ въ арміи. Онъ отличался добротой характера, доходившей до слабости; этой слабостью его и воспользовались генералы Исаковъ и Ванновскій и полковникъ Д—чъ. Однажды въ разговорѣ съ нимъ я спросилъ его, почему онъ допустилъ до такой степени испортить 1-й корпусъ; онъ отвѣтилъ, что, принявъ годъ тому назадъ заведеніе, онъ долженъ былъ войти въ долги, чтобы прилично своему званію сдѣлать обстановку квартиры, и теперь не можетъ дѣйствовать рѣшительно, опасаясь потерять мѣсто. Безъ сомнѣнія, онъ только сдѣлалъ себѣ (не говоря о заведеніи) вредъ своей излишней податливостью, и его въ 1864 г. все равно удалили отъ должности. Между тѣмъ репутація 1-го корпуса въ послѣдній годъ упала до такой степени, и все это было приписано ему же, Гартонгу,

и когда дядя Гартонга, генералъ Желтухинъ, просилъ военнаго министра дать ему другое назначеніе, то Милютинъ отвѣтилъ: какое я могу дать Гартонгу назначеніе, когда онъ, командуя 1-мъ корпусомъ всего два года, распустилъ заведеніе до такой степени, что даже на улицѣ подымали пьяныхъ кадетъ.

Впослѣдствіи онъ назначенъ начальникомъ мѣстныхъ войскъ въ Харьковскомъ округѣ [1]).

Соблюдая нѣкоторое приличіе, генералъ Исаковъ, назначивъ въ 1-й корпусъ новымъ директоромъ генерала Баумгартена, въ то же время далъ Гартонгу должность по особымъ при себѣ порученіямъ, а черезъ полгода, безъ вѣдома Гартонга, отчислилъ его отъ главнаго управленія [2]).

При преобразованіи 1-го корпуса въ военную гимназію оказалось, что зданіе бывшаго Павловскаго корпуса совершенно неудобно для гимназіи (напротивъ того, оно было бы въ высшей степени удобно для военнаго училища; но личные разсчеты были прежде всего); была испрошена почтенная сумма въ 40 тысячъ для приспособленія зданія къ устройству въ немъ военной гимназіи и, несмотря на это, и впослѣдствіи постоянно заявлялось, что для воспитательнаго заведенія зданіе это неудобно.

Откладывая описаніе вновь преобразованной 1-й военной гимназіи до слѣдующей части записокъ, я здѣсь окончу въ общихъ чертахъ изложеніе дальнѣйшаго хода преобразованій военно-учебныхъ заведеній.

Въ 1864 году, кромѣ перечисленныхъ выше заведеній, была преобразована Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Число желающихъ поступить въ

[1]) Въ 90-хъ годахъ Н. П. Гартонгъ умеръ, находясь въ отставкѣ.

[2]) Съ другими директорами прежнихъ кадетскихъ корпусовъ генералъ Исаковъ еще менѣе церемонился. Такъ, пріѣхавъ въ Полоцкій корпусъ, онъ предложилъ директору генералу Павловскому вопросъ: „что вы думаете дѣлать съ собою?“ Генералъ Павловскій отвѣтилъ, что онъ чувствуетъ себя въ силахъ продолжать службу. На это генералъ Исаковъ сказалъ: „да, конечно, но только не по военно-учебнымъ заведеніямъ“. Въ Кіевскомъ корпусѣ генералъ Исаковъ, пріѣхавъ неожиданно, молча ходилъ нѣсколько часовъ по зданію; осмотрѣвъ все въ подробности, онъ собрался уѣзжать, но, передъ отъѣздомъ своимъ, въ швейцарской обратился къ директору, генералу Вольскому, съ слѣдующими словами: „Вы передадите заведеніе полковнику Слуцкому, который на-дняхъ сюда пріѣдетъ“. Это такъ поразило Вольскаго, что, какъ говорили мнѣ служившіе въ то время въ корпусѣ, онъ такъ и остался стоять на мѣстѣ, пока генералъ Исаковъ уѣхалъ.

эту школу въ пѣхотную часть (подпрапорщиками), послѣ освобожденія крестьянъ (вслѣдствіе обѣднѣнія помѣщиковъ) стало быстро уменьшаться, такъ что въ 1864 году, вмѣсто комплекта въ 100 человѣкъ подпрапорщиковъ, въ школѣ было всего 3; тогда рѣшено было перевести этихъ троихъ въ Пажескій корпусъ, а школу преобразовать въ кавалерійское военное училище съ комплектомъ 200 юнкеровъ (до преобразованія комплектъ сост. 100) и открыть при этомъ училищѣ приготовительный пансіонъ на 100 человѣкъ. Такъ какъ при школѣ уже существовалъ частный пансіонъ Шакѣева, то и нашли удобнымъ обратить его въ казенный, для чего было предложено Шакѣеву принять должность директора или начальника пансіона съ жалованьемъ 4.000 рублей въ годъ и казенною квартирою. Шакѣевъ согласился на это предложеніе [1]). Впослѣдствіи пансіонъ былъ расширенъ и переведенъ въ особое зданіе.

Въ 1865 году преобразованы были въ военныя гимназіи корпуса: Петровскій-Полтавскій, Владимірскій-Кіевскій, Полоцкій и Михайловскій-Воронежскій. Въ томъ же году, еще не успѣли преобразованныя гимназіи войти въ нормальный комплектъ (300), какъ уже приказано было увеличить ихъ до 350 человѣкъ, а въ 1866 году—увеличили комплектъ большей части военныхъ гимназій на 400 воспитанниковъ. Впослѣдствіи Н. В. Исаковъ не только забылъ принципъ немногочисленности интерната, но ходилъ по зданіямъ военныхъ гимназій и пріискивалъ мѣсто для увеличенія комплекта. Такъ въ 1869 году онъ увеличилъ комплектъ интерната Кіевской военной гимназіи еще на пятую сотню, хотя зданіе не представляло для этого достаточнаго удобства и на тѣсноту помѣщенія тамъ жалуются и до сихъ поръ. Генералъ Исаковъ до такой степени былъ въ это время увлеченъ идеей объ увеличеніи комплекта заведеній, что тогда же обѣщалъ прислать въ Кіевскую гимназію своего архитектора, чтобы перегородить залъ этой гимназіи на два яруса и наверху помѣстить еще шестую сотню, но, къ счастію, уѣхавъ, забылъ объ этомъ.

Въ 1865 году былъ также преобразованъ Пажескій корпусъ, гдѣ общіе классы отдѣлили отъ спеціальныхъ, помѣстивъ тѣ и другіе въ различныхъ этажахъ.

Въ 1866 году закрытъ былъ Тамбовскій корпусъ, воспитанники котораго отправлены въ Орловскую военную гимназію. Въ томъ же году

[1]) Когда пансіонъ открылся, то оказалось, что директору пансіона назначено по штату содержаніе всего 3.000 рублей; но Шакѣевъ, представивъ письмо генерала Исакова, требовалъ, чтобы ему выдавали, согласно предложенію, 4.000 рублей. Генералу Исакову было доложено о требованіи Шакѣева, и онъ приказалъ выдавать ему дополнительныя 1.000 рублей изъ суммъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній.

закрыли только-что созданную Тульскую военную гимназію, разославъ воспитанниковъ ея въ гимназіи 1-ю и 2-ю петербургскія и въ Нижегородскую, которая только въ этомъ году была открыта вмѣсто Новгородскаго-Аракчеевскаго кадетскаго корпуса. Въ томъ же 1866 году были вызваны въ Петербургъ директора Омскаго и Оренбургскаго кадетскихъ корпусовъ для рѣшенія вопроса о преобразованіи этихъ корпусовъ. Директоръ Омскаго корпуса ген.-маіоръ К. А. Линденъ привезъ съ собой проектъ преобразованія корпуса, различавшійся отъ тѣхъ основаній, которыя были намѣчены главнымъ управленіемъ. Предполагалось преобразовать эти два корпуса по примѣру Пажескаго корпуса, т. е. отдѣлить спеціальные классы въ тѣхъ же заведеніяхъ и вести ихъ какъ военныя училища, а общіе классы вести какъ военныя гимназіи. К. А. Линденъ доказывалъ въ своемъ проектѣ неудобства соединенія двухъ разнородныхъ заведеній въ одномъ зданіи; онъ предлагалъ преобразовать эти корпуса въ военныя гимназіи, а переходящихъ въ спеціальные классы отправлять въ военныя училища въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Въ оправданіе своего мнѣнія Линденъ приводилъ слѣдующіе доводы: во 1-хъ, трудно имѣть хорошихъ учителей по спеціальнымъ предметамъ въ этихъ двухъ городахъ; во 2-хъ, педагогическое удобство: возможность начальнику заведенія вести одну воспитательную часть, не раздвояясь въ своей дѣятельности при двухъ различнаго характера заведеніяхъ, въ 3-хъ, необходимость познакомить жителей этихъ отдаленныхъ странъ съ другой жизнью, съ искусствами, съ художественными произведеніями и т. п., которыя они могутъ увидѣть во время своего двухлѣтняго пребыванія въ столичныхъ училищахъ. Свой проектъ Линденъ прочелъ въ коммиссіи, собранной въ главномъ управленіи подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора Оренбургскаго края—Крыжановскаго, который, выслушавъ записку Линдена, сказалъ: «Вы въ Омскѣ затрудняетесь въ прiисканіи хорошихъ учителей военныхъ наукъ, у насъ же, въ Оренбургѣ, это не представляетъ затрудненія, поэтому я предлагаю Омскій корпусъ преобразовать въ военную гимназію и оканчивающихъ въ ней курсъ посылать въ Оренбургъ, гдѣ будутъ и военно-гимназическіе классы (общіе) и спеціально-военные». Такъ и было рѣшено (и въ этомъ смыслѣ были въ 1867 г. преобразованы эти корпуса), хотя Линденъ возставалъ противъ такого рѣшенія и доказывалъ, что ужъ лучше сохранить спеціальные классы и въ Омскѣ. Несостоятельность предложенія Крыжановскаго скоро оказалась на практикѣ, и черезъ два года, въ 1869 г., признано было неудобнымъ имѣть спеціальные классы въ Оренбургѣ, и теперь, согласно проекту Линдена, изъ обѣихъ военныхъ гимназій посылаютъ воспитанниковъ, окончившихъ въ нихъ курсъ, въ военныя училища въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

Въ 1868 году военно-начальныя школы (бывшіе батальоны воен. кантонистовъ) были преобразованы въ военныя прогимназіи съ элементарнымъ курсомъ (четыре класса), и открыта учительская семинарія въ Москвѣ, для приготовленія учителей и воспитателей для военныхъ прогимназій [1]).

Съ 1873 г. главное управленіе обуялъ духъ увеличенія числа военныхъ гимназій. Въ этомъ году были открыты двѣ новыя военныя гимназіи: одна въ Петербургѣ (3-я) и одна въ Симбирскѣ,—обѣ для приходящихъ учениковъ, послѣдняя въ 1878 году была преобразована въ закрытую.

Въ 1874 году была открыта новая военная гимназія въ Москвѣ (3-я) для приходящихъ; въ этомъ же году предполагалось открыть еще девять военныхъ гимназій для приходящихъ, но бывшій тогда министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой просилъ государя не допускать этого, такъ какъ этимъ нарушалась классическая система образованія Россіи. Государь согласился съ мнѣніемъ гр. Толстаго и разрѣшилъ открыть только одну военную гимназію въ Москвѣ. Такимъ образомъ, вмѣсто предполагавшихъ 12-ти военныхъ гимназій для приходящихъ открылось всего три, изъ которыхъ впослѣдствіи двѣ (въ Симбирскѣ и въ Петербургѣ) обратились въ закрытыя, а московская была упразднена.

Въ 1875 году открыта была военная гимназія въ Тифлисѣ.

Въ 1877 году были открыты двѣ военныя гимназіи: въ Псковѣ и въ Москвѣ (4-я), обѣ преобразованныя изъ военныхъ прогимназій. Въ этомъ же году приступлено къ постройкѣ зданія для военной гимназіи въ Ярославлѣ, съ окончаніемъ котораго предполагалось образовать военную гимназію изъ находившейся тамъ военной прогимназіи, но предположеніе это осуществлено такъ и не было. (Оно осуществилось въ 1895 г.).

Въ 1878 году открытъ приготовительный пансіонъ при Пажескомъ корпусѣ (впослѣдствіи закрытый).

Духъ расширенія военно-учебныхъ заведеній не угасъ до самой смѣны Милютина и Исакова, т. е. до 1881 года, когда еще шли переговоры объ открытіи военныхъ гимназій въ Крыму и въ Варшавѣ.

Перечисливъ преобразованіе различныхъ военно-учебныхъ заведеній, я ничего не могу сказать о томъ, какъ совершались самыя преобразованія; но если петербургскіе корпуса, находившіеся на глазахъ высшаго начальства, преобразовывали съ такимъ крайнимъ невниманіемъ къ судьбѣ дѣтей, то чего можно было ожидать тамъ, гдѣ дѣло происходило вдали отъ всѣхъ?! Я могу по крайней мѣрѣ засвидѣтель-

[1]) Послѣдняя закрыта въ 1886 г.

ствовать слѣдующій фактъ: въ Кіевской военной гимназіи, преобразованной въ 1865 году, воспитанниками былъ, въ 1866—67 учебномъ году, произведенъ безпорядокъ [1]). По этому поводу произвели разслѣдованіе и нашли виновными 50 человѣкъ воспитанниковъ, которыхъ и велѣно было удалить изъ заведенія въ полки; затѣмъ изъ главнаго управленія было получено приказаніе отобрать дурныхъ по поведенію и ихъ также исключить (опять знакомая уже намъ сортировка на годные и негодные!). Директоромъ заведенія былъ въ это время генералъ Г. П. Кузьминъ-Короваевъ, человѣкъ въ высшей степени черствый, онъ съ такимъ усердіемъ занялся этой сортировкой, что набралъ еще 81 воспитанника! Такимъ образомъ изъ 400 бывшихъ въ то время воспитанниковъ было разомъ исключено 131, т. е. 32,75%—треть всего числа!!

И такъ, приходится прійти къ слѣдующему выводу относительно преобразованій кадетскихъ корпусовъ.

Преобразованіе совершали безъ твердо установленнаго плана: въ началѣ уменьшали число заведеній съ общеобразовательнымъ характеромъ и въ нихъ уменьшали комплектъ воспитывавшихся, потомъ стали снова увеличивать число этихъ заведеній и въ нихъ комплектъ воспитанниковъ, дѣйствуя такъ подъ вліяніемъ одного только увлеченія.

Самое преобразованіе совершалось безъ всякаго вниманія къ судьбѣ служащихъ и главное къ судьбѣ несчастныхъ дѣтей: сотни дѣтей перевозились съ мѣста на мѣсто, изъ города въ городъ, мѣняя не только заведеніе, но и воспитательныя условія. Кромѣ громадныхъ издержекъ, такія перевозки портили дѣтей, пріучали воспитанника къ праздности: онъ ничего не дѣлаетъ, ожидая переѣзда, потомъ ничего не дѣлаетъ во время переѣзда, по пріѣздѣ на новое мѣсто, оглядывается и знакомится и опять ничего не дѣлаетъ. Удивительно-ли, что занятія нейдутъ ему на умъ? Кромѣ того, безпрестанно порываются отношенія къ товарищамъ, мѣняется начальство и обращеніе, все это должно въ высшей степени невыгодно дѣйствовать на характеръ ребенка. Бродячая жизнь начинаетъ ему нравиться, потому что отвлекаетъ его отъ занятій, и я видѣлъ не мало случаевъ, когда воспитанники сами, безъ всякой причины, просились, чтобы ихъ перевезли въ другой корпусъ, если начальство ихъ къ этому не назначало. Понятно, что многія дѣти потомъ изгонялись изъ заведенія за неуспѣхи въ наукахъ. Еще хуже того, сотни дѣтей изгонялись изъ заведеній, благодаря искусственно созданной дурной обстановкѣ. И добро бы еще господа преобразователи наконецъ сознали свою ошибку; нѣтъ, они до конца остались въ томъ

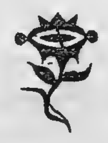

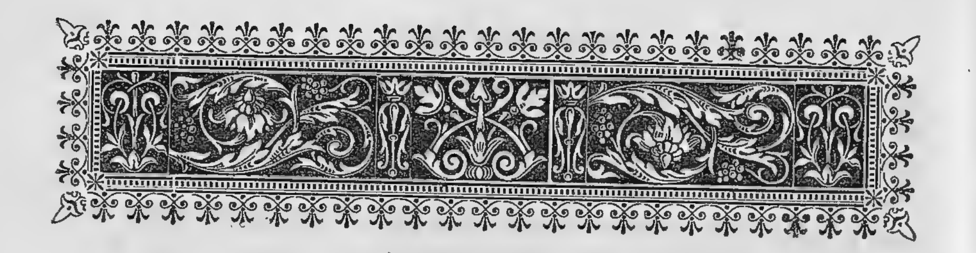
[1]) Объ этомъ подробно будетъ изложено въ главѣ: служба моя въ Кіевской военной гимназіи.

убѣжденіи, что поступили благоразумно. Вотъ что, напр., читаемъ мы въ оффиціальномъ органѣ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній въ 1864 году, когда уже успѣли многое испортить: «мѣры эти (преобразованія) имѣютъ характеръ опыта(?) и прилагаются осторожно (!) и постепенно (?!!)... («Педагогическій Сборникъ» 1864 г., сентябрь № 1, стр. IX).

В. Фонъ-Бооль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ быта стараго духовенства.

I.

Жизнь духовнаго сословія до реформы Петра Великаго текла мирнымъ потокомъ. Такія явленія, какъ ереси и затѣмъ расколъ, колыхали лишь верхніе слои этого потока, но не затрогивали всего уклада жизни духовенства, которая продолжала оставаться традиціонно неподвижною и все также далекой отъ какого-либо глубокаго культивирующаго вліянія. Духовное развитіе сословія, игравшаго руководящую роль въ общественной жизни, не только не прогрессировало, а даже постепенно падало. Какъ же чувствовало себя духовенство при наступленіи самой бурной для него эпохи замѣчательныхъ государственныхъ и общественныхъ реформъ, давшихъ новое направленіе всей русской жизни? Для правильнаго сужденія о немъ необходимо принять во вниманіе ту жизненную обстановку, въ которой протекала его дѣятельность и прежде всего образовательный его уровень, такъ какъ развитіемъ и характеромъ образованія въ значительной степени опредѣляются и духовный обликъ, и направленіе дѣятельности какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго класса общества.

Вслѣдствіе общаго недостатка просвѣщенія древняя Русь не имѣла самаго существеннаго средства къ умственному и нравственному возвышенію духовенства. Исправленія недостатковъ его думали достичь однимъ усиленіемъ надзора надъ нимъ и нравственно-религіозными увѣщаніями. Школа стояла на второмъ планѣ, и образовательнаго значенія науки не понимали. Съ реформой дѣло существенно измѣняет-

ся. Стремясь подчинить своему вліянію самое мышленіе, духовныя силы народа, Петръ Великій естественно обратилъ свое вниманіе на учителей и воспитателей народа, на духовенство—и самою могучею силою его вліянія призналъ просвѣщеніе. «Священники ставятся,—говорилъ онъ патріарху,—грамотѣ мало умѣютъ; еже бы ихъ таинствъ научати и ставити въ тотъ чинъ. На сіе надобно человѣка и не единаго, кому сіе творити, и опредѣлити мѣсто, гдѣ быть тому». Послѣ Петра Великаго правительство въ каждое почти царствованіе болѣе или менѣе рѣшительно повторяло въ своихъ предписаніяхъ мысль о необходимости образованія для духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно принимается за развитіе въ средѣ духовенства просвѣщенія и власть духовная, которую въ первой половинѣ XVIII в. почти повсемѣстно представляли принявшіе на себя въ это время спеціально просвѣтительную миссію малороссы, а со второй половины вѣка и великороссы. Благодаря такимъ обоюднымъ усиліямъ свѣтской и духовной властей къ самому концу XVIII в. было уже 36 духовныхъ семинарій и 4 академіи. Но этотъ количественный ростъ учебныхъ заведеній не говоритъ еще самъ по себѣ объ успѣшномъ развитіи образованія въ средѣ духовенства, такъ какъ положеніе открытыхъ школъ было очень печально во всѣхъ отношеніяхъ и прежде всего въ матеріальномъ. Достаточно сказать, что уже во второй половинѣ XVIII в., послѣ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, на содержаніе школъ, въ томъ числѣ 26 семинарій, отпущено было всего 40 тыс. рублей, въ самомъ же концѣ XVIII в. средній окладъ семинарій опредѣлялся въ 3—4 тысячи руб. Исключительная зависимость духовныхъ школъ отъ различныхъ органовъ епархіальнаго управленія и главнымъ образомъ отъ крайне невѣжественныхъ по своему составу и заявившихъ себя классическимъ эксплоататорствомъ консисторій, фактически ставила существованіе школы въ почти невозможныя условія. «Распорядители семинарской экономіи,—говоритъ историкъ Владимірской семинаріи,—заставляютъ испытывать учениковъ невыносимый голодъ, а учители дѣлятся съ учениками своимъ бѣднымъ кускомъ хлѣба. Нерѣдко бывало, что ученикъ, истомленный голодомъ, идетъ къ своему учителю и робкою рукою стучится у его двери.—Урокъ, что-ли, прослушаться пришелъ?—спрашиваетъ учитель своего воспитанника.—Нѣтъ, я голоденъ,—отвѣчаетъ онъ.—И бѣдный учитель раздѣляетъ съ голоднымъ ученикомъ свои скудные припасы» [1]).

Немаловажнымъ препятствіемъ для развитія духовно-учебнаго дѣла оказался недостатокъ вполнѣ подходящихъ, подготовленныхъ учите-

---

[1]) „Владимірскія Еп. Вѣдом.", 1866 г. П. Знаменскій: Духовныя школы въ Россіи.

лей. Въ теченіе первой половины вѣка образовательный цензъ учителей въ духовныхъ школахъ былъ чрезвычайно разнообразенъ. Кромѣ окончившихъ Кіевскую академію или хоть побывавшихъ въ ней, контингентъ учителей состоялъ въ большинствѣ случаевъ изъ мѣстнаго духовенства, — изъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ архіерейскаго дома, изъ мѣстныхъ дьяконовъ, дьяковъ, пономарей, поповыхъ дѣтей, не пристроившихся къ мѣсту, и архіерейскихъ пѣвчихъ. Само собою понятно, что съ помощью такихъ просвѣтителей обученіе не могло далеко уйти, и курсы архіерейскихъ школъ должны были постоянно держаться на уровнѣ почти одного элементарнаго образованія. Архіереи «бились съ учителями, не всегда лучшихъ найти могли» и должны были приготовлять учителей изъ самихъ же воспитанниковъ семинарій. И во второй половинѣ XVIII в. продолжаетъ широко практиковаться способъ приготовленія семинаріями учителей изъ своихъ же собственныхъ болѣе даровитыхъ воспитанниковъ, часто даже до окончанія ими полнаго семинарскаго курса. Такіе недоучившіеся учителя и были обыкновенно преподавателями въ низшихъ классахъ почти всѣхъ семинарій. Вслѣдствіе этого составъ учителей въ семинаріяхъ не могъ быть хорошъ. Вотъ, напр., отзывы современниковъ о преподавателяхъ лучшей изъ семинарій—Невской. И. И. Мартыновъ, учившійся въ этой семинаріи въ концѣ XVIII вѣка, дѣлаетъ такой отзывъ объ іеромонахѣ Павлѣ, читавшемъ философію: «онъ былъ большой схоластикъ и принадлежалъ къ числу тѣхъ старыхъ ученыхъ, которые незнаніе свое прикрывали лишь латинскимъ языкомъ и важностью сана. Другой (архим. Иннокентій, читавшій богословію) заикался и во весь двухгодичный курсъ былъ въ классѣ не болѣе 10 разъ и, указывая на сочиненіе Ѳеофана Прокоповича, состоявшее изъ трехъ большихъ томовъ на латинскомъ языкѣ, довольствовался одною остротою: «сіе море великое и пространное, но тамо гады, имъ же нѣсть числа» [1]). Другой воспитанникъ той же семинаріи и того же времени, М. М. Сперанскій, разсказывалъ, что нѣкоторыхъ преподавателей вовсе не стоило слушать; былъ одинъ такой, который или былъ пьянъ, или трезвый проповѣдывалъ ученикамъ Вольтера и Дидро [2]). Недостатокъ подготовленныхъ учителей низводилъ семинарскую науку на степень простой грамотности. Вскорѣ по изданіи регламента, намѣтившаго очень широкій курсъ наукъ для духовныхъ семинарій, Св. Синодъ въ указѣ 31-го мая 1722 г. о заведеніи школъ позволялъ, въ виду недостатка образовательныхъ средствъ въ епархіяхъ, «учить нынѣ въ архіе-

---

[1]) „Современникъ", 1859 г., III, 9.

[2]) Корфъ: Жизнь гр. Сперанскаго, 25.—П. Знаменскій: Духовныя школы въ Россіи.

рейскихъ школахъ церковническихъ дѣтей, въ надежду священства опредѣленныхъ, по недавно изданнымъ перваго отроковъ ученія книжицамъ, букварями именуемымъ... И какъ уже тѣхъ букварей они изучатся и писать понавыкнутъ, тогда начинать имъ во обученіе славенскую грамматику». По своему внутреннему характеру семинарское образованіе въ XVIII в. лишено было вовсе жизненнаго признака современности и страдало слишкомъ формальнымъ направленіемъ. Схоластика лишь убивала живую религіозную мысль и питала въ духовныхъ воспитанникахъ пустой духъ любопренія да школьный педантизмъ.

Духовно-учебныя заведенія въ XVIII в. носили совершенно закрытый характеръ и задавались цѣлью оторвать воспитанниковъ отъ современнаго общества и воспитывать ихъ въ новомъ направленіи. Попавшій въ такое закрытое заведеніе, «аще,—какъ выражается тогдашняя педагогическая система— «ѳѳика іерополитика»,—и тигръ нравомъ будетъ, агнчую тамо воспріиметъ кротость на ся». Жизнь семинаристовъ въ особомъ «домѣ образомъ монастыря» (по выраженію регламента) подчинена была самой строгой регламентаціи со стороны начальства, самой строгой дисциплинѣ. Самъ составитель регламента сознался, что «такое младыхъ человѣкъ житіе—кажется быти стужительное и заключенію плѣнническому подобное; но,—прибавляетъ онъ,—кто обыкнетъ такъ жить, хотя чрезъ единъ годъ, тому весьма сладко будетъ». Но насколько оправдались предположенія составителя регламента относительно сладости школьной жизни, краснорѣчиво показываютъ внушительныя цифры самовольно убѣжавшихъ изъ школъ учениковъ. Очевидно, что на самомъ дѣлѣ не такъ сладко жилось въ духовныхъ школахъ, если ихъ воспитанники съ такою настойчивостью стараются отъ нихъ избавиться. Къ этому необходимо прибавить, что школьная педагогія въ XVIII вѣкѣ не возвышалась до широкаго понятія о воспитаніи, а ограничивалась одними служебно-профессіональными требованіями. Школьное образованіе сливалось со службою, и ученикъ трактовался, какъ полный гражданинъ, человѣкъ уже служащій и присяжный. Вслѣдствіе этого педагогическія начала въ школахъ естественно замѣнялись юридическими, а воспитаніе обращалось въ одну дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе внѣшняго порядка, благопристойности и субординаціи. Всѣ педагогическія требованія отъ воспитанника сводились къ требованію отъ него аккуратнаго исполненія его служебныхъ оффиціальныхъ обязанностей безъ какого-либо намека на нравственное значеніе послѣднихъ. «Отношенія учителей къ ученикамъ и учениковъ между собою были чрезвычайно ложныя и странныя. Собственно нравственныхъ отношеній ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было; самыя добрыя наклонности инаго начальника или наставника уступали неумѣстной

и нелѣпой оффиціозности. Учителя слишкомъ униженно держали себя передъ начальствомъ. Ученики смотрѣли на учителей не какъ на добрыхъ наставниковъ, но какъ на слишкомъ строгую полицейскую власть; они умѣли только бояться, а не любить и уважать» [1]). И дѣйствительно, вслѣдствіе преобладанія въ школьномъ воспитаніи юридическихъ началъ надъ нравственными, собственно педагогическія отношенія учителей и начальниковъ къ ученикамъ были крайне слабо развиты. Во всемъ строѣ тогдашней школьной корпораціи видимъ не дѣтей и отцовъ, а исключительно подчиненныхъ и начальниковъ, или, какъ ихъ тогда выразительно называли, командировъ. Это командирство, охватывавшее собою всѣ школьныя отношенія сверху до низу и являвшееся лучшимъ выраженіемъ тогдашней педагогической грубости, особенно замѣтно выражалось въ школьныхъ наказаніяхъ; послѣднія имѣли исключительно карательный, а не нравственно-исправительный и воспитательный характеръ, и отличались большою грубостью, такъ что отъ нихъ поистинѣ «жить въ семинаріи становилось всячески невозможно». «Среди этой грубой системы семинарскихъ экзекуцій, — говоритъ профессоръ Знаменскій въ своемъ прекрасномъ трудѣ о духовныхъ школахъ,—и вырабатывались эти долго господствовавшіе въ нашихъ бурсахъ, дожившіе и до нашей памяти, типы старыхъ бурсаковъ-кремней, притерпѣвшихся къ плетямъ и физической боли экзекуцій до такой степени, что, по пословицѣ, уже ни за какимъ лишнимъ тычкомъ не гнались, способны были выдержать какія угодно истязанія отъ начальства, не уступивъ ему ни на волосъ, могли хоть сейчасъ же отправиться подъ шпицрутены солдатской службы или подъ муки тайной канцеляріи,—вырабатывался тотъ и доселѣ извѣстный по преданіямъ бурсацкій закалъ, во имя котораго всякая чувствительность, нѣжность нравственнаго чувства, особенно совѣстливость предъ педагогическими внушеніями преслѣдовались въ средѣ учениковъ, какъ черты бабьи, недостойныя порядочнаго бурсака,—закалъ, который обязывалъ человѣка и дѣлалъ для него возможнымъ не поморщиться подъ самыми жгучими ударами и этою геройскою, презрительною безчувственностью къ наказанію уколоть и посрамить бѣсившагося педагога... Выйдя потомъ изъ школы на службу, эти закаленные люди, презиравшіе и свои и чужія страданія, сами дѣлались тиранами своихъ подчиненныхъ или по крайней мѣрѣ своихъ женъ и дѣтей и вѣрными продолжателями той же системы каръ и жестокостей» [2]).

---

[1]) Исторія Владимірской семинаріи.

[2]) Духовныя школы въ Россіи, 67—72, 371—407, 592—597, 707—829. „Къ исторіи духовнаго образованія въ Россіи"—моя статья въ „Вѣстникѣ Воспитанія", мартъ, 1900 г.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ духовное образованіе не удовлетворяло своему назначенію и съ чисто количественной стороны. Число учащихся въ семинаріяхъ, особенно въ первой половинѣ вѣка, было очень ограничено; уже въ 1764 г. въ 26 семинаріяхъ обучалось лишь 6 тыс. школьниковъ, въ 1783 г. 11 тыс. и только въ началѣ XIX в. (1807 г.)—24 тысячи. Цифры эти, конечно, нельзя признать достаточными, въ сравненіи съ тою громадною потребностью въ образованныхъ кандидатахъ на церковныя должности, какая ощущалась въ это время. Но даже и наличный контингентъ учащихся могъ бы самымъ благодѣтельнымъ образомъ повліять въ образовательномъ отношеніи на составъ духовенства, если бы всѣ воспитанники духовныхъ школъ по окончаніи курса поступили на городскіе и сельскіе приходы. Но этого-то на самомъ дѣлѣ и не было. Въ теченіе всего XVIII в. очень часто требовали воспитанниковъ семинарій и академій къ церквамъ нашихъ заграничныхъ миссій; кромѣ этого, многіе изъ нихъ до окончанія и послѣ окончанія курса поступали по распоряженію правительства и по собственному желанію въ другія среднія и высшія учебныя заведенія [1]. Было очень много и другихъ требованій. Въ 1782—86 гг., напр., коммиссіею объ учрежденіи народныхъ училищъ изъ Александро-Невской семинаріи вытребовано было столько воспитанниковъ, что высшіе классы почти опустѣли и митроп. Гавріилъ затруднялся въ пріисканіи кандидатовъ на священническія мѣста въ Петербургской епархіи [2]. Уходили при томъ всегда лучшія семинарскія силы. Особенно много лучшихъ воспитанниковъ, по распоряженію самого начальства, постригалось въ монашество. Вслѣдствіе всего этого на священническія и діаконскія мѣста поступали оставшіеся послѣ всѣхъ этихъ поборовъ худшіе воспитанники, да и тѣхъ было немного. Этимъ и можно объяснить то обстоятельство, что даже въ вѣкъ Екатерины II образованнаго духовенства мало было даже въ городахъ; что же касается сельскаго духовенства, то оно до самаго конца царствованія Екатерины II оставалось на томъ же почти уровнѣ умственнаго развитія, на какомъ застала его реформа Петра Великаго. И въ Московской епархіи и то только къ концу царствованія Екатерины митроп. Платонъ могъ поставить ученыхъ священниковъ лишь въ нѣкоторые сельскіе приходы. Даже въ Малороссіи, несмотря на давность существованія здѣсь духовныхъ школъ, несмотря на сравнительно большое распространеніе здѣсь школьнаго образованія, чѣмъ въ Великороссіи, бѣлое духовенство имѣло въ своихъ рядахъ очень мало школьныхъ ученыхъ, потому что и Кіевская академія, и Харьковскій коллегіумъ,

[1]) „Исторія Спб. Дух. Академіи“, 54.
[2]) Ibid., 58—9.

и Переяславская семинарія были заведенія открытыя, принимали и выпускали большинство свѣтскихъ воспитанниковъ, поступавшихъ по окончаніи наукъ не въ духовную службу, а въ казаки, мѣщане и проч. Затѣмъ немногіе кончившіе курсъ духовные воспитанники большею частію шли въ монахи и расходились по учительскимъ и начальственнымъ должностямъ въ разныхъ семинаріяхъ и по многочисленнымъ доходнымъ и почетнымъ мѣстамъ при архіерейскихъ каѳедрахъ, такъ что на долю бѣлаго духовенства оставались одни исключенные и недоучившіеся школяры, которые рѣдко доходили выше синтаксиса и извѣстны были подъ именемъ латынниковъ. Въ самомъ Кіевѣ и при томъ въ половинѣ уже XVIII в. священникъ считалъ себя въ правѣ обижаться за то, что ему не давали «авантажа предъ прочими», тогда какъ онъ «достигнулъ даже до философіи». Въ остальной массѣ бѣлаго духовенства господствовало образованіе дьяковскихъ школъ, такъ называемое псалтырничество [1]).

Послѣ этого нечего удивляться тѣмъ фактамъ невѣжества, какіе встрѣчаемъ среди духовенства въ прошломъ вѣкѣ. Нерѣдко священно и церковнослужители «въ книжномъ чтеніи являлись неумѣющими» [2]). Подъ однимъ челобитьемъ священника вмѣсто него подписался господскій крестьянинъ, «для того,—какъ объяснено въ подписи, — что онъ, попъ, писать не умѣетъ» [3]). При такомъ отсутствіи иногда простой даже грамотности, еще болѣе возможны были факты глубокаго религіознаго невѣжества. «Нынѣ, — свидѣтельствуетъ Посошковъ о началѣ XVIII в.,—истинно таковыхъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что есть реченіе вѣра... Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Николаевича Нарышкина, что и татаркѣ противъ ея гаданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рещи сельскій попъ, уже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ» [4]). Факты поразительнаго религіознаго невѣжества попадаются и во второй половинѣ XVIII в. Когда, напр., къ сѣвскому преосвященному Тихону Якубовскому явились однажды священники и были спрошены имъ о Законѣ Божіемъ, о членахъ вѣры и ея таинствахъ, то многіе изъ нихъ не дали никакого отвѣта «и извинялись тѣмъ, якобы они на тотъ часъ не могли отвѣщать за приключившимся имъ тогда нѣкіимъ изумленіемъ и робостію». При испытаніи тѣмъ же преосвященнымъ

[1]) Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра Великаго. Знаменскаго, стр. 54.

[2]) „Исторія Моск. еп. упр.“, ч. II, кн. I, пр. стр. 43—48, 50, 142; Тв. Свв. Отцевъ, 1862 г. 2, и др.

[3]) Опис. Архива Св. Синода, т. I, ч. 2, № 422.

[4]) И. Посошковъ, ч. I, стр. 13.

вдовыхъ поповъ оказалось, что «не только тѣ, которые пять — шесть лѣтъ, но и которые двадцать и тридцать лѣтъ совершаютъ службу, явились совершать Божественную литургію неумѣющими и въ самыхъ важныхъ реченіяхъ ошибающимися; напр., вмѣсто преложивъ говорили: предложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ, и по обыкновенію своему въ такой погрѣшности едва могли пріобыкнуть къ одному правильному реченію; одинъ вдовый попъ, священникъ, дѣйствовавшій уже болѣе 30 лѣтъ, явился совсѣмъ службы совершать неумѣющимъ» [1]). Или вотъ характерная резолюція того же преосвященнаго относительно священника с. Георгіевскаго Аѳанасія Михайлова, 70-лѣтняго старика: «читать почти не умѣетъ. Святителя Николая почитаетъ Богомъ. О Христѣ Спасителѣ никакого понятія не имѣетъ» [2]).

Всѣ эти факты поразительнаго невѣжества, конечно, не говорятъ о какомъ-нибудь исключительномъ невѣжествѣ духовенства по сравненію съ другими сословіями. За исключеніемъ нѣкоторой европейски образованной части высшаго класса, все остальное населеніе въ Россіи XVIII в. представляло сверху до низу одну сплошную невѣжественную массу, различавшуюся лишь по соціальнымъ признакамъ, а не по образованію. И въ такой средѣ духовенство, конечно, не было еще послѣднимъ по образованію. Въ своей массѣ оно было все-таки грамотно, и это было несомнѣннымъ его преимуществомъ. Но если принять во вниманіе религіозно-просвѣтительныя задачи его дѣятельности, то нельзя не видѣть, что оно было слишкомъ далеко отъ удовлетворенія этихъ задачъ, и невѣжество его въ этомъ отношеніи слишкомъ било въ глаза.

Наиболѣе ярко свидѣтельствуетъ о невысокомъ образовательномъ уровнѣ духовенства существованіе въ его средѣ разнообразныхъ суевѣрій. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что и въ данномъ отношеніи духовенство лишь слѣдовало за общимъ суевѣрнымъ теченіемъ и платило дань времени на-ряду съ другими сословіями. Постепенно накопляясь и развиваясь въ теченіе многихъ вѣковъ, суевѣрія ко времени реформъ Петра Великаго окутали народную жизнь какъ бы густымъ облакомъ. Вѣра въ волшебство развита была во всѣхъ классахъ общества. На порогѣ XVIII в., въ правленіе царевны Софіи, извѣстный вельможа кн. Голицынъ, возбуждавшій своимъ образованіемъ удивленіе иностранцевъ, пыталъ какого-то Бунакова за то, что онъ вынималъ княжій слѣдъ; бралъ у своего крестьянина-колдуна приворотные коренья, чтобы класть ихъ въ кушанье царевны Софіи; одного поляка Салина заставлялъ взбираться на Ивановскую колокольню, чтобы узнать

---

[1]) Я. Горожанскій. „Дамаскинъ Семеновъ Рудневъ", 161; Орл. Еп. Вѣд. 1872, I, 27—29.

[2]) „Орл. Еп. Вѣд." 1872 г., I, 29—30.

по звѣздамъ, сбудутся-ли планы Софіи и ея приверженцевъ. Наконецъ, встрѣчаемъ двухлѣтніе розыски колдуновъ, заподозрѣнныхъ въ намѣреніи извести царя Петра съ его матерью. Немногимъ лучше обстояло дѣло и въ концѣ XVIII в. В. И. Семевскій дѣлаетъ такое замѣчаніе о высшемъ, помѣщичьемъ классѣ общества этого времени: «мы невольно поражаемся умственнымъ и нравственнымъ убожествомъ представителей господствующаго сословія. Они также вѣрятъ въ колдуновъ, въ то, что посредствомъ какого-нибудь корешка можно приворожить человѣка, что еретица не можетъ выговорить «да воскреснетъ Богъ» [1]). По свидѣтельству Духовнаго Регламента, къ благочестивымъ обманамъ прибѣгали иногда лица даже изъ высшаго духовенства; нѣкоторые архіереи для вспоможенія бѣднымъ церквамъ или для построенія новыхъ нарочно позволяли «пріискивать» явленныя иконы и выдавали ихъ за чудотворныя. Что же сказать послѣ этого о простомъ народѣ, который стоялъ, разумѣется, на еще болѣе низкой ступени развитія и, по словамъ Регламента, не въ состояніи былъ «разсудить между деснымъ и шуимъ?» Вѣра въ колдовство породила множество исторій о колдунахъ, оборотняхъ, порчахъ и т. п. Татищевъ передаетъ нѣсколько такихъ исторій изъ современныхъ ему толковъ [2]). Религіозныя представленія народа носили грубо-чувственный характеръ. Народъ вѣрилъ въ чудодѣйственную силу источниковъ, тѣлъ умершихъ, вѣтвей дуба и т. п. вещей, которыя выдавались за чудодѣйственныя людьми, эксплоатировавшими народную довѣрчивость. Огромныя толпы народа собирались около поддѣльныхъ плачущихъ иконъ и своими приношеніями обогащали обманщиковъ. Пользуясь благочестіемъ народа, по всей Россіи странствовало не мало греческихъ иноковъ и разнаго рода проходимцевъ съ подложными святынями, торгуя ими. Однажды въ отсутствіе Петра какіе-то монахи успѣли сбыть за тысячу рублей кусокъ несгораемаго полотна, будто отъ ризы Богоматери, самой царицѣ. Въ народѣ жили еще остатки язычества. Къ числу такихъ полуязыческихъ пережитковъ Регламентъ относитъ, напр., обычай «не дѣлать въ пятокъ, и празднованіемъ проводить, и сказуютъ пятница гнѣвается на непразднующихъ. Тако жъ поститися нѣкіихъ 13 пятницъ, а то, аки важнѣйшія паче иныхъ временъ, службы почитать, обѣдню благовѣщенскую, утреню воскресную и вечерню пятидесятницы. И таковое Кіево-Печерскаго монастыря преданіе, что погребенный тамо человѣкъ, хотя бы и безъ покаянія умеръ, спасенъ будетъ... Молитвы людемъ, далече отстоящимъ, чрезъ посланниковъ ихъ въ шапку давать». Такимъ образомъ высокая христіанская мораль въ народномъ

---

[1]) „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II".
[2]) „Исторія Россійскаго государства", I, 12—13.

представленіи размѣнивалась на слишкомъ мелкую, часто совершенно фальшивую монету. «Вѣкъ тогдашній,—говоритъ Болтинъ, — благовременъ былъ пустосвятству, обману и подлогамъ; ханжи и лицемѣры чудесамъ не вѣрили, но пользу свою обрѣтали; большая часть народа вѣрили и обманщиковъ обогащали; нѣкоторые видѣли обманъ, но говорить не смѣли, и таковыхъ было немного. Сколько вещей обыкновенныхъ, простыхъ, ничего не значащихъ, принято было за святыню, за предметъ почтенія и уваженія» [1]).

Насколько слова эти справедливы, подтверждаетъ слѣдующій характерный случай, свидѣтельствующій о томъ, что суевѣрія и предразсудки охватывали одинаково всѣ слои общества. Въ 1740 г. въ Петербургѣ солдатъ Кронштадскаго полка Алексѣй Андреевъ напился пьянъ, и съ него пьянаго сняли казенный кафтанъ. За потерю казенной вещи Андреева ожидала тысяча, а то и больше шпицрутеновъ. Бѣдняга подумалъ: «хоть бы дьяволъ далъ мнѣ денегъ». Тутъ кто-то явился передъ нимъ въ крестьянской одеждѣ, назвалъ себя дьяволомъ, далъ два рубля денегъ и сказалъ: «вѣруй въ меня, а отъ Бога отступись». Андреевъ пошелъ на морской рынокъ, купилъ кафтанъ, но снялъ съ себя крестъ, перестал креститься, ходить въ церковь, исповѣдываться и пріобщаться. Въ 1755 г. Андреевъ бѣжалъ изъ полка и очутился въ болотѣ, около Невскаго монастыря. Здѣсь опять явилось ему то же самое лицо и теперь за свои два рубля потребовало письменнаго удостовѣренія, что солдатъ останется ему вѣренъ до смерти. Солдатъ не согласился. Тогда это лицо объявило Андрееву, что за побѣгъ изъ полка его накажутъ шпицрутенами, и исчезло. Спустя нѣсколько времени Андреевъ попалъ въ тайную канцелярію, гдѣ, чтобы отсрочить наказаніе, разсказалъ всю эту сказку, изъявивъ раскаяніе и желаніе вѣровать въ Бога. Канцелярія признала разсказъ его справедливымъ и для наставленія и присоединенія къ церкви препроводила въ консисторію, которая съ своей стороны поручила Андреева ученому священнику Петропавловскаго собора Сергѣю Коноплеву. Послѣдній велъ съ отступникомъ частыя, продолжительныя бесѣды о вѣрѣ, убѣждалъ его доказательствами изъ священнаго писанія, церковной исторіи, житій святыхъ—и, наконецъ, убѣдилъ. Андреева огласили. Потомъ въ Петропавловскомъ соборѣ онъ принесъ публичное церковное покаяніе, исповѣдывался, но не удостоенъ былъ причащенія Св. Таинъ, проходилъ наложенную на него тайную эпитимію и, подъ наблюденіемъ того же священника, утверждался въ вѣрѣ и добромъ житіи. Окончательно затѣмъ присоединивши Андреева къ церкви, отправили его на мѣсто службы [2]). Такимъ образомъ, и тайная канцелярія, и духовная конси-

[1]) „Примѣчанія на исторію Леклерка“, I, 550. СПБ., 1788 г.
[2]) „Истор. стат. свѣд. о СПБ. епархіи“, в. VI, отд. I, 59—60.

сторія, и ученый священникъ, на авторитетъ котораго всецѣло полагался этотъ органъ духовнаго управленія, признали возможнымъ, что дьяволъ двумя рублями хотѣлъ купить душу пьяницы, не подозрѣвая, что весь разсказъ Андреева—повтореніе народныхъ сказокъ.

Послѣ этого нисколько не кажется удивительнымъ, что и рядовое духовенство заражено было суевѣріемъ. Тяжесть матеріальнаго и общественнаго положенія и—главное—недостатокъ образованія приравнивали его къ положенію убогой, безправной и невѣжественной массы, съ которою оно должно было дѣлить и одинаковыя жизненныя условія, и весьма часто—одинаковое міровоззрѣніе, суевѣрныя понятія и обычаи.

Особенно распространена была среди духовенства вѣра въ заговоры. Даже студентъ школы богословія Славяно-Греко-Латинской академіи, Сергѣй Ворошиновъ, судимъ былъ въ 1748 г. «за письмишко, приличествующее къ заговору, а именно писалъ заговоры отъ ружья, отъ руды; по послѣднему заговору пользовалъ бѣлаго діакона въ Срѣтенскомъ монастырѣ Семена Григорьева, у котораго кровь шла изъ гортани» [1]). Среди же духовенства необученнаго ни въ какихъ школахъ, подобныя суевѣрія находили для себя еще болѣе удобную почву. Домовой служитель вологодскаго архіерея Николай Разуваевъ представилъ ему найденныя въ домѣ одного священника Алексѣя Попова «еретическія письма» — заклинанія, составленныя и писанныя тѣмъ священникомъ для своего сына; въ нихъ между прочимъ составитель заклинаній обращается съ мольбами къ бабѣ-ягѣ [2]). Въ 1724 г. также взяты были у одного попа «заговорныя его руки записи»; тотъ объяснялъ, что онъ вовсе не пользовался этими записями, но дикастерія резонно по этому поводу разсуждала: «ежели бы не ради какого дѣйствія тѣ письма имѣлъ, то бъ на что тѣ письма списывать и въ домѣ своемъ содержать? Явное ево вины своей отбывательство» [3]). «Изъ производимыхъ въ консисторіи дѣлъ,—пишетъ святитель Тихонъ уже во второй половинѣ XVIII в.,—оказалось, нѣкоторыхъ войска Донскаго станицъ не токмо простолюдины, но и священно-и-церковнослужители имѣли у себя волшебныя и суевѣрныя тетрадки и письма, и оныя, или по невѣжеству, или жъ по точному правилъ свв. отецъ пренебреженію, не токмо за богопротивныя не почитали, но еще вѣря имъ по единому тому, что въ нихъ написаны имена Божіи, Пресвятыя Богородицы и другихъ святыхъ, по нихъ дѣйствовали» [4]).

---

[1]) „Истор. Моск. епарх. упр.“, кн. II, ч. I, прим., стр. 70—1.
[2]) „Опис. докум. и дѣлъ арх. Св. Синода“, VIII, № 644/741.
[3]) „Ист. Моск. епарх. управл.“, ч. I, стр. 219, прим.
[4]) „Твор. свв. отцевъ“, 1862 г., 2.

Кромѣ вѣры въ заговоры, распространена была среди духовенства вѣра въ непосредственныя сношенія съ чортомъ въ видимомъ образѣ. Въ 1722 г. пономарь Троицкаго собора Дмитрій Матѳѣевъ разгласилъ, что въ ночь на 9-е декабря въ колокольнѣ собора «былъ слышенъ великій стукъ съ жестокимъ страхомъ на подобіе бѣганья», на что діаконъ Стефанъ Ѳедосѣевъ сказалъ: «то де чортъ возится, вотъ де пустѣть Петербургъ будетъ». Въ другой разъ уже попъ Герасимъ Титовъ, услыхавъ о подобныхъ же непонятныхъ явленіяхъ, сказалъ, что на трапезѣ сидитъ кикимора, а діаконъ по-прежнему настаивалъ; что де возится на трапезѣ чортъ и Петербургъ пустѣть будетъ»[1]). Не чуждо было таkихъ же суевѣрныхъ воззрѣній и духовенство украинскихъ областей Польши. Дьячекъ Григорій Комарницкій обвиненъ былъ въ Дубенскомъ магистратѣ въ обольщеніи дѣвицы Екатерины Сахнюковой. Онъ оправдался отъ взводимаго на него обвиненія, доказавъ alibi, и, желая объяснить, что могло подать поводъ къ обвиненію, онъ высказалъ предположеніе, что «можетъ быть, бѣсъ принялъ на себя мой видъ и въ моемъ лицѣ ходилъ къ Сахнюковой совершать грѣхъ». Судъ, впрочемъ, не обратилъ никакого вниманія на это заявленіе[2]).

Встрѣчается вѣра въ порчу, связываемую обыкновенно съ какими-нибудь внѣшними дѣйствіями или предметами. Въ 1710 г. въ Каменецкій магистратъ жаловался священникъ Іоаннъ Ставицкій на жену священника Бабиженка, что послѣдняя угрожала женѣ его смертью, говоря: «попадья будетъ пухнуть и ее раздуетъ, и она треснетъ». Вслѣдъ затѣмъ угрожавшая стала ходить у воротъ дома Ставицкаго, потряхивая постоянно веревкою, въ чемъ священникъ видѣлъ ясное чародѣйство[3]).

Чрезвычайно характерный примѣръ суевѣрія священника разсказываетъ въ своихъ запискахъ Болотовъ. Священникъ его деревни, «почтенный и степенный отецъ Иларіонъ», послѣ случившагося съ нимъ пожара, происшедшаго, какъ онъ думалъ, по поджогу его сослуживца, другаго священника, не рѣшался отстраиваться вновь. Всѣ убѣжденія автора записокъ не помогали. «Тогда,—говоритъ Болотовъ,—любопытенъ я былъ узнать, чтобъ тому была причина; но какъ же удивился, услышавъ отъ сего впрочемъ толико умнаго и почтеннаго старца такое, чего я всего меньше отъ него ожидалъ, а именно, что не хочетъ строиться на новомъ мѣстѣ изъ опасенія, чтобъ товарищъ его чего не наворожилъ на ономъ». На замѣчаніе Болотова о неприличіи подобнаго суевѣрія для священника, о. Иларіонъ разсказалъ ему слѣдующую исторію:

---

[1]) „Опис. док. и дѣлъ арх. Св. Синода", т. II, ч. 2, № 1219.
[2]) Проф. В. Б. Антоновичъ, „Колдовство", прилож., № 47.
[3]) Ibidem, № 11.

— Случилось мнѣ, милостивый государь,—говорилъ онъ,—однажды новыя ворота становить. Выкопавши подъ вереи ямы, не успѣли мы въ тотъ день оныя поставить, и отложили дѣло сіе до другаго дня. Но между тѣмъ люди добрые ночью спроворили и съиграли надъ воротами моими шутку. Не успѣли мы на другой день вереи поставить, ямы закопать и ворота отдѣлать, какъ вдругъ не хотѣла въ оныя идтить ни одна скотина: бѣгала кругомъ, ревѣла, а въ ворота вогнать никоимъ образомъ ни одну было не можно. Господи помилуй! говоримъ мы, что за диковинка и что за чудо? Но сколько мы ни дивились, но скотина не шла, и мы не знали, что дѣлать. Наконецъ, одинъ усердствующій мнѣ бобыль вывелъ дѣло наружу и сказалъ мнѣ, чтобъ я, вырывши вереи, опять посмотрѣлъ бы, что закопано подъ ними. Сперва было я тому не повѣрилъ, однако наконецъ принужденъ былъ сдѣлать по его совѣту. И что жъ бы думали вы, милостивый государь, мы нашли подъ ними?... Зарытую человѣческую кость.

— Это удивительно,—сказалъ я, рѣчь его перервавши:—но кто жъ бы зарылъ сію кость?

— Точно попъ Иванъ, мой товарищъ,—сказалъ онъ. Кость вынули, вереи опять поставили и зарыли, и скотина наша пошла, какъ надобно.

— Удивительна мнѣ и невѣроятна была сія исторія,—прибавляетъ Болотовъ,—однако онъ увѣрялъ, что она была въ самомъ дѣлѣ, и присовокуплялъ къ тому, что онъ для самаго того опасается и нынѣ на новомъ мѣстѣ строиться, ибо слышалъ, что товарищъ его посылалъ къ какой-то вѣдьмѣ, и что будто не одну уже ночь собаки его мечутся къ тому мѣсту, гдѣ онъ строиться былъ намѣренъ [1]).

Особый видъ суевѣрія состоялъ въ злоупотребленіи именемъ Божіимъ и различными священными предметами, которымъ усвоялось сверхъестественное религіозное значеніе. «Въ Малой Россіи,—говорится въ Регламентѣ,—въ полку Стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (если то по истинѣ сказуютъ), и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкоей пользы. Такожъ на иномъ мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ, и вѣтви она дуба попъ народу раздаетъ на благословеніе» [2]).

Особенно много возникло дѣлъ по разглашенію духовенствомъ ложныхъ чудесъ. Въ основѣ своей проступки эти имѣли большею частью корыстный характеръ. Въ 1721 г. новгородскій архіерей Ѳеодосій донесъ Св. Синоду, что бывшій въ Новгородѣ, въ Ямской Новинской свободѣ, при Троицкой церкви дьячкомъ Василій Евфимовъ выдумалъ

---

[1]) Записки Болотова, т. II, 794—797.

[2]) Дух. реглам., дѣла общія, п. 5.

и огласилъ ложное чудо, будто бы бывшее въ этой церкви, а именно онъ тайкомъ пробрался въ церковь, зажегъ тамъ свѣчи, наполнилъ храмъ благоуханіемъ и тайкомъ же удалился изъ храма. Народъ повѣрилъ чуду, но святотатственная продѣлка открылась. Дьячка, сознавшагося въ преступленіи, опредѣлено казнить, и онъ былъ сожженъ [1]). Совершенно аналогичный случай разсказываетъ иностранецъ Веберъ. Одинъ священникъ въ Петербургѣ задумалъ обогатиться при помощи поддѣльной чудотворной иконы Богоматери. Какъ ни тайно велъ дѣла свои этотъ священникъ, но слухъ о новыхъ чудесахъ дошелъ до императора Петра I. Священникъ былъ вызванъ во дворецъ, куда принесена была и чудотворная икона, чтобы она въ присутствіи царя сотворила чудо; но священникъ тотчасъ же упалъ въ ноги, сознался въ обманѣ и былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ его подвергли колесному наказанію и затѣмъ лишили сана [2]).

Кромѣ чудотворныхъ иконъ въ ходу было распространеніе всякаго рода ложныхъ реликвій. Напримѣръ, въ церкви Василія Блаженнаго употреблялось въ продажу «нѣкакое масло», которое «въ почтеніи содержалось». Такія же продажи, какъ стало извѣстно Св. Синоду, «и въ другихъ монастыряхъ и церквахъ бываютъ», а также «во многихъ монастыряхъ и церквахъ обрѣтаются, будто чудотворцевъ нѣкіихъ, вериги, которыя возлагаютъ, якобы для исцѣленія, на младенцевъ» [3]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовало много поддерживаемыхъ духовенствомъ обычаевъ, которые не согласовались съ постановленіями церкви, унижали предметы христіанскаго чествованія и воспитывали въ простомъ народѣ суевѣріе. Такъ въ Сѣвской епархіи существовалъ обычай кропить св. водою лошадей въ день мучениковъ Флора и Лавра и ставить святыя иконы въ кадушки, наполненныя рожью, овсомъ, гречихой и т. п. [4]). Обычай кропленія лошадей св. водою существовалъ и въ Суздальской епархіи [5]).

Суевѣріе иногда соединялось съ лжепророчествомъ. Соборный протопопъ города Мирополя Василій Антоновъ сосланъ въ отдаленный монастырь на труды за написаніе соблазновъ якобы о рожденіи антихриста на миропольскомъ горизонтѣ [6]). Священники лжепророчествовали

---

[1]) Арх. Св. Синода, I, 306.—Полное собр. пост. и расп. по в. пр. испов., т. I, № 225.—„Русскій Архивъ", 1867 г., 1708—1720.—Гольцевъ. Законодат. и нравы въ Россіи въ XVIII в., 37.

[2]) „Рус. Арх.", 1878 г., стр. 1618.

[3]) Арх. Св. Синода, т. II, ч. I, № 290. Полное собр. пост. и расп. по вѣд. прав. испов., II, № 445.

[4]) Орловскія епарх. вѣд., 1872 г., № 6.

[5]) Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. испов., II, № 476.

[6]) Истор.-стат. опис. Спб. еп., I, II, 53.

*

при богослуженіи. Въ 1718 году посадскій человѣкъ Аѳанасій Потаповъ жаловался, что попъ Прохоръ на утрени Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, при чтеніи книги житій, остановивъ чтеніе, лжепророчествовалъ о немъ, Аѳанасіи: «умереть-де тебѣ сего мѣсяца ноября въ 23-й день въ послѣднемъ часу дня», такожде и про иныхъ людей такія рѣчи говорилъ [1]).

Въ первой половинѣ XVIII в. появился новый видъ суевѣрія, совершенно неизвѣстный до того времени. Въ 1733 г. рижскій протопопъ Николай Ростовецкій спрашивалъ вдову одного умершаго священника, «идетъ-ли она замужъ, объявляя ей, буде идетъ, то онъ того умершаго попа, а ея мужа погребетъ безъ ризъ, а ежели послѣ того мужа своего, во второбрачіе не вступитъ, то погребетъ въ ризахъ» [2]).

Но удерживаемыя умственнымъ и религіознымъ невѣжествомъ, суевѣрія не выводились въ средѣ духовенства въ продолженіе всего XVIII в. Постепенно, впрочемъ, они уменьшались, соотвѣтственно развитію образованія, а также подъ вліяніемъ энергичнаго преслѣдованія ихъ со стороны свѣтской и духовной властей. Со времени реформы правительство слишкомъ ревностно вооружалось противъ суевѣрій, едва-ли не болѣе, чѣмъ противъ другихъ религіозныхъ преступленій, полагая въ этомъ свое культивирующее назначеніе по отношенію къ духовенству и часто растягивая понятіе суевѣрія до слишкомъ широкихъ размѣровъ. Все это, конечно, не могло не содѣйствовать уменьшенію суевѣрныхъ обычаевъ въ средѣ духовенства.

II.

Умственное и религіозное невѣжество духовенства должно было отразиться и на профессіональной сторонѣ его дѣятельности — на совершеніи церковныхъ службъ. Въ этомъ отношеніи къ началу XVIII в. успѣли уже прочно утвердиться нѣкоторыя традиціи отрицательнаго свойства, дававшія весьма нежелательный тонъ всему богослужебному поведенію духовенства. Русская религіозность въ данное время исчерпывалась почти однимъ обрядовымъ благочестіемъ. Это исключительно обрядовое направленіе религіозности должно было оказать рѣшающее вліяніе и на характеръ богослужебныхъ дѣйствій духовенства. Глав-

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. Св. Синода, т. VIII, № 476.

[2]) Истор.-стат. опис. Спб. еп., II, 295; А. Лотоцкій, „Изъ исторіи борьбы духовенства съ суевѣріями“.

нымъ дѣломъ считалось вычитать всѣ молитвы, пропѣть всѣ пѣсни, какія положены на извѣстный день въ церковномъ уставѣ, а о прочемъ уже не заботились. Отсюда сплошь и рядомъ бывало, что священникъ заранѣе дома вычитывалъ тѣ молитвы, какія ему нужно было читать въ церкви по служебнику, а во время службы стоялъ уже спокойно и говорилъ одни возгласы. «Воспомяну вещь ужасную,—пишетъ св. Димитрій Ростовскій,—юже донесе намъ протопресвитеръ нашъ Ростовскій съ протодіакономъ, еже сами они очима своима видѣша. Въ нѣкоей церкви (мѣста и имени не вспоминаетъ) попъ служилъ литургію безъ книги, служебникъ нарицаемой, и безъ молитвъ, служенію подобающихъ, токмо едины возгласы глаголя, и егда протопресвитеръ и протодіаконъ, то узрѣвше, вопросиша его: для чего безъ книги служебника и безъ молитвъ служишь?—Отвѣща попъ: я уже прочелъ служебныя молитвы въ дому. Начаша убо глаголати ему, яко не добрѣ дѣетъ; онъ же рече: азъ отъ старыхъ поповъ сего навыкохъ, и сказа по имени, отъ кого навыче. О, крайняго безумія—восклицаетъ святитель,—и нерадѣнія глупыхъ іереевъ, паче же реку, ругателей Христовыхъ. О, безстрашія и небреженія! О, пагубы ихъ вѣчныя! Коль веліе есть долготерпѣніе Божіе, яко не падетъ огнь съ высоты на таковые попы, и не сожжетъ я живы на тѣхъ же мѣстахъ, идѣже тако литургисаютъ, истиннѣ же реку, ругаются Христови!..» [1]).

Глубокое возмущеніе святителя вполнѣ понятно. Вотъ какую, напр., неприглядную картину богослуженія въ первой половинѣ XVIII в. рисуетъ намъ историкъ Петербургской епархіи. «Въ невзрачной низкой церкви всѣ стѣны увѣшаны вершковыми иконами. Предъ каждою изъ нихъ горитъ свѣчка; предъ иною двѣ и три. Эти иконы, большею частію почернѣлыя, закоптѣлыя, приносятъ въ церковь прихожане, ставятъ гдѣ кому вздумается, и каждое воскресенье, каждый праздникъ жгутъ предъ ними свѣчи,—отъ этого духота въ церкви была невообразимая. Церковно-служители и сторожа накладывали въ кадильницы много ладону, иногда поддѣланнаго, съ примѣсью воску, и тогда къ духотѣ примѣшивался угаръ. Чтеніе и пѣніе на клиросѣ, при безграмотности священниковъ и причетниковъ, было безграмотно; пѣніе напоминало нѣкій неустроенный инструментъ или стадо разнородныхъ животныхъ. Вотъ, «на хвалитѣхъ» отправляется священникъ по церкви кадить. Его правая рука занята кадильницею, лѣвая протянута къ публикѣ. Священникъ кадитъ иконы и народъ, а лѣвую подноситъ каждому. Добрые прихожане сыплятъ туда посильные вклады, кто денежку, кто копейку, а кто и цѣлый пятакъ. Рука наполняется и быстро опускается въ карманъ и опять, опорожненная, она къ услугамъ жертво-

---

[1]) „Св. Димитрій, митроп. Ростовскій", 1849 г., стр. 45—46.

вателей [1]). Однажды петербургскій протопопъ Семеновъ на замѣчаніе сослужащихъ о неблагочиніи такого способа кажденія отвѣчалъ: «что-де тамъ кадить, гдѣ стоятъ маркитанты и прочіе подлые люди, и взять-де у нихъ за то кажденіе нечего» [2]). Существовалъ еще обычай подносить крестъ и евангеліе для цѣлованія почетнымъ или просто щедрымъ прихожанамъ на средину церкви [3]). Точное въ количественномъ смыслѣ соблюденіе устава отзывалось невыгодно на качествѣ совершенія службы. Богослуженіе совершалось сразу нѣсколькими голосами: одинъ пѣлъ, другой читалъ, третій говорилъ эктенію, четвертый произносилъ возгласы въ одно и то же время. «Худой и вредный и весьма богопротивный обычай вошелъ,—говоритъ Регламентъ,—службы церковныя и молебны двоегласно и многогласно пѣть, такъ что утреня или вечерня, на части разобранная, вдругъ отъ многихъ поется, и два или три молебны вдругъ же отъ многихъ пѣвчихъ и чтецовъ совершается. Сіе сдѣлалось отъ лѣности клира, а вошло въ обычай, и конечно должно есть перевесть таковое богомоліе» [4]). Къ такому формализму въ совершеніи богослуженія часто присоединялись недостатки и другаго рода. Сулимовскіе прихожане доносили на извѣстнаго уже намъ священника Карпѣнскаго, что онъ не въ назначенные дни служитъ литургію Василія Великаго, послѣ литургіи не произноситъ отпуска, служитъ литургію «на порожней чаши», въ страстную пятницу и субботу и даже въ день Пасхи совершаетъ богослуженіе безъ ризъ, въ одной епитрахили, и т. п. [5]). Совершеніе литургіи часто сопровождалось ругательствами, дракою и т. п. безчинствами. Св. Димитрій Ростовскій свидѣтельствуетъ, что священники «въ церкви и святомъ алтарѣ сквернословятъ, матерно бранящеся, и творятъ домъ Божій вертепомъ разбойниковъ» [6]).

Кронштадскій священникъ Семеонъ Аѳанасьевъ проскомисальнымъ копіемъ ударилъ солдата такъ, что полилась кровь; въ Ропшѣ пьяные священникъ и дьячекъ во время драки роняютъ въ грязь крестъ и епитрахиль [7]). Петербургскій протопопъ Семеновъ билъ въ церкви дьячка и церковника кулакомъ, въ тычки и по щекамъ, по совершеніи литургіи, сидя на стулѣ, гдѣ садятся во время чтенія апостола священнослужащіе іереи, ругался, священника Іакова Борисова называлъ «деревенской попенцо, второй суета», священника Алексѣя Андреева—«бѣдненькой священникъ, безумный предикантъ», діакона Тимофеева

---

[1]) Опис. Петерб. еп., V, стр. 99—100.
[2]) Ibid., V, отд. II, 35—6.
[3]) Опис. Харьк. еп., I, 27.
[4]) Духовный Регламентъ, дѣла общія, п. 9.
[5]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.
[6]) Сочин. Св. Димитрія.
[7]) Опис. Петерб. еп., V, отд. I, 139—40.

называлъ «козленкомъ, кострикою, плутомъ», по окончаніи богослуженія подходилъ обыкновенно къ жертвеннику, наливалъ въ ковшъ церковнаго вина и пилъ его сперва съ антидоромъ или благословенными хлѣбами, а потомъ съ кренделями, которые вынималъ изъ своего кармана [1]).

Многіе священнослужители просто уклонялись отъ совершенія богослуженія, — нѣкоторые по различнымъ хозяйственнымъ причинамъ, а другіе по нетрезвости, а иные просто по лѣности. «А нынѣ вси сельстіи попы,—пишетъ Посошковъ,—аще у коея церкви попа и два-три, то мало церковной службы у нихъ бываетъ. Въ Новогородскомъ уѣздѣ, въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть: у тоя церкви три попа, да дьяконъ, а на святую Пасху только по два дни литургія была, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на святой недѣлѣ прежде сего не бывало, то-де тебя поопаслись, что двѣ обѣдни были; и жилъ я ту недѣлю, ничимъ не отмѣнну отъ простыхъ недѣль: ни обѣденъ, ни вечерень, ни утреннихъ не было. А у коихъ церквей по одному попу, то, чаю, и во весь годъ обѣденъ десятка—другаго не отслужитъ, понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть» [2]). Одною изъ главныхъ причинъ опущенія богослуженія были такимъ образомъ хозяйственныя занятія духовенства. Св. Тихонъ усмотрѣлъ, что иные священники въ праздники и воскресные дни уѣзжаютъ отъ своего прихода на ярмарки, оставляя церковь безъ службы, или безъ спросу отлучаются отъ своего прихода иногда верстъ за сто [3]). Не менѣе обыкновенною причиною опущенія богослуженія было пьянство. Въ 1752 г. причтъ Сергіевской Петербургской церкви жаловался, что «той же церкви священникъ Петръ Аввакумовъ пришелъ отъ невоздержанія своего отъ пьяства въ великую слабость и какъ чреду свою порядочно не исправляетъ и часто литургіи не бываетъ, такъ и съ мірскими потребами часто за тѣмъ же не ходитъ, а иногда за тѣмъ же пьянствомъ отлучается отъ дому сутки по четыре и по недѣлѣ, оставя и чреду свою. И сего же числа въ свою же чреду не токмо подлежащей паннихиды не исправлялъ, но и службы никакой всѣ сутки не было и напредь сего во многіе дни вечерни служилъ пьяный и покидалъ службу, не докончивъ, уходилъ изъ церкви. И какъ у себя въ домѣ, такъ и въ другихъ домахъ многія отъ пьянства чинилъ безобразія, и шумъ и драки, и за пьянствомъ въ домѣ себя связывать не велитъ, и безстыдно бродитъ пьянствовать по кабакамъ, и такъ ослабѣлъ, что безъ діакона отслужить не смѣетъ» [4]). Иногда богослуженіе опускалось

---

[1]) Ibid., V, отд. II, 35.
[2]) Сочиненія Ивана Посошкова, ч. I, стр. 27.
[3]) Дух. Хр., 63—64 г., 483.
[4]) Истор.-стат. свѣд. о СПБ. еп., вып. VI, отд. II, стр. 41.

просто по лѣности. Преосвященный Рафаилъ Заборовскій писалъ: «извѣстилися мы о томъ, что викаріями настоятели какъ волами работники непрестанно работаютъ, викаріевъ къ наичастѣйшему служенію какъ наемниковъ употребляютъ, а сами прохлаждаются по хуторамъ... да частними питейными тонкогупками упражняются» [1]).

Много нестроеній было и въ совершеніи частныхъ службъ и таинствъ. При таинствѣ крещенія многіе священники употребляли одну и ту же воду для крещенія нѣсколькихъ младенцевъ [2]); въ Малороссіи, по словамъ указа митроп. Рафаила, «обычаи непстребные весьма вкоренились, что по двѣ, по три и по четыре пары бываетъ воспріемниковъ у единой дитины, отъ того многолюдствіе духовное размножается, и въ томъ родствѣ размноженномъ противно правиламъ святымъ бракосочетоваются и кровосмѣшаются» [3]).

Сулимовскій священникъ Карпѣнскій, служившій часто «на порожней чаши», причащалъ простою ложкою [4]). По свидѣтельству преосвященнаго Іоасафа Горленко, въ Бѣлгородской епархіи «во многихъ церквахъ Божественнаго Агнца раздробленныя части, хранящіяся для больныхъ, не всѣ напоены кровію Божественною, и тако священники причащаютъ народъ подъ единымъ токмо видомъ хлѣба въ противность православію восточной Церкви» [5]). Одинъ изъ священнослужителей Московской епархіи самъ пріобщался Св. Таинъ подъ однимъ видомъ, не вливъ въ потиръ вина [6]). Ивангородскій священникъ, Кіевской епархіи, во время запрещенія похитилъ св. Агнца [7]). Богослуженіе совершалось иногда на окисломъ винѣ [8]) и вообще небрежно. Такая небрежность замѣчалась, напримѣръ, въ храненіи Агнца. Преосвященный Іоасафъ Горленко говоритъ, что нѣкоторые «невнимающіе своему служенію священники не имѣютъ особенныхъ кивотцевъ ради ношенія Божественныхъ таинъ къ больнымъ и носятъ оныя въ кошелькахъ и бумажкахъ» [9]). Другой святитель, св. Димитрій Ростовскій, также сильно вооружается противъ небрежнаго храненія св. Агнца. «Вижду бо,—говоритъ онъ,— во многихъ церквахъ творимое Пречистымъ и Животворящимъ Христовымъ Таинамъ непочитаніе, паче же и уничиженіе: держатъ бо тую

---

[1]) „Опис. рукоп. Черниговской духовной семинаріи", стр. 101.
[2]) Ibid., стр. 103.
[3]) Кіевск. еп. вѣд., № 7, стр. 204—5; Руков. для сельск. паст., 1860 г. № 20, стр. 36—7.
[4]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.
[5]) Опис. Харьковской еп., I, 25; „Душеп. Чтеніе", 1869 г., ч. 3, 317.
[6]) Исторія Моск. еп. упр., ч. III, кн. I, прим., стр. 53.
[7]) Опис. рукоп. Черниговской семинаріи, 98.
[8]) Дух. Хр., 1863—4, 486; Опис. Харьковской еп., I, 245.
[9]) „Душеп. Чтеніе", 1869 г., ч. 3, 317.

толь великую святыню не на подобающемъ мѣстѣ, но нѣгдѣ во углѣ, а иногда въ домѣ безъ всякаго почитанія, и въ сосудѣхъ нечистыхъ очернѣлыхъ, а еже горѣе, яко ниже нарицанія имъ честнаго вѣдятъ. Не нарицаютъ бо я Пречистыми Христовыми Тайнами, сіе есть Тѣломъ Христовымъ, но нѣкіимъ простымъ, паче же рещи, безчестнымъ нарицаніемъ именуютъ, рекше, запасъ. Случися бо намъ мимошедшаго 1702 года во градъ Ярославль грядущимъ, внити въ единой веси въ церковь, идѣже по обычномъ моленіи, азъ смиренный, хотя обычную почесть и поклоненіе воздати Пречистымъ Христовымъ Тайнамъ, егда вопросихъ тамошняго попа, гдѣ суть Животворящія Христовы Тайны? Попъ же той не уразумѣ словесе моего, и яко не домышляяй стояше, молча. Паки рѣхъ: гдѣ Тѣло Христово? попъ же ни сего словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ искусныхъ іереевъ рече къ нему: гдѣ запасъ? Тогда онъ изъемъ отъ угла сосудецъ, зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь велію Святыню, на нюже Ангели смотрятъ со страхомъ» [1]). Преосвященный Іоасафъ Горленко передаетъ еще болѣе разительный случай небрежнаго отношенія къ Святынѣ. «Увидя,—говоритъ онъ,—на полкѣ между горшками бумагу, взялъ ее посмотрѣть, что въ ней завернуто; когда же раскрылъ ее, то съ ужасомъ увидѣлъ, что въ ней были Божественныя Тайны». Святитель провелъ всю ночь безъ сна, въ молитвѣ при св. Тайнахъ, а священнику запретилъ священствовать [2]).

Совершеніе таинства брака также страдало многими недостатками. При вѣнчаніи въ церковь привозились хмѣльные напитки, при чемъ вмѣстѣ съ мірянами напивалось и духовенство [3]). Браки часто совершались въ родствѣ. Преосвященный вологодскій доносилъ въ Синодъ, что «попъ церкви Воскресенія Христова, что въ Дягилевыхъ горахъ Алексѣй Поповъ повѣнчалъ двухъ двоюродныхъ братьевъ на родныхъ же сестрахъ, безъ вѣнечныхъ памятей [4]). «Въ консисторіи нашей оказалось,—пишетъ св. Тихонъ Воронежскій въ своей инструкціи, - что многіе люди, въ томъ числѣ приходящіе изъ дальнихъ мѣстъ: какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ въ брачное супружество вступаютъ, въ противность правилъ св. отецъ, и потому беззаконное, какъ-то въ четвертые браки, а другіе мужья отъ живыхъ женъ, а жены отъ живыхъ мужей, а иныя дѣти малыя съ возрастными и далеко большими дѣвками въ супружество входятъ, а священники иные лакомствомъ прельщаемы, иные въ пьянствѣ, иные слѣпотою ума помраченные, какъ изъ дѣлъ

---

[1]) Сочин. Св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, ч. I, страницы 200—201
[2]) Описаніе жизни преосв. Іоасафа Горленка, Спб., 1841 г., стр. 15—16.
[3]) Истор. Моск. еп. упр., ч. III, кн. I, прим., стр. 185.
[4]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. Св. Синода, т. VIII, стр. 612.

по консисторіи явствуетъ, важности дѣла не разсуждая, беззаконные браки вѣнчаютъ и тѣмъ какъ себя, такъ и другихъ въ тяжкіе грѣхи приводятъ [1]). Неправильные браки по родству совершались часто, какъ свидѣтельствуетъ митроп. Рафаилъ «за недобрымъ разспросомъ» брачущихся [2]). Иногда священники вѣнчали браки насильственно, принуждая къ нимъ одну изъ вступающихъ въ бракъ сторонъ. Намѣстникъ кобеляцкій Василій Могилевскій жаловался на кобеляцкаго протопопа Михаила Быстрицкаго, что тотъ его «сестру двоюродную, дочь Василія дьячка Покровскаго Марію, купно съ матерію ея нудилъ въ оковахъ желѣзныхъ чрезъ три дне денно и нощно», по тому поводу, что сестра намѣстника Марія, согласившись выйти замужъ за казака Тонконога, потомъ, увидя, что женихъ ея горькій пьяница, раздумала и отказала ему. Обиженный женихъ, «хвалясь денегъ много наложить», обратился съ жалобою къ протопопу, который, не долго думая, велѣлъ невѣсту съ матерью заковать въ кандалы. Тонконогъ, видя упорное нежеланіе Маріи выйти за него замужъ, рѣшилъ оставить ее въ покоѣ съ тѣмъ, чтобы ему были возвращены всѣ убытки, требуя въ томъ числѣ, «дабы паче накладъ ему возвращено, яко до нѣсколько рублей якобы онъ въ правленіи потерялъ». Отвѣтчица указала на то, что «накладъ» долженъ быть возвращенъ протопопомъ. Когда протопопъ «накладу» не возвратилъ, «въ тѣ пори онъ, челобитчикъ, паки началъ суда просить и, призвавши оную дѣвицу и матерь ея, начали стращать ихъ». «Стращанія», видимо, подѣйствовали: «оной дѣвицѣ мать начала съ плачемъ договаривать, что буде ти въ бракъ сей не пойдешь, то развѣ по жизнь свою выслуживатись будешь». Подъ давленіемъ такихъ обстоятельствъ невѣста согласилась выйти замужъ и была обвѣнчана [3]). Вотъ еще случай. Поповскій староста г. Торопца Иванъ Ивановъ доносилъ на священника Рождественскаго дѣвичьяго монастыря Петра Тимофеева, что тотъ насильственно повѣнчалъ торопецкаго жителя Ивана Ферякова съ дѣвицею Татьяною. Невѣста была увѣчная и сверхъ того заподозрѣнная въ воровствѣ денегъ и вещей у подъячаго, «объѣзжаго дворянина» Аѳанасія Жеребцова. Самый бракъ, для совершенія котораго, по распоряженію поповскаго старосты, попа Петра Тимофеева, женихъ съ побоями приведенъ былъ въ церковь ночью солдатами, былъ прерванъ появленіемъ солдата, посланнаго торопецкимъ судьею для взятія новобрачной къ розыску. При розыскѣ она показала, что изъ украденныхъ денегъ дала поповскому старостѣ Тимофееву пять рублей съ тѣмъ, чтобы онъ устроилъ ея бракъ съ Феряковымъ [4]).

---

[1]) Творенія Святыхъ Отецъ, 1862 г., 2.
[2]) «Кіев. еп. вѣд.», 1870 г., № 7, 203.
[3]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.
[4]) Опис. арх. Св. Синода, т. I, ч. 2, № 471.

Причиною всѣхъ этихъ насилій были, какъ видимъ, корыстныя побужденія священнослужителей. Среди послѣднихъ попадались личности корыстолюбивыя, позволявшія себѣ большія вымогательства. Такъ, священникъ с. Рацева Григорій Ковалевскій требовалъ за бракъ 20 р.[1]). Роменскій протопопъ Самойловъ взялъ за бракъ у жителя гавриловскаго Ивана Опары 210 злотыхъ, у другаго—взялъ «полкуфы дегтю, кожу, полпяти золотою, два кафтана», еще у одного взялъ за бракъ съ первою женою 8 копъ, со второю—10 талеровъ, съ третьей—100 злотыхъ[2]). По словамъ казака Агаѳона Сумина, чугуевскій протопопъ бралъ за вѣнечныя памяти «сверхъ указнаго числа» по три, по четыре и по пяти руб. за память[3]). Не только священники позволяли себѣ вымогательства, но и дьячки. Митрополитъ кіевскій Рафаилъ говоритъ о большихъ поборахъ церковниковъ за браки: «дьячки окаянніи поти не пойдутъ на клиросъ пѣти надлежащаго брака, покамисть у убогаго мужика не выдерутъ таляра»[4]).

Всѣ эти вымогательства имѣли въ своемъ основаніи крайне недостаточное матеріальное обезпеченіе духовенства. Сами священники указывали на свою бѣдность какъ на главную причину поборовъ. Пристромскій (Переяславской епархіи) священникъ Леонидъ Ольшанскій требовалъ за бракъ 2 р., ему давали 60 коп. На слѣдствіи, которое назначено было по жалобѣ прихожанина, священникъ объяснялъ, что онъ, «какъ бы шуточно требовалъ двухъ рубліовиковъ, а за рубля, если бъ было дали, то бъ и повѣнчалъ, что жъ де онъ Леонтій показаннихъ лицъ за 60 коп. не хотѣлъ обвѣнчать и сверхъ указного требовалъ за обвѣнчаніе съ нихъ рубліовика денегъ, то онъ сіе сдѣлалъ потому, что и самъ убогъ, и за малостію прихода ни откуду болше, кромѣ съ такихъ доходовъ, ежедневное пропитаніе себѣ имѣетъ, такъ и обикновенніе столовіе денги взимаеміе за рождественскій и воскресенскій праздники въ каѳедру Переяславскую какъ прежде оплачивалъ, такъ и теперь оплачивать съ тѣхъ же доходовъ слѣдуетъ». Послѣ этого онъ далъ подписку не брать за бракъ болѣе указныхъ 10 коп.[5]).

Однимъ изъ могущественныхъ средствъ религіозно-нравственнаго вліянія духовенства на общество является исповѣдь; въ таинствѣ исповѣди духовнику предоставляется полная возможность проникнуть въ самые глубокіе тайники довѣрчиво раскрытаго для него сердца. Но, какъ мы уже говорили, отожествленіе нравственной области съ госу-

---

[1]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.

[2]) „Кіевская Старина". 1887 г., V, 194—5.

[3]) Опис. арх. Св. Синода, I, 494.

[4]) Опис. рукоп. Черниговской семинаріи, 97.

[5]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.

дарственными интересами создавало крайне фальшивыя отношенія между духовенствомъ и паствою. Священники, напримѣръ, обязывались объявлять Преображенскому приказу и тайной канцеляріи о сообщенныхъ имъ на исповѣди народныхъ соблазнахъ и злодѣйственныхъ намѣреніяхъ, къ которымъ отнесены: «измѣна или бунтъ на государя или на государство, или злое умышленіе на честь и здравіе государево и на фамилію его царскаго величества», даже «слова, до высокой его императорскаго величества чести касающіяся, или государству вредительныя».

Регламентъ старается доказать, что такое объявленіе нисколько не противорѣчитъ существу исповѣди, что напротивъ духовникъ черезъ свой доносъ исполнитъ слова Господни: «аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ.. аще же не послушаетъ, повѣждь церкви», что если Господь повелѣваетъ объявлять церкви о частныхъ обидахъ, то тѣмъ болѣе нужно доносить полиціи о злодѣйственныхъ умышленіяхъ. Кромѣ того, священники «не токмо намѣренное зло, которое въ дѣйство произвестися хощетъ, должны объявлять, но и сдѣланной уже народной соблазнъ, напримѣръ: еже кто, вымысливъ гдѣ, какимъ-либо образомъ или притворно учинивъ, разгласитъ ложное чудо... а раскаянія на то не покажетъ, и опубликовать того (дабы невѣдущіе той лжи за истину не принимали) не обѣщается, то духовникъ долженъ, гдѣ надлежитъ, безъ всякаго медленія о томъ объявить, дабы такая лжа была пересѣчена и народъ, тою лжею прельщенный, невѣдѣніемъ не согрѣшалъ и лжи за истину не принималъ... И таковые духовники, которые какъ о вышеозначенномъ зломъ и нераскаянномъ намѣреніи, такъ и о содѣянномъ ложныхъ и притворныхъ чудесъ разглашеніи объявятъ, и по изслѣдованіи явится то объявленіе истинно, награждены будутъ достойною по мѣрѣ вѣрности его императорскаго величества милостію. А ежели кто изъ священниковъ сего не исполнитъ, и о вышеозначенномъ услышавъ, вскорѣ не объявитъ, тотъ безъ всякаго милосердія, яко противникъ и таковымъ злодѣемъ согласникъ, паче же государственныхъ вредовъ прикрыватель, по лишеніи сана и имѣнія, лишенъ будетъ и живота» [1]). Такое и безъ того тяжелое положеніе духовниковъ еще болѣе осложнялось въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ. На духовенствѣ, напримѣръ, лежала высокая по своей идеѣ, но тяжелая по послѣдствіямъ обязанность увѣщевать и напутствовать предъ смертною казнью преступниковъ; для этого избирался обыкновенно священникъ высокихъ душевныхъ качествъ, «который бы былъ добрыя

[1]) Полное собр. пост. и распоряж. по вѣд. прав. испов., т. II, № 557, стр. 205.

совѣсти и могъ таковыхъ осужденныхъ во отчаяніи на истинный путь возвращать» [1]). Обязанность увѣщателя колодниковъ была не легкою. Вотъ какъ выражается по этому поводу историкъ Петербургской епархіи: «ночью священника приглашаютъ на каторжный дворъ или, еще лучше, въ казематы тайной канцеляріи. Предъ нимъ несчастный, умирающій отъ пытокъ. Онъ хочетъ облегчить свою душу, хочетъ облегчить сердце, быть можетъ ожесточенное несправедливостями, тиранствомъ. У постели умирающаго у духовника всего ближе и естественнѣе слово утѣшенія, слово сочувствія. Но берегись, духовникъ! Въ казематахъ и у стѣнъ есть уши, которыя тайну предсмертнаго покаянія не сочтутъ священною, и можетъ быть за нѣсколько сочувственныхъ, невѣрно понятыхъ словъ ты завтра же попадешь на мѣсто твоего духовнаго сына, испытаешь наслажденія застѣнковъ. Можетъ быть, тотъ же утѣшаемый тобою страдалецъ, оправившись подъ новыми пытками, оговоритъ и тебя. Берегись, духовникъ! Въ казематахъ сочувствіе и теплота сердца немыслимы» [2]).

Разрывъ, созданный подобными отношеніями, долженъ былъ отражаться на исполненіи таинства исповѣди крайне вредно. Таинство это легко получало въ глазахъ духовенства формальное и даже корыстолюбивое значеніе. Нѣкоторые священники смотрѣли на него исключительно какъ на источникъ доходовъ, а потому часто отказывали въ исповѣди бѣднымъ, не имѣвшимъ средствъ вознаградить ихъ за трудъ. «Еще же и сіе нашему смиренію вѣстно сотворися,—пишетъ св. Димитрій,—яко нѣцыи отъ нерадивыхъ іереевъ, немалую подъ собою паству душъ человѣческихъ имущіи, не пекутся, якоже пещися подобаетъ, о спасеніи ихъ, и лѣнятся ходити къ больнымъ, еже исповѣдати и причастити ихъ; а наипаче къ людемъ убогимъ и нищимъ не хотятъ ходити, токмо ко богатымъ ходятъ, а убогихъ и нищихъ презираютъ, и мнози нерадѣніемъ ихъ безъ исповѣди и безъ причастія божественныхъ таинъ умираютъ» [3]). Такимъ корыстолюбіемъ отличался, напримѣръ, упоминавшійся уже нами петербургскій протопопъ Семеновъ, отказывавшійся не только ходить къ бѣднымъ на квартиры для таинства исповѣди, но и принимать ихъ у себя, даже въ случаѣ крайней нужды [4]). Для бѣдныхъ практиковался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оригинальный и недостойный св. таинства способъ исповѣди— нѣсколькихъ человѣкъ вмѣстѣ [5]).

---

[1]) Полное собр. пост. по дух. вѣд., II, № 874.
[2]) Опис. Петерб. еп., вып. V, стр. 101.
[3]) Соч. св. Димитрія, митроп. Ростовскаго, ч. I, стр. 166—7.
[4]) Опис. С.-Петербургской епархіи, V, отд. II, 35—6.
[5]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1860, № 20, стр. 57.

Другимъ недостаткомъ духовенства по отношенію къ таинству исповѣди было открытіе въ ссорѣ или по какимъ-либо корыстнымъ видамъ—грѣховъ, сказанныхъ «на духу». Св. Димитрій Ростовскій глубоко возмущался и со всѣмъ пыломъ своей души вооружался противъ такого отношенія духовенства къ исповѣди. О, духовниче неискусный, злый обличителю дѣтей своихъ духовныхъ, разорителю Тайны Божія, соблазнителю міра и виновниче пагубы многихъ душъ человѣческихъ,—восклицаетъ ревностный владыка, обращая рѣчь свою къ нарушителямъ святости таинства. — Почто исповѣданные грѣхи, и уже прощенные, паки на среду приводиши? Почто Богомъ покровенная и потаенная открытыя являеши? Почто благо омовенное паки наносиши на омовенныхъ? Почто скверниши очищенныхъ? Почто мимошедшая, и уже забвенію преданная, паки воспоминая, возвращаеши? Богъ положи въ забвеніе грѣхи человѣческіе, исповѣданные... ты же, окаянный іерею, дѣтей твоихъ духовныхъ грѣхи памятствуеши и воспоминаеши, ихже не подобаетъ воспоминати, и творишися противенъ Богу. Той бо единою прощенная не имать воспомянути въ безконечные вѣки; ты же дерзаеши та воспоминати: коимъ казнемъ достоинъ еси» [1]). Болотовъ разсказываетъ такой случай злоупотребленія таинствомъ исповѣди для сведенія личныхъ счетовъ. «Нѣкогда случилось, что родительница моя, не знаю чѣмъ, неисполненіемъ-ли какой-нибудь его просьбы или инымъ чѣмъ его (мѣстнаго священника) поразсердила. Онъ, будучи таковъ же внутренно золъ и любомстителенъ, колико наружно благочестивъ и набоженъ, сокрылъ тогда досаду свою въ глубинѣ своего сердца; но какъ нѣсколько времени потомъ случилось родительницѣ моей прихворнуть и она вздумала исповѣдаться, какъ то нерѣдко она дѣлывала, то что жъ онъ сдѣлалъ?—Онъ, зная коротко расположеніе ея нрава и великую привязанность ее ко всему суевѣрному, вздумалъ ей при семъ случаѣ мстить свою мнимую обиду, но чѣмъ же?—Такъ называемымъ связаніемъ на духу, о важности котораго постарался онъ уже издавна вперить въ нее страшныя мысли. Мать моя сочла сіе невѣдомо за что, и сіе связаніе нагнало на нее такой страхъ и ужасъ, что она считала себя не инако какъ погибшею, ежели паки разрѣшена не будетъ. Нѣсколько недѣль препроводила она въ превеликомъ смущеніи и впала было отъ этого въ сущую меланхолію, и тѣмъ паче, что попъ пересталъ вовсе къ намъ ходить и открыто уже изъявилъ всю свою злобу, скрывавшуюся до того въ его сердцѣ. Нечего было дѣлать, принуждены были засылать къ попу и ходить за нимъ и уговаривать. Онъ спѣсивится и гордится, и на силу его какъ-то уговорили и довели до того, что онъ мать мою разрѣшилъ» [2]).

---

[1]) Сочин. св. Димитрія, митроп. Ростовскаго, ч. I, стр. 164—5.
[2]) Записки Болотова, т. I, стр. 149—150.

Подобные же недостатки имѣли мѣсто и при исправленіи другихъ богослужебныхъ дѣйствій, если только въ этомъ случаѣ замѣшана была матеріальная сторона дѣла. Кромѣ брака и исповѣди, этотъ матеріальный элементъ отношеній въ особенности оказывалъ свои разлагающія послѣдствія при совершеніи погребенія и хожденіи съ крестомъ; то и другое являлось удобнымъ поводомъ для проявленія низкихъ корыстолюбивыхъ стремленій.

Погребеніе богатыхъ отличалось вообще большою торжественностью, къ погребенію же бѣдныхъ духовенство относилось иногда очень невнимательно. Историкъ Петербургской епархіи такъ описываетъ погребеніе бѣдныхъ въ Петербургѣ. «Придетъ священникъ съ причетникомъ къ почившему, покадитъ, отслужитъ литію, дастъ на кладбище письмо (т. е. свидѣтельство) и отправляется домой, а покойника несутъ на кладбище его близкіе... Въ самомъ же домѣ почившаго, у одра, на которомъ лежало его тѣло, среди плача, а нерѣдко и раздирающихъ сердце рыданій, священно-и-церковнослужители заводили между собою споръ и ссоры или пускались въ совершенно неприличныя мѣсту и обстановкѣ шутки и смѣхотворные разговоры» [1]. Столь же несовмѣстимые съ характеромъ печальнаго момента поступки допускались священнослужителями и при самомъ обрядѣ погребенія, даже въ церкви. Мы уже упоминали, какъ совершалъ погребеніе священникъ с. Юсковецъ Іоаннъ Максимовъ. Не имѣя права совершать требы, онъ «самохотно въ епитрахиль и ризи убрался и сталъ по виносѣ тѣла съ изби разговаривать съ парохіянами и необично реготать и шутить, а потомъ при провожденіи тѣла взялъ человѣка именемъ Івана Гусака за бороду». Въ погребальномъ ходу онъ оставилъ свое мѣсто, отошелъ къ своей женѣ, шедшей вмѣстѣ съ другими женщинами, и тамъ разговаривалъ съ женами, благословилъ жену «сказывая сѣчовимъ благословеніемъ съ великимъ соблазномъ присутствующихъ людей и смѣхотвореніемъ». По внесеніи тѣла въ церковь, онъ позволялъ себѣ еще бóльшія безчинія,—«безпрестанно шумѣлъ и реготалъ, а при послѣднемъ цѣлованіи приходячихъ людей до креста многихъ тѣмъ же крестомъ по головамъ билъ, сказуя: «знайте, что я запорожецъ» [2]. Другой, также извѣстный уже намъ священникъ Симеонъ Карпѣнскій, пріѣхавъ однажды для печатанія могилы, приказалъ для чего-то выкапывать трупъ умершаго, но ужъ сами прихожане «не послушали его, яко необычайно велитъ» [3].

Погребеніе часто давало духовенству поводъ къ вымогательствамъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія одинъ священникъ въ Кар-

---

[1]) Опис. Петербург. еп., V, 144—5.
[2]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.
[3]) Ibidem.

гопольскомъ уѣздѣ сильно притѣснялъ крестьянъ: съ одной крестьянки за погребеніе ея брата требовалъ рѣзной складень цѣною въ 2 р. 50 к., а съ другой за погребеніе мужа 50 к., и, не получивъ требуемой платы, цѣлую недѣлю не хоронилъ мертваго, такъ что въ церковной трапезѣ, гдѣ лежали трупы, на лавкахъ и по полу текла пересадная кровь, на тѣлахъ показались черви и по всей церкви было страшное зловоніе. Свидѣтели (103 человѣка, въ томъ числѣ приходскій дьячекъ) приложили къ своимъ показаніямъ длинный реестръ незаконныхъ поборовъ священника при крещеніи, вѣнчаніи и погребеніи. Синодъ лишилъ его священства [1]). Въ Малороссіи иногда выставляли тѣла бѣдняковъ, умершихъ въ госпиталѣ, на два-три дня для испрошенія подаянія на погребеніе и уплату священнику [2]). Въ Сибири, гдѣ приходы были чрезвычайно разбросаны и гдѣ чувствовался большой недостатокъ въ священнослужителяхъ, дѣло требоисправленія иногда и ограничивалось однимъ взиманіемъ платы за требы безъ самаго совершенія требъ. Въ самомъ концѣ XVIII в. жители Мелецкаго острога жаловались архіерею, что «хотя они усердіе ко св. церкви имѣютъ и св. таинъ причаститься желаютъ, но священникъ ихъ, Василій Хавовъ, мертвыхъ не погребаетъ, младенцевъ не креститъ, родильницамъ молитвъ не читаетъ и св. таинъ не пріобщаетъ, «а когда жъ прибудетъ въ годъ однажды черезъ почты съ колокольцемъ, съ мертвыхъ тѣлъ за погребеніе беретъ сполна деньгами и случится коньми, а погребенія нѣтъ» [3]).

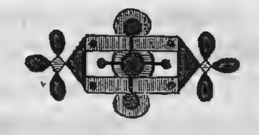
Извѣстны случаи вымогательства и при хожденіи священнослужителей съ крестомъ. Въ 1767 г. одинъ фельдшеръ изъ шведовъ Никита Ланшевъ жаловался консисторіи, что когда его приходскій причтъ (изъ 5 человѣкъ) во время пасхальнаго хожденія по приходу былъ у него въ домѣ и когда онъ по окончаніи святыни далъ попу на соборъ 14 коп., то попъ «дьяконъ съ причетниками требовали еще 10 коп., печенаго хлѣба и пирога, а когда онъ не далъ, то бранили его скверными словами, потомъ, бросивъ ковчегъ съ крестомъ, били его смертно, и при тѣхъ побояхъ попъ укусилъ у него палецъ лѣвой руки и «едва оный прочь не откусилъ»; въ доказательство доношенія онъ ссылался на свидѣтельство бывшихъ у него на ту пору гостей [4]).

Нами указаны лишь нѣкоторыя, немногія стороны быта приходскаго духовенства въ XVIII в., при чемъ мы обращали вниманіе лишь на

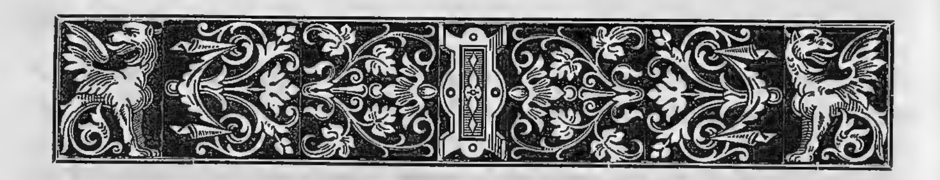
[1]) Полн. Собр. Законовъ, т. 19, № 13910. «Рус. Старина», 1877 г., т. 19, 517.
[2]) Руков. для сельскихъ пастырей, 1860 г., № 20, стр. 38—9.
[3]) Н. Лѣсковъ. Сибирскія картинки. «Вѣстн. Европы», 1892 г., III.
[4]) Исторія Моск. еп. упр., II, кн. 2, примѣч. 345.

болѣе характерные факты изъ громаднаго числа другихъ—одного съ ними характера. Но какъ ни мрачна нарисованная картина, было бы большой ошибкой представлять по ней нравственный обликъ всего духовнаго сословія въ рассматриваемую эпоху. Какъ извѣстно, внѣшняя и внутренняя стороны дѣятельности не покрываютъ вполнѣ одна другую; положительная — принадлежитъ къ той сферѣ дѣятельности, которая имѣетъ тѣмъ большую цѣнность, чѣмъ менѣе она демонстрируется вовнѣ; идеалъ ея—чтобы лѣвая рука не знала, что творитъ правая. Поэтому-то исключительная дѣятельность даннаго общественнаго класса не затрогивалась вовсе тѣми оффиціальными архивными документами—по большей части судебно-карательнаго характера, какими мы главнымъ образомъ пользовались. Отсюда—обиліе фактовъ отрицательнаго характера не говоритъ еще о безусловно отрицательномъ направленіи жизни духовенства въ XVIII в. Необходимо еще принять во вниманіе, что тогда было другое время, другія понятія и условія жизни; съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать совершенно правильнымъ взглядъ церковнаго историка XVIII в.—митр. Платона Левшина, который осуждалъ современныхъ ему «Исторіи россійскихъ писателей» между прочимъ за то, что они «древніе духовенства поступки, съ тогдашнимъ временемъ сходственные, представляли по образу мыслей и состоянію настоящаго времени,—что съ порядкомъ и истиною исторіи никакъ не совмѣстительно» [1]).

А. Лотоцкій.

[1]) Церковная россійская исторія, предисл., VI.

Неизданная рукопись И. И. Лажечникова.

(Архивная справка къ юбилею).

По случаю 35-ти лѣтней годовщины смерти извѣстнаго нашего писателя Ивана Ивановича Лажечникова намъ хотѣлось бы обратить вниманіе читающаго общества на одинъ неизданный его трудъ, рукопись—автографъ котораго мы разыскали въ архивѣ императорскаго Казанскаго университета.

Служба И. И. Лажечникова въ Казанскомъ университетѣ представляетъ собою любопытный, но мало извѣстный эпизодъ изъ его біографіи. Въ статьѣ «Какъ я зналъ Магницкаго» (вошла въ XII т. сочиненій, изд. 1884 г.) И. И. самъ разсказываетъ, какъ онъ неожиданно сталъ любимцемъ всемогущаго въ то время попечителя Казанскаго учебнаго округа. Съ 1824 г. Лажечниковъ состоялъ директоромъ Казанской гимназіи (тогда единственной, нынѣ I императорской). На этомъ посту онъ пріобрѣлъ себѣ передъ Казанью заслугу, первый подавши мысль поставить здѣсь памятникъ знаменитому мѣстному урожденцу—Г. Р. Державину. Не удовлетворяясь директорскимъ мѣстомъ, И. И. задумалъ испытать себя на ученомъ поприщѣ и перебраться въ университетъ.

Такое намѣреніе Лажечникова, пожалуй, покажется теперь страннымъ. Вѣдь онъ не имѣлъ никакой ученой степени и даже не окончилъ курса въ университетѣ. Но въ то время къ ученымъ относились не такъ формально, и достоинства ихъ цѣнились не только съ точки зрѣнія имѣющагося у нихъ диплома на ту или другую ученую степень. Въ иныхъ случаяхъ дѣлались исключенія, лишь бы кандидатъ былъ достойный. Вдобавокъ ученыхъ было такъ мало, что для замѣщенія

каѳедръ приходилось сплошь и рядомъ выписывать изъ-за границы нѣмцевъ, не знавшихъ по-русски и читавшихъ по-латыни или по-французски.

Въ апрѣлѣ 1825 г. И. И. Лажечниковъ вошелъ въ совѣтъ Казанскаго университета съ такимъ прошеніемъ:

«Извѣстившись, что мѣсто адъюнкта россійской исторіи въ Казанскомъ университетѣ остается до сего времени никѣмъ не занятымъ и чувствуя въ себѣ достаточныя свѣдѣнія для преподаванія этой науки, которой самъ обучался у гг. профессоровъ Московскаго университета [1]); сверхъ того, по склонности моей къ ученымъ трудамъ, коимъ посвящалъ всѣ досуги мои отъ службы, желая быть полезнымъ членомъ ученаго сословія, къ коему нынѣ обращаюсь: покорнѣйше прошу почтеннѣйшій совѣтъ удостоить меня выборомъ въ адъюнкты россійской исторіи. Оправдать сей лестный выборъ потщусь постояннымъ усердіемъ въ исполненіи моей должности и усовершенствованіемъ ввѣренной мнѣ части.

«Между тѣмъ осмѣливаюсь ожидать разрѣшенія почтеннѣйшаго совѣта: не благоугодно ли будетъ дозволить мнѣ представить ему упражненія мои по предмету исторіи? Къ сему прошенію честь имѣю приложить два свидѣтельства о прежнихъ моихъ ученыхъ занятіяхъ».

Нельзя отрицать, что И. И. всегда обнаруживалъ большой интересъ къ отечественной исторіи и впослѣдствіи стяжалъ себѣ громкую славу именно историческими романами. Но въ ту пору онъ былъ извѣстенъ въ публикѣ только «Походными записками русскаго офицера», гдѣ описалъ свои личныя впечатлѣнія во время Отечественной войны, а по части исторіи у него былъ тогда напечатанъ (въ «Вѣстникѣ Европы» за 1820 г.) только отрывокъ изъ «Исторіи города Дерпта». Другія «упражненія», которыя онъ собирался представить на судъ ученой коллегіи, находились, вѣроятно, въ рукописи. Но при всемъ томъ Лажечниковъ чувствовалъ уже въ себѣ «достаточныя» свѣдѣнія для преподаванія университетскаго курса русской исторіи.

На прошеніе Лажечникова совѣтъ университета положилъ такую резолюцію: «передать при выпискѣ прошеніе въ словесное отдѣленіе съ тѣмъ, чтобы оно по уставу истребовало отъ просителя потребныя сочиненія, отзывъ отъ профессора, почитаетъ ли онъ нужнымъ имѣть себѣ помощника, и внести съ мнѣніемъ о достоинствѣ сочиненія,—представить совѣту».

Изъ резолюціи видно, что на самомъ дѣлѣ никакой вакансіи адъюнкта русской исторіи не имѣлось, а ее еще пришлось бы создавать, если бы спеціалистъ пожелалъ себѣ кого-либо въ помощь. Съ другой

---

[1]) Вѣроятно, путемъ приватныхъ уроковъ.

стороны всѣмъ было извѣстно, что Лажечниковъ — любимецъ самого Магницкаго, а при Магницкомъ, гонявшемъ профессоровъ со службы десятками, совѣтъ въ общемъ ходилъ по стрункѣ. Поэтому отказать— прямо не отказали, а избрали полумѣру: совѣтъ предоставилъ изворачиваться словесному отдѣленію (нынѣшнему историко-филологическому факультету).

Профессоромъ русской исторіи состоялъ тогда въ Казанскомъ университетѣ Владиміръ Яковлевичъ Булыгинъ. Онъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ слугъ Магницкаго и пребылъ ему вѣрнымъ до самаго конца.

Надо полагать, что онъ не пожелалъ себѣ имѣть Лажечникова помощникомъ; обижать же его насильственнымъ назначеніемъ не захотѣли. Осуществили иную комбинацію. Предложили Лажечникову проситься не по исторіи, а по словесности.

Въ своей вышеупомянутой статьѣ (стр. 385) самъ Лажечниковъ о попыткѣ занять каѳедру говоритъ глухо и вовсе не упоминаетъ о прежнихъ намѣреніяхъ насчетъ русской исторіи: «За нѣсколько мѣсяцевъ до перваго отъѣзда Магницкаго въ Петербургъ, по вызову нѣкоторыхъ профессоровъ я представилъ въ совѣтъ университета диссертацію для полученія званія адъюнкта по русской словесности. Можетъ быть, я устыдился бы теперь этого сочиненія, но какъ бы то ни было совѣтъ одобрилъ его и избралъ меня въ адъюнкты. Вліянія попечителя не было никакого въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ оно совершилось въ его отсутствіе».

Положимъ, что отсутствіе тутъ ничего не значило. Грозный Михаилъ Леонтьевичъ, сидя въ Петербургѣ для послуги предъ Аракчеевымъ, черезъ своихъ шпіоновъ все зналъ, что творилось въ Казани. Оказать угодное его протеже было выгодно и въ отсутствіе попечителя. Вдобавокъ, какъ мы видимъ, И. И. Лажечниковъ изображаетъ дѣло не точно, не такъ, какъ оно происходило, т. е. какъ будто сами профессора приглашали его на каѳедру, тогда какъ, наоборотъ, онъ просился первоначально, и даже не на словесность, а на исторію, и комбинація съ словесностію наладилась уже потомъ.

30-го сентября 1825 г. совѣтъ Казанскаго университета дѣйствительно избралъ Лажечникова на основаніи его диссертаціи въ адъюнкты россійской словесности.

Вотъ эту диссертацію Лажечникова, списка съ которой онъ и самъ уже, очевидно, не имѣлъ, когда писалъ воспоминаніе о Магницкомъ, мы и разыскали въ архивѣ Казанскаго университета въ подлинной рукописи самого автора.

Рукопись эта въ листъ, писана на старой синей бумагѣ довольно

мелкимъ почеркомъ и озаглавлена «Риторика». Глава I. Введеніе. Форма изложенія—нѣчто вродѣ лекціи, какъ бы «вступительной».

По своему содержанію этотъ доселѣ неизвѣстный трудъ Лажечникова можно опредѣлить, какъ его писательское profession de foi въ ту пору его литературной дѣятельности. Правда, во многихъ мѣстахъ авторъ выражается осторожно и старается не разойтись съ тѣми пресловутыми «инструкціями», какія преподалъ своему «обновленному» [1]) университету Михаилъ Леонтьевичъ.

Нѣкоторыя изъ тѣхъ научныхъ положеній, на какія опирается нашъ авторъ, уже устарѣли, да и та наука, которую онъ намѣревался преподавать, риторика, теперь сдана въ архивъ. Но сочиненіе Лажечникова и современнаго читателя подкупаетъ большою логичностью, стройностью плана, а также чрезвычайно образнымъ, плавнымъ и легкимъ языкомъ. Главный же интересъ, какой мы испытываемъ, беря эту рукопись для чтенія, разумѣется, лежитъ въ томъ, чтобы узнать, какъ Лажечниковъ смотрѣлъ на задачи и сущность литературной дѣятельности,—посмотрѣть, насколько онъ самъ обрисовывается въ преподаваемыхъ имъ взглядахъ. При этомъ случаѣ нельзя не поскорбѣть о томъ, что, несмотря на три уже юбилея (1869, 1894 и 1904) Лажечникова, историческое изученіе его сочиненій еще и не начато; поэтому и наша скромная архивная справка можетъ оказаться небезполезною.

Изложимъ вкратцѣ содержаніе диссертаціи Лажечникова.

«Особеннымъ благоволеніемъ Творца даровано намъ с л о в о, сей знакъ мыслей, сіе выраженіе души нашей, такъ начинаетъ авторъ. Онъ опровергаетъ возможность того, чтобы языкъ человѣкъ изобрѣлъ отъ себя или нашелъ его случайно. Слово связываетъ людей въ общества и служитъ условіемъ всякихъ усовершенствованій въ жизни человѣчества; съ помощью письма слово все оживляетъ, и благодаря слову для мысли нѣтъ времени и пространства.

Эти преимущества слова заставляютъ обратить на него особое вниманіе. Всегда будемъ мы имѣть сильныя побужденія изучать искусство управлять рѣчью.

Всѣ искусныя произведенія слова называются въ совокупности с л о в е с н о с т і ю. Словесность дѣлится на п р о з а и ч е с к у ю и с т и х о т в о р н у ю. Правилами прозы занимается р и т о р и к а; правилами поэзіи—піитика.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Лажечниковъ показываетъ разницу между риторикою древнихъ и новою. Въ древности она была наукою

---

[1]) Какъ извѣстно, даже въ оффиціальныхъ бумагахъ тогда отмѣчали въ университетѣ годъ не только отъ рожденія Христа, но и отъ «обновленія университета».

хорошо говорить. Въ наше время разсудокъ и законы взяли перевѣсъ надъ страстями и лишили витій прежней власти въ судахъ и народныхъ собраніяхъ; за это стѣсненіе области краснорѣчія ораторамъ вручили новыя права въ храмахъ и ученыхъ обществахъ. Теперь риторика занимается образованіемъ не только одних ораторовъ, но и писателей во всѣхъ родахъ словесности, а поэтому и опредѣляютъ риторику шире, чѣмъ прежде, а именно, какъ науку хорошо управлять словомъ.

Лажечниковъ при этомъ проводитъ совершенно правильную мысль, которая въ его время была далеко не всѣмъ доступна, а именно, что искусство предшествуетъ его теоріи, что правила извлекаются изъ образцовъ, а не словесныя произведенія пишутся для выполненія заранѣе формулированныхъ правилъ. По мнѣнію автора, теорія словесности есть плодъ наблюденій, собранныхъ въ твореніяхъ великихъ писателей.

Значеніе «правилъ» разсматриваетъ Лажечниковъ и далѣе. Правила служатъ къ образованію дарованій, и самый геній не долженъ ихъ чуждаться: иначе онъ совратится съ пути. Но и правила одни, сами по себѣ, не имѣютъ значенія безъ свыше посланнаго дара, который обнаруживается въ молодомъ человѣкѣ восторгомъ при чтеніи великихъ твореній и пламеннымъ желаніемъ производить подобное имъ. Если этотъ даръ не тревожилъ васъ, обращается авторъ къ своимъ будущимъ слушателямъ, бросьте перо и никогда не льстите себя славою писателя. Но и тогда имъ все-таки не обойтись безъ изученія риторики: вѣдь слово есть необходимое орудіе и посредникъ человѣческихъ дѣйствій; искусство управлять словомъ пригодится и на службѣ, и въ обществѣ.

Затѣмъ перечисляются дальнѣйшія условія, необходимыя для писателя. На поприщѣ словесности и дара, и правилъ недостаточно— безъ доброй нравственности, безъ разбора и изученія великихъ образцовъ, безъ любви къ своему искусству, безъ познаній.

Отчасти, быть можетъ, и подъ вліяніемъ Магницкаго, хорошую нравственность писателя Лажечниковъ прежде всего видитъ къ любви къ религіи. Невѣрующій писатель не создастъ ничего прекраснаго. Мать запретитъ дочери читать его сочиненія, старецъ съ ужасомъ исторгнетъ хладѣющею рукой ихъ изъ своего книгохранилища, потомство наложитъ на нихъ печать вѣчнаго позора. За то простотою религіознаго слова рыболовы и пастыри покорили народы кресту. Пока на землѣ будетъ добродѣтель, всѣ возрасты и всѣ состоянія будутъ платить дань сердца Фенелону, Расину, Паскалю и Державину: ихъ перо никогда не сквернило безвѣріе.

Отъ университетскихъ преподавателей Магницкій требовалъ не

учености, а религіознаго духа въ преподаваніи. Поэтому авторъ диссертаціи вліяніе религіи на совершенство литературныхъ произведеній изображаетъ подробно—и гораздо короче говоритъ о прочихъ элементахъ нравственности у писателей; писатель, кромѣ религіозности, долженъ еще имѣть любовь и преданность государю и отечеству, покорность властямъ, благородныя и твердыя правила, стремленіе къ истинной славѣ и уваженіе къ чистымъ нравамъ. Всѣ эти чувствованія должны быть искренними и непритворными.

Что касается познаній, необходимыхъ для литературной дѣятельности, то можно сказать вообще: чѣмъ богаче запасъ свѣдѣній, тѣмъ больше у писателя и средствъ къ убѣжденію читателя. Прежде всего писателю надобно твердо знать основныя свойства и духъ родного языка, а потомъ надо изучать иностранные, древніе и новые языки, на которыхъ написаны образцовыя произведенія. Затѣмъ необходима писателю философія. Философія эта характеризуется во вкусѣ Магницкаго: «не обремененная грузомъ педантическихъ ученій нѣмцевъ, не зараженная вольнодумствомъ французскихъ писателей XVIII в.», философія простая, научающая жить въ мирѣ съ ближними и съ самимъ собою, не дерзающая преступить черту, на которой покоится перстъ Божій, разрѣшающая наши невѣдѣнія свѣтомъ Евангелія. Послѣ философіи важно изученіе практической психологіи, изученіе человѣческаго сердца и нравовъ, затѣмъ изученіе исторіи: историческими примѣрами мы подкрѣпимъ наши убѣжденія. Наконецъ и познаніе другихъ наукъ полезно будущему литератору, смотря по роду предметовъ, избранному имъ для трудовъ по словесности.

По части образцовъ въ Казанскомъ университетѣ въ то время на лекціяхъ словесности, преимущественно, занимались истолкованіемъ псалмовъ и эстетическимъ идеаломъ считалась Псалтирь. И Лажечниковъ, но вскользь, указываетъ, что изученіе образцовъ начинать надо со св. Писанія. Не останавливаясь на этомъ пунктѣ, онъ—къ чести его—указываетъ еще многихъ писателей: такъ онъ совѣтуетъ напитать себя краткостью, силою изображеній и уроковъ Тацита, краснорѣчіемъ Ливія, обиліемъ Цицерона. Рекомендуя этихъ трехъ латинскихъ классиковъ, Лажечниковъ не называетъ ни одного грека. Далѣе идутъ французы и русскіе, но ни одного нѣмца или англичанина: рекомендуются для подражанія возвышенность Паскаля, богатство слога и теплота сердца Фенелона, великолѣпіе Ломоносова, привлекательность Карамзина, ученая и разборчивая критика Лагарпа и Мерзлякова, чистота и пріятность Батюшкова. Разборъ ихъ сочиненій, выписки изъ нихъ и подражаніе имъ подвинутъ юныя дарованія къ совершенству.

Лажечниковъ порицаетъ при этомъ темноту и изнѣженность слога у нѣкоторыхъ сентименталистовъ, которыхъ онъ уподобляетъ женопо-

добнымъ мужчинамъ, и предостерегаетъ отъ чуждыхъ русскому языку нововведеній какихъ-то «пылкихъ набѣжчиковъ» на область словесности.

Непремѣннымъ условіемъ писательскаго труда является любовь къ своему искусству, которая не должна оскудѣвать отъ препятствій. Дитя, кидавшій мрежи на берегахъ Двины, и рекрутъ въ Германіи былъ у насъ отцомъ краснорѣчія и поэзіи. Юношу-писателя не должны охлаждать первыя неудачи, строгія замѣчанія. Никто не возмужалъ въ нѣсколько дней! Подвиги истиннаго дарованія—это внимать полезнымъ урокамъ, съ терпѣніемъ исправлять свои ошибки, въ новыхъ произведеніяхъ стремиться къ большему совершенству, не довѣрять одобренію друзей и своему собственному, не ожидать это отъ толпы. Главный интересъ писателя въ его трудѣ, и изъ всѣхъ страстей ему одна только доступна: страсть славы. Новая богатая мысль, новый оборотъ рѣчи ему дороже сокровищъ.

Въ заключеніи трактата И. И. излагаетъ методъ и программу предполагаемаго преподаванія риторики.

Онъ не хочетъ отягощать памяти студентовъ мелочнымъ и суетнымъ ученіемъ общихъ мѣстъ и громкихъ словъ. Правила надо знать для примѣненія ихъ при сочиненіи, а не для щегольства памятью.

Повторивъ необходимыя познанія въ риторикѣ, Лажечниковъ предполагаетъ прочесть краткую исторію словесности и перейти къ практическимъ упражненіямъ. Разбирая теорію всѣхъ родовъ прозаическихъ произведеній, какъ-то: писемъ, разговоровъ, описаній, повѣствованій (отъ сказки до исторіи) и кончая краснорѣчіемъ, И. И. хотѣлъ ознакомлять студентовъ и писателей, которые наиболѣе въ каждомъ родѣ прославились, съ критикою на нихъ и наилучшими изъ нихъ примѣрами.

Диссертація Лажечникова въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть, несомнѣнно, памятникъ эпохи Магницкаго. Но если отбросить эти наносныя черты, объясняемыя уродливыми требованіями тогдашнихъ университетскихъ программъ, то въ диссертаціи останется много цѣннаго и вѣрнаго даже для нашего времени. И теперь курсъ въ такомъ видѣ, какъ проектировалъ Лажечниковъ, принесъ бы большую пользу студентамъ. Какъ извѣстно, въ наше время изученіе словесности приняло въ университетѣ исключительный и крайне односторонній характеръ историческій; словесность понимается только, какъ исторія литературы; эстетическое и практическое изученіе словесности находится въ забросѣ, а теорія словесности и вовсе не считается за науку и не преподается студентамъ. Но тѣ же студенты, сдѣлавшись преподавателями, обязаны преподавать ученикамъ теорію словесности

(старую риторику и пiитику), которой ихъ самихъ никто не училъ въ университетѣ.

И. И. Лажечниковъ наоборотъ всю силу изученія словесности переносилъ на эстетику и практику, не исключая, однако, и краткаго изученія исторіи словесности. Какъ человѣкъ живой, съ большимъ вкусомъ, замѣчательнымъ литературнымъ дарованіемъ, и самъ владѣвшій прекраснымъ стилемъ, И. И., разумѣется, былъ бы на каѳедрѣ весьма полезенъ для студентовъ. Его лекціи были бы дѣльнѣе, чѣмъ та мертвечина, какою тогда пичкали въ Казанскомъ университетѣ.

Въ 1825—26 учебномъ году въ Казанскомъ университетѣ преподавали русскую словесность трое: ординарный профессоръ Григорій Николаевичъ Городчаниновъ, человѣкъ совершенно бездарный, но страшный педантъ и литературный старовѣръ-ложноклассикъ до фанатизма; экстраординарный профессоръ Григорій Степановичъ Суровцевъ, въ наукѣ неповинный, и адъюнктъ Михаилъ Самсоновичъ Рыбушкинъ. Въ означенномъ году они читали такіе курсы:

Городчаниновъ преподавалъ россійскую поэзію по Блеру (sic) и своимъ тетрадямъ, разбиралъ лучшія россійскія стихотворенія, а особливо показывалъ силу Св. Писанія.

Суровцевъ преподавалъ практическую часть краснорѣчія, избиралъ (sic) лучшихъ отечественныхъ писателей, Св. Писаніе и Св. Апостоловъ съ филологическими и эстетическими замѣчаніями, по своимъ тетрадямъ и занималъ студентовъ разнаго рода сочиненіями.

Рыбушкинъ излагалъ ѳеоретическую часть риторики по Блеру и Ролленю, присовокупляя примѣры изъ лучшихъ россійскихъ, а особенно церковныхъ авторовъ, и преподавалъ славянскій языкъ.

При наличности уже трехъ преподаваталей по каѳедрѣ русской словесности, неизвѣстно, какія же еще лекціи достались бы на долю Лажечникова. Но его выбрали вторымъ адъюнктомъ, кромѣ Рыбушкина. Очевидно, считали неудобнымъ отказать ему.

Впрочемъ, не суждено было Ивану Ивановичу выступить на каѳедрѣ. Самъ Лажечниковъ въ указанной статьѣ кратко сообщаетъ: «когда обстоятельства перемѣнились, ученый синклитъ университета не представилъ меня къ утвержденію въ званіи адъюнкта за препятствіями, ни на какой законности не основанными».

Перемѣна обстоятельствъ заключалась въ томъ, что Лажечниковъ началъ утрачивать фаворъ у Магницкаго, а еще болѣе въ томъ, что и подъ самимъ Михаиломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ заколыхалась почва. Сравнительно въ скоромъ времени, а именно 6-го мая 1826 г., Магницкій съ позоромъ былъ удаленъ съ занимаемаго имъ мѣста попечителя, оказавшись не только святошею-реакціонеромъ, но еще и казнокрадомъ.

А разъ приходилось плохо Магницкому, то кому какое дѣло было до Лажечникова! Да вдобавокъ, какъ мы сказали выше, и вакансіи адъюнкта собственно не было, надобно было создавать новую, а на словесности и безъ того уже сидѣли трое. При Михаилѣ Леонтьевичѣ все было возможно, а безъ него кому еще припала бы охота вести дѣло Лажечникова и добиваться для него утвержденія въ должности адъюнкта.

Взамѣнъ доцентуры Лажечникову пришлось получить въ университетѣ же, но совсѣмъ другую должность, и при томъ безпокойную и весьма непріятную. У Магницкаго была какая-то страсть перемѣщать чиновниковъ, и при томъ такъ, что одному предоставлялось иногда нѣсколько мѣстъ со всѣмъ ихъ жалованьемъ, и обратно, на одно мѣсто сажалось нѣсколько. Такъ изъ профессоровъ Яковъ Миничъ Караблиновъ имѣлъ на рукахъ шесть каѳедръ, Сергѣевъ и Жобаръ по двѣ и по три и т. п. Съ другой стороны, въ изображаемый нами моментъ на должности директора университета (это была особая должность, которую не надо смѣшивать съ ректоромъ: ректоръ подчинялся директору) значился исправляющій должность Гавріилъ Ѳедоровичъ Вишневскій, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлся и настоящій директоръ Трифонъ Егоровичъ Любомировъ. Инспекторомъ студентовъ значился тотъ же Вишневскій, но фактически онъ не исправлялъ ни той, ни другой должности, а постоянно назначались на-ряду съ нимъ исправляющіе должность инспектора, которые правили дѣломъ. Такъ въ разное время назначались и. д. инспектора Яковъ Андреевичъ Миллеръ, Василій Яковлевичъ Баженовъ, Николай Дмитріевичъ Брашманъ, и также съ 27-го сентября 1825 г. былъ назначенъ И. И. Лажечниковъ.

Эта новая должность принесла ему много горя. Во-первыхъ, она поставила его въ неловкія отношенія къ Вишневскому, который не былъ уволенъ отъ инспекціи. А во-вторыхъ Ивану Ивановичу приходилось теперь постоянно сталкиваться съ директоромъ университета, креатурою Магницкаго, Любомировымъ, человѣкомъ отъ природы дерзкимъ и отъ обстоятельствъ зазнавшимся.

Медико-хирургъ Т. Е. Любомировъ никогда не принадлежалъ къ числу преподавателей Казанскаго университета. 4-го іюня 1824 г. онъ представилъ казанскому медицинскому факультету диссертацію Laricovium, за которую былъ удостоенъ степени доктора медицины и хирургіи. Уже 21-го іюля 1825 г. Магницкій поставилъ его сразу во главѣ университета въ званіи директора. При несносномъ характерѣ Любомировъ былъ еще потребителемъ опіума, который онъ, какъ медикъ, самъ себѣ прописывалъ. Прослужилъ Любомировъ въ званіи директора не долго. 14-го января 1826 г. онъ умеръ отъ неумѣреннаго употребленія опіума.

Столкновенія Лажечникова съ Любомировымъ завершились, кажется, рукопашною схваткою или единоборствомъ, какъ можно догадываться по намеку въ статьѣ Лажечникова.

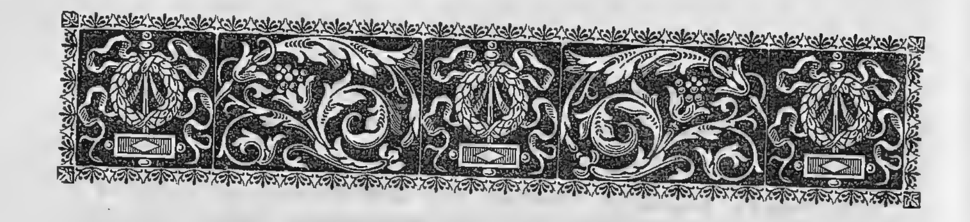
При такихъ условіяхъ понятно, что Лажечниковъ въ скорости и очень охотно оставилъ Казань. Уже въ слѣдующемъ 1826 г. онъ былъ въ Москвѣ. Поэтически описываетъ онъ свой восторгъ, съ какимъ онъ, уѣзжая, оглядывался на Казань, исчезавшую за его спиной.

Оффиціально онъ все еще считался въ Казани на службѣ, и увольненіе его состоялось только осенью 1827 года.

Русская литература ничего не потеряла отъ того, что И. И. Лажечниковъ не добился казенной каѳедры. Врядъ-ли много потерялъ и самъ Лажечниковъ. Долгое пребываніе въ глухомъ провинціальномъ, хотя и университетскомъ городѣ, вѣроятно, неблагопріятно отозвалось бы на его литературной дѣятельности, и казанскій адъюнктъ риторики едва-ли явился бы авторомъ «Послѣдняго новика», «Ледянаго дома» и «Басурмана». Въ несомнѣнномъ выигрышѣ отъ назначенія Лажечникова былъ бы только университетъ: студенты его пріобрѣли бы въ Лажечниковѣ благороднаго, добраго и опытнаго наставника и руководителя въ занятіяхъ литературою. И, быть можетъ, Лажечникову удалось бы замѣнить собою незабвеннаго учителя, Н. М. Ибрагимова, ученикомъ котораго былъ студентъ Казанскаго университета Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ.

Найденная нами рукопись диссертаціи Лажечникова интересна, какъ раннее свидѣтельство его литературныхъ убѣжденій, какъ выраженіе здравыхъ, благородныхъ и чистыхъ идей, какія онъ предполагалъ преподавать своимъ слушателямъ, и какимъ онъ самъ оставался вѣренъ въ теченіе своей свыше пятидесятилѣтней литературной дѣятельности. И дѣйствительно, мы знаемъ, что Лажечниковъ самъ соотвѣтствовалъ тѣмъ требованіямъ, какія онъ считалъ необходимыми для истиннаго писателя. Онъ любилъ свое искусство, литературу, добросовѣстно разрабатывалъ языкъ своихъ произведеній, изучалъ матеріалы и мѣстности, изображаемыя имъ въ своихъ историческихъ романахъ, и что главное, всегда, до самой смерти оставался въ литературѣ представителемъ добраго, гуманнаго и нравственнаго направленія. Такимъ образомъ, положенія его диссертаціи не были случайными и бѣглыми мыслями, но представляли собою твердо формулированные принципы, которыхъ онъ самъ постоянно держался. Освѣщая личность и литературныя убѣжденія И. И. Лажечникова, его диссертація должна быть принимаема въ разсчетъ при общей оцѣнкѣ его литературной дѣятельности.

Профессоръ **Евгеній Бобровъ.**

Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ.

I.

Личность барона Розенкампфа.—Отзывы о немъ разныхъ лицъ.—Служба Розенкампфа въ Лифляндіи.—Прибытіе въ Петербургъ и знакомство съ Державинымъ.—Представленіе мое императору Александру 1-му.—Знакомство Розенкампфа съ Кочубеемъ, Новосильцевымъ, Чарторійскимъ и графомъ Строгановымъ.—Вопросъ о преобразованіи Сената. — Характеристика Александра I-го.—Аудіенція у императора.—Разговоръ объ освобожденіи крестьянъ.—Законодательная коммиссія.

Въ императорской публичной библіотекѣ хранятся нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ листовъ на нѣмецкомъ языкѣ, собственноручно написанныхъ барономъ Густавомъ Андреевичемъ Розенкампфомъ, съ большими поправками, составляющихъ часть его автобіографіи, которую онъ, повидимому, писалъ на склонѣ своей жизни. Этотъ трудъ является неоконченнымъ, и трудно рѣшить вопросъ, былъ ли онъ доведенъ до конца или нѣтъ. Но надо полагать, что начало этой біографіи было написано и почему-то не дошло до насъ, такъ какъ трудно предположить, что Розенкампфъ началъ бы писать свою біографію съ середины.

Дополнивъ этотъ послѣдній пробѣлъ, мы помѣщаемъ въ переводѣ безъ измѣненій дошедшую до насъ часть автобіографіи Розенкампфа, представляющуюся во многихъ отношеніяхъ столь же любопытною, какъ и личность самого Розенкампфа, о которомъ по преимуществу дошли до насъ отзывы неблагопріятные. Такъ, напримѣръ, извѣстный графъ П. С. Мордвиновъ отмѣтилъ на поляхъ одной записки: «въ коммиссіи законовъ предсѣдательствуетъ Розенкампфъ, о которомъ молва народная

гласитъ, что онъ есть sans foi et sans loi. (Арх. графа Мордвинова, т. V, стр. 473). По словамъ В. А. Бильбасова, современники свои и чужіе, равно презирали этого нѣмца Розенкампфа. Бентамъ и Парротъ признавали его презрѣннымъ человѣкомъ. Мордвиновъ писалъ о немъ: «Розенкампфъ дуракъ и интриганъ, а такіе люди всегда умудряются вылѣзать впередъ, ибо ему никто не завидуетъ и онъ льститъ сильнымъ міра сего, которые относятся къ нему покровительственно, будучи такъ же невѣжественны, какъ и онъ самъ» («Рус. Стар.», томъ 106, стр. 202). По словамъ графа М. А. Корфа, одного изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Сперанскаго и уже по этому одному, рѣшительнаго противника Розенкампфа, «все, что писалъ Розенкампфъ, было безпощадно мараемо Сперанскимъ или передѣлываемо имъ совсѣмъ заново» [1]).

По словамъ того же барона Корфа [2]), Розенкампфъ обладалъ острымъ умомъ, обширными теоретическими свѣдѣніями въ юридическихъ наукахъ, но знанія его въ русскомъ языкѣ были крайне скудны.

По словамъ же Ильинскаго, Розенкампфъ не только не зналъ русскаго языка, но и говорилъ по-русски съ великою нуждою только; свѣдѣнія же его о Россіи были вообще еще скуднѣе [3]). Нельзя, однако, не замѣтить, что этотъ отзывъ барона Корфа о его соотечественникѣ нѣмцѣ Розенкампфѣ, а также отзывъ Ильинскаго надо принять съ большимъ и большимъ ограниченіемъ. Если бы Розенкампфъ не зналъ русскаго языка, то едва-ли поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ и никакъ не могъ бы написать на русскомъ языкѣ статью: «Нѣкоторыя замѣчанія на уголовные и гражданскіе законы въ отношеніи Россіи», помѣщенную въ «Вѣстникѣ Европы» 1803 года, январь № 2, издаваемомъ Карамзинымъ. Если бы Розенкампфъ не зналъ русскаго языка, то не могъ бы «перепечатать все касающееся нашего древняго права», какъ это заявляетъ извѣстный Погодинъ, дѣлающій при этомъ слѣдующее примѣчаніе, весьма характерное: «Розенкампфъ противъ нѣмцевъ; мы можемъ ходить уже не на помочахъ,—говоритъ онъ (т. е. Розенкампфъ, см. «Жизнь и труды Погодина»—Барсукова, т. III, стр. 35). Не отсюда ли гнѣвъ къ нему Корфа, хотя измѣнившаго вѣрѣ отцовъ своихъ, но считавшаго нѣмцевъ спасителями Россіи и русскихъ, не цѣнившихъ высоко.

Высказываемое графомъ Корфомъ, что Розенкампфъ былъ лицемѣрный льстецъ, лгунъ, мстительный, исполненный коварства и желчной злобности, что онъ готовъ былъ на все, когда дѣло шло о личныхъ

---

[1]) Это могло происходить не отъ того, что изложеніе было неудовлетворительно, но отъ того, что содержаніе изложеннаго Розенкампфомъ совершенно расходилось съ воззрѣніями Сперанскаго.

[2]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I.

[3]) См. „Русскій Архивъ“ 1879 г., т. III, стр. 423.

интересахъ (см. «Рус. Стар.» 1903 г., апрѣль, стр. 31), по нашему мнѣнію, не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, потому что это только голословная брань. Корфъ ничѣмъ не доказываетъ своихъ словъ, точно такъ же, какъ и не приводитъ основаній, почему должно вѣрить скорѣе разсказу стараго шифрера Беку объ опредѣленіи на службу Розенкампфа, нежели разсказу самого Розенкампфа, изложенному въ его запискахъ, изъ которыхъ Корфъ приводитъ только нѣкоторыя отдѣльныя фразы и тѣмъ значительно измѣняетъ ихъ смыслъ и значеніе.

Это побуждаетъ насъ привести дословный переводъ дошедшихъ до насъ листковъ автобіографіи Розенкампфа, пополнивъ недостающія въ нихъ свѣдѣнія о первыхъ годахъ жизни его преимущественно изъ его же рукописнаго сочиненія подъ заглавіемъ: «Uebersicht der russischen Gesetzgebung seit der Regierung Peter des Grossen bis zum Tode Alexanders I».—Обозрѣніе русскаго законодательства со временъ царствованія Петра Великаго до Александра I.

Потомокъ шведскаго офицера, возведеннаго королемъ Карломъ XII въ дворянское достоинство, Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ [1]) родился 6-го января 1764 года въ Лифляндіи, въ принадлежащемъ его отцу имѣніи Керзель, въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ въ 1754 году родился и графъ Н. П. Румянцевъ, когда знаменитый его отецъ стоялъ въ Лифляндіи вмѣстѣ со своимъ полкомъ. Молодой Розенкампфъ обучался въ этомъ родительскомъ домѣ, а затѣмъ въ имѣніи Луденгофѣ [2]), подъ надзоромъ доктора философіи и автора многихъ сочиненій Финдейзена, геттингенскаго профессора. Свое образованіе Густавъ Розенкампфъ закончилъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, куда отправился въ 1782 г. Онъ слушалъ лекціи извѣстныхъ тогда профессоровъ Замта, Зегера, Платнера и Эрхарда Клодіуса и сблизился въ это время съ Козодавлевымъ [3]), находившимся также въ Лейпцигѣ.

По выдержаніи экзамена въ 1785 году, Розенкампфъ получилъ предложеніе занять духовное мѣсто дворянскаго каноника въ архіепископствѣ Мерзебургскомъ [4]) (Hochstift als adliger Domheer). Но прави-

---

[1]) См. также Россійскую Родословную книгу кн. Долгорукова, часть III, стр. 379 и Recke und Napiersky—Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon.

[2]) Керзель и Луденгофъ—находятся въ Лифляндіи, Дерптскомъ уѣздѣ, не далеко отъ рѣки Эмбахъ по дорогѣ изъ Дерпта (Юрьева) въ Тапсъ.

[3]) Козодавлевъ Осипъ Петровичъ, р. 1753 г., обучался за границею и былъ при Павлѣ I сенаторомъ, а съ 1810 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ умеръ въ 1819 г. Козодавлевъ занимался литературою также и основалъ въ 1809 г. оффиціальную газету „Сѣверную Почту".

[4]) Мерзебургъ—одинъ изъ стариннѣйшихъ городовъ въ прусской Саксоніи, на р. Заале, въ которомъ часто собирался рейхстагъ. Онъ былъ очень

тельство не сочло возможнымъ утвердить это назначеніе, и Розенкампфъ возвратился въ Россію въ 1786 г. и поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ чиновника при архивѣ. Въ Петербургѣ, однако, онъ служилъ недолго и въ 1789 г. уволился въ отставку съ чиномъ 9-го класса и отправился на родину въ Лифляндію, гдѣ занялся хозяйствомъ. Онъ скоро былъ избранъ на ландтагѣ лифляндскаго дворянства засѣдателемъ въ Дерптскомъ округѣ и посвятилъ себя службѣ по дворянскимъ выборамъ, занимаясь одновременно различными частными дѣлами, какъ адвокатъ. Розенкампфъ, отличаясь знаніями и добросовѣстнымъ исполненіемъ служебныхъ своихъ обязанностей, былъ скоро избранъ дворянствомъ въ окружные судьи (Kreisrichter), а, наконецъ, въ 1791 году и на важную должность ландрихтера округовъ Дерпта и Верро.

Трудно предположить, чтобы остзейское дворянство, непремѣнно, выбирало бы изъ среды себя на эту важную должность именно такое лицо, которое былъ бы лгунъ, мстителенъ, исполненъ коварства и желчной злобности, какъ пишетъ графъ Корфъ,—или лицо sans foi ni loi по отмѣткѣ графа Мордвинова.

Помѣщаемое ниже является буквальнымъ переводомъ дошедшихъ до насъ записокъ Розенкампфа.

Около 11-ти лѣтъ,—говоритъ Розенкампфъ,—я отправлялъ обязанности окружнаго судьи и ландрихтера въ очень большомъ округѣ Лифляндіи и нисколько не помышлялъ о перемѣнѣ своего положенія. Тѣмъ не менѣе явились обстоятельства, совершенно измѣнившія не только мое спокойное положеніе и мою дѣятельность, но и всю мою дальнѣйшую судьбу. Императоръ Павелъ I проѣзжалъ въ 1797 году по Лифляндіи, направляясь въ Петербургъ [1].

По обязанности ландрихтера Дерпта (нынѣ г. Юрьевъ), я долженъ былъ встрѣчать его на границѣ моего округа. Мнѣ посчастливилось на нѣсколько предложенныхъ мнѣ его величествомъ вопросовъ дать удовлетворительные отвѣты, о которыхъ императоръ вспомнилъ даже позднѣе, когда губернаторъ лифляндскій, графъ Паленъ [2], докладывалъ ему,

---

разоренъ въ крестьянскую войну 1525 г. и затѣмъ въ тридцатилѣтнюю войну. Въ Мерзебургѣ находится замѣчательный соборъ съ 4 колокольнями и рѣдкимъ органомъ.

[1]) Императоръ Павелъ I, послѣ коронованія въ Москвѣ 5-го апрѣля 1797 г., возвращался въ Петербургъ окружнымъ путемъ чрезъ Литовскія и Прибалтійскія губерніи.

[2]) Графъ Паленъ Петръ Людвиговичъ или Алексѣевичъ, р. 1745 г., управлялъ при Екатеринѣ II Рижскимъ намѣстничествомъ, пользовался неограниченною милостью Павла I и былъ въ его царствованіе членомъ совѣта и коллегіи иностранныхъ дѣлъ и пожалованъ графомъ въ 1799 году. При Александрѣ I уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ и умеръ въ 1821 году.

что возложилъ на меня исполненіе нѣсколькихъ важныхъ порученій, относившихся до положенія ввѣренныхъ ему въ то время губерній. Равнымъ образомъ его величеству угодно было вспомнить о моихъ отвѣтахъ и позднѣе при возложеніи на меня въ Гатчинѣ Мальтійскаго ордена [1]). Такъ какъ я удостоился быть рыцаремъ справедливости, то его величество выразилъ: «потомки древнихъ оруженосцевъ должны быть скорѣе рыцарями справедливости, нежели милости» (les descendants des anciens porte-glaives doivent plutôl être chevalier de justice que de guerre). На этомъ основаніи я удостоился быть зачисленнымъ въ такъ называемую высокую степень.

Графъ Паленъ, въ то время министръ иностранныхъ дѣлъ, начальникъ гвардіи, завѣдующій почтами и т. д., предложилъ мнѣ перейти къ нему на службу въ Петербургъ, но я былъ настолько доволенъ и своимъ положеніемъ сельскаго судьи, и своею судебною дѣятельностью, что не отважился покинуть оную и пуститься въ бурное море столичной жизни.

Скоро послѣ этого свершилось событіе 11-го марта 1801 года, и новый императоръ вступилъ на россійскій престолъ.

Въ іюлѣ 1802 года императоръ Александръ I отправился въ Мемель [2]); я также встрѣтилъ его и сопровождалъ до самой границы округа. На предпослѣдней станціи его величество освѣдомился у меня о нѣкоторыхъ мѣстныхъ условіяхъ и высказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ. Въ числѣ окружавшихъ его лицъ я болѣе всего замѣтилъ Новосильцова [3]) и графа Кочубея [4]). Осенью того же года я удостоился

---

[1]) Мальтійскій крестъ или орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго учрежденъ императоромъ Павломъ I въ 1798 году и состоялъ изъ различныхъ степеней и званій (пріорство, командорство и т. д.).

[2]) Въ 1802 г. императоръ Александръ I ѣздилъ въ Мемель на свое первое свиданіе съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и его супругою Маріею-Луизою, извѣстною красавицею.

[3]) Новосильцовъ Николай Николаевичъ, р. въ 1761 г., скоро пріобрѣлъ расположеніе Александра I, былъ дѣятельнымъ членомъ извѣстнаго комитета, а затѣмъ товарищемъ министра юстиціи и членомъ коммиссіи законовъ. Съ 1804 года онъ является дипломатическимъ дѣятелемъ, а позднѣе завѣдывалъ комитетомъ по учебной части въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1831 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта; онъ умеръ въ 1836 году.

[4]) Кочубей Викторъ Павловичъ, р. 1768 г., племянникъ гр. А. А. Безбородко, былъ вице-канцлеромъ и управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ 1812 г. Во время войнъ 1813—1814 годовъ былъ президентомъ центральнаго совѣта по совмѣстнымъ дѣйствіямъ германскихъ правительствъ противъ Наполеона I, а позднѣе, въ 1827 г.,—предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. Онъ умеръ въ 1834 году.

получить орденъ св. Владиміра по представленію князя Репнина, сдѣланному еще въ предшествовавшее царствованіе.

Лѣтомъ 1802 года я по своимъ домашнимъ дѣламъ поѣхалъ въ Петербургъ и возобновилъ знакомство съ Козодавлевымъ, уже сенаторомъ, получившимъ образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ. Онъ былъ прекрасный человѣкъ. Козодавлевъ и также тайный совѣтникъ Державинъ [1]), вскорѣ назначенный министромъ юстиціи, приняли меня очень ласково и предложили составить записку о законодательствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они говорили со мною о возобновленіи дѣятельности прежней законодательной коммиссіи, для которой знаменитая императрица Екатерина II написала нѣкогда свой извѣстный наказъ. Завѣдываніе этою коммиссіею было поручено въ 1802 году графу Петру Васильевичу Завадовскому [2]).

По возвращеніи моемъ въ Дерптъ (нынѣ Юрьевъ), я занялся сдѣланнымъ мнѣ предложеніемъ и получилъ въ то время отъ Козодавлева письмо, въ которомъ онъ мнѣ напоминалъ еще объ этомъ. Вскорѣ я послалъ ему составленную мною записку о законодательствѣ, которая, какъ я позднѣе узналъ, была напечатана въ журналѣ, издававшемся Карамзинымъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ моя записка дошла до свѣдѣнія государя императора.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ Державина предложеніе прибыть въ Петербургъ, чтобы занять почетное мѣсто. Я не замедлилъ пріѣхать и явиться Державину, который, послѣ непродолжительнаго разговора, сообщилъ мнѣ, что докладывалъ обо мнѣ государю императору, и его величеству угодно было приказать представить меня ему лично въ кабинетѣ.

Нѣсколько дней ранѣе я имѣлъ случай познакомиться съ Новосильцовымъ, пользовавшимся въ то время большимъ довѣріемъ Александра I. Новосильцовъ принялъ меня очень благосклонно, говорилъ о моей статьѣ, напечатанной въ журналѣ Карамзина [3]), и предложилъ болѣе подробно изложить высказанныя въ ней предположенія, которыя

---

[1]) Державинъ Гавріилъ Романовичъ, р. 1743 г. въ Казани, извѣстный поэтъ, былъ позднѣе сенаторомъ, министромъ юстиціи и генералъ-прокуроромъ. Приверженецъ порядковъ временъ Екатерины, онъ сталъ приходить у молодаго императора Александра въ остуду, а у министровъ его во вражду и по прошенію своему уволенъ отъ службы въ 1803 году. Онъ умеръ въ 1816 году.

[2]) Завадовскій Петръ Васильевичъ, р. въ 1738 г., состоялъ при собственныхъ дѣлахъ Екатерины II, а потомъ при Александрѣ I—былъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ умеръ 10-го января 1812 года.

[3]) Т. е. въ „Вѣстникѣ Европы“ 1803 г., январь № 2. „Нѣкоторыя замѣчанія на уголовные и гражданскіе законы въ отношеніи Россіи.

онъ намѣревался также представить его величеству. Вслѣдствіе этого я представилъ Новосильцову особый докладъ и выразилъ ему свое желаніе заниматься по преимуществу дѣлами законодательства, такъ какъ въ то время уже состоялось мое назначеніе на службу въ Петербургѣ. По словамъ Новосильцова, еще наканунѣ, въ разговорѣ съ государемъ императоромъ, былъ возбужденъ вопросъ, откуда можно достать человѣка, соотвѣтствующаго предпринимаемымъ законодательнымъ работамъ. Это, конечно, являлось обстоятельствомъ очень для меня благопріятнымъ, тѣмъ болѣе, что до этого шла рѣчь только о возложеніи на меня работы, которую я могъ также хорошо исполнить и въ провинціи; чего-либо положительнаго о моемъ назначеніи на службу въ Петербургъ тогда еще не было.

Первое мое представленіе его величеству въ кабинетѣ послѣдовало въ присутствіи Державина и было очень непродолжительно. «Я очень радъ съ вами познакомиться,—сказалъ императоръ, на французскомъ языкѣ,—и предлагаю вамъ продолжать ваши полезныя занятія, которыя намъ пригодятся. Гдѣ вы прежде служили? Надѣюсь, вамъ не составитъ непріятности посвятить себя другаго рода дѣятельности, которая откроетъ болѣе обширное поприще вашимъ познаніямъ и пріобрѣтенной уже вами опытности. Объяснитесь съ Новосильцовымъ, который пользуется полнымъ моимъ довѣріемъ». Представленіе мое этимъ и кончилось.

Мои послѣдовавшія, затѣмъ, объясненія съ Новосильцовымъ, о которыхъ онъ доводилъ до свѣдѣнія его императорскаго величества, касались различныхъ предметовъ законодательства, какъ-то: о различныхъ сословіяхъ въ государствѣ, объ исключительныхъ правахъ каждаго изъ нихъ, о недостаткахъ судебнаго порядка въ Имперіи, о порядкѣ составленія законовъ, о Сенатѣ, какъ высшемъ судебномъ учрежденіи и т. д. Я просилъ Новосильцова дать мнѣ опредѣленныя указанія относительно возложенной на меня работы. На это онъ выразилъ мнѣ намѣреніе переговорить объ этомъ предварительно съ его величествомъ. Эти разговоры съ Новосильцовымъ привели меня къ заключенію, что онъ обладаетъ свѣтлымъ умомъ, большою проницательностью, яснымъ, сжатымъ разговоромъ и вполнѣ тою откровенностію, которую только можно было ожидать. Онъ спрашивалъ мое мнѣніе о различныхъ предметахъ, и я разстался очень довольный этимъ человѣкомъ, столь искренно преданнымъ государю.

Явившись къ Новосильцову снова чрезъ нѣсколько дней, я узналъ, что его величеству угодно было одобрить всѣ мои предположенія, назначить мнѣ содержаніе [1]) и особаго секретаря и вмѣстѣ съ тѣмъ по-

[1]) Его величеству благоугодно было назначить мнѣ пожизненно 2.000 р. въ годъ.

велѣть, чтобы я предварительно занялся нѣкоторыми отдѣльными вопросами по законодательству, при чемъ мнѣ прежде всего повелѣвалось заняться вопросомъ о преобразованіи Судебнаго и Правительствующаго Сената.

Въ то время я познакомился близко съ княземъ Чарторыйскимъ, графомъ Кочубеемъ, графомъ Павломъ Строгановымъ, а также съ его отцомъ [1]), очень умнымъ старикомъ уже, годы молодости котораго совпадаютъ съ годами царствованія Елизаветы Петровны; онъ долгое время пребывалъ въ Парижѣ и вращался въ обществѣ Дидеро, Гримма, д'Аламбера и другихъ подобныхъ же лицъ. Строгановъ очень любезно приглашалъ меня къ себѣ.

Данное мнѣ порученіе заняться устройствомъ Сената до крайности меня изумило, потому что только въ сентябрѣ 1802 года было утверждено государемъ учрежденіе, въ которомъ подробно говорилось о значеніи и преимуществахъ Сената. Такимъ законодательнымъ актомъ являлось, основанное на совершенно иныхъ началахъ, учрежденіе Государственнаго Совѣта, произведеніе пера Трощинскаго [2]), при которомъ въ то время служилъ Сперанскій. Это обстоятельство доставило послѣднему мѣсто начальника одной изъ экспедицій въ канцеляріи Государственнаго Совѣта, съ титуломъ статсъ-секретаря. Эта канцелярія раздѣлялась на нѣсколько экспедицій; одна была для дѣлъ юстиціи, другая—для дѣлъ финансовыхъ, третья—для дѣлъ внутрен-

---

[1]) Графъ Строгановъ Александръ Сергѣевичъ, р. 1773 г., извѣстный русскій меценатъ, покровитель талантовъ въ области живописи, ваянія и литературы, былъ съ 1806 г. президентомъ Академіи Художествъ и въ числѣ первыхъ членовъ Государственнаго Совѣта при его учрежденіи. Онъ завѣдывалъ постройкою Казанскаго собора и по освященіи его въ 1811 году произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники I-го класса, послѣ чего вскорѣ скончался 27-го сентября 1811 года. Графъ Строгановъ Павелъ Александровичъ, р. въ Парижѣ, въ 1772 г., и воспитаніе его было поручено французу Рому. Онъ былъ видный дѣятель негласнаго комитета 1801 года и рѣшительный приверженецъ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія. Позднѣе, онъ участвовалъ въ сраженіи при Аустерлицѣ 1805 года, въ кампаніи 1806—7 годовъ, а также въ войнѣ 1812 и слѣдующихъ годовъ. Графъ Строгановъ исполнялъ одно время дипломатическія порученія въ Лондонѣ, а также обязанности товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ умеръ въ 1817 году.

[2]) Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, р. 1749 г., служилъ гражданскимъ чиномъ у князя Репнина и Безбородко, и былъ позднѣе статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины II, а при Павлѣ I сенаторомъ и предсѣдателемъ главнаго почтоваго управленія, но въ 1800 г. уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ. При Александрѣ I состоялъ при особѣ его величества у исправленія возложенныхъ на него по особой довѣренности дѣлъ, былъ министромъ удѣловъ съ 1802 года, а позднѣе министромъ юстиціи съ 1814 года по 1817 годъ, когда былъ уволенъ по прошенію. Онъ умеръ въ 1829 году.

нихъ, а четвертая—для дѣлъ военныхъ. Начальникомъ первой былъ Сперанскій, второй—А. Оленинъ [1]), третьей—Энгель, а четвертой князь Циціановъ [2]). Всѣ они находились подъ начальствомъ директора канцеляріи, тайнаго совѣтника Вейдемейера; Трощинскій же, какъ младшій членъ Государственнаго Совѣта, въ которомъ засѣдали важнѣйшіе сановники имперіи, имѣлъ главное надъ ними начальство.

Но довѣріе, которымъ пользовался Трощинскій въ самые первые годы царствованія Александра I, не могло долго держаться, потому что не столько онъ лично, сколько одна особа, называвшаяся Прасковья, проживавшая въ его домѣ, не пользовалась довѣріемъ и уваженіемъ общества, и подозрѣвалась въ лихоимствѣ и взяткахъ. Проницательный и очень подозрительный императоръ постепенно лишилъ Трощинскаго своего довѣрія.

Въ то время существовала еще прежняя административная система коллегій, находившихся въ подчиненіи Сената, которымъ завѣдывалъ Беклешевъ [3]), генералъ-прокуроръ; ранѣе этого онъ былъ губернаторомъ въ Лифляндіи. Я имѣлъ случай познакомиться съ нимъ еще въ 1788 г. въ Петербургѣ, а затѣмъ позднѣе въ Лифляндіи, гдѣ состоялъ подъ его начальствомъ, занимая должность окружнаго судьи. Беклешевъ былъ человѣкъ, обладавшій очень большимъ умомъ, замѣчательный по своей дѣятельности и трудолюбію; окружавшія его лица также въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ компрометтировали его. Поэтому, когда Новосильцовъ, Строгановъ, Кочубей и Чарторыйскій [4]) предложили

---

[1]) Оленинъ Алексѣй Николаевичъ, р. 1763 г., былъ при Павлѣ I оберъ-прокуроромъ Сената и директоромъ школы юнкеровъ, учрежденной для образованія юристовъ. При Александрѣ I онъ былъ товарищемъ министра удѣловъ, въ 1811 г. директоромъ публичной библіотеки, а съ 1817 г. президентомъ императорской Академіи Художествъ. Онъ умеръ въ 1843 году.

[2]) Циціановъ Петръ Дмитріевичъ, князь, р. 1754 г., участвовалъ въ войнахъ 1787—1794 гг., а затѣмъ былъ астраханскимъ губернаторомъ въ 1802 г., а позднѣе главнокомандующимъ въ Грузіи; онъ былъ измѣннически убитъ въ 1806 году подъ Баку.

[3]) Беклешевъ Александръ Андреевичъ, р. 1745 г. и былъ при Павлѣ I произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи въ 1797 г. и назначенъ сенаторомъ и генералъ-прокуроромъ въ 1799 г. 2-го февраля 1800 г. вовсе отъ службы уволенъ. При Александрѣ I Беклешевъ былъ снова генералъ-прокуроромъ и главнокомандующимъ въ Москвѣ въ 1804 г. Онъ скоро по болѣзни вышелъ въ отставку и умеръ въ Ригѣ въ 1808 году.

[4]) Чарторыйскій князь Адамъ Адамовичъ, р. 1770 г., и пріѣхавъ въ Петербургъ, пріобрѣлъ расположеніе Александра I, былъ дѣятельнымъ членомъ извѣстнаго комитета, сопровождалъ императора въ походахъ 1807 и 1814 гг., былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. При началѣ возстанія въ Польшѣ 1830 г., былъ президентомъ временнаго правительства, а затѣмъ удалился въ Парижъ, гдѣ и умеръ въ 1861 году, находясь во главѣ польской аристократической партіи.

императору Александру I систему министерствъ, Беклешевъ остался не у дѣлъ, не получилъ министерскаго назначенія и не участвовалъ въ новой системѣ управленія.

Положеніе о министерствахъ вышло одновременно съ новымъ учрежденіемъ о Сенатѣ [1]), но вскорѣ, послѣдовавшее затѣмъ, лѣтомъ 1803 года, упраздненіе коллегій, мѣста которыхъ заняли различные департаменты и канцеляріи министерствъ, при чемъ степень власти

---

[1]) 8-го сентября 1802 г. (П. С. З. № 20405) былъ изданъ указъ о правахъ и обязанностяхъ Сената, а того же числа и года (I. П. С. З. № 20406) изданъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ.

Необходимо припомнить, что существовавшіе до Петра Великаго различные приказы пришли къ концу XVII вѣка въ полное разстройство. Петръ Великій, сознавая необходимость въ государствѣ центральныхъ учрежденій, искалъ образцы для нихъ за границею и остановился на шведскихъ коллегіяхъ, считавшихся въ то время лучшими центральными учрежденіями въ Европѣ. Указомъ 1720 г. были учреждены у насъ коллегіи числомъ семь, состоявшія каждая изъ президента, совѣтниковъ и ассесоровъ (числомъ 4—5) и секретаря. Дѣла рѣшались по большинству голосовъ. За ходомъ дѣлъ наблюдалъ прокуроръ, и коллегіи были подчинены Сенату. Петръ придавалъ большое значеніе коллегіямъ, несравненно болѣе личнаго или бюрократическаго начала представляющимъ гарантіи къ устраненію административнаго произвола и къ достиженію законности и безпристрастія при рѣшеніи дѣлъ. Коллегіи существовали до Александра I, который, въ видахъ успѣшнѣйшаго теченія государственныхъ дѣлъ, и желая раздѣлить таковыя на разныя части, сообразно естественной ихъ связи, поручилъ манифестомъ 8-го сентября 1802 г. коллегіи вѣдѣнію избранныхъ министровъ, которымъ каждая коллегія по принадлежности посылала о дѣлахъ еженедѣльно меморіи, а по дѣламъ затруднительнымъ или спѣшнымъ—особыя представленія, на которыя министръ давалъ рѣшительные отвѣты т. е. прямо рѣшали дѣло. Министръ имѣлъ право личныхъ докладовъ у государя, но не иначе, какъ по соглашенію съ другими министрами. Дѣятельность министровъ подлежала контролю Сената, который могъ требовать отъ нихъ объясненія и представлялъ объ этомъ его величеству. Но уже одинъ изъ первыхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, въ извѣстной запискѣ своей (составленной Сперанскимъ) въ 1803 г. указывалъ на недостатки коллегій (ихъ медленность въ дѣлопроизводствѣ, слабую отвѣтственность членовъ коллегій, избытокъ формъ дѣлопроизводства и т. д.) и на неудобства, вытекавшія изъ отношеній министровъ къ коллегіямъ. Эта записка имѣла послѣдствіемъ упраздненіе коллегій и замѣну ихъ департаментами при всѣхъ министрахъ (кромѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ). Затѣмъ 25-го іюня 1811 г. издано было новое учрежденіе министерствъ, при чемъ имѣлось въ виду объединить администрацію посредствомъ Сената, для чего предполагалось преобразовать Сенатъ; но это послѣднее не осуществилось. Розенкампфъ, подобно Трощинскому, являясь горячимъ приверженцемъ коллегій и ихъ подчиненія Сенату, выступалъ противникомъ учрежденія министерствъ, создателемъ которыхъ являлся Сперанскій. Отсюда и взаимное ихъ нерасположеніе другъ къ другу.

ихъ была значительно расширена, породило систему централизаціи и существенно измѣнило во многихъ отношеніяхъ дѣятельность и значеніе Сената.

Сенатъ пересталъ быть сосредоточіемъ различныхъ отраслей управленія государствомъ, и это вызвало необходимость изданное о немъ положеніе согласовать съ новымъ положеніемъ дѣлъ.

Я сталъ изучать обѣ системы управленія, при чемъ Козодавлевъ давалъ мнѣ полезныя указанія. Сперанскій, бывшій въ то время директоромъ у Кочубея, приложилъ все свое стараніе къ тому, чтобы власть министровъ усилить на счетъ другихъ учрежденій. Это было не трудно сдѣлать, потому что образцомъ, по которому составлялось учрежденіе нашихъ министерствъ, являлось учрежденіе министерствъ во Франціи. Я долженъ былъ при этомъ прежде всего изучить воззрѣнія на это дѣло самого Новосильцова, но я не могъ скоро обнять этотъ предметъ во всѣхъ отношеніяхъ, а также постичь цѣль руководящей идеи царскаго совѣтника. Желаетъ ли онъ только упорядочить государственный строй или проложить вмѣстѣ съ тѣмъ путь конституціонной монархіи. Добивается ли онъ свободы для всего народа, а также участія всѣхъ сословій въ законодательствѣ и пользованія всѣми гражданскими правами для всѣхъ сословій, или только для нѣкоторыхъ изъ нихъ?

Насколько близки эти воззрѣнія Новосильцова съ воззрѣніемъ въ этомъ отношеніи государя императора?

Я долженъ былъ тщательно разсмотрѣть какъ эти, такъ и многіе другіе подобные имъ вопросы и затѣмъ уже съ полученными результатами сообразовать мою работу о Сенатѣ.

Я скоро замѣтилъ, что въ составленномъ положеніи о Сенатѣ многое было упущено, многое не такъ изложено, какъ бы слѣдовало, и многое требовало значительныхъ измѣненій и передѣлокъ. Ознакомившись съ источниками, послужившими основаніями для того или другаго правила, я въ моемъ докладѣ избѣгалъ входить въ подробное изслѣдованіе этихъ положеній и ограничивался изложеніемъ общаго впечатлѣнія, ими производимаго. Я не разъ толковалъ съ Новосильцовымъ. Онъ слушалъ внимательно и говорилъ хорошо. Познакомившись во время своего пребыванія въ Англіи съ практическою стороною государственнаго управленія, Новосильцовъ, бывшій также и въ Россіи управляющимъ юстиціею, зналъ въ общихъ чертахъ также сущность русскаго управленія. Чарторыйскій и Строгановъ въ этомъ отношеніи знали гораздо менѣе его.

Новосильцовъ изъ нихъ былъ безспорно всѣхъ болѣе научно образованъ, но только очень разсѣянъ. Онъ по временамъ, очень рѣдко, впрочемъ, проявлялъ проблески великаго ума. Кочубей зналъ

все совершенно поверхностно и смотрѣлъ на все преимущественно съ практической точки, въ особенности съ точки зрѣнія вліянія. Державинъ, министръ юстиціи, былъ очень хорошій поэтъ и затѣмъ ничего болѣе, какъ старый рутинеръ. Онъ находилъ, что я долженъ обратить вниманіе на принципы. Онъ скоро представилъ его величеству о назначеніи трехъ юрисконсультовъ, которые въ послѣдней инстанціи должны были рѣшать важные вопросы судебной практики и давать по нимъ свои заключенія. Державинъ предоставилъ мнѣ честь занять первое мѣсто среди этихъ означенныхъ лицъ, на что уже послѣдовало соизволеніе государя императора.

Но я счелъ нужнымъ отказаться отъ подобнаго назначенія. Бросивъ взглядъ на тотъ хаосъ, въ которомъ находилось современное мнѣ судопроизводство, можно было потерять всякую охоту подвизаться на этомъ поприщѣ.

Его величество, повидимому, остался доволенъ подобнымъ съ моей стороны отказомъ. Когда, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, я имѣлъ честь откланиваться государю императору въ кабинетѣ, Александръ I изволилъ сказать мнѣ, также на французскомъ языкѣ: «вполнѣ одобряю, что вы отклонили отъ себя то назначеніе, которое предполагалъ дать вамъ министръ юстиціи. Вы получите другое и не будете имѣть недостатка въ занятіяхъ. Продолжайте по-прежнему имѣть сношенія съ Новосильцовымъ, и мы будемъ имѣть случаи видѣться».

Я едва успѣлъ выразить его величеству, что посвящу себя всецѣло работѣ и приложу всѣ силы, чтобы быть покорнѣйшимъ и признательнѣйшимъ слугою его величества, какъ государю доложили о комъ-то и моя аудіенція окончилась. Я былъ вполнѣ очарованъ императоромъ, его привѣтливостью, добротою, ласкою, его чувствомъ собственнаго достоинства и т. д., я былъ не единственный испытавшій подобное очарованіе.

Послѣ этого я отправился къ Новосильцову, Козодавлеву, министру юстиціи и т. д., и пробылъ въ Петербургѣ еще нѣсколько дней, съ цѣлію взять съ собою указъ о назначеніи мнѣ содержанія, который сопровождался другимъ указомъ о назначеніи меня чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ.

2-го января 1803 года я покинулъ Петербургъ и поѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ никто и не подозрѣвалъ всего того, что со мною произошло въ столицѣ. Дорогою я имѣлъ время обсудить подробно все со мною происшедшее въ столь короткое время.

По мѣрѣ приближенія къ родному Дерпту, меня все болѣе и болѣе тревожила мысль о предстоящей перемѣнѣ моего мѣстопребыванія. Предчувствіе подсказывало мнѣ, что я покину Дерптъ навсегда, и въ

этомъ случаѣ я долженъ былъ освободиться съ неизбѣжными пожертвованіями отъ множества различныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, требовавшихъ моего присутствія въ Дерптѣ, а также моего вліянія и вмѣшательства. Мнѣ предстояло покинуть мои обычныя занятія, мой уютный домъ, мой красивый садъ, мои земли и уже никогда болѣе ихъ не увидѣть. Я долженъ былъ разстаться съ матушкою моею, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, съ моимъ очень любимымъ братомъ, моими сестрами, изъ коихъ младшая съ ея дѣтьми была очень ко мнѣ привязана. Всѣ они были очень опечалены моимъ отъѣздомъ, и въ особенности моя мать, которая высказывала мнѣ свое грустное предчувствіе, что никогда болѣе меня не увидитъ. Добродѣтельнымъ женщинамъ дано въ удѣлъ точнѣе предусматривать будущее, нежели намъ, поглощеннымъ смутными обстоятельствами настоящаго. Достигнувъ уже 40 лѣтъ и не считая себя легкомысленнымъ, я не могъ однако отрицать, что испытывалъ какое-то большое довольствіе, съ которымъ предавался новому неизвѣстному будущему. Чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ, тѣмъ сильнѣе и глубже слышатся мнѣ скорби и тихіе упреки моей матери. Всѣ эти искренніе и дорогіе участники въ моей судьбѣ отошли отъ меня въ вѣчность, но ихъ послѣднія письма и послѣ 15—20 лѣтъ терзали мою душу. Я принялъ, конечно, всѣ мѣры къ своему возвращенію на родину предковъ и къ тому, чтобы приготовить себѣ отчизну, и сдѣлалъ все отъ меня возможное, чтобы не остаться навсегда въ Петербургѣ. Но кто въ состояніи избѣжать назначенной ему судьбы?..

Въ концѣ апрѣля 1803 года я получилъ очень любезное письмо отъ Державина съ приложеніемъ копіи высочайшаго указа о производствѣ меня въ надворные совѣтники; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ сообщалось высочайшее повелѣніе о доставленіи заключенія по какому-то дѣлу, производящемуся въ малороссійскихъ судахъ. Исполненіе этого порученія заняло меня нѣсколько дней.

Наконецъ, справивъ всѣ свои дѣла домашнія и служебныя, я рѣшился отправиться въ Петербургъ. 3-го мая покинулъ я мою должность и стулъ, на которомъ сидѣлъ 13 лѣтъ, со рвеніемъ занимаясь судебными дѣлами округа.

Выданный мнѣ Дерптскимъ гофгерихтомъ аттестатъ удостовѣрялъ: «что въ продолженіе всего времени отправленія моей должности, ни одно рѣшеніе, мною поставленное, не было отмѣнено и что всѣ, лежавшія на мнѣ, обязанности исполнялись мною съ совершеннымъ знаніемъ дѣла и полною добросовѣстностью». Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Дерптѣ, я съ большимъ напряженіемъ занимался, возложеннымъ на меня его величествомъ, составленіемъ положенія о Сенатѣ, къ которому присоединилъ еще положеніе о городовомъ управленіи. Я не любилъ дѣлать что-либо поверхностно,

писать пустые разборы различныхъ статей и положеній, приводить блестящія фразы и пр. и пр.

Я старался преимущественно выставить значеніе дворянскаго сословія въ порядкѣ управленія, выдвинуть основы и формы, которыя полагаютъ возможные предѣлы произволу, старался примѣнить эти начала ко всѣмъ сословіямъ и городовому управленію, которое требовало нормъ различныхъ, смотря по мѣстностямъ и народностямъ.

Въ составленіи проекта учрежденія Сената я встрѣтилъ различнаго рода затрудненія. Изученіе различныхъ законодательныхъ источниковъ вселило во мнѣ убѣжденіе, что организація Сената, установленная императоромъ манифестомъ 8-го сентября 1802 года, являлась своего рода хартіею, которая сверхъ подтвержденія правилъ о Сенатѣ, существующихъ со временъ Петра Великаго (основателя этого высшаго центральнаго учрежденія), придавала ему не малую власть въ государствѣ. Министры обязаны были представлять Сенату отчеты о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, а Сенату было предоставлено право дѣлать представленія о замѣченныхъ имъ во вновь издаваемыхъ законахъ несообразностяхъ (incongruilät) [1]). Таково было намѣреніе его величества и его совѣтниковъ Новосильцова, Чарторыйскаго . . . . судя по изложенію статей. Но скоро по одному возникшему дѣлу министръ юстиціи оспаривалъ это право Сената, и возникшее поэтому разногласіе было доложено государю императору.

Посѣтивъ какъ-то Новосильцова, я нашелъ его занятымъ составленіемъ проекта высочайшей резолюціи по этому поводу, изъ которой вытекало, что Сенату предоставлено пользоваться вышеозначеннымъ правомъ разъ навсегда, при всякой перемѣнѣ престола. Подобное рѣшеніе вызвало не малое смущеніе. Государь въ данномъ случаѣ поступилъ, повидимому, противъ своего убѣжденія, такъ какъ подобное разъясненіе уничтожало совсѣмъ право, предоставленное Сенату, весьма важнымъ для него учрежденіемъ 1802 года, но которое вытекало, впрочемъ, также изъ содержанія прежнихъ данныхъ ему указовъ. На меня это двоесмысліе произвело также глубокое впечатлѣніе, и я не зналъ, какимъ образомъ разъяснить оное его величеству.

Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, потому что оно близко касается возложеннаго на меня порученія—разсмотрѣть положеніе о Сенатѣ. Я, конечно, не могъ обойти молчаніемъ такое важное право Сената и старался при толкованіи его держаться возможно ближе словъ манифеста 8-го сентября и позднѣйшей резолюціи его величества по сему

---

[1]) Отъ латинскаго слова incongruens, incongruentia—непристойность, нескладность, несообразность.

предмету, намѣреваясь при разсмотрѣніи положенія о Сенатѣ возбудить вновь обсужденіе этого вопроса.

Въ моемъ проектѣ о Сенатѣ особенно характернымъ являлось полное отдѣленіе административной дѣятельности Сената отъ судебной. Въ отношеніи первой я развивалъ права Сената по надзору за административными установленіями имперіи, насколько это являлось возможнымъ съ соблюденіемъ установленныхъ порядковъ. Министры, по моему мнѣнію, являвшіеся докладчиками его величества, а также органы коллегіальнаго обсужденія дѣлъ въ каждой отдѣльной отрасли управленія, какъ таковые, должны были быть членами Сената (административнаго), который, кромѣ того, долженъ былъ состоять еще изъ десяти особъ. Дѣла рѣшались по большинству голосовъ. По моему предложенію этотъ же Сенатъ разрѣшалъ въ качествѣ высшей инстанціи различные споры по административнымъ дѣламъ (contentieux administratif) съ соблюденіемъ особыхъ охранительныхъ формъ.

Въ отношеніи дѣлъ судебныхъ, Сенатъ являлся послѣднею, высшею инстанціею и раздѣлялся по моему проекту на пять отдѣльныхъ округовъ. Въ основаніе этого дѣленія я принималъ различія правовыхъ понятій, отдѣляющія рѣзко различныя народности, входящія въ составъ имперіи. Такихъ сенатскихъ округовъ предполагалось имѣть пять въ имперіи, именно: три округа составляли 29 древне-русскихъ губерній, при чемъ центрами округа являлись: Петербургъ, Москва, Казань; одинъ округъ—всѣ сибирскія и бывшія польскія губерніи и одинъ—губерніи Остзейскаго края.

Пребываніе Сената должно было находиться въ центральномъ пунктѣ каждаго округа. Правосудіе въ Сенатѣ отправлялось съ соблюденіемъ подлежащихъ порядковъ судопроизводства въ каждомъ округѣ.

Всѣ эти предположенія являлись осуществленіемъ взглядовъ великой императрицы Екатерины II и оправдывались природою и свойствомъ самаго дѣла. Я старался дать этимъ взглядамъ возможную точность и опредѣлительность, избѣгая всякихъ не безусловно нужныхъ статей и параграфовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я полагалъ, что эти положенія о Сенатѣ явятся прежде всего предметомъ обсужденія въ совѣщаніи, такъ какъ отъ того обстоятельства, удостоятся ли они одобренія или нѣтъ, зависѣла уже разработка дальнѣйшихъ положеній.

Прибывъ въ Петербургъ, я узналъ, что императоръ Александръ I только наканунѣ поѣхалъ въ сопровожденіи Новосильцова въ Финляндію, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться со своимъ шуриномъ, шведскимъ королемъ Густавомъ IV Адольфомъ и имѣть съ нимъ переговоры о политическомъ положеніи дѣлъ въ Европѣ. Я не замедлилъ съ первымъ фельдъегеремъ увѣдомить Новосильцова о моемъ прибытіи въ столицу, при чемъ, упомянувъ о составленныхъ мною проектахъ, просилъ его

довести о нихъ до свѣдѣнія его величества. Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Новосильцова отвѣтъ, что государь императоръ изволилъ мнѣ приказать нанять помѣщеніе въ Петербургѣ и ожидать его прибытія. Когда же осенью собрались въ столицѣ мои доброжелатели, я приложилъ все мое вниманіе и стремленіе къ скорѣйшему обсужденію мною составленныхъ предположеній и каждому изъ упомянутыхъ представилъ копію съ моихъ предположеній съ особымъ изложеніемъ началъ, принятыхъ мною въ основаніе моего труда. Оба предмета представлялись необычайно важными; они касались всего государственнаго строя, и отъ тѣхъ воззрѣній, которыя будутъ при этомъ приняты, зависѣла возможность основательнаго устройства всѣхъ главныхъ и мѣстныхъ властей въ государствѣ и законное учрежденіе всего государственнаго порядка. Я это постоянно имѣлъ въ виду при ежедневныхъ совѣщаніяхъ съ этими достопочтенными людьми, происходившихъ у князя Чарторыйскаго въ присутствіи его величества, занимавшаго мѣсто среди нихъ. Занятія этихъ господъ (Чарторыйскаго, Новосильцова и Строганова) и въ особенности Новосильцова увеличивались съ каждымъ днемъ. Къ предметамъ вѣдомства послѣдняго принадлежали: 1) всякаго рода проекты (съ которыхъ онъ и началъ свою дѣятельность). При каждомъ новомъ царствованіи никогда не бываетъ недостатка въ многочисленныхъ, новыхъ предположеніяхъ и проектахъ, но въ особенности ихъ много при молодомъ государѣ, которому заранѣе была внушена мысль, что все существующее преисполнено недостатковъ и требуетъ преобразованія; его величество большею частію соглашался разсматривать проекты и одобрялъ ихъ; 2) академія наукъ, въ которой Новосильцовъ былъ президентомъ; 3) предсѣдательство и доклады по дѣламъ главнаго управленія училищъ [1]), состоявшаго изъ профессоровъ недавно основаннаго университета. Эта обязанность включала также и контроль надъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое ввѣрено было графу П. В. Завадовскому; 4) доклады всѣхъ представленій, поступавшихъ отъ Сената и генерала-рекетмейстера на всемилостивѣйшее воззрѣніе государя императора; 5) доклады по дѣламъ Святѣйшаго Синода и православной церкви въ имперіи, представляемымъ отъ оберъ-прокурора Синода;—позднѣе это явилось предметомъ вѣдомства особаго министерства духовныхъ дѣлъ; 6) доклады по журналамъ Комитета мини-

[1]) Новосильцовъ былъ попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа; статсъ-секретарь Муравьевъ—Московскаго, генералъ Клингеръ —Дерптскаго и Остзейскихъ провинцій и Выборгской; сенаторъ графъ Северинъ и Потоцкій—Харьковскаго, академикъ Румовскій Казанскаго и наконецъ князь Чарторыйскій — Виленскаго учебнаго округа, обнимавшаго всѣ бывшія польскія губерніи. (прим. Розенкампфа).

babbling

стровъ; 7) кромѣ этого, Новосильцовъ докладывалъ его величеству по многимъ дѣламъ, порученнымъ ему государемъ, и также по тѣмъ просьбамъ и ходатайствамъ частныхъ лицъ, по которымъ желалъ взять на себя починъ, на чтò онъ имѣлъ особое уполномочіе. Одни дѣла этого рода могли всецѣло поглотить всю дѣятельность самаго трудолюбиваго человѣка и вполнѣ занять его.

Казалось невѣроятнымъ, чтобы всѣ столь разнородныя дѣла сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ, вмѣщались бы въ одной головѣ въ надлежащемъ порядкѣ. Тѣмъ не менѣе дѣятельность Новосильцова до того разросталась и увеличивалась, что я называлъ его Атлантомъ, по миѳологіи грековъ, на плечахъ своихъ державшимъ весь земной шаръ, и шутя освѣдомлялся у него, не будетъ ли онъ завѣдывать также дѣлами адмиралтейства и флота. Въ дѣлахъ иностранной политики Новосильцовъ принималъ участіе, по крайней мѣрѣ только посредственное, путемъ дружбы своей съ Чарторыйскимъ, продолжавшейся впрочемъ недолго. Кромѣ того, съ нимъ же имѣлъ также частыя объясненія графъ Кочубей, по дѣламъ ему ввѣреннымъ. Въ совершенно иномъ положеніи были другіе министры, какъ-то: Державинъ, Васильевъ [1]), Вязьмитиновъ [2]), Н. П. Румянцевъ [3]) (министръ торговли и начальникъ водяныхъ сообщеній) и въ особенности Трощинскій (государственный секретарь, а также министръ удѣловъ и почтъ), Гурьевъ [4]), въ то время еще бездѣятельный товарищъ ми-

---

[1]) Васильевъ Алексѣй Ивановичъ, р. 28-го февр. 1742 г., служилъ при генералъ-прокурорахъ и въ 1793 г. былъ директоромъ медицинской коллегіи и сенаторомъ. При Павлѣ I—онъ назначенъ государственнымъ казначеемъ и возведенъ въ баронское званіе 5-го апрѣля 1797 г., а въ 1800 г. уволенъ отъ должности. При Александрѣ I вновь назначенъ государственнымъ казначеемъ 12-го марта 1801 г., а затѣмъ въ 1802 году—министромъ финансовъ. Онъ умеръ въ 1807 г., возведенный въ графское достоинство въ 1801 г.

[2]) Вязьмитиновъ Сергѣй Козьмичъ, р. 1749 г., находился въ военной службѣ и былъ при Павлѣ I произведенъ въ 1798 г. въ генералы-отъ-инфантеріи, а затѣмъ уволенъ отъ службы. При Александрѣ I былъ министромъ военно-сухопутныхъ силъ и предсѣдателемъ Комитета министровъ. Въ 1816 г. онъ возведенъ въ графское достоинство и назначенъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ умеръ въ 1819 году.

[3]) Румянцевъ Николай Петровичъ, р. 1754 г., бывшій при Александрѣ I министромъ коммерціи, директоромъ водяныхъ коммуникацій, управлялъ съ 1807 г. министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Заключенный имъ фридрихсгамскій договоръ 1809 года доставилъ ему званіе государственнаго канцлера. Вторженіе Наполеона въ предѣлы Россіи такъ его поразило, что его постигъ апоплексическій ударъ: онъ оставилъ службу и посвятилъ себя дѣлу русской исторіи, на пользу которой при его содѣйствіи и щедрыхъ поощреніяхъ издалъ цѣлый рядъ цѣнныхъ трудовъ. Онъ умеръ въ 1826 году.

[4]) Гурьевъ Димитрій Александровичъ, р. 1751 г., былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Кочубеемъ, Новосильцовымъ, Чарторыйскимъ и т. д. и назна-

нистра. Между всѣми этими лицами, придворными рутинерами, не существовало никакого единенія или даже общенія мысли, равно какъ и съ княземъ А. Н. Голицынымъ, который былъ собственно ближайшимъ и довѣреннѣйшимъ лицомъ и другомъ молодости императора, а также ежедневнымъ его собесѣдникомъ и умѣлъ очень занимать его. Еще далѣе отъ нихъ находился оберъ-гофъ-маршалъ графъ Толстой[1]), видѣвшій государя не только ежедневно, но чуть-ли не ежечасно и почти никогда его не покидавшій. Толстой былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Голицынымъ[2]) и Гурьевымъ. Равнымъ образомъ, графъ Ливенъ, завѣдывавшій экспедиціею дѣлъ военныхъ, былъ совершенно чуждъ новымъ дѣловымъ любимцамъ, которые во всѣхъ вышеназванныхъ лицахъ встрѣчали тайныхъ себѣ противниковъ у государя.

Каждому знакомому съ подобнымъ положеніемъ дѣлъ должно было казаться немыслимымъ, чтобы одинъ человѣкъ, обладавшій даже великимъ трудомъ и большими умственными силами, могъ возложить на себя, какъ Новосильцовъ, подобное колоссальное бремя разнородныхъ дѣлъ и быть въ состояніи долгое время сносить его. Новосильцовъ обладалъ требуемымъ для этого мужествомъ и необходимыми умственными средствами, при условіи, однако, чтобы государь не только имѣлъ откровенное и постоянное желаніе его поддерживать, но и на самомъ дѣлѣ вполнѣ серьезною и непрерывною любовью къ труду поддержалъ бы его, Чарторыйскаго и Строганова. Когда я появился въ Петербургѣ и пріобрѣлъ довѣріе означенныхъ трехъ, выдающихся лицъ, я былъ увѣренъ въ постоянной благосклонности къ нимъ тремъ императора, распо-

---

ченъ въ 1802 г., товарищемъ министра финансовъ, затѣмъ въ 1806 г. министромъ удѣловъ, а въ 1810 — министромъ финансовъ. Онъ отправлялъ эту обязанность съ 1823 г., когда былъ уволенъ отъ званія министра финансовъ, оставаясь въ управленіи кабинетомъ и министромъ удѣловъ. Онъ умеръ 30-го сентября 1820 года.

[1]) Толстой графъ Петръ Александровичъ, р. 1761 г., служилъ въ военной службѣ, былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Парижѣ, откуда отозванъ послѣ свиданія въ Эрфуртѣ. Позднѣе онъ командовалъ ополченіемъ въ 1812 г., занялъ Дрезденъ въ 1813 г., былъ главнокомандующимъ въ 1825 г. и наконецъ членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. Онъ умеръ въ 1844 году.

[2]) Голицынъ Александръ Николаевичъ, р. 1773 г., былъ съ раннихъ лѣтъ очень близокъ къ императору Александру I, пользовался его расположеніемъ и былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Синода, главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій и министромъ народнаго просвѣщенія (съ 1816 г.). При Николаѣ I—былъ только главноуправляющимъ надъ почтовымъ департаментомъ, а позднѣе предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Въ 1843 г. Голицынъ вышелъ въ отставку и умеръ въ Крыму въ своемъ имѣніи въ 1844 году.

лагавшаго къ себѣ всѣхъ, имѣвшихъ къ нему доступъ. Таково было впечатлѣніе, произведенное на меня императоромъ и всѣми окружавшими его лицами.

Если будешь составлять себѣ идеалъ сошедшаго съ небесъ на землю царя, который какъ высшій разумъ, являясь необходимымъ съ единодержавною властью и волею, а также всевѣдущимъ, чтобы управлять такимъ государствомъ, какъ Россія, то можно было допустить мысль, что появленіе подобнаго высшаго учредителя дѣлъ съ соотвѣтствующими орудіями исполненія близилось къ осуществленію въ такомъ государствѣ, какъ Россія, и вызвало бы къ жизни возможно совершеннѣйшее управленіе на землѣ.

Я намѣренъ упомянуть о впечатлѣніяхъ, которыя находившійся въ то время въ полномъ расцвѣтѣ своихъ жизненныхъ силъ, достойный императоръ производилъ своимъ разговоромъ, своими взглядами на каждаго, къ нему приближавшагося, о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя затѣмъ, переходя изъ устъ въ уста и изъ сердца въ сердце, распространялись по всему государству. При этомъ я упомяну и о нераздѣльномъ уваженіи, которое оказывали мнѣ Новосильцовъ, облеченный въ то время высшимъ довѣріемъ монарха, и о томъ цѣломъ, которое онъ вмѣстѣ съ Чарторыйскимъ и Строгановымъ въ тѣ дни составлялъ.

Мои первые шаги были до того рѣшительны и удачны, что я съ полнымъ довѣріемъ предался мысли, что осуществленіе и послѣдующихъ будетъ столь же легко. Я не имѣлъ недостатка ни въ доброй волѣ, ни въ терпѣніи выжидать и могъ безъ всякаго тщеславія выдать себѣ удостовѣреніе, что соотвѣтствую возложенной на меня задачѣ не менѣе другихъ лицъ, съ коими приходилъ въ соприкосновеніе. Къ тому же мое самолюбіе было очень ограничено; я вовсе не мечталъ о министерствѣ, но желалъ положить въ Россіи основаніе законодательству, которое изучилъ и которому безгранично предался. На сколько это мнѣ удалось, докажетъ исторія, когда всѣ, оставленные мною труды, напечатанные и ненапечатанные, дадутъ возможность изложить мою дѣятельность безпристрастно.

Позволю себѣ сказать предварительно нѣсколько словъ о личности самого Александра I, насколько я могъ постичь его. Императоръ Александръ I не былъ человѣкомъ зауряднымъ, обыкновеннымъ, его лицо и въ особенности профиль его въ молодые годы напоминали черты его великой бабки Екатерины II, съ которою имѣли не мало общаго также старшая сестра императора и даже младшій его братъ, великій князь Михаилъ Павловичъ. Но у этихъ двухъ лицъ недоставало той искры генія, которая такъ ярко высказывалась у Александра I. Счастливо одаренный природою, обладавшій большимъ остроуміемъ и при томъ умомъ очень проницательнымъ, императоръ Александръ I совмѣщалъ въ себѣ

при томъ еще необыкновенную способность предаваться различнымъ, не рѣдко совершенно противоположнымъ впечатлѣніямъ. Собственно разумъ его былъ не особенно великъ, и во всякомъ случаѣ сила его сужденія была не обширна. Сердце онъ имѣлъ такое же, какъ и императрица Екатерина II, и при томъ не безучастное къ другимъ. Но оба эти лица скорѣе охотно упускали, нежели искали случай проявить свое доброе сердце; они оба оказывали добро и благодѣяніе скорѣе изъ тщеславія, ради (ostentation) видимости, чванства, нежели по чувству любви и сострраданія, но всегда исполняли это самымъ привѣтливымъ и ласковымъ образомъ. Оба они легко усваивали себѣ какое-либо мнѣніе другаго лица, но также скоро отказывались отъ него; они съ трудомъ прощали свое заблужденіе и рѣдко примирялись съ тѣми, кого послѣ благоволенія постигало ихъ нерасположеніе и опала. Александръ I, подобно Екатеринѣ II, обладалъ талантомъ разоблачать сокровенныя мысли другихъ лицъ и таить весьма тщательно свои собственныя. Чувственность онъ также унаслѣдовалъ отъ своей великой бабки.

Напротивъ того, онъ не унаслѣдовалъ ничего ни физическаго, ни нравственнаго ни отъ своихъ Голштинскихъ предковъ, по природѣ вспыльчивыхъ, но скоро примирявшихся, ни отъ своего отца, рыцаря по характеру. Равнымъ образомъ къ нему не перешло ничего и отъ его матери, Виртембергской принцессы, которая впрочемъ умѣла держать себя съ достоинствомъ и обладала доброю волею и особенною любовью къ порядку.

Природныя наклонности Александра I все болѣе и болѣе усиливались отъ воспитанія и тѣхъ различныхъ положеній, въ которыхъ онъ долго находился. Съ ранняго дѣтства онъ очутился среди двухъ началъ, враждовавшихъ между собою, и двойственность развивалась все болѣе и болѣе въ характерѣ юноши. При первоначальномъ своемъ воспитаніи Александръ I очутился между царственною своею бабкою, доставившею сама себѣ престолъ, и своимъ отцомъ, удаленнымъ отъ престола и находившимся въ постоянной оппозиціи съ своею матерью. Жизнь великаго князя Павла Петровича была непрерывнымъ, болѣе или менѣе громко выраженнымъ порицаніемъ дѣйствій и распоряженій императрицы Екатерины II и всего ея управленія.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (ровесникъ почти великаго князя) былъ самымъ вѣрнымъ домашнимъ другомъ его; онъ одно время былъ даже удаленъ отъ двора, ибо слишкомъ мало скрывалъ свое расположеніе и участіе къ великому князю. Его младшій братъ, Алексѣй Куракинъ [1]), поддерживалъ это критическое настроеніе вели-

---

[1]) Куракинъ Алексѣй Борисовичъ, р. въ 1759 г., былъ при Павлѣ I генералъ-прокуроромъ, а при Александрѣ I сперва генералъ-губернаторомъ Малороссіи

каго князя разными замѣчаніями, обыкновенно очень поверхностными, которыя онъ ему читалъ въ Гатчинѣ. Они предположили составить порядокъ престолонаслѣдія, который и былъ позднѣе объявленъ закономъ съ тѣмъ Гатчинскимъ числомъ. Великій князь очень хорошо запомнилъ эти замѣчанія и, вступивъ на престолъ, передалъ ихъ Куракину, назначенному генералъ-прокуроромъ, съ тѣмъ, чтобы онъ осуществилъ бы на дѣлѣ всѣ эти предполагавшіяся улучшенія. Но они оба, и Куракинъ и государь, не могли слѣдовать долго этому пути.

Конечно, правленіе Екатерины II имѣло свои слабыя стороны и свои недостатки; этого отрицать нельзя. Но это правленіе имѣло и сильную сторону, которую не могли постичь такія поверхностныя и одностороннія лица, какъ Куракинъ и многія ему подобныя. Императрица Екатерина II была удивительная артистка въ искусствѣ управлять государствомъ (что̀ совершенно иное дѣло, чѣмъ слѣдовать всякому впечатлѣнію) и при томъ умѣла обходиться съ народомъ и достигать многаго малыми средствами. Къ тому же она умѣла хорошо выбирать людей, ей необходимыхъ. Рѣшеніе ея передать престолъ Имперіи не сыну своему, а внуку Александру I, фактъ несомнѣнный. Однажды, когда смотритель царскаго гардероба показывалъ мнѣ стоящую въ этомъ помѣщеніи мебель, снесенную изъ покоевъ императрицы послѣ ея кончины, онъ двинулъ изъ письменнаго стола открытый ящикъ, и мы въ немъ увидѣли подлинное, подписанное рукою императрицы Екатерины II объявленіе, въ которомъ была выражена вышеупомянутая воля императрицы, на случай ея кончины.

Тотъ же смотритель нашелъ въ гардеробѣ самую древнюю доселѣ извѣстную рукопись XI вѣка, именно такъ называемое Остромирово Евангеліе [1]), которое позднѣе было препровождено въ Императорскую публичную библіотеку. Гдѣ же хранится первый упомянутый документъ, мнѣ не извѣстно.

затѣмъ съ 1807 по 1811 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ и наконецъ членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ умеръ въ 1829 году, а Куракинъ Александръ Борисовичъ, р. въ 1752 г., воспитывался вмѣстѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, былъ позднѣе посломъ въ Вѣнѣ, сенаторомъ и посломъ въ Парижѣ въ началѣ 1812 г. Онъ умеръ въ 1818 г.

[1]) Написанное въ 1056—57 гг. дьякономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира недѣльное Евангеліе было отправлено изъ Москвы, гдѣ хранилось въ ризницѣ Воскресенской дворцовой церкви, въ Петербургъ по указу Петра Великаго и перешло къ императрицѣ Екатеринѣ II, какъ историческій памятникъ. По ея кончинѣ это Евангеліе было найдено въ ея гардеробѣ Я. А. Дружининымъ и поднесено императору Александру I, приказавшему отдать оное въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ оно хранится и по настоящее время. (См. Жур. М. Нар. Просв. № 5, отд. 2, статья г. Каринскаго).

Окружавшіе великаго князя Александра Павловича, начиная съ главной няньки до послѣдняго его министра, съ самаго дня рожденія его до кончины, являли постоянно рѣзкую противоположность, какъ между собою, такъ и по отношенію къ самому князю. Не должно также упускать изъ виду, что въ немъ въ полномъ объемѣ укоренилось глубокое впечатлѣніе, которое тяготѣетъ на наслѣдіи русскаго престола вообще и которое влечетъ за собою для него господство неограниченной власти, а для другихъ безграничное повиновеніе. Одинъ изъ его учителей, главный, имѣвшій большое на него вліяніе, былъ Фредерикъ Лагарпъ [1]), очень либеральный, пылкій швейцарецъ, другимъ былъ—скромный, разумный, любившій литературу болѣе, нежели придворную жизнь, ученый Эпинусъ [2]), а также Остервальдъ [3]); все прекрасные люди. Прочіе учителя также отличались благородными воззрѣніями, какъ, напримѣръ, Карамзинъ.

Во главѣ всего воспитанія Александра I стоялъ Салтыковъ, впослѣдствіи графъ и князь, одинъ изъ тончайшихъ царедворцевъ своего времени, дававшій молодому великому князю наилучшія наставленія и прекраснѣйшій примѣръ, какимъ образомъ можно всего лучше понравиться державной бабкѣ его и злорадостному отцу. Являясь въ Петербургѣ, Царскомъ Селѣ, въ Государственномъ Совѣтѣ въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и камзолѣ, а въ Павловскѣ и Гатчинѣ—въ солдатскомъ мундирѣ, съ ружьемъ, съ военною выправкою, царственный юноша принималъ каждаго съ особеннымъ достоинствомъ. Окружавшіе его придворные кавалеры, оба князя Чарторыйскіе, Александръ Голицынъ, Павелъ Строгановъ, Александръ Салтыковъ, Муравьевъ, Будбергъ, Ахвердовъ и т. д., отличались каждый различною степенью образованія, но, вообще говоря, выборъ ихъ, сдѣланный императрицею Екатериною II, былъ недуренъ.

Большой дворъ и великокняжескій (т. е. Павла Петровича и его супруги) являли собою самую рѣзкую противоположность. Въ первомъ царила величественная придворная жизнь императрицы, великолѣпіе, пышность, расточительность, обществолюбіе (т. е. стремленіе жить въ

[1]) Лагарпъ Фредерикъ-Цезарь, р. 1654 г. въ Швейцаріи, извѣстный воспитатель великихъ князей Александра и Константина Павловичей, позднѣе членъ правительства Гельветической республики съ 1798—1800 годы. Онъ умеръ въ 1838 году.

[2]) Эпинусъ Францъ-Ульрихъ, р. 13-го дек. 1724 г. въ Ростокѣ, былъ членъ академіи наукъ въ Петербургѣ и Берлинѣ, тайный совѣтникъ въ 1797 г., онъ умеръ въ Дерптѣ 10-го августа 1802. Эпинусъ занимался медициною, магнетизмомъ и электричествомъ.

[3]) Остервальдъ Дидрихъ, р. 1727 г., былъ офицеромъ въ Шляхетномъ корпусѣ, преподавалъ вел. кн. Павлу Петровичу исторію, географію, русскій и нѣмецкій языки, позднѣе былъ сенаторъ и умеръ въ 1794 году.

сообществѣ людей), развязность и даже разнузданность со всѣми ея принадлежностями; всякій пребывалъ и въ надеждѣ, и въ трепетѣ; каждый отъ мала до велика находился во свѣтѣ славы Екатерины II, освѣщенный къ тому же ея любимцами; при томъ же всѣ являлись обожателями великой императрицы.

При великокняжескомъ дворѣ въ Павловскѣ и Гатчинѣ царили только полковыя ученья, строгая солдатская дисциплина, небольшіе парады и всякаго рода лишенія. Императрица Екатерина II смѣялась надъ этимъ; Александръ же не только принималъ участіе во всемъ этомъ, но и совершенно соотвѣтствовалъ всему этому. Всякій былъ какъ бы увѣренъ въ немъ. Лагарпъ часто твердилъ ему, что будущій монархъ никогда не долженъ вполнѣ предаваться чему-либо.

Екатерина II сочла полезнымъ побудить его рано вступить въ бракъ. Она избрала ему супругою великодушную, благородную, мало понятую людьми принцессу Баденскую, Елизавету Алексѣевну; благородство души ея далеко превосходило прелестную ея наружность. Въ началѣ супружеской жизни обѣ стороны были въ высшей степени счастливы. Этотъ бракъ въ началѣ очень благотворно вліялъ на настроеніе духа Александра I и, если бы онъ могъ оставаться долѣе въ этихъ вѣрныхъ узахъ, то въ немъ укрѣпилось бы еще болѣе благодушіе и благожеланіе и изгладились бы болѣе, быть можетъ, скрытыя наклонности его характера. Его братъ, великій князь Константинъ, не хуже его былъ одаренъ отъ природы, но былъ совершенно испорченъ воспитаніемъ и сдѣлался страшилищемъ.

Принужденіе, подъ вліяніемъ котораго Александръ находился, при вступленіи его родителя на престолъ, развивало въ немъ все болѣе и болѣе двойственность его воли и довело его притворство до высшей степени. Все царствованіе великой императрицы являлось ненавистнымъ ея державному сыну. Онъ хотѣлъ все измѣнить, передѣлать всю Россію и не упустилъ бы дать другое направленіе даже рѣкѣ Невѣ, если бы былъ въ силахъ это сдѣлать. Въ его кратковременное царствованіе Александръ, казалось, раздѣлялъ всѣ эти воззрѣнія, которыя не замедлили произвести на него не малое впечатлѣніе, такъ какъ никто никогда, ни въ какое время не взялъ на себя труда изложить и объяснить молодому князю основныя начала правленія великой императрицы и ея законодательныя воззрѣнія; это требовало подробнаго изученія и совершенно безпристрастнаго взгляда и на ея управленіе, и на ея особу.

Никто такъ не расположенъ къ нововведеніямъ и всякимъ новшествамъ, какъ лица, не обладающія основательными познаніями и терпѣніемъ. Чрезвычайно привлекательно прошедшее, которое себя болѣе не защищаетъ, замѣнить нѣчто совершенно новымъ, имѣющимъ за себя

всегда сотни приверженцевъ. Всякій вводитель новаго ласкаетъ себя мыслію, что онъ вполнѣ и всесторонне обдумалъ и обсудилъ свое могучее слово.

Преобразованіе и полная реорганизація арміи являлись главною заботою императора Павла и его сына, который былъ не что иное, какъ первый адъютантъ своего отца, съ 18—20-лѣтняго возраста находился подъ непрестаннымъ давленіемъ, принужденіемъ и нерѣдко испытывалъ даже подозрѣнія отца. Очень частыя перемѣны лицъ, окружавшихъ императора Павла I, принуждали Александра I постоянно притворяться и быть насторожѣ.

Царствованіе Павла I съ начала до конца онаго являлось какою-то опрометчивостію (безразсудностію). Незаслуженныя милости и выраженія благоволенія, незаслуженныя награды, незаслуженныя опалы и немилости, незаслуженныя наказанія и т. д. Все это изливалось непрерывно и постоянно все измѣняло. При этомъ никто съ большею готовностію не желалъ устранять учиненныя несправедливости, исправлять свои ошибки и заблужденія, какъ самъ государь. Тѣмъ не менѣе всѣ слуги и сановники прежняго царствованія были имъ устранены или сами удалились отъ дѣлъ. Всѣ были одинаково обижены. Появились на сцену новые слуги и также скоро исчезли. Только двое изъ нихъ съумѣли удержаться въ продолженіе всего царствованія, именно камердинеръ Кутайсовъ, сдѣлавшійся графомъ, шталмейстеромъ и кавалеромъ ордена св. Андрея, и Аракчеевъ, который, не будучи геніемъ и не обладая талантами, превосходилъ всѣхъ твердостію своего характера, неутомимою дѣятельностью и рѣдкою выносливостью. Императоръ слѣдовалъ весьма опасному пути.

Давно невѣдомый гнетъ и насиліе наступили послѣ многолѣтняго снисхожденія и терпѣнія. Съ Сенатомъ обходились круто; дарованное лицамъ дворянскаго происхожденія освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія было отмѣнено; смертная казнь снова стала примѣняться. Князь Сибирскій, почтенный генералъ, начальникъ провіантскаго вѣдомства, былъ отставленъ отъ должности и какъ простой рядовой, въ оковахъ на ногахъ, отправленъ въ Сибирь. Министръ финансовъ Васильевъ смѣщенъ съ должности. Совершенно необдуманная война съ Англіею привела въ разстройство русскую торговлю, причинила большіе убытки и нанесла тяжкія неизлѣчимыя раны благосостоянію Прибалтійскихъ губерній. Всѣ эти и другія подобныя имъ дѣла были такого рода, что къ большему или меньшему участію въ нихъ привлекался и великій князь, чѣмъ все болѣе затруднялось и его положеніе, и его отношенія. Въ непрерывныхъ своихъ сношеніяхъ съ Аракчеевымъ, Кутайсовымъ, Паленомъ—тремя лицами, совершенно между собою различными, великій князь Александръ I находился въ постоянномъ напряженіи и за-

трудненіи, но мастерски умѣлъ однако сохранять съ каждымъ изъ нихъ хорошія отношенія и не давать имъ повода къ какимъ-либо столкновеніямъ, неудовольствіямъ и даже порицаніямъ. Другъ его, Чарторыйскій, былъ скоро удаленъ отъ двора. Вспыльчивость императора не знала предѣловъ, и самому Александру предстояла горькая доля . . . .

. . . .

Никто изъ соучастниковъ 11-го марта не подвергся преслѣдованію; никто изъ нихъ не былъ даже чѣмъ-либо огорченъ. Только не много позднѣе графъ Паленъ былъ совершенно удаленъ отъ двора за свою непослѣдовательность и за попытки свои вліять на молодаго самодержца и внушать ему различныя распоряженія. Паленъ пострадалъ изъ-за характера Александра I, который самъ и еще болѣе вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна не пожелали его болѣе видѣть.

На престолѣ Александру I открывалась совершенно иная жизнь, укрѣплявшая въ немъ все болѣе и болѣе тотъ складъ характера, который былъ пріобрѣтенъ имъ ранѣе. Одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе довѣренныхъ слугъ, Геслеръ, разсказывалъ за достовѣрное, что императоръ въ самые первые дни царствованія своего, просмотрѣвъ уже бумаги умершаго государя, очень измѣнился; лицо его приняло совершенно иное выраженіе, совершенно для него, Геслера, чуждое, такъ что всѣ ранѣе нарисованные его портреты перестали походить на него. Александръ I совсѣмъ отрѣшился отъ всего прошлаго и явился совершенно инымъ человѣкомъ, оставаясь съ тѣми же природными свойствами, но въ совершенно иной обстановкѣ и при совсѣмъ иныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Съ этого времени онъ во всемъ рѣзко перемѣнился, какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ. Перемѣна произошла и въ его наружномъ представительствѣ, въ прежнихъ манерахъ, въ привычкѣ напѣвать, въ окружающихъ его лицахъ и т. д. Словомъ, все вдругъ измѣнилось.

Даже изъ числа военныхъ лицъ, бывшихъ своихъ сослуживцевъ, Александръ I удержалъ теперь весьма не многихъ, да и тѣ принуждены были долго выслуживаться. Никто собственно его не угадалъ. Наиболѣе вѣрно судилъ о новомъ императорѣ Аракчеевъ и былъ въ милости у него немного болѣе другихъ. Военный духъ Павла I произвелъ сильное впечатлѣніе на Александра, никогда въ немъ не ослабѣвавшее. . . . .

Надѣявшіеся, что императоръ Александръ I возвратится къ системѣ правленія и законодательства великой императрицы, жестоко ошиблись, не менѣе тѣхъ, которые были облагодѣтельствованы Павломъ I. Александру I были противны обѣ системы управленія, причемъ братъ его, Константинъ, имѣлъ немалое въ томъ участіе. Но даже и въ этомъ отношеніи всѣ дѣйствія Александра I являютъ собою какое-

то постоянное колебаніе, какой-то постоянный выборъ между двумя противоположностями, при чемъ онъ постоянно переходилъ отъ однихъ воззрѣній къ другимъ, но только эти колебанія не всегда были одинаково сильны. Въ то время, какъ проницательный умъ Александра I и его недовѣріе къ людямъ возбуждали въ немъ все новыя сомнѣнія, его способность сужденія не всегда была настолько достаточно сильна, чтобы изыскать средства къ отстраненію сомнѣній. Только иногда внезапныя впечатлѣнія оказывали на него сильныя вліянія, но на него не дѣйствовала никогда какая бы то ни была сила убѣжденій. Кругъ, въ которомъ Александръ I вращался, не былъ всегда одинъ и тотъ же, но въ каждомъ данномъ кругу онъ являлся нѣкоторое время всегда крайнимъ (ultra), до тѣхъ поръ, пока недовѣріе или подозрѣніе или иное обстоятельство перемѣщали его изъ даннаго круга въ новый, который начинался и заканчивался такимъ же образомъ, какъ и первый.

Въ послѣднее, очень удрученное время его велико-княжеской жизни, онъ имѣлъ еще досугъ заниматься чтеніемъ вмѣстѣ съ своею супругою, которая чрезвычайно охотно предавалась всякимъ умственнымъ занятіямъ и искусствамъ. Если бы онъ въ это время и въ этомъ именно отношеніи пожелалъ бы держаться ближе научно-образованнаго Чарторыйскаго, то кругозоръ его знаній значительно бы расширился. Но это время было имъ упущено; оно прошло и никогда болѣе не возвратилось. Александръ I пренебрегъ примѣромъ Петра Великаго, который и на престолѣ стремился постоянно къ знаніямъ.

Отъ этихъ великихъ предметовъ обращаюсь снова къ мелкимъ.

Обсужденія возложеннаго на меня проекта организаціи Сената и тѣсно связаннаго съ нимъ преобразованія губернскаго учрежденія были чрезвычайно близки моему сердцу, но къ сожалѣнію очень затягивались. Впрочемъ, причиною этого являлись ни Новосильцовъ, ни Чарторыйскій, ни Строгановъ; они всѣ выражали полную готовность собираться для обсужденія моихъ предложеній и утромъ и вечеромъ, и высказывали свои по нимъ замѣчанія, которыми я охотно пользовался или для установленія новыхъ началъ или для измѣненія уже выставленныхъ въ моемъ проектѣ. Все главнѣйшимъ образомъ зависѣло отъ того, какъ это будетъ доложено государю императору.

Изданное въ 1802 г. учрежденіе министерствъ и, въ особенности, учрежденіе министерства внутреннихъ дѣлъ, представляло нѣкоторыя затрудненія моимъ предположеніямъ; графъ Кочубей еще не вполнѣ высказалъ свои въ этомъ отношеніи воззрѣнія. Я выставлялъ впередъ вопросъ о системѣ коллегіальнаго управленія, какъ наиболѣе существенной, и предполагалъ сохранить эту систему. Манифестъ 8-го сентября 1802 г. не упразднялъ коллегіи, но сохранялъ ихъ на преж-

нихъ основаніяхъ, министры же должны были быть только верховными ихъ руководителями въ дѣлахъ администраціи вообще; онъ не касался ни предмета вѣдомства (компетенціи) коллегій, ни ихъ іерархическихъ отношеній. Все это я намѣревался сохранить и въ моемъ проектѣ, какъ существующее со временъ Петра I и Екатерины II, потому что я имѣлъ въ виду какъ можно менѣе измѣнять существующее и по возможности держаться установленныхъ уже учрежденій.

Тѣмъ временемъ наступилъ іюль мѣсяцъ. Я получилъ квартиру и все для меня необходимое. Жена моя[1]) прибыла изъ Дерпта, и я настолько устроился, что могъ принимать у себя графа Строганова, Новосильцова и Чарторыйскаго. Мое положеніе было очень удовлетворительно; я ни въ чемъ не нуждался, и всѣ мои стремленія были направлены къ тому, чтобы быть полезнымъ и возможно менѣе терять времени при возложенныхъ на меня работахъ.

Лично отъ себя я не имѣлъ права явиться къ государю, но очень желалъ имѣть съ нимъ личное объясненіе и всего болѣе добивался этого, потому что былъ въ это время убѣжденъ, что его величество приметъ живое участіе въ моихъ трудахъ, такъ какъ они касались той высшей сферы государственнаго организма, которая не была еще затронута и требовала, по моему убѣжденію, различныхъ дополненій, неизбѣжно предшествующихъ всякому дальнѣйшему его развитію. Его величество самъ обратилъ вниманіе на это и приказалъ мнѣ заняться этимъ.

Я очень хорошо зналъ, что государь былъ въ это время чрезвычайно занятъ военными дѣлами; къ тому же наступившее лѣто гораздо менѣе способствовало занятіямъ, нежели осень и зима, особенно въ Петербургѣ. Было чрезвычайно трудно уловить удобное время, чтобы доложить его величеству о ходѣ моихъ работъ. Происходившія въ Петербургѣ при дворѣ собранія представлялись случаемъ мало для того удобнымъ, но я посѣщалъ ихъ, чтобы доставить удовольствіе женѣ моей. Это послѣднее побудило меня отправиться также на собраніе въ іюлѣ мѣсяцѣ. День былъ чудный. Мнѣ представилась та же картина, которую я видѣлъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ (въ 1780 году); я нашелъ залу, въ которой только-что начался польскій, безъ всякаго наружнаго измѣненія, только лица были уже почти всѣ другія. Государь императоръ шелъ въ первой парѣ и, проходя мимо меня, очень любезно нѣсколько разъ привѣтствовалъ присутствующихъ; я конечно не могъ отнести этого исключительно къ себѣ, потому что въ толпѣ было много

---

[1]) Розенкампфъ вступилъ въ 1797 г. въ бракъ съ Маріею-Анною фонъ-Бларамбергъ, дочерью одного лифляндскаго помѣщика. Графъ Корфъ нисколько не стѣсняясь говоритъ, что Розенкампфъ вступилъ въ бракъ съ француженкою („Рус. Стар.“ 1903 г., апрѣль, стр. 32).

другихъ лицъ, которымъ это могло преимущественно относиться. По окончанiи польскаго его величество, подойдя также и ко мнѣ, сказалъ по-французски:

— Я васъ привѣтствовалъ три раза, но вы не удостоили это замѣтить.

— Ваше величество, я не дерзалъ льстить себя мыслiю, что этотъ привѣтъ относится ко мнѣ.

— Но конечно! Что же вы дѣлаете?—Я воспользовался этими словами, чтобы обратиться къ предмету моихъ занятiй и отвѣтилъ:

— Я прибылъ уже нѣсколько времени съ возложенными на меня работами, но не осмѣливался испрашивать у вашего величества аудiенцiй, которая сдѣлала бы меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

— Я буду очень радъ,—отвѣтилъ государь,—при моемъ возвращенiи мы увидимся.—При этомъ я воспользовался случаемъ представить его величеству, стоявшую со мною рядомъ, мою супругу. Государю угодно было сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ, послѣ чего онъ удалился.

Это монаршее ко мнѣ вниманiе не осталось конечно незамѣченнымъ присутствовавшими въ залѣ. Министръ юстицiи подошелъ ко мнѣ немедленно и выразилъ желанiе, чтобы я представилъ ему мою жену, и замѣтилъ при этомъ, что онъ былъ первымъ, представившимъ меня его величеству. Это побудило меня выразить ему искреннюю мою за это признательность. Послѣ этого очень многiе изъ числа моихъ знакомыхъ поздравляли меня съ столь лестнымъ для меня монаршимъ вниманiемъ. Новосильцовъ мнѣ въ тотъ вечеръ не повстрѣчался, и я только чрезъ два дня имѣлъ возможность передать ему все вышеизложенное, такъ какъ онъ возвратился въ городъ лишь на слѣдующiй день, поздно вечеромъ. Я просилъ его дать мнѣ указанiе, что мнѣ дѣлать, но онъ предоставилъ это вполнѣ моему усмотрѣнiю, повидимому желая выждать, чтобы его величество выразилъ ему что-либо въ этомъ отношенiи. Однако ожиданiе не осуществилось, и я поэтому отправился самъ доложить о себѣ его величеству.

21-го iюля я отправился въ прiемную его величества, гдѣ встрѣтилъ меня тотъ же камеръ-лакей, ранѣе уже обо мнѣ докладывавшiй. Онъ немедленно направился въ кабинетъ государя и, скоро возвратясь, объявилъ мнѣ, чтобы я явился къ прiему государемъ на другой день въ то же самое время. При этомъ онъ мнѣ сообщилъ, что можно явиться къ прiему во фракѣ.

Я не замедлилъ все это выполнить въ точности и, явившись на другой день (22-го iюля), былъ черезъ четверть часа позванъ къ его величеству въ кабинетъ, гдѣ и послѣдовалъ слѣдующiй разговоръ на французскомъ языкѣ:

— Я очень доволенъ, что васъ вижу, намъ необходимо познакомиться.

— Ваше величество, мнѣ представлялось важнымъ возможно скорѣе повергнуть благоусмотрѣнію вашего величества мои предположенія о Сенатѣ, составленіе которыхъ было на меня уже возложено г. Новосильцовымъ по приказанію вашего величества. Я присоединилъ къ этому и другой трудъ объ учрежденіи мѣстныхъ властей. Мнѣ казалось, что эти предметы должны необходимо подлежать совмѣстному разсмотрѣнію и что возможныя въ нихъ улучшенія должны предшествовать тѣмъ, которыя могутъ быть совершены въ другихъ отрасляхъ управленія и законодательства.

— Это также мое мнѣніе, вы уже приступили къ разсмотрѣнію вашихъ трудовъ съ нами?

— Мои предположенія были уже прочтены, но какъ всѣ указанія исходятъ отъ вашего величества, я почелъ бы себя счастливымъ, если бы ваше величество соблаговолили разрѣшить мнѣ прочесть вамъ мои предположенія.

— Очень хорошо, я выслушаю ихъ со вниманіемъ, но они тѣмъ не менѣе будутъ подлежать разсмотрѣнію Сената или Государственнаго Совѣта.

— Благоугодно ли будетъ вашему величеству дозволить мнѣ выразить замѣчаніе?

— Говорите.

— Сенатъ при разсмотрѣніи моихъ предположеній явился бы одновременно и судьею, и стороною. Въ составъ Государственнаго Совѣта входятъ гг. министры, права и власть которыхъ затрогиваются также моими предположеніями. Мнѣ казалось бы, что подобное основное положеніе должно исходить единственно отъ вашего величества, коль скоро оно удостоится высочайшаго одобренія.

— Это трудно сдѣлать, но я посмотрю. Объяснитесь съ Новосильцовымъ, а я переговорю съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Я замолчалъ, но былъ неудовлетворенъ результатами разговора, что не ускользнуло отъ вниманія его величества. Государь предложилъ мнѣ слѣдующій вопросъ.

— Что думаете вы объ освобожденіи крестьянъ?

— Полагаю, ваше величество, что это было бы въ высшей степени полезно не только крестьянамъ, но также и всѣмъ помѣщикамъ.

— Но повѣрятъ ли они тому?

— Осмѣлюсь утверждать это, потому что трудъ свободнаго человѣка вдвое лучше, нежели трудъ крѣпостнаго; земля останется по-прежнему за ея собственниками (владѣльцами), и никогда не будетъ недостатка рукъ для ея воздѣлыванія. Россія будетъ производить и воздѣлывать

по крайней мѣрѣ вдвое болѣе; но трудно будетъ побудить согласиться на это нынѣшнихъ собственниковъ, предписавъ это или общими законами или указами.

— Но какъ же это сдѣлать?

— Необходимо начать это въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, которыя надо къ тому подготовить, опросивъ мнѣніе отдѣльныхъ мѣстностей и опредѣливъ правовое положеніе этого класса населенія совершенно для него особыми кодексами законовъ: гражданскихъ, полицейскихъ, сельско-хозяйственныхъ и положеніемъ объ общинахъ сельскихъ. Эти три небольшіе кодекса, составленные исключительно для того класса населенія съ измѣненіями, смотря по мѣстнымъ условіямъ каждой провинціи, убѣдятъ землевладѣльцевъ и крестьянъ въ ихъ взаимныхъ выгодахъ. Такимъ образомъ, чтобы съ успѣхомъ осуществить это дѣло, необходимо, я полагаю, дѣйствовать постепенно, въ одной губерніи послѣ другой.

— Это длинный путь.

— Но однако наивозможно короткій и въ то же время самый надежный.

— Можно сдѣлать опытъ въ балтійскихъ провинціяхъ, и мнѣ кажется, что тамъ уже этимъ занимались.

— Всѣ губерніи одинаково къ этому пригодны, и русскіе крестьяне смышленѣе и понятливѣе эстонцевъ и ливонцевъ, у которыхъ уже сдѣланы первые шаги къ замѣнѣ барщины (обязательныхъ работъ) и другихъ поборовъ произвольныхъ и неопредѣленныхъ другими обязательными работами и поборами, опредѣленными Положеніемъ, но еще не достигли желаемаго.

— Ландратъ Сиверсъ мнѣ писалъ объ этомъ и прислалъ весьма недавно объемистый томъ на нѣмецкомъ языкѣ, который я еще не прочелъ.

Его величество далъ мнѣ при этомъ очень хорошо переплетенную тетрадь въ большой листъ. Просмотрѣвъ сопровождавшее эту тетрадь письмо, я сейчасъ увидѣлъ, что эта тетрадь заключаетъ въ себѣ матеріалы для составленія Положенія о лифляндскихъ крестьянахъ. Я раскрылъ тетрадь и въ оглавленіи, напечатанномъ крупнымъ шрифтомъ, прочелъ, что я авторъ этого Положенія.

— Это только первый шагъ, ваше величество,—сказалъ я,—но на немъ останавливаться не надо, необходимо идти далѣе.

— Дѣла этого рода будутъ подлежать разсмотрѣнію комитета. Я желалъ бы вообще даровать участіе всей націи, всѣмъ моимъ народамъ въ пользованіи правами гражданъ на сколько это возможно. Это должно быть опредѣлено общимъ кодексомъ (книгою законовъ), который мои предшественники, начиная съ Петра I, обѣщали націи. Вотъ, мнѣ ка-

жется, чѣмъ бы надлежало заняться прежде всего, потому что оно будетъ обнимать все остальное. Сядьте здѣсь рядомъ со мною поближе и сообщите мнѣ ваши объ этомъ взгляды.

Императоръ худо слышалъ вообще и напрягалъ все свое вниманіе, чтобъ меня слушать.

— Ваше величество, мои воззрѣнія объ этомъ довольно просты. Соблаговолите разрѣшить мнѣ вполнѣ выразиться по этому предмету. Чтобы составить то, что называется кодексъ (code), необходимо прежде всего начать съ изученія состоянія дѣйствующаго законодательства во всѣхъ его отрасляхъ государственнаго и частнаго права, и имѣть его передъ глазами.

— Развѣ государственное право и политическія права должны также войти въ составъ кодекса?

— Я не имѣлъ въ виду ни представительство, ни какое-либо другое политическое право. Я разумѣю подъ словомъ государственное право (droit public) организацію властей, предметы ихъ вѣдомства, допущеніе къ пользованію гражданскими правами и даже права сословій, которыя не всѣ изложены въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, ни въ проектахъ, составленныхъ при императорѣ Петрѣ I и императрицѣ Екатеринѣ II.

Государь меня прервалъ, сказавъ:

— Ахъ, да, когда были созваны депутаты здѣсь, въ этомъ самомъ мѣстѣ.

— Ваше величество совершите нѣчто болѣе для счастья вашихъ народовъ, нежели созваніе сотни депутатовъ, которые не понимали другъ друга.

— Я всегда былъ того мнѣнія и высказывалъ его моему преподавателю и другу Лагарпу, очень хорошую записку котораго я вамъ сообщу.

— Очень буду счастливъ воспользоваться ею. Вашему величеству извѣстно лучше меня, сколько предметовъ надо разсмотрѣть и сколько предметовъ принять въ соображеніе при составленіи одного какого-либо закона, одного положенія органическаго; тѣмъ болѣе необходимо все это взвѣсить, когда идетъ дѣло о кодексѣ, т. е. о пересмотрѣ или переработкѣ всей массы законовъ. Сдѣлать это не является невозможностью, но надо поступать съ увѣренностію при посредствѣ предварительныхъ работъ, которыя имѣютъ еще особенное преимущество — оправдывать (т. е. подтверждать) содержаніе кодекса, и все зависитъ отъ предварительно установленныхъ началъ, послѣдующая затѣмъ редакція окажется болѣе легкою.

— Я понимаю, необходимо изложить побудительныя причины са-

мыхъ законовъ, какъ во Франціи, гдѣ всегда имѣются искусные къ тому люди.

— Каждая страна, государь, имѣетъ свои мѣстныя начала. Новый кодексъ не можетъ быть составленъ иначе, какъ на основаніи началъ существующаго уже права, которое уже знаютъ и въ которомъ ваше величество изволите приказать сдѣлать необходимыя по усмотрѣнію вашему измѣненія и перемѣны. Кодексъ не что иное, какъ книга законовъ. Но какъ законы и право не были созданы за разъ, но сложились постепенно, путемъ времени и какъ никто не можетъ предусмотрѣть будущихъ обстоятельствъ, то необходимо начать составленіе кодекса по началамъ уже существующимъ.

— Но все ежедневно мѣняется; нѣтъ ничего безусловно постояннаго, ни законовъ, ни началъ.

— Безъ сомнѣнія, ваше величество. Съ этого я и начинаю. Государство—это собраніе семействъ, общинъ, провинцій,—слѣдуетъ тѣмъ же органическимъ законамъ, какъ тѣло отдѣльнаго лица въ маломъ. Если сіе послѣднее изъ года въ годъ измѣняется и возобновляется по частямъ и было бы невозможно возобновить его въ полномъ составѣ заразъ, тѣмъ болѣе это совершается тѣмъ же порядкомъ и въ политическомъ организмѣ, великомъ общественномъ тѣлѣ, которое пополняется такимъ же образомъ. Великое начало единства началъ покоится на началахъ особенностей у народностей. Властитель является вершиною пирамиды, повелитель, покровитель, защитникъ законовъ и совмѣщаетъ въ себѣ всѣ ихъ отрасли.

Администрація, частное право и даже, могу сказать, вѣроисповѣданія имѣютъ каждое свое начало. Существеннымъ поэтому является познать анатомію этого великаго общественнаго тѣла, составленнаго изъ другихъ тѣлъ и частей. Но изучить и познать его хорошія и худыя стороны. Послѣ этого, государю, какъ верховному законодателю, предстоитъ указать тѣ измѣненія, которыя онъ признаетъ соотвѣтствующими. Ваше величество изволите усмотрѣть, какія части нуждаются въ какомъ-либо новомъ жизненномъ началѣ.

Вашему величеству извѣстенъ французскій кодексъ. Онъ не содержитъ въ себѣ какихъ-либо правилъ кромѣ существовавшихъ очень давно въ законодательствѣ различныхъ провинцій Франціи. Не должно также упускать изъ виду, что во Франціи и Германіи законовѣдѣніе является наукою, которою занимаются уже вѣками. Въ такихъ странахъ легко постигаютъ содержаніе и смыслъ различныхъ постановленій кодекса, въ немногихъ статьяхъ своихъ содержащаго все, что разсѣяно во множествѣ предшествовавшихъ ему законовъ. Но я опасаюсь, что такой отвлеченный трудъ не будетъ понятъ въ Россіи. Чтобы сдѣлать

понятнымъ кодексъ, надо изложить самые источники, изъ которыхъ извлечены его положенія, и предоставить времени совершить остальное.

— Это глубокая мысль, это изумительное дѣло!

— Во время самой работы обнаружится, что очень много прекрасныхъ правилъ, которыя должны быть сохранены, смахнувъ съ нихъ покрывающую ихъ пыль и отстранивъ несоотвѣтствующее имъ. Другія правила требуютъ новаго жизненнаго принципа. Понемногу будутъ устранены всѣ препятствія. Это все сдѣлать просто и не трудно, но сдѣлавъ доступнымъ для всѣхъ и каждаго посредствомъ оправдательныхъ документовъ. Если нѣкоторыя части и потребуютъ отмѣны, другія останутся неприкосновенными. Вамъ будетъ предстоять большой трудъ.

— Но за то и зданіе будетъ. Петръ I началъ его сто лѣтъ тому назадъ, а Екатерина II лѣтъ сорокъ; они желали строить, не установивъ самыхъ началъ того права государственнаго и частнаго, а потому и не могли закончить работу. Всякій вѣкъ порождалъ то, что ему всего болѣе соотвѣтствовало, но наука и методъ постоянно дѣлали успѣхи, которыми необходимо воспользоваться.

— Начнемте, я надѣюсь, что дѣло пойдетъ Принимайтесь за работу, и когда вы составите свой планъ, пришлите его прямо ко мнѣ. Я хочу его видѣть прежде другихъ.

— Я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ; результатъ будетъ зависѣть отъ непосредственныхъ попеченій такого монарха, какъ Александръ I, который очень сильно желаетъ этого; въ препятствіяхъ и затрудненіяхъ недостатка не будетъ, вашему величеству это извѣстно. Вы найдете людей болѣе меня годныхъ для подобной работы, но, будь это наиспособнѣйшіе люди въ мірѣ, они могутъ имѣть успѣхъ только при непосредственномъ руководствѣ вашего величества, при особенномъ съ вашей стороны надзорѣ. Глазъ повелителя долженъ руководить и поддерживать насъ. Простите меня, ваше величество, за такое откровенное съ моей стороны объясненіе; я не умѣю льстить, я умѣю исполнять свой долгъ.

— Очень хорошо, я удовлетворенъ. Принимайтесь за работу; обѣщаю вамъ полное мое покровительство, лишь бы только былъ успѣхъ.

— Дозвольте мнѣ, ваше величество, добавить еще нѣсколько словъ, которыя въ этомъ отношеніи мнѣ кажутся существенными. Вы изволили уже основать народное просвѣщеніе на прекрасныхъ началахъ; необходимо было бы также основать школу права, потому что пока мы займемся предварительными работами, основными началами кодекса, необходимо также подготовить людей, которые бы примѣняли ихъ на дѣлѣ.

— Безъ сомнѣнія; но гдѣ же мы найдемъ людей для обученія?

— Мы ихъ найдемъ, мы ихъ даже подготовимъ; достаточно для этого одного желанія вашего величества. При появленіи солнца недостатка въ свѣтѣ не бываетъ. Мы начнемъ съ кадровъ, а затѣмъ сформируется уже и сама армія.

— Хорошо, займитесь всѣмъ этимъ. Прощайте. Мы еще со временемъ увидимся.

Съ этими словами государь всталъ и вдругъ предложилъ мнѣ слѣдующій вопросъ, который я никакъ не ожидалъ.

— Знаете ли вы сочиненія знаменитаго нѣмецкаго философа Канта? ¹)

— Я читалъ нѣкоторыя его сочиненія; онъ писалъ также и о правѣ, но исключительно съ философской точки зрѣнія. Полагаю, что ваше величество изволите говорить о его «Критикѣ чистаго разума»?

— Именно объ этомъ.

— Я не изучалъ этого сочиненія, но оно считается образцовымъ; онъ основалъ новую школу въ философіи, но его сочиненіе читается съ чрезвычайно большимъ трудомъ, хотя бы и съ технической стороны

— Что это за техническая сторона?

— Я разумѣю подъ этимъ различныя встрѣчающіяся въ книгѣ наименованія, опредѣленія, терминологію, которая измѣнилась, введеніе и значеніе множества словъ.

— У меня есть эта книга, я постараюсь, чтобъ мнѣ ее разъяснили.

Я колебался конечно выразить на это свою готовность и замолчалъ. Только спустя нѣсколько лѣтъ я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что государь имѣлъ особенно великое расположеніе къ этому сочиненію Канта. Кто доставилъ эту книгу его величеству и съ кѣмъ онъ ее читалъ, этого я никогда узнать не могъ.

Когда я собирался уходить, государь приблизился ко мнѣ еще на нѣсколько шаговъ и сказалъ: — Это было предварительное объясненіе, которымъ я очень доволенъ. Я хочу, чтобы все это осталось между нами, понимаете, вы никому не должны объ этомъ сообщать.

— Приказаніе вашего величества будетъ исполнено. Соблаговолите удостоивать меня по временамъ счастьемъ являться къ вашему величеству. Это доставитъ мнѣ необходимыя для работы силы и указанія.

Я поблагодарилъ камеръ-лакея за его услужливость и затѣмъ въ передней комнатѣ или корридорѣ встрѣтилъ незнакомаго мнѣ адъютанта, за которымъ шелъ совершенно запыленный курьеръ. Явись онъ

¹) Кантъ Иммануилъ р. въ Кенигсбергѣ 22-го апрѣля 1724 г. и умеръ 12-го февр. 1804 г., знаменитый философъ, написавшій много сочиненій по философіи, въ томъ числѣ и „Kritik der reinen Verunft“ (Критику чистаго разума) въ 1788 г., пріобрѣвшее громкую извѣстность.

часомъ ранѣе, я не былъ бы допущенъ до его величества и не было бы никакого со мною разговора о законодательствѣ.

Направившись изъ дворца прямо по набережной, я встрѣтилъ въ каретѣ Чарторыйскаго, ѣхавшаго ко дворцу. Вѣроятно курьеръ прибылъ съ политическими извѣстіями. Позднѣе я узналъ дѣйствительно, что были получены весьма важныя извѣстія изъ Франціи. Я поспѣшилъ домой, чтобы скорѣе записать весь разговоръ мой и всѣ слова, сказанныя при этомъ его величествомъ.

Приступивъ къ внимательному обсужденію всего слышаннаго мною, я встрѣтилъ много поразительныхъ для меня сомнѣній и неопредѣленностей. Главная цѣль моего свиданія съ его величествомъ—обсужденіе проекта о Сенатѣ и губернскомъ учрежденіи, была совершенно упущена изъ виду; въ этомъ отношеніи я очутился еще въ бо́льшей неизвѣстности, а между тѣмъ это дѣло являлось наиболѣе существеннымъ, не столько для меня, который вовсе не былъ къ тому призванъ, сколько для всего государства. Взамѣнъ этого явились новыя задачи еще бо́льшаго объема. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости! Вся сфера законодательства. Все это представлялось дѣломъ очень блестящимъ, ослѣпительнымъ, но гораздо болѣе неизвѣстнымъ и труднымъ, чѣмъ предварительно на меня возложенная практическая задача. Въ первыхъ же словахъ его величества объ этихъ новыхъ задачахъ я примѣтилъ гораздо болѣе уклончиваго и какъ бы препятствующаго, нежели содѣйствующаго; но не совсѣмъ могъ уяснить себѣ это съ перваго раза. Я долженъ былъ обо всемъ переговорить съ Новосильцовымъ; государь же хотѣлъ потолковать съ Кочубеемъ и узнать его мнѣніе.

Все это представлялось мнѣ только затрудненіями для дѣла. Къ тому же, по послѣднимъ словамъ императора, я никому не долженъ былъ говорить чего-либо о моемъ разговорѣ съ его величествомъ!

Весь слѣдующій день я просидѣлъ дома. Моя жена отправилась къ супругѣ Козодавлева на дачу; я обѣщался за нею пріѣхать вечеромъ. Только на третій день, въ субботу, отправился я къ Новосильцову, жившему на дачѣ Строганова; онъ былъ окруженъ множествомъ посѣтителей и не имѣлъ возможности много говорить со мною. Однако онъ успѣлъ мнѣ сообщить, что его величество наконецъ самъ далъ ему поводъ переговорить подробно о моихъ занятіяхъ, и добавилъ, что на слѣдующій день, въ субботу, передастъ мнѣ содержаніе этого разговора, послѣ доклада своего у государя (въ то время Новосильцовъ имѣлъ три или четыре раза въ недѣлю такой докладъ).

Я прибылъ по приказанію около 2-хъ часовъ дня, и вслѣдъ за мною пріѣхалъ фельдъегерь съ портфелемъ, а затѣмъ и самъ Новосильцовъ. Онъ подробно передалъ мнѣ, что напоминалъ его величеству

два или три раза о моемъ трудѣ, лежавшемъ у него въ портфелѣ, но по множеству другихъ различныхъ дѣлъ не имѣлъ возможности вновь утруждать этимъ государя, тѣмъ болѣе, что графъ Кочубей выразилъ желаніе отдалить всякое обсужденіе и разсмотрѣніе предположеній о Сенатѣ и губернскихъ учрежденіяхъ до тѣхъ поръ, пока не завершитъ полную организацію ввѣреннаго ему министерства, утвержденную въ послѣдніе дни мѣсяца, которою сіе послѣднее получало еще большее развитіе.

Я испугался этого сообщенія и старался представить Новосильцову, до чего все направленіе этого учрежденія, сдѣлавшагося мнѣ извѣстнымъ нѣсколько дней тому назадъ, именно принципъ централизаціи, разрушающій систему коллегіальнаго управленія, несовмѣстимъ съ вновь предполагаемымъ мною строемъ и что именно отъ того, будутъ ли держаться началъ централизаціи или нѣтъ, зависитъ участь всего моего проекта, на который я при воззрѣніяхъ графа Кочубея долженъ смотрѣть, какъ на составленный совсѣмъ напрасно. Я напоминалъ ему главныя основанія, принятыя въ нашихъ совѣщаніяхъ, согласныя вполнѣ съ манифестомъ о министерствахъ и положеніемъ о Сенатѣ. Но я замѣтилъ, что и самъ Новосильцовъ очень восхищенъ и увлеченъ блестящимъ принципомъ централизаціи и министерствами, занимавшими мѣсто прежнихъ коллегій; мнѣ было очевидно, что онъ вполнѣ высказался въ пользу этой системы, чего я, послѣ моихъ разговоровъ съ нимъ ранѣе, никакъ не могъ себѣ представить.

— Оставимъ этотъ разговоръ,—сказалъ мнѣ наконецъ Новосильцовъ, и будемъ говорить о планѣ занятій новой законодательной коммиссіи, о которой помышляетъ государь. Именемъ его величества, поручаю я вамъ заняться составленіемъ этого плана, потому что, повидимому, это рѣшительная его воля. Этимъ путемъ можно также осуществить и другія предпріятія. Государь освѣдомлялся у меня о васъ и, повидимому, очень къ вамъ расположенъ.

Я обѣщалъ Новосильцову начать и эту новую работу и испросилъ его разрѣшенія на послѣдовательныя съ нимъ обсужденія моихъ трудовъ, по мѣрѣ ихъ подготовленія.

На слѣдующій день я отправился къ Чарторыйскому, чтобы начать съ нимъ подобный же разговоръ, и нашелъ его вполнѣ къ нему уже подготовленнымъ. Я также разъяснялъ ему подробно необходимость обсужденія моего проекта о Сенатѣ и учрежденіи губернскаго управленія, потому что былъ вполнѣ убѣжденъ, что эти проекты, какъ основанія правильнаго монархическаго строя, необходимо подробно и основательно разсмотрѣть прежде другихъ проектовъ; иначе возникающая теперь по французскому образцу система централизаціи такъ сильно разовьется, что нельзя будетъ найти и слѣдовъ прежнихъ порядковъ.

По моему мнѣнію, при сохраненіи коллегій ничего не утрачивалось ни въ средствахъ хорошаго управленія, ни въ средствахъ контроля надъ ними; напротивъ того, министры, какъ верховные ихъ руководители и представители ихъ, какъ въ Сенатѣ, такъ и передъ государемъ, могли точнѣе и полнѣе знать о положеніи ввѣренныхъ имъ дѣлъ, нежели когда издавна установившаяся у насъ система коллегій и центръ управленія будетъ замѣненъ такъ называемыми департаментами или канцеляріями. Степень власти и сфэра дѣйствій департаментовъ и канцелярій гораздо самопроизвольнѣе, они будутъ зависѣть во многомъ отъ личныхъ воззрѣній того или другаго лица,—министра,—часто мѣняющагося, чего при коллегіяхъ, въ которыхъ нѣсколько лицъ участвуютъ при разсмотрѣніи дѣлъ, случиться не можетъ. При министерскомъ управленіи все зависитъ отъ воззрѣнія лица одного, поставленнаго во главѣ департамента или канцеляріи; это влечетъ за собою не только произволъ, но непослѣдовательность и безпорядки, потому что опытность, хранящаяся въ прошедшихъ дѣлахъ, совсѣмъ утрачивается [1]. Это все удаляетъ отъ основныхъ началъ истинно монархическаго учрежденія. Чарторыйскій все это выслушивалъ, но говорилъ самъ очень мало.

Въ тотъ же вечеръ я повторилъ всѣ мои доводы у Новосильцова въ совѣщаніи, при чемъ присутствовали также князь Чарторыйскій, графъ Строгановъ и графъ Кочубей, но не могъ однако ихъ убѣдить въ правильности моихъ взглядовъ. На всѣ мои доводы они возражали единственно тѣмъ, что Положеніе о министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и сопровождавшая оное записка удостоились высочайшаго утвержденія въ іюлѣ 1803 года, и указывали при этомъ на преимущества управленія путемъ канцелярій и департаментовъ предъ управленіемъ коллегіями. Тѣмъ не менѣе я остался при своемъ, находя, что воззрѣнія моихъ противниковъ имѣютъ слабыя основанія и покоятся болѣе на софизмахъ, въ основательности которыхъ легко убѣдиться, сопоставивъ ихъ съ сильными доводами Петра Великаго, высказанными имъ въ предисловіи къ генеральному регламенту [2]. Но всѣ эти господа, высказавъ

---

[1]) Эти не вполнѣ ясныя строки должны по всей вѣроятности выражать ту мысль, что коллегія (т. е. присутствіе изъ нѣсколькихъ лицъ), весьма рѣдко измѣняемая въ своемъ полномъ составѣ одновременно, руководствуется болѣе однообразными правилами при рѣшеніи дѣлъ, нежели одно лицо; болѣе или менѣе сохраняетъ преемственность въ своихъ стремленіяхъ, лучше знаетъ прошлое своей дѣятельности и настойчивѣе въ своихъ взглядахъ, нежели отдѣльное лицо, поставленное во главѣ учрежденія, съ устраненіемъ котораго исчезаютъ и его стремленія, взгляды и познанія.

[2]) Розенкампфъ очевидно имѣетъ въ виду Генеральный Регламентъ Петра Великаго 28 февр. 1720 г. (№ 3534 П. С. З.), въ которомъ была особая глава (2-я) о преимуществахъ коллегій.

уже однажды всѣ эти свои взгляды передъ государемъ, и не расположены были отступиться отъ нихъ, всего менѣе графъ Кочубей, потому что на этомъ одномъ было основано расширеніе предоставленной ему власти. Я также очень хорошо зналъ, что истиннымъ творцомъ этого преобразованія былъ служившій у Кочубея М. М. Сперанскій, пользовавшійся у него большимъ значеніемъ и большимъ вліяніемъ, который былъ также заинтересованъ въ томъ, чтобы ниспровергнуть совершенно всю старую систему коллегіальнаго управленія и ввести управленіе департаментское. Все это я зналъ, но уповалъ еще на силу доводовъ, на интересы въ пользу самаго дѣла и наконецъ на убѣжденія самого государя; но въ этомъ я ошибся.

Скоро я еще болѣе убѣдился въ томъ, что императора склонили въ пользу министерствъ и что цѣль, для которой я собственно былъ вызванъ, была отодвинута рѣшительно на задній планъ. Если бы Новосильцовъ ранѣе меня объ этомъ поставилъ въ извѣстность, то я имѣлъ бы ранѣе случай наглядно изложить основанія моихъ воззрѣній, теперь же это все было уже поздно. Новосильцовъ, а также Чарторыйскій и Строгановъ, не считали коллегіи главными частями въ устройствѣ министерствъ, какъ это implicate [1]) было выражено въ манифестѣ 8-го сентября, и даже не желали сохранять ихъ далѣе; не упоминая о коллегіяхъ во всемъ ихъ объемѣ, они содѣйствовали тому, что старая система была низвергнута. Воззрѣнія ихъ были шатки до чрезвычайности. Графъ Кочубей убѣдилъ ихъ и всѣ трое полагали, что иначе и быть не можетъ; они думали, что иначе министерства и существовать не могутъ, какъ по образцу французскому, хотя уже въ то время министерства по учрежденію 8-го сентября 1802 г. существенно отличались отъ французскаго. Это отличіе являлось своеобразнымъ, основнымъ, твердымъ правиломъ, которое отнюдь не надлежало колебать и низвергать.

Мнѣ предстояло теперь или, рѣшительно отрѣшившись отъ всего, возвратиться къ себѣ въ Лифляндію, или попытать еще разъ явиться его величеству. Но скоро спокойное обсужденіе показало мнѣ, что, поступая такимъ образомъ, я ставлю на карту всю мою будущность и, тѣмъ не менѣе, изъ этого для пользы дѣла ничего не выйдетъ, коль скоро его величество окажется инаго по этому вопросу со мною мнѣнія. Козодавлевъ, съ которымъ я говорилъ о моихъ воззрѣніяхъ, хотя и склонялся на мою сторону, но тѣмъ не менѣе находилъ, что такъ какъ недавно, по крайней мѣрѣ въ отношеніи министерства внутреннихъ дѣлъ, было принято противоположное моему воззрѣніе, то теперь едва-ли можно осуществить высказываемые мною взгляды.

---

[1]) Т. е. не ясно, неопредѣленно, включительно въ чемъ-нибудь.

Кромѣ того онъ мнѣ замѣтилъ, что ни одно изъ выше названныхъ мною лицъ не изучило основательно все дѣло. Мнѣ не возможно было ему не замѣтить, что если мои основанія не будутъ приняты, то учрежденіямъ государства и его управленію будутъ предстоять большія перемѣны, которыя всѣ трудно предусмотрѣть. Чѣмъ болѣе я размышлялъ объ этомъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ правильности моего мнѣнія, которое оправдалось и временемъ. Я не могъ себя упрекнуть, что не настаивалъ, на сколько могъ, на моемъ мнѣніи, но если бы былъ въ состояніи все предвидѣть, то попытался бы написать подробно его величеству. Все это мнѣ казалось тѣмъ болѣе страннымъ, что мнѣ очевидно было, что авторъ записки министра внутреннихъ дѣлъ, при ея составленіи, несомнѣнно имѣлъ предъ глазами мои предположенія, основныя начала которыхъ и опровергалъ, при чемъ держался противоположныхъ, которыя я въ свою очередь могъ также легко опровергнуть.

Новосильцовъ уклонялся отъ дальнѣйшихъ со мною объясненій о моемъ проектѣ и при каждой встрѣчѣ говорилъ единственно о планѣ новой законодательной коммиссіи. Онъ сообщилъ мнѣ, что его величество неоднократно начиналъ съ нимъ говорить объ этой коммиссіи, что министръ юстиціи вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ (каковымъ былъ назначенъ въ это время Новосильцовъ) должны составлять дирекцію этой коммиссіи, и что его величество, находя Державина (въ то время министра юстиціи) не соотвѣтствующимъ для этихъ новыхъ занятій, призналъ нужнымъ назначить министромъ юстиціи князя Лопухина [1]), пребывавшаго въ то время въ Парижѣ.

Такимъ образомъ единственнымъ предметомъ моихъ занятій являлось составленіе проекта устройства новой законодательной коммиссіи. Новою, побудительною причиною къ устройству такой коммиссіи явилось появленіе на французскомъ языкѣ, въ переводѣ Дюмона [2]), съ до-

---

[1]) Лопухинъ Петръ Васильевичъ, р. 1753 г., былъ при Екатеринѣ II генералъ-губернаторомъ ярославскимъ и вологодскимъ, при Павлѣ I генералъ-прокуроромъ, а при Александрѣ I—министромъ юстиціи и предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Возведенный въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости въ 1799 году, онъ умеръ въ 1827 году.

[2]) Дюмонъ Петръ-Стефанъ, р. въ Женевѣ 18-го іюля 1759 г., былъ протестантскій пасторъ и замѣчательный проповѣдникъ, жившій въ Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ близко сошелся съ Фокомъ, Шериданомъ и особенно съ Бентамомъ; онъ раздѣлялъ всѣ взгляды и ученія послѣдняго и старался очень о ихъ распространеніи. Съ этою цѣлью онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ 1809 году. Возвратясь въ Женеву въ 1814 г., Дюмонъ сложилъ съ себя духовное званіе, сдѣлался членомъ представительнаго правленія и умеръ 29-го сентября 1829 г. въ Миланѣ.

полненіями, сочиненія Бентама [1]) о законодательствѣ. Дюмонъ, ранѣе уже пользовавшійся большимъ расположеніемъ общества, какъ прекрасный проповѣдникъ реформатской церкви въ Петербургѣ, обладалъ большимъ краснорѣчіемъ и умомъ. Позднѣе онъ былъ приглашенъ въ Англію руководить воспитаніемъ сына богатаго лорда, а затѣмъ, появившись снова въ Петербургѣ, распространялъ сочиненія и взгляды знаменитаго Бентама и въ особенности его предположеніе основать на общихъ философскихъ началахъ законодательство и кодификацію. Дюмонъ былъ представленъ Новосильцову, Строганову, Чарторыйскому и поднесъ имъ свой переводъ означеннаго сочиненія Бентама. Означенныя лица пожелали имѣть и мое мнѣніе объ этой книгѣ. Я прочелъ ее, кромѣ того лично познакомился и встрѣчался съ ея издателемъ Дюмономъ у его племянника Френа (Fraen), также и Дюваля, очень почтенныхъ и достойныхъ уваженія людей, которыхъ я часто посѣщалъ и ранѣе съ большимъ удовольствіемъ и былъ очень радушно ими принятъ. Графъ Строгановъ пригласилъ меня однажды къ себѣ къ обѣду въ его саду вмѣстѣ съ Дюмономъ, имѣвшимъ при этомъ случай подробно изложить всѣ свои взгляды, а также и теорію Бентама. Примѣненіе этихъ теорій на дѣлѣ нигдѣ конечно не являлось большею исторической выдумкою, какъ въ Россіи. Едва-ли въ Россіи возможно было содержаніе дѣйствующаго русскаго законодательства изложить и разъяснить по началамъ, предлагаемымъ Бентамомъ. Книга Дюмона въ томъ видѣ, какъ она лежала предъ нами, являлась невозможною для чтенія и совершенно непонятною для русскаго историческаго міра [2]). Самый языкъ русскій, въ то время, не разработанный еще для изложенія философскихъ и юридическихъ опредѣленій и выраженій, являлъ непреодолимыя къ тому препятствія, хотя нельзя не замѣтить, что

---

[1]) Бентамъ Іеремій, р. 15-го февраля 1748 г., умеръ 1832 г., знаменитый англійскій публицистъ и философъ, въ основаніе всей своей системы положившій начало пользы. Его сочиненія были изданы на французскомъ языкѣ Дюмономъ и нашли почитателей среди наиболѣе вліятельныхъ людей того времени въ нашемъ отечествѣ. Кочубей, Салтыковъ, Чарторыйскій, Сперанскій и въ особенности Н. С. Мордвиновъ принадлежали къ ихъ числу.

[2]) Нельзя при этомъ не упомянуть, что по словамъ Дюмона Розенкампфъ былъ великій почитатель Бентама; онъ по моемъ пріѣздѣ, говоритъ Дюмонъ, поспѣшилъ увидѣться со мною, и мы много разъ съ нимъ бесѣдовали. Онъ нѣсколько поверхностенъ; но у него есть свѣдѣнія, и я полагаю, онъ могъ бы сносно вести редакцію, которую ему поручили, если бы имѣлъ мужество нѣсколько жертвовать своимъ самомнѣніемъ. Бѣда въ томъ, что онъ боится, что его назовутъ плагіаторомъ, если онъ будетъ пользоваться мыслями, которыя самъ не выдумалъ и т. д. (см. „Вѣстникъ Европы“ 1896 г. № 2, стр. 769—805 и слѣд.), статья А. Н. Пыпина „Русскія отношенія Бентама“.

*

вскорѣ явился опытъ перевода этого сочиненія на русскій языкъ [1]). Я съ большимъ удовольствіемъ видѣлся съ Дюмономъ, такъ какъ онъ былъ образованный человѣкъ, но не могъ усмотрѣть, какимъ образомъ проводимыя имъ начала могутъ быть имъ примѣнены при улучшеніяхъ, необходимыхъ для русскаго права вообще. Онъ, какъ я послѣ слышалъ, былъ этимъ не доволенъ, сердился на меня за это и позднѣе вручилъ Новосильцову, во время его пребыванія въ Лондонѣ, рѣзкую критику составленнаго мною плана трудовъ законодательной коммиссіи. Эти воззрѣнія Бентама, приводимыя Дюмономъ, являлись въ Петербургѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, предметомъ оживленныхъ разговоровъ образованнаго общества. Всѣ не упускали случая отдавать должную справедливость автору и его переводчику за ихъ великій талантъ, большое остроуміе и проницательность, съ которыми изложены многія отдѣльныя главы, составляющія съ теоретической стороны само по себѣ прекрасно разработанное цѣлое.

Въ Россіи неоднократно возникала рѣчь о составленіи новой книги законовъ. Потребность въ точно опредѣленномъ управленіи проявляется иногда и въ деспотическихъ странахъ; не рѣдко масса населенія полагаетъ, что все заключается въ одной книгѣ законовъ, не зная вовсе, что можетъ произвести подобная книга и что можетъ она (масса населенія) въ ней найти въ отношеніи собственныхъ ея правъ и улучшенія положенія, такъ какъ масса населенія не всегда знаетъ, въ чемъ собственно кроется зло. Что Петръ Великій сдѣлалъ для государства и что онъ именно хотѣлъ сдѣлать — извѣстно народу только въ самыхъ общихъ чертахъ и при томъ только по преданіямъ. О томъ, насколько различныя его правительственныя мѣропріятія сохранились въ основанныхъ имъ учрежденіяхъ, доселѣ существующихъ, знаютъ всего менѣе, такъ какъ со временъ Петра I не только Петербургъ, но и вся Россія до того измѣнились, что изъ существовавшаго при Петрѣ I почти ничего нельзя узнать въ настоящее время. Также о большой коммиссіи депутатовъ, созванной Екатериною II, и о знаменитомъ Наказѣ, составленномъ для нея великою императрицею изъ очень хорошихъ ис-

---

[1]) Вѣроятно, Розенкампфъ имѣетъ въ виду вышедшій на русскомъ языкѣ переводъ сочиненія Бентама „Traités de législation civile et penale“, подъ заглавіемъ „Разсужденія о гражданскихъ и уголовныхъ законоположеніяхъ съ предварительнымъ изложеніемъ началъ законоположеній и всеобщаго начертанія полной книги законовъ и съ присовокупленіемъ опыта о вліяніи времени и мѣста относительно законовъ. Сочиненіе Бентама, переведенное Михаилъ Михайловымъ (вѣроятно Сперанскимъ?) съ прибавленіемъ дополненій, отъ Дюмона сообщенныхъ.“ По высочайшему повелѣнію въ 3-хъ томахъ. С.-Петербургъ, 1805 г. въ типографіи Шнора. Эта книга имѣется въ Императорской публичной библіотекѣ.

точниковъ и не безъ прилежнаго ихъ изученія, — масса публики едва-ли что помнитъ; только весьма немногіе могутъ основательно судить о нихъ. Отъ одного правительства до другаго издавались отдѣльныя узаконенія, не составляющія одного законченнаго цѣлаго, а теперь, при молодомъ государѣ, подающемъ прекрасныя надежды, снова возникли въ большомъ размѣрѣ различнаго рода ожиданія, и болтуны нашли себѣ новый обильный матеріалъ для громкихъ разговоровъ. Такъ какъ слова государя и окружавшихъ его лицъ быстро распространялись въ публикѣ, а въ этихъ словахъ не рѣдко упоминалось и мое имя, то благодаря этому и мое положеніе обратило на себя вниманіе публики.

Послѣдній мой разговоръ съ его величествомъ въ особенности увеличилъ мои заботы о возложенномъ на меня порученіи. Въ то время я еще не зналъ ни государя, ни вообще положенія дѣлъ въ той мѣрѣ, въ какой имѣлъ случай изучить то и другое позднѣе, но тѣмъ не менѣе имѣлъ достаточно основаній къ тому, чтобы болѣе опасаться за прекрасную цѣль, которой посвятилъ всю свою жизнь, нежели надѣяться достигнуть желаннаго успѣха. Но какъ люди вообще никогда не перестаютъ надѣяться, то и я слѣдовалъ тому же и приложилъ всѣ свои силы, чтобы съ наибольшею дѣятельностью подвигаться впередъ при исполненіи возложеннаго на меня новаго порученія. Осень является благопріятнымъ для такихъ работъ временемъ. Мои покровители возвратились въ городъ со своихъ дачъ, и я, вполнѣ погрузившись въ работы,ересталъ даже думать о той запискѣ, о которой намекнулъ мнѣ его величество въ послѣднемъ разговорѣ. Между тѣмъ 3-го ноября вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ фельдъегерь, который, вручивъ мнѣ пакетъ съ надписью рукою его величества, сообщилъ мнѣ, что получилъ приказаніе вернуться ко мнѣ по истеченіи недѣли, чтобы получить обратно присланное съ нимъ и доставить его величеству, который изволилъ отправиться въ Царское Село.

Этотъ пакетъ меня очень обрадовалъ; онъ доказывалъ, что государь помнилъ о разговорѣ со мною, такъ какъ въ пакетѣ заключалась, повидимому, та записка Лагарпа, которую его величество выразилъ намѣреніе прислать мнѣ. Новосильцовъ, ранѣе упомянувъ мнѣ о ней, находилъ, что записка имѣетъ слишкомъ либеральное направленіе. Я прочелъ ее съ большимъ вниманіемъ. Авторъ высказывалъ въ ней свои воззрѣнія на обязанности русскаго властителя, который долженъ вывести подвластные ему народы изъ крѣпостной зависимости, привести ихъ къ законно-правому порядку, преобразовать многія учрежденія и законы и прилагать всѣ свои силы и наибольшую настойчивость къ осуществленію этой возвышенной цѣли, которая одна уже доставитъ ему безсмертіе и душевное спокойствіе. Авторъ писалъ съ великою

откровенностію и ничѣмъ не стѣсняясь. Но видимо зналъ Россію во всѣхъ ея отношеніяхъ очень мало; внутреннее положеніе государства было также ему не извѣстно, но основныя начала государственнаго строя имперіи, а также ея управленія были ему въ общихъ чертахъ довольно хорошо знакомы. Любовь и наклонность автора къ централизаціи вообще, къ господствовавшимъ идеямъ того времени, и въ особенности къ французской централизаціи, проглядывали въ каждой строкѣ. Онъ не оставилъ безъ вниманія и затрудненій, представляемыхъ внутренними обстоятельствами и отношеніями страны къ достиженію государемъ указанныхъ имъ цѣлей. Все это имѣло безспорно свою цѣну, и записка имѣла, безъ сомнѣнія, большое вліяніе на воззрѣнія Александра I. Если онъ впослѣдствіи едва-ли остался ей вѣренъ, то, тѣмъ не менѣе, произведенныя ею на императора впечатлѣнія не остались безслѣдными для того времени и даже для будущаго. Чрезъ восемь дней точно явился ко мнѣ фельдъегерь снова, и я возвратилъ съ нимъ записку его величеству, при слѣдующемъ краткомъ письмѣ:

«Ваше величество соизволили доставить мнѣ большое удовольствіе чтеніемъ прилагаемой интересной записки. Я совершенно согласенъ съ изложенными въ ней началами и чувствами автора, которому завидую, но впрочемъ въ запискѣ встрѣчаются взгляды объ устройствѣ административныхъ властей, которые я не могу вполнѣ раздѣлять. Пребываю у ногъ вашихъ».

Взявъ изъ архива бывшей законодательной коммиссіи необходимыя для меня бумаги, я сталъ заниматься проектомъ устройства новой законодательной коммиссіи, и работа моя настолько быстро подвигалась впередъ, что скоро было приступлено къ ея разсмотрѣнію моими благожелателями. Новосильцовъ, Строгановъ и Чарторыйскій относились очень благосклонно и терпѣливо ко всѣмъ моимъ вопросамъ и разъясненіямъ. По поводу доклада его величеству о какихъ-то двухъ канцелярскихъ чиновникахъ и переписчикахъ, я узналъ, что государь императоръ освѣдомлялся, насколько подвинулась уже моя работа. Въ началѣ декабря мой проектъ былъ готовъ и представленъ совсѣмъ Новосильцову. Согласно полученному мною ранѣе приказанію его величества, я заготовилъ одновременно и другой экземпляръ этого проекта и вручилъ его въ секретаріатѣ, бывшемъ передъ царскимъ кабинетомъ. Его величество не находился въ кабинетѣ, а потому я оставилъ мой проектъ камеръ-лакею для представленія его величеству, при слѣдующихъ строкахъ: «Согласно приказанію вашего императорскаго величества, пріемлю смѣлость представить проектъ учрежденія коммиссіи и планъ ея занятій для составленія законовъ».

Чрезъ нѣсколько дней я узналъ отъ Новосильцова, что онъ докладывалъ государю императору мой проектъ и что таковой съ незначи-

тельными измѣненіями удостоился вообще одобренія его величества. Такимъ образомъ предстояло только изложить эти измѣненія и исполнить прочія формальности. Государь предоставилъ все это сдѣлать Новосильцову. Передъ самымъ новымъ годомъ или немедленно послѣ его наступленія долженъ былъ состояться послѣдній докладъ, а затѣмъ послѣдовать и самое обнародованіе утвержденнаго проекта. Такимъ образомъ самое существенное дѣло было окончено. Однако различныя, отдѣльныя подробности, относительно устройства помѣщенія для новой коммиссіи и содержаніе онаго заняли болѣе времени, нежели я предполагалъ, въ продолженіе котораго князь Лопухинъ, возвратившійся изъ своего заграничнаго путешествія, былъ назначенъ министромъ юстиціи. Это побудило Новосильцова вмѣстѣ со мною поѣхать къ князю и познакомить его съ составленнымъ проектомъ. Князю Лопухину было уже извѣстно, что его величество остался доволенъ моею работою, и онъ соглашался со всѣмъ, мною изложеннымъ.

Лопухину было по моему мнѣнію въ то время лѣтъ 60; онъ обладалъ очень красивою наружностью и постоянно веселымъ словомъ и запасомъ забавныхъ анекдотовъ. Онъ постоянно говорилъ о себѣ «я добрый малый», что во многихъ отношеніяхъ было вѣрно. Однако общество, публика почему-то его не долюбливали. Фамилія Лопухиныхъ татарскаго происхожденія [1]); по разнымъ историческимъ спискамъ XV столѣтія одинъ изъ ея членовъ переселился въ Россію и принялъ христіанскую вѣру. Князь происходилъ, по боковой линіи, отъ извѣстнаго въ Петровскія времена семейства Лопухиныхъ, изъ среды котораго была избрана первая супруга Петра Великаго, мать несчастнаго царевича Алексѣя и бабка Петра II. При дѣтяхъ императрицы Екатерины I эта фамилія не была въ чести и милости, но ей возвращены были отобранныя ранѣе имѣнія. Во времена Екатерины II существовалъ одинъ потомокъ этой вѣтви, именно сенаторъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ [2]), покровитель религіозныхъ воззрѣній, ревностный мартинистъ, щедрый благотворитель бѣднымъ, подаяніями разстроившій свое состояніе. Онъ пользовался большою извѣстностью въ Россіи. Князь Лопухинъ принадлежалъ къ другой вѣтви того же семейства, не столь богатой. Еще будучи унтеръ-офицеромъ гвардіи, онъ стоялъ однажды въ 1763 году на караулѣ въ Ригѣ, во время пребыванія императрицы,

---

[1]) Самое названіе происходитъ отъ татарскаго слова—лопухъ.

Примѣч. Розенкампфа.

[2]) Лопухинъ Иванъ Владиміровичъ, р. 1756 г., внукъ царицы Евдокіи, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ дѣятелей масонства въ Москвѣ, былъ сенаторомъ, отличался сострадательностью и непреклонностью мнѣній въ пользу смягченія участи преступниковъ. Онъ авторъ нѣкоторыхъ философско-религіозныхъ сочиненій. Лопухинъ умеръ въ 1816 году.

и герцогъ Биронъ, находившійся въ передней комнатѣ, обративъ вниманіе на красиваго молодаго солдата, заговорилъ съ нимъ по-русски. Лопухинъ, служившій ранѣе рядовымъ въ Лифляндіи и владѣвшій довольно порядочно нѣмецкимъ языкомъ, отвѣтами своими понравился герцогу, который и рекомендовалъ его императрицѣ. Она скоро произвела Лопухина въ офицеры гвардіи, а затѣмъ онъ скоро дослужился до чина полковника. Вступивъ въ бракъ съ богатою особою, Лопухинъ вышелъ въ отставку бригадиромъ. Позднѣе онъ снова вступилъ въ службу и былъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургѣ, а затѣмъ и губернаторомъ въ Москвѣ. Государыня очень подозрѣвала, что и онъ принадлежитъ къ мартинистамъ или масонамъ, удалила его изъ Москвы, назначивъ генералъ-губернаторомъ въ Ярославль. Во время пребыванія Лопухина въ Москвѣ, при коронованіи Павла I, красивая дочь его, позднѣе вышедшая въ 1805 году за князя Гагарина, очень понравилась молодому императору. Лопухинъ прибылъ въ Петербургъ, былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, пожалованъ графомъ, потомъ княземъ и орденомъ св. Андрея Первозваннаго, одаренъ большими помѣстьями и украшенъ портретомъ императора. По удаленіи Державина, Лопухинъ былъ назначенъ министромъ юстиціи и отправлялъ эту должность до 1810 года, когда былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта, и наконецъ и предсѣдателемъ общаго собранія Государственнаго Совѣта, послѣ кончины князя Салтыкова. Кромѣ того Лопухинъ былъ возведенъ въ число особъ перваго класса и былъ фельдмаршаломъ. По его собственнымъ словамъ, онъ родился въ 1746 году, по словамъ же Н. Новикова—въ 1744 году. Мнѣ придется впослѣдствіи не разъ упоминать объ этомъ лицѣ, занявшемъ, какъ министръ юстиціи, также почетное мѣсто предсѣдателя въ дирекціи законодательной коммиссіи, въ которой главнымъ начальникомъ и руководителемъ ея дѣятельности былъ Н. Новосильцовъ. Отъ самого императора я лично не получалъ никакихъ указаній по дѣламъ коммиссіи.

Всѣ предварительныя распоряженія по открытію означенной коммиссіи не могли быть окончены ранѣе февраля мѣсяца 1804 г., и только 28-го числа этого мѣсяца она приступила къ своимъ занятіямъ, когда былъ посланъ Сенату указъ о ея учрежденіи вмѣстѣ съ приложеніями для ихъ распубликованія.

Помѣщеніе для коммиссіи было пріискано какъ разъ противъ дома Козодавлева, это обстоятельство дѣлало для меня еще пріятнѣе прекрасное помѣщеніе, тѣмъ болѣе, что и мой другъ Кампенгаузенъ [1]) жилъ также въ домѣ Козодавлева.

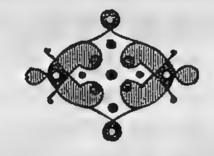
---

[1]) Кампенгаузенъ, баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ, р. въ 1772 году въ Лифляндіи, обучался въ Лейпцигѣ и Геттингенѣ, состоялъ при нашемъ

Мѣсяцы мартъ и апрѣль прошли въ перевозкѣ въ это помѣщеніе архивовъ прежнихъ законодательныхъ коммиссій, а также въ различныхъ приспособленіяхъ къ предстоящимъ занятіямъ вновь учрежденной коммиссіи составленія законовъ.

П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

посольствѣ въ Стокгольмѣ въ 1796 году, а позднѣе завѣдывалъ коммерческимъ училищемъ въ Москвѣ, былъ государственнымъ казначеемъ въ 1810 г. и въ 1811 г.—назначенъ сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Въ 1823 г. онъ назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но въ томъ же 1823 году сентября 11-го умеръ.

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I [1]).

Былъ жаркій іюньскій день. На небѣ ни одного облачка, въ воздухѣ ни малѣйшаго движенія, равно какъ и звука. Раскаленные лучи солнца, сдѣлавшагося похожимъ на громадный огненно-красный шаръ, немилосердно жгли природу, и все въ ней куда-то припряталось, притаилось и какъ бы замерло. Только царь земли, неугомонный человѣкъ, вѣчно гонимый нуждою и житейскими заботами, изрѣдка подавалъ о себѣ голосъ то доносившимися съ большой дороги, прерывистыми звуками колокольцевъ, то отбиваньемъ и клепаньемъ косъ въ полѣ, то пѣснью, гдѣ-то начатою рабочимъ людомъ для подзадориванія себя, но почти тотчасъ же порывавшеюся, очевидно, отъ истощенія силъ. Въ такую жару по большой дорогѣ, въ пяти верстахъ отъ губернскаго города N., показалась партія, человѣкъ въ десять, молодыхъ здоровыхъ людей, одѣтыхъ по-господски. Это были студенты академіи, друзья Перепелкина, пожелавшіе проводить его до постоялаго двора, содержимаго отставнымъ солдатомъ Родіономъ Куликомъ. Этотъ Куликъ, поселившійся здѣсь лѣтъ десять тому назадъ и неизвѣстно отчего разбогатѣвшій, ежегодно ходилъ лѣтомъ пѣшкомъ на поклоненіе угодникамъ московскимъ и преподобному Сергію, какъ говорили въ народѣ, для отмаливанія тайныхъ своихъ грѣховъ. За недѣлю раньше, закадычный другъ Перепелкина, хохолъ Ничипоренко, нарочно ходилъ къ нему справляться, когда онъ отправляется въ путь и не приметъ ли въ спутники Перепелкина, которому путь также лежитъ черезъ Москву. Куликъ былъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1904 г.

радъ такому спутнику и согласился даже подождать немного, если будетъ нужно, пока Перепелкинъ справится съ своими дѣлами.

Кулику было 65 лѣтъ, но на видъ никто бы не далъ ему болѣе 50: такъ онъ былъ и свѣжъ, и крѣпокъ, и здоровъ. Жена его, рослая и полная женщина, тоже нисколько не походила на старуху въ 60 лѣтъ, какъ ей теперь было. У нихъ было только двое дѣтей: горбатая дочь, дѣвица, родившаяся еще до поступленія Кулика въ службу и казавшаяся теперь на видъ старше матери, да сынъ, гигантскихъ размѣровъ человѣчина, родившійся гораздо позже сестры, когда Куликъ приходилъ въ побывку къ женѣ. Отецъ и мать почти не вмѣшивались въ дѣла хозяйственныя, которыми исключительно орудовала дѣвица-горбыль, Алексаша, какъ наиболѣе интеллигентная сила въ семействѣ, весьма, впрочемъ, неглупомъ и въ полномъ своемъ составѣ. Алексаша была лихая, какъ говорили, счетчица на счетахъ и умственно, знала цыфирь и кое-какъ мараковала грамотѣ, такъ что дѣлаемыя ею какими-то, ни для кого непонятными іероглифами, записи по содержанію постоялаго двора, а, главное, по отпуску въ долгъ сѣна и овса обознымъ возчикамъ, она во всякое время читала безъ затрудненія и совершенно вѣрно, какъ могъ припомнить каждый, попавшій въ ея большую записную и зашнурованную книжку. Она же знала хорошо примѣты всѣхъ дней и атмосферныя и всегда подавала будто бы вѣрные совѣты, что можно и должно предпринять когда и чего нельзя. Сверхъ того слыла знахаркой и лѣкаркой и немало денегъ выручала этимъ ремесломъ съ обозныхъ и другихъ проѣзжихъ и прохожихъ. Говорили, что лихоманку заговаривала она на водѣ, змѣевикъ—на углѣ, а боль подъ ложечкой уничтожала, будто бы навсегда, тѣмъ, что давала носить ладанку, наполненную высохшими и растертыми въ порошокъ неизвѣстными травами.

— Съ этой силой, любезный дружище, надо считаться, если хочешь имѣть спутникомъ Кулика,—предостерегалъ Перепелкина Ничипоренко: не понравишься ей, шельмѣ, заподозритъ что-нибудь не доброе, скажетъ отцу примѣту, и тогда все кончено.

Дѣло и дѣйствительно могло бы разстроиться, если бы сообразительный Ничипоренко заблаговременно не смекнулъ, какъ его поправить.

Когда Перепелкинъ заявилъ, что онъ желалъ бы сегодня же, часовъ черезъ шесть, передъ закатомъ солнца, выйти, чтобъ на холодкѣ поспѣть на ночлегъ въ близкую деревню, Алексаша, несмотря на выраженное тотчасъ же согласіе старика, съ негодованіемъ запротестовала противъ этого и, подозрительно осмотрѣвъ съ ногъ до головы всѣхъ, стала перешептываться съ матерью и, наконецъ, ни съ того, ни съ

сего заявила, что это, дескать, еще вилами писано, пойдетъ или не пойдетъ на этой недѣлѣ старикъ.

— Вонъ и сѣно еще едва-ли сегодня на одной полосѣ уберутъ, а на другой докосятъ. А эта примѣта не къ добру,—сказала она, сурово смотря на старика.

— А далеко у васъ косятъ?—спросилъ Ничипоренко, комбинируя въ своемъ умѣ планъ, который долженъ былъ ниспровергнуть неожиданную преграду задуманному предпріятію.

— Да тутъ, за околицей. Пожалуй и версты не будетъ,—живо отвѣчалъ старикъ, какъ будто догадываясь о счастливомъ разрѣшеніи сомнительнаго и спорнаго пункта.

— Такъ мы живо уберемъ вамъ сухое сѣно и скосимъ свѣжее, только давайте косъ и грабель намъ по числу насъ,—сказалъ Ничипоренко, самъ лихой косарь, какъ оказалось черезъ часъ.

Ихъ снабдили всѣмъ, что нужно, и Алексаша, въ восторгѣ отъ этого предложенія, сама повела такихъ невиданныхъ косцовъ на свое поле. Тамъ на одной полосѣ косило три косца, а на другой раньше скошенную и уже хорошо высохшую траву сгребали пять женщинъ, складывая ее въ копны. Работы оставалось у тѣхъ и у другихъ еще много, которой не только до вечера, но на другой день, можетъ быть, они не окончили бы еще.

— Раззудись плечо, размахнись рука!—командовалъ Ничипоренко, идя во главѣ сильныхъ косцовъ, снявшихъ съ себя сюртуки, жилеты и галстухи, и въ лоскъ валившихъ траву широкой полосой, такъ что прежніе косцы, начавшіе косить съ другаго конца, увидѣли скоро, что имъ придется положить косы и, разинувъ рты отъ удивленія, любоваться на такихъ невиданныхъ и неожиданныхъ помощниковъ.

Бабы тоже сбѣжались сюда и кричали: «помогите и намъ, поповичи, совсѣмъ мы выбились изъ силъ».

— А вотъ тутъ кончимъ,—говорилъ неутомимый Ничипоренко,—и въ ту же минуту, безъ отдыха, къ вамъ, а вы теперь повеличайте насъ пѣснями.

Бабы зазвенѣли пискливыми голосами величанія, въ которыхъ слышались и «ясные соколы», и «красныя солнышка», и «души архангельскія» и даже «ходебщики Божіи». Всѣхъ усерднѣе пищала молодка, лѣтъ 17—18, но имѣвшая тутъ же, подъ копной сѣна, двухъ малютокъ-близнецовъ, родившихся въ полѣ, за работой, только десять дней тому назадъ. Мужъ ея, курчавый красивый парень, былъ тутъ же на покосѣ.

Когда студенты, покончивъ косьбу, перешли на бабью полосу для уборки сѣна, молодка, припавъ къ землѣ, кормила изъ тощей груди одного малютку-близнеца, а другой сосалъ или, быть можетъ, только

держалъ пока во рту грязную соску, поминутно безпокоимый мухами, со всѣхъ сторонъ насѣдавшими на него, несмотря на помахиванія матери.

— Вонъ она, черноземная-то сила, какъ выростаетъ!—говорили студенты, всматриваясь на представшее предъ ними зрѣлище.

— И тебѣ не стыдно и не грѣхъ таскать на работу жену, когда она только десять дней какъ родила?—обратились съ укорами многіе къ мужу молодки.

— Теперь что! На другой день послѣ родовъ норовила идти на работу... ну, удержалъ. На третій—вотъ-те Христосъ!—не пущалъ, такъ убѣгомъ ушла съ ребятами, и какъ ни гналъ съ поля, ничего не могъ подѣлать: стала робить.

— Намъ-ли, голышамъ, проклажаться,—затараторила разбитная бабенка: когда у насъ ни кола, ни двора, а изъ лопоти (по-нашему, похохлацки—худоба, замѣтилъ Ничипоренко Перепелкину) только и есть, что на насъ, а остальное или въ закладѣ, или продано!

— Такъ зачѣмъ же вы поженились, когда оба такіе бѣдные?

Мужики и бабы захохотали въ голосъ. Даже суровая Алексаша-горбыль взвизгнула.

— Чтобъ вамъ пусто было! какіе вы смѣшные,—замѣтила черноглазая, лѣтъ подъ 30, бабенка: зачѣмъ поженились вишь! Знамо дѣло, слюбились и поженились... а то какже?—обратилась она съ вопросомъ къ студентамъ, подбоченясь и заливаясь самымъ забористымъ смѣхомъ, на который дружно вторили и всѣ остальные.

Бабью работу студенты шутя покончили еще скорѣе, чѣмъ мужичью, и весело занялись болтовней съ рабочими.

— А смотри, Петруха,—обратилась молодка къ мужу,—легшему возлѣ малютокъ-двойней и заботливо сгонявшему съ нихъ мухъ: какъ бы горбатая не объегорила насъ.

— Какъ такъ?—спросили студенты.

— А не засчитаетъ этого дня, скажетъ, поповичи сработали вашей работы на цѣлый день. И ничего не подѣлаешь: мы, вѣдь, въ кабалѣ у нихъ, да и не мы одни, а, почитай, весь поселокъ, потому сила и насчетъ денегъ, и насчетъ власти. Попробуй спорить—голодомъ изморятъ: ни денегъ, ни хлѣба не дадутъ въ займы, когда придетъ нужда, а заложить ужъ нечего больше будетъ.

Горбатая ушла раньше, и потому разговоры на эту тему пошли пространные и откровенные, изъ которыхъ выяснилось, что поселившіеся тутъ Кулики «слопали всѣхъ посельчанъ» въ какихъ-нибудь десять лѣтъ. Прежде было въ поселкѣ четыре постоялыхъ двора и «всѣмъ былъ хлѣбъ», «всѣмъ было сыто», да и не державшіе постоялыхъ «добывали копѣйку съ прохожаго человѣка, торгуя по мелочамъ», «а

нонѣ—шабашъ: все прибрали къ рукамъ Кулики, все слопали одни». Державшіе постоялые дворы, потягавшись съ Куликами, кто сколько могъ, и предвидя окончательное, неминуемое разореніе, перебрались подальше на другія мѣста, а голытьба осталась на жертву Куликамъ и въ полной ихъ кабалѣ теперь, отрабатывая имъ долги въ рабочую дорогую пору, по цѣнѣ, какую заблагоразсудитъ уставить горбатая Куликова дочка.

Чтобы разсѣять уныніе, овладѣвшее, какъ было замѣтно, молодой четой, отъ одного предположенія о незачотѣ имъ этой работы, Перепелкинъ положилъ къ изголовью малютокъ рубль, къ которому и другіе студенты еще сколько-то, по мелочамъ, прибавили. Надо было видѣть радость этихъ юныхъ дѣтей природы, такъ рано обзаведшихся сразу семействомъ, чтобы составить себѣ понятіе о гнетущей ихъ бѣдности.

— Что же это такое намъ Богъ даетъ, Петруха?—говорила молодка, подбирая деньги со смѣхомъ и плачемъ.

Но Петруха и самъ недоумѣвалъ, какъ и откуда что, и только кланялся на всѣ стороны и глупо ухмылялся.

Отдохнувъ въ тѣни копенъ пахучаго свѣжаго сѣна, студенты, напутствуемые благодарностію и благопожеланіями рабочихъ, направились къ Куликамъ, гдѣ для нихъ уже готовъ былъ обѣдъ, заказанный ими предъ выходомъ на работу.

Когда они вошли въ комнату, у стариковъ происходилъ споръ съ горбатою изъ-за денегъ, которыхъ она не давала отцу на дорогу столько, сколько потребовалось по ихъ крайне умѣренному разсчету.

— И кому только ты, убогая, копишь,—сердито говорилъ старикъ изъ кладовой, гдѣ онъ собирался въ путь, пряча въ большой ранецъ бѣлье и вещи, и навѣшивая на солдатскій сюртукъ медали: вѣдь, надо же когда-нибудь околѣвать, а неправедно нажитое... Но тутъ ему зашикали жена и дочь, и онъ замолчалъ.

Немного погодя, онъ вошелъ къ гостямъ въ комнату и поставилъ на столъ двѣ бутылки наливки, отъ себя, какъ онъ выразился, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя были поданы по заказу.

— Вотъ эта наливка,—говорилъ онъ, раскупоривая одну изъ принесенныхъ бутылокъ,—будетъ много получше той, что подала вамъ за деньги скупердя Алексашка: съ коихъ поръ берегъ ее для одного знатнаго господина, да не проѣзжалъ, такъ и осталась. Разопью теперь съ вами, господа поповичи, на радостяхъ, что все устроилось по Божьему и мы съ Саввой Саввичемъ сегодня же, подъ вечерокъ, побредемъ потихоньку, да полегоньку, въ путь-дороженьку.

Онъ налилъ себѣ и всѣмъ студентамъ по рюмкѣ, и когда всѣ выпили, и нашли, что эта наливка, дѣйствительно, много лучше проданной студентамъ, старикъ расходился и потребовалъ, чтобы Алексаша

замѣнила послѣднюю другой. Стихъ ли такой нашелъ на горбатую, или же старикъ былъ таковъ, что въ иныхъ случаяхъ и нельзя было ему противорѣчить, только Алексаша поспѣшно и безъ всякаго протеста и пререканій исполнила волю отца.

Здорово ѣли ребята послѣ хорошей мускульной работы, такъ что горбатая устала и едва поспѣвала носить и подбавлять имъ кушанья; но грѣхъ сказать, чтобъ они и пили мало. За двумя—тремя исключеніями, всѣ остальные любили выпить и къ концу обѣда были въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Шумныя полились рѣчи. Перебрала молоежь всю свою убогую бурсацкую жизнь, съ любовью и сочувственнымъ волненіемъ останавливаясь на тѣхъ явленіяхъ, которыя были близки къ ея идеаламъ, и съ негодованіемъ, ненавистью и даже проклятіями относясь къ тѣмъ, которыя противорѣчили требованіямъ ихъ пока не испорченной и не зачерствѣвшей природы.

Начались тосты, сопровождаемые спичами.

— Сердечно я тебя полюбилъ, дружище, да и остальные всѣ, сколько тутъ насъ есть, я знаю, не меньше моего любятъ тебя,—обратился Ѳаворовъ растроганнымъ голосомъ къ Перепелкину:—много есть въ твоей натурѣ такого, что сразу можетъ привязать къ тебѣ иныхъ, какъ ты и видишь это на насъ, но есть не мало и того, что можетъ, если не оттолкнуть, то навѣрное, по крайней мѣрѣ, отдалить отъ тебя многихъ, а съ теченіемъ времени, пожалуй, и обратить ихъ въ непримиримыхъ враговъ. Нельзя не полюбить тебя за искренность, прямоту, правдивость и ту задушевность, съ которой ты относишься ко всему честному, доброму и благородному. Я за себя прибавлю еще: за необыкновенную любознательность, не останавливающуюся ни предъ какими преградами, за горячее стремленіе къ высокимъ цѣлямъ въ жизни, за чудную способность сразу проникать въ суть дѣла и правильно опредѣлять его характерныя черты. Я еще сказалъ бы: за наблюдательность и вѣрность въ пониманіи натуры людей, съ безошибочнымъ, сколько я могъ, въ теченіе года убѣдиться, указаніемъ того, что человѣкъ таитъ про себя, прикрываясь казовой стороной, но... Но тутъ уже начинаются твои отрицательныя свойства, благодаря которымъ у тебя всегда будутъ недоброжелатели и даже враги. Много требованій ты предъявляешь къ человѣческой природѣ, а она и сама по себѣ далека отъ совершенства, да и глубоко испорчена въ теченіе вѣковъ случайной побѣдою и преобладаніемъ въ ней дурныхъ ея инстинктовъ надъ добрыми. Вотъ ты, напримѣръ, отвернулся отъ товарища Липскаго, который къ тебѣ сильно было привязался, и отвернулся только за подмѣченную тобой въ немъ наклонность заискивать и лебезить предъ начальствомъ, а подумалъ ли ты о томъ, что эта черта быть можетъ унаслѣдована имъ, Богъ знаетъ, отъ какой давней, предъидущей гене-

раціи, и какъ бы ни опошлилась, переходя изъ рода въ родъ, но все-таки она имѣетъ свой raison d'être тамъ, гдѣ право сильнаго выше права человѣческаго, выше дѣйствующаго закона. Чѣмъ же тутъ виноватъ человѣкъ единично? Слѣдовательно, мѣрять всѣхъ и все на одинъ аршинъ несправедливо, это масштабъ совсѣмъ невѣрный: исключенія не составляютъ правила.

— Щырый хохолъ бильше жыве сердцемъ, чымъ головою, и колы одвернувся видъ кого, то значыть, есть въ тимъ чоловици що ныбудь дуже негарне, або дуже не добре, що и почувъ сердцемъ хохолъ,— сказалъ Ничипоренко: у мене и самого не лежыть душа къ Лыпскому.

— Но ты, другъ мой, не совсѣмъ вѣрно понялъ причину моего нерасположенія къ Липскому,—обратился, наконецъ, Перепелкинъ къ Ѳаворову:—когда ухмыляется слабый сильному изъ одной только боязни за себя, чтобъ тотъ не раздавилъ его медвѣжьей пятой, то я могу только пожалѣть о немъ, а никакъ не ненавидѣть, потому, что для всякаго же тутъ ясно, что онъ дѣйствуетъ такъ по чувству самосохраненія, а этого инстинктивнаго чувства не чуждо ни одно изъ живыхъ существъ на землѣ. Но если онъ ухмыляется, да еще язвительно, и тогда, когда сильный, на его глазахъ, но ничѣмъ ему лично не угрожая, лягаетъ другаго, то, я думаю, ни въ одной честной душѣ не можетъ не заговорить, по меньшей мѣрѣ, чувство негодованія, если не полнаго отвращенія къ нему. Когда отсталый, а можетъ быть, уже и выжившій изъ ума, педагогъ глумился надо мной на экзаменѣ за излишнія мои познанія по преподаваемому имъ предмету, философіи, съуживая ея содержаніе до размѣровъ заскорузлаго міросозерцанія Іоанна, экзарха Болгарскаго, то не только поощрительный смѣхъ, но и самое невинное выраженіе сочувствія такому идіотскому мнѣнію въ глазахъ честныхъ интеллигентныхъ людей должно было считаться преступной пошлостію. Липскій даровитая личность и развитой человѣкъ, однако онъ такъ же усердно вторилъ смѣхомъ издѣвательствамъ профессора какъ и тѣ слабоумные, нисколько не заинтересованные въ наукѣ студенты, про которыхъ только можно сказать: «невѣдятъ бо, что творятъ».

— Правда, правда!—заговорили всѣ разомъ и горячо одобрили сказанное Перепелкинымъ.

— За все душевно честное!—кто-то провозгласилъ тостъ. Чокнулись и всѣ перецѣловались между собой.

— Пусть же правда преобладаетъ, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ дѣйствіяхъ разумныхъ людей!—провозгласилъ Ѳаворовъ, горячо пожимая руку Перепелкина.

Опять перечокались и перецѣловались всѣ между собою.

Но жаръ схлынулъ. Солнце пошло на закатъ. Старикъ Куликъ, въ солдатскомъ сюртукѣ и съ регаліями на немъ, явился и объявилъ, что

теперь, помолясь Богу, можно и въ путь отправиться. Онъ пригласилъ всѣхъ на свою половину и просилъ, по обычаю русскому, присѣсть. Самъ онъ усѣлся въ «красномъ углу», подъ божницею. Вскорѣ вошла сюда старуха, въ сопровожденіи горбуньи-Алексаши и громаднаго верзилы сына, Ѳаддея. Они также, по приглашенію старика, усѣлись. Всѣ молчали. Черезъ минуту старикъ всталъ, обратился къ образамъ и сдѣлалъ три земныхъ поклона, что продѣлали остальные члены его семейства и всѣ студенты. Старикъ опять сѣлъ на прежнее мѣсто и попросилъ также студентовъ присѣсть. Началась сцена прощанія съ нимъ его домочадцевъ. Прежде всего старуха трижды земно ему поклонилась и потомъ троекратно, крестъ-на-крестъ, облобызалась съ нимъ, затѣмъ продѣлали то же самое сынъ и дочь.

— Ну, берегите добро, да не забывайте поберегать и души,—сказалъ старикъ какъ-то загадочно, въ волненіи.

Студенты учинили прощаніе съ Перепелкинымъ на крыльцѣ, и оно было такъ трогательно, что старуха и Алексаша, спокойно, не проронивъ ни одной слезы, продѣлавшіе церемонію прощанія со старикомъ, здѣсь, только какъ зрители прощанія между собою чужихъ людей, ни съ сего, ни съ того вдругъ разрюмились и заревѣли въ голосъ, что вызвало слезы и у всѣхъ другихъ.

— Гдѣ бъ ни былъ ты, и что бъ съ тобою ни произошло, дружище, подавай намъ голосъ,—говорили растроганные товарищи Перепелкину: мы же тебя никогда не забудемъ.

Долго стояли они на крыльцѣ, провожая глазами уходившаго все далѣе и далѣе товарища, и кланялись ему и махали платками, когда онъ оборачивался назадъ, пока наконецъ не скрылся онъ за пригоркомъ. Уныло побрели они тогда въ городъ, гадая о томъ, что-то выйдетъ изъ этого симпатичнаго юноши, толкаемаго какъ бы судьбой куда-то и зачѣмъ-то.

— Савко, Савко, що то выйдетъ изъ тѐбе?—часто говорилъ Ничипоренко, на ходу оборачиваясь въ ту сторону, куда направился человѣкъ, которому онъ всей душой былъ преданъ.

А путники, полегоньку, да помаленьку, все подвигались, да подвигались впередъ. Нелегко было и у нихъ на душѣ, но новизна положенія и разнообразіе видовъ смягчили для Перепелкина тяжесть впечатлѣнія отъ прощанія съ друзьями.

Чудный готовился быть лѣтній вечеръ. Еще задолго до наступленія его, какъ только началъ спадать жаръ, все въ природѣ оживилось. И съ земли и съ воздуха понеслись звуки вмѣстѣ съ разнообразными ароматами полевыхъ цвѣтовъ и всякой другой растительности. Зажужжали комары, зачиликали воробьи, весело купаясь въ дорожной мелкой пыли; перепела забили, страстно откликаясь шавканьемъ на тихій призывъ

самокъ; закуковали кукушки, и дятлы застучали по дорожнымъ ракитамъ, добывая острымъ клювомъ лакомыхъ червяковъ изъ-подъ коры дерева.

Движеніе на дорогѣ стало увеличиваться. Кромѣ растянувшихся на цѣлыя версты обозовъ стали часто попадаться пѣшіе богомольцы и партіи рабочихъ. Кулика многіе узнавали. «Что, Родивонъ Пилипичъ, къ угодникамъ собрался, грѣхи отмаливать?—обращались нѣкоторые,—а мы ночевать-то у тебя: что въ городъ-то тащиться; у васъ повольготнѣе. Да и полѣчиться, слышь ты, надо у Алексашки».

— Милости просимъ, милости просимъ!—только твердилъ старикъ, чтобы отдѣлаться поскорѣе, такъ какъ онъ думалъ, что эти остановки не нравятся его спутнику.

Остановился среди дороги обозъ, и нѣсколько возчиковъ окружили Кулика. Пошли разспросы: почемъ овесъ, сѣно и дастъ-ли въ долгъ Алексашка.

— Эхма!—говорилъ долговязый мужичонко, почесывая затылокъ, спину и другія части тѣла съ такимъ усердіемъ, какъ будто ожидалъ получить награду за это: а я-то думалъ, Радивонъ Пилипичъ постоитъ за меня, эка напасть какая! Топеря Алексашка живьемъ съѣстъ меня, значитъ: не токма рупъ долгу отдать, а и за овесъ заплатить нечѣмъ.

— Ничего, любезный, дастъ въ долгъ,—сказалъ старикъ,—торопясь отдѣлаться: ты только напомни ей, что, молъ, отецъ наказывалъ на прощаньи.

— Было попущеніе Божіе на насъ за мои грѣхи,—обратился старикъ къ Перепелкину, продолжая путь: сынъ-то мой Ѳаддей ни за что просидѣлъ въ острогѣ три года и только по манифесту ослобонили отъ Сибири. Наѣхали, слышь ты, извозчики. Алексашка и заведи споръ, а затѣмъ и ссору съ ними изъ-за долгу. Одинъ, такой лядащій на видъ, сперва лаялся какъ собака, а потомъ кинулся на Алексашку и давай ее душить. Ну, сбѣжались тутъ всѣ и отвели его. Черезъ минуту—гладь—слово за слово, онъ кинулся опять на нее съ ножомъ. Ѳаддей мой—ты видѣлъ, каковъ онъ собой—не будь глупъ, схватилъ его сзади въ охапку и только—вотъ передъ Богомъ—маленько сжалъ, всѣ видѣли, чуточку только эдакъ поприжалъ его и продержалъ—а онъ ёкъ, ёкъ, будто поперхнулся, а затѣмъ вытянулся, какъ пластъ и захрипѣлъ. Стали ставить на ноги—куды? повалился, какъ снопъ. Ну, всѣ показали, какъ было дѣло. Доктора потрошили его и сказали, что смерть приключилась отъ злости: больно злой, говорятъ, былъ, сердце и разорвалось отъ злости. Ну, что жъ? Ѳаддея все-таки посадили въ острогъ, а насъ три года таскали по судамъ. Много извели добра на это. А все, видишь, за наши грѣхи Богъ наказываетъ. Ѳаддей попла-

тился за мой грѣхъ. Былъ у насъ ротный, страшный звѣрюга, изъ нѣмцевъ, по фамиліи Оскаръ, а мы его промежь себя звали Пискарь. Много у насъ было злыхъ офицеровъ, но такого лютаго и не видывали: за все, про все въ зубы и кулаками, и каблуками, и всѣмъ, что попадетъ подъ руку. А пѣна, какъ у бѣшеной собаки, такъ изо рта и хлещетъ. Бывало, закричитъ на солдата: ѣшь землю, ну и набьетъ ротъ землею; или: стукайся лбомъ объ стѣну, ну и стукается. А не послушайся, закатаетъ розгами. Былъ такой случай: я былъ старшимъ унтеромъ и оставался за фельдфебеля. Кричатъ мнѣ: скорѣй къ ротному. Я бѣгомъ черезъ дворъ,—квартира его—рукой подать. Только отворилъ дверь, онъ схватилъ меня за уши, визжитъ и зубами: клацъ, клацъ! Потомъ затрепеталъ и вотъ такъ же свалился, какъ снопъ. Мнѣ бы за дохтуромъ, али хошь за фершаломъ—тутъ же, подъ бокомъ—а я, грѣшнымъ дѣломъ, думаю себѣ: туда тебѣ, звѣрюгѣ, и дорога. Тутъ же стоятъ окровавленные: вѣстовой, денщикъ и поваръ. Никому и заботушки нѣтъ о томъ, какъ бы подать ему помощь, только трясутся всѣмъ тѣломъ и тоже думаютъ: туда тебѣ, собака, и дорога. Потрошить не потрошили, только много докторовъ осматривали его голаго и написали, что умеръ отъ удара. Всѣ мы каялись тогда попу на духу, что съ перепугу не бросились за докторомъ, и попъ сказалъ, что это тяжкій грѣхъ и его всю жизнь надо отмаливать.

— Да развѣ солдатъ не можетъ жаловаться высшему начальству за жестокое обращеніе съ нимъ?

— Какъ не можетъ, по закону можетъ: послѣ смотровъ всякій разъ претензіи отбираютъ, да только охотниковъ давать ихъ не бываетъ, потому забьютъ до смерти. У насъ былъ полковой командиръ Куляба, рослый и красивый такой полковникъ, что любо взглянуть, а вотъ никакъ бывало не разберешь, когда онъ сердитъ, а когда нѣтъ. Все со смѣшками, да прибауточками пристаетъ ко всѣмъ, а ужъ хохочетъ во все горло; но вотъ ушелъ и, кажется, все благополучно. Вдругъ черезъ какихъ-нибудь полчаса вызываютъ человѣкъ 15—20 и отсчитываютъ горячихъ березовыхъ—кому сотню, кому полторы, а кому и цѣлыхъ двѣ, все по росписанію полковника. Такой ехидный! Здорово разъ досталось и мнѣ отъ него. Послали разъ человѣкъ по 20 изъ роты на косьбу къ помѣщику, который водилъ дружбу съ нашимъ полковымъ начальствомъ. Хоть денегъ намъ за работу никогда не давали, но мы думали, что, по крайности, поѣдимъ и попьемъ хорошо денька два—три. А вышло то, что всѣхъ насъ на первый же день, къ вечеру, безъ ужина отправили въ полкъ и жестоко перепороли. Ошибка, вишь, произошла, а отъ кого—Господь вѣдаетъ: мы такъ и не узнали, кто въ этомъ дѣлѣ виноватъ былъ. «Вамъ велѣно было»,—кричалъ полковой адъютантъ Жаба: «косить только полосы малорослаго и рѣдкаго

хлѣба, а болѣе рослаго и густаго оставлять для жнитва, а вы заурядъ все скосили». А мы—побожиться—никто и слыхомъ не слыхалъ такого распоряженія ни отъ кого: ни отъ своихъ, ни отъ управляющаго. Насъ выстроили на дворѣ полковника. Пискарь подбѣжалъ къ солдатикамъ своей роты и бацъ, бацъ, бацъ! Визжитъ, пищитъ, лопочетъ что-то. Другіе ротные ничего, ходятъ тутъ, разговариваютъ промежь себя, курятъ цыгарки. Только какъ на смѣхъ кто-то икнулъ... разъ, два, да такъ громко, что Пискарь пересталъ трещать и лаяться, и всѣ командиры остановились предъ фронтомъ. Ермолаевъ, высокій такой капитанъ, ротный 2-й роты, былъ уже порядочно выпивши и, проходя по фронту, сталъ всматриваться въ каждаго солдатика и вдругъ хлопъ одного правой рукой; потомъ размахнулся лѣвой, но сдѣлалъ промахъ и упалъ. Господа захохотали. Кто-то и изъ нашихъ прыснулъ сдуру. А тутъ какъ разъ полковникъ: «здорово, ребята!» Здравія желаемъ вашему выскородію!—гаркнули мы.

— Ну, что жъ, ребята, поразмялись маленько?—хохоталъ онъ,—весело обходя фронтъ. Мы молчали.

— Какъ же это вы не дослышали самаго главнаго?—говорилъ онъ ласково и со смѣшками. Мы въ одинъ голосъ крикнули: «ничего такого не слыхали, ваше высокородіе». Черезъ часъ повели насъ на экзекуцію и такъ отлепортовали, что человѣкъ 15—и я въ томъ числѣ—больше мѣсяца провалялись въ лазаретѣ.

«Господи Боже мой, все время думалъ Перепелкинъ: для кого же пишутся всѣ эти милостивые законы наши! И какимъ путемъ вырабатывается такое звѣрье? Строгость дисциплины я понимаю, но что общаго между дисциплиной и этими безчеловѣчными, варварскими и безсмысленными дѣлами?»

II.

Далеко, далеко, почти на двѣ версты въ длину растянулось по большому московскому тракту село Подгорное, первый ночлегъ нашихъ путниковъ. Перепелкинъ чувствовалъ себя бодрымъ и свѣжимъ, но Куликъ немного пораскисъ и, не доходя верстъ двухъ до деревни, повалился на траву и предложилъ съ полчасика отдохнуть, что, впрочемъ, уже и ранѣе раза два дѣлалось.

— А какъ вы, Савва Саввичъ, насчетъ дождя? Не боитесь?

— Да, вѣдь, у меня такой зонтикъ, что обоихъ насъ прикроетъ. Да и незамѣтно, чтобъ быть дождику скоро.

— Нѣтъ, завтра безпремѣнно будетъ. Ужъ у меня на это есть вѣрная примѣта: какъ только заломитъ спину, да заноютъ суставы на рукахъ и ногахъ, такъ и быть непогодѣ. Алексашка по-своему тоже вѣрно угадываетъ и давича сказала, что быть дождю завтра. Я это къ тому, примѣрно, говорю, что ежели на первыхъ порахъ не захочется мокнуть, то можно тутъ и переждать маленько: люди знакомые, гдѣ мы остановимся, и ничего съ насъ не возьмутъ ни за хватеру, ни за ѣду.

— Чья это усадьба видна вправо отъ деревни?

— А это господъ Бугаевскихъ. Ничего, люди хорошіе. Тутъ, вѣдь, лѣтъ пять тому назадъ, молодой барчукъ напроказилъ было маленько, да ничего, дѣло обошлось хорошо. Былъ, слышь, въ этомъ селѣ, гдѣ мы будемъ ночевать теперь, храмовой праздникъ. Изъ сосѣднихъ имѣній наѣхали господа и торговцы, потому тутъ ярмарка была. У протопопа много гостей перебывало послѣ обѣдни и вечеромъ. На другой день, рано утромъ, прошелъ слухъ, что дочка протопопская куда-то дѣвалась и нигдѣ ее найти не могутъ. Немного погодя, прискакалъ верховой вотъ изъ этой усадьбы и говоритъ, что разосланы гонцы во всѣ концы на поиски барчука, но нигдѣ не могутъ разъискать его. Протопопъ и протопопша убиваются, потому одно дитя только и было. Помѣщикъ и помѣщица чуть съ ума не сходятъ и все гоняютъ людей по сусѣдямъ и въ дальнія мѣста. Малый, вишь, учился тамъ гдѣ-то и пріѣхалъ домой только на вакацію, такъ и туда послали. Ну, и нѣтъ, какъ нѣтъ, ни поповны, ни барчука. Отъ губернатора наѣхалъ чиновникъ слѣдствіе производить. Ничего не открылъ, съ тѣмъ и уѣхалъ. Чрезъ полгода получаетъ барыня письмо отъ сынка: простите, мамаша, пишетъ онъ, мы повѣнчамшись. Если простите вы и папаша, то мы сейчасъ же и поѣдемъ къ вамъ, по полученіи письма; а не простите, то больше уже никогда не увидите меня. Простили, только заставили молодую учиться въ городѣ, пока сынокъ кончилъ свою науку. Хорошо живутъ. Про нихъ только и говорятъ, что все цѣлуются, да милуются: чай пьютъ —цѣлуются, обѣдаютъ—цѣлуются, гулять пойдутъ—цѣлуются, а ужъ говорятъ, говорятъ и не наговорятся.

Этотъ нехитрый разсказъ сильно разбередилъ сердечную рану Перепелкина. Глубоко запечатлѣлся въ его душѣ симпатичный образъ Клодочки. Онъ всегда въ состояніи былъ живо представить себѣ ея мелодическій, въ душу проникающій, голосъ; прекрасные, свѣтящіеся добротой и привѣтомъ, глаза; обворожительную улыбку, сопровождавшую ея разговоръ съ кѣмъ бы то ни было, и ту задушевность, съ которою она относилась ко всѣмъ людямъ, безъ различія ихъ положенія, и которая сразу располагала всѣхъ въ ея пользу. И проклялъ онъ судьбу свою суровую, на первыхъ же порахъ разбившую его счастье, первую любовь.

— Вы что-то какъ бы не по себѣ!—простодушно замѣтилъ Куликъ, всматриваясь старыми глазами въ омрачившееся лицо Перепелкина.

При входѣ въ село, путники развлеклись сценой, происходившей у кабака, который стоялъ одиночкой почти на выѣздѣ.

Нѣсколько офеней раскинулись по случаю полной распродажи всѣхъ своихъ товаровъ по окрестнымъ усадьбамъ и селамъ.

Одинъ изъ нихъ игралъ на гармоніи, а двое плясали, или, правильнѣе сказать, топтались на мѣстѣ, распѣвая пѣсню, отъ которой явственно слышались только два слова, въ видѣ припѣвовъ: весна красна.

— Радивону Пилипичу наше почтеніе!—заговорилъ красный, какъ буракъ, человѣкъ, тоже одинъ изъ офеней, выходя изъ кабака и прожовывая, въ видѣ закуски, черствую корку хлѣба.

Съ такими же привѣтами обступили Кулика танцующіе и игравшій на гармоніи.

— Съ богомолья аль на богомолье плетешься?

— На богомолье,—какъ-то неохотно и какъ-бы растерянно процѣдилъ сквозь зубы старикъ, приподнявъ картузъ въ знакъ прощанія.

— Аль все еще не отмолилъ грѣховъ?—пустилъ кто-то въ догонку путниковъ, вопросъ, сильно смутившій Кулика.

— Нѣтъ, братъ, не отмолишь скоро; а околѣешь—покипишь въ смолѣ. Аль крюкомъ подцѣпятъ за ребро, да подтянутъ къ выварному кузнечному горну, чтобъ маленько поприжарить,—острили офени, смѣясь.

Хотя путники отошли уже на порядочное разстояніе отъ кабака, но раздававшіяся въ этомъ родѣ остроты явственно доносились до слуха ихъ и произвели такое смущеніе въ старикѣ, что онъ даже позеленѣлъ въ лицѣ и нѣсколько разъ съ ожесточеніемъ сплюнулъ въ сторону, откуда неслись онѣ.

Содержатель постоялаго двора, куда прибыли путники, толстопузый рыжій мужикъ, подобострастно встрѣтилъ Кулика и сейчасъ же увелъ его на свою половину, куда приглашалъ и Перепелкина, но послѣдній, изъ любопытства, предпочелъ пока остаться въ общей обширной комнатѣ, наполненной ямщиками и прохожимъ людомъ, преимущественно богомольцами и богомолками. Жирная здоровенная баба, съ тыквообразными грудями, собирала ужинъ для ямщиковъ. Ихъ было восемь. Каждый изъ нихъ, прежде чѣмъ сѣсть за столъ, мылъ руки изъ рукомойника, висѣвшаго надъ лоханкой у дверей, противъ печки, и молился Богу. И то и другое, повидимому, дѣлалось безъ внутренней потребности удовлетворенія чистоплотности и чувства религіознаго.

Подойдетъ, плеснетъ, зря, на руки и сейчасъ же вытираетъ ихъ о грязное, тутъ же висящее, полотенце, оставляя на немъ свѣжіе слѣды

грязи. Затѣмъ мотнетъ раза три головой предъ образами, осѣняя себя скороспѣлымъ, неуклюже дѣлаемымъ крестомъ и причитывая вслухъ: «Господи—Суся, Микола—чудотворецъ, пятинка святая», потомъ садится къ столу, напередъ облюбовавъ мѣсто, ложку и куски хлѣба.

Все это интересовало Перепелкина, какъ малоросса, незнакомаго съ нравами и обычаями великороссовъ.

Ямщики заняли только небольшую часть длиннаго, во всю ширину комнаты, стола, а на остальной части размѣщались, въ одиночку и группами, прохожіе, большею частію, трапезовавшіе свою снѣдь.

Когда толстогрудая баба водворила на столъ огромную миску щей, съ острымъ, бьющимъ въ носъ запахомъ, ямщики съ серьезнымъ видомъ приступили къ ѣдѣ. Нельзя было сразу не замѣтить, что въ процессѣ этого дѣла строго соблюдался своего рода этикетъ и порядокъ. Запускали ложки въ хлебово не всѣ разомъ, а одинъ за другимъ, по порядку, начиная съ крайняго. Хлебнувъ жижи, каждый клалъ ложку на столъ и, откусивъ хлѣба, медленно и долго пережевывалъ его, громко чавкая, пока не дойдетъ до него очередь вновь запускать ложку въ хлебово. Два раза уже наполняли миску щей съ краями и хотя въ ней, на днѣ, была и убоина, нарѣзанная кусками, но до нея, къ удивленію Перепелкина, никто не дотрогивался. Но вотъ, наконецъ, за третьей подбавкой, крайній мужикъ, какъ первакъ по ложкѣ, стукнулъ ею два раза объ миску, и, запустивъ ее туда поглубже, выудилъ кусокъ мяса. То же стали продѣлывать, чинно, по порядку, и всѣ остальные.

«Не можетъ быть, думалъ про себя Перепелкинъ, чтобъ русскіе ходили за море плакаться на то, что порядка у нихъ нѣтъ. Вѣдь, вотъ же выработался образцовый порядокъ въ мелочахъ, почему жъ бы онъ не могъ выработаться и въ чемъ-нибудь поважнѣе, если бы не ушкуйничали вороватые люди съ загребистыми руками».

А ребята все ѣли, да ѣли, немилосердно чавкая и чмокая. Потъ градомъ катился съ ихъ лицъ, который они, то-и-дѣло, обтирали рукавами грязныхъ своихъ рубашекъ. Послѣ каши, приправленной постнымъ масломъ, началось сильное иканіе, за которымъ слѣдовало причитаніе: «Господи—Суся» и знаменіе рта крестомъ. Къ концу ужина, многіе выходили на дворъ, освѣжиться, и возвращаясь къ ѣдѣ, рекомендовали другимъ то же сдѣлать: «важно, братцы, продуло холодкомъ, съѣшь больше». А иногда слышалось: «подь-ка, Сенька, во дворъ, лошадь твоя забротталась».

На другомъ концѣ прохожіе ѣли молча, въ сухомятку.

Съ однимъ, пришедшимъ поздно, уже подъ конецъ ужина другихъ, и усѣвшимся за свой скудный ужинъ, состоявшій изъ черстваго черного хлѣба съ солью и луковичнаго зеленца, случился казусъ, произвед-

шій суматоху, на которую прибѣжали хозяева и всѣ ихъ домочадцы. При первомъ глоткѣ онъ подавился, весь посинѣлъ и сталъ задыхаться.

Богомолки взвизгнули и стали отчитывать его, но тутъ подбѣжалъ здоровенный ямщикъ и такимъ тумакомъ по загривку наградилъ страдальца, что у него мгновенно выскочило проглоченное.

— Вишь ты, кроха попала!—говорили всѣ, участливо осматривая оправившагося сразу мужика.

Кроха эта, впрочемъ, была величиной съ дѣтскій кулачокъ.

Быстро заходили на счетахъ привычные пальцы толстопузаго хозяина, когда послѣ ужина, раскраснѣвшіеся отъ духоты и сытной ѣды, подступили къ нему ямщики, съ развязанными и болтавшимися на шеѣ кошелями; но, Боже мой, сколько младенческаго недомыслія и просто тупоумія проявили они всѣ сообща при самыхъ несложныхъ числовыхъ комбинаціяхъ. Для провѣрки суммы изъ двухъ простыхъ чиселъ напрягались головы всѣхъ, требовалось прибѣгать къ пальцамъ, суставамъ пальцевъ и другимъ предметамъ, но все-таки часто не выходило никакого толку, потому что всѣ галдѣли разомъ и сбивали другъ друга. Начались шумныя пререканія между хозяиномъ и возчиками и, можетъ быть, дѣло дошло бы и до крупныхъ споровъ, если бы вниманіе всѣхъ вдругъ не было отвлечено разсказами богомолки о чудодѣйственной силѣ оливковаго масла, принесеннаго ею отъ святыхъ мѣстъ Іерусалима.

— А ты, касатикъ,—говорила она подавившемуся прохожему, подставляя раскрытый пузырекъ,—только маленько возьми на перстъ маслица и потри имъ горлышко—никогда ужъ не будетъ такого лиха.

Прохожій исполнилъ въ точности ея совѣтъ и положилъ ей за такое одолженіе мѣдный пятакъ.

Всѣ обступили ее, даже хозяйскіе всѣ собрались сюда, а за ними и Куликъ. Толстогрудая баба бросила перемывать посуду и тоже подступила къ столу.

— Такъ-таки, милые, какъ рукой сниметъ всякую болѣсть,—продолжала расписывать бойкая богомолка,—а-на-дысь въ городѣ—скажу вамъ истинную правду,—дьяконица-проснирня, Богъ знаетъ, отчего занемогла глазами, да такъ занемогла, такъ занемогла, что вотъ, вотъ ослѣпнетъ человѣкъ, а семья и вдовьимъ дѣломъ,—только отъ просвиръ и питается. Случись я тутъ и говорю ей: возьми, раба Божія, на перстъ капельку святыни ерусалимской и потри ею вѣки. Что жъ вы думаете, милые? Какъ рукой сняло болѣсть—вотъ те Христосъ, царь небесный, царица—матушка небесная! Прозрѣла, тое-жъ минуту прозрѣла, какъ здоровая—не сойти съ мѣста,—архангельскія мои души!

Всѣ мужики и бабы стали класть ей гроши, копейки, пятаки и

просить дать имъ потереть—кто подъ глазами, кто подъ ушами, а кто подъ ложечкой.

— Что такъ-то зря терять святыню,—говорила лукавая баба,—надо взять, мои милые, на чистую тряпочку капельку, да и беречь ее на случай какой болѣсти: только дотронься—тое жъ секунду какъ рукой сниметъ,—дарма что маслицо засохнетъ на тряпкѣ. Хозяева хотѣли было увести ее въ свою комнату, но ямщики приступили къ ней съ просьбами оказать помощь ихъ товарищу, который съ недѣлю уже сильно недомогаетъ—надорвался, должно быть, что ли—и лежитъ теперь подъ навѣсомъ въ своей телѣгѣ, какъ пластъ какой.

Хитрая бабенка струсила такого эксперимента и начала вилять.

—Ежели теперича, примѣрно, нутро отбилъ, то куды жъ ты приложишь святыню, — говорила она, очевидно обдумывая, какъ выйти изъ неловкаго положенія,—всего обтереть—и пузырька не хватитъ, да не на всякое мѣсто и приложишь святость, потому грѣхъ великій,—продолжала она уже властно, воодушевляясь своей находчивостью.

Перепелкинъ вышелъ, чтобъ посмотрѣть страдальца. Это былъ изможденный человѣкъ, очевидно, дышавшій на ладонъ, на видъ нестарый, съ жиденькой бородкой и такими же волосами на головѣ. Онъ взглянулъ мутными глазами на Перепелкина и едва слышнымъ голосомъ проговорилъ: «испить бы, добрый человѣкъ!» Перепелкинъ принесъ ему воды. Онъ отрицательно потрясъ головой: «кваску бы, кваску! Охъ, охъ, охъ!»—застоналъ онъ, поворачиваясь на другой бокъ. Перепелкинъ подалъ квасу. Ознаменовавъ себя крестомъ, онъ съ жадностью припалъ къ ковшу и выпилъ его весь.

— Спасибо, добрый человѣкъ, спасибо!—говорилъ онъ, охая и тяжело дыша.

— Что у тебя болитъ?

Страдалецъ рукой безнадежно махнулъ.

— Вѣстимо, что нутро болитъ,—разсуждали промежь себя ямщики, выходившіе изъ избы,—да противъ нутра что подѣлаешь, какъ приложишь святость-то?

— Нѣ, робята, къ Алексашкѣ надыть, — говорилъ первакъ по ложкѣ. — Я, вѣдь, опозналъ старика: онъ тута-ка, говорилъ: милости просимъ, Алексашка повѣритъ въ долгъ, коли чего не хватаетъ. Ты, молъ, только напомни ей, что говорилъ отецъ на прощаньи.

— Отчего онъ заболѣлъ? — обратился Перепелкинъ къ ямщикамъ съ вопросомъ.

— Съ чего! Рытвина... Возъ засѣлъ... Недосмотрѣлъ, значитъ. Ну, меринъ хвать, хвать, анъ силы-то не хватаетъ... Ёнъ и подыми бокъ... Ну, вотъ съ того: надорвался, значитъ.

— Есть у него семейство?

— Самъ-сёмъ, да все дѣвки-погодки, старшей пошелъ одиннадцатый годъ.

Перепелкинъ сунулъ въ руку страдальца два рубля.

— Да вы бы его въ городѣ въ больницу сдали,—обратился онъ ямщикамъ.

— Какой ты шустрый! Въ больницу... да мы его отъ всякаго начальства прячемъ, потому задержка будетъ, придерутся—что и какъ... а онъ, вишь, въ больницу. И мужики всѣ съ сожалѣніемъ посмотрѣли на неопытнаго совѣтчика.

— Ну, я вамъ дамъ письмо въ городъ къ своимъ пріятелямъ,—убѣждалъ Перепелкинъ,—они это и безъ васъ устроятъ, задержки вамъ никакой не будетъ.

— Подь ты къ Богу съ твоимъ письмомъ!—говорили мужики, покачивая головой и размахивая руками.

— Если хотите, самъ поѣду,—горячился Перепелкинъ,—потому что безчеловѣчно же такъ оставлять страдальца, когда, можетъ быть, доктора и помогли бы ему.

Мужики не обращали уже вниманія на его слова и стали укладываться спать.

— А, вѣдь, ямщики правильно разсуждаютъ,—сказалъ хозяинъ, стоявшій на крыльцѣ,—легко ли сказать въ больницу! Безъ помощи этого сдѣлать нельзя, а тутъ можетъ завариться такая каша, что, пожалуй, и въ двѣ недѣли не расхлебаешь ея. Да и что вы или ваши товарищи могутъ тутъ сдѣлать? Ничего не сдѣлаете. Полиціи нужно сорвать, ну и сорветъ, кто бъ тутъ ни вмѣшался. Куликъ то же самое подтвердилъ на разныхъ примѣрахъ.

Путникамъ отвели для ночлега кладовку, такъ какъ въ комнатѣ было душно. Старикъ, помолившись Богу, поохавъ, повздыхавъ, скоро уснулъ; но Перепелкину не спалось: онъ занятъ былъ переборкой впечатлѣній дня. Назойливѣе всего была мысль о несчастномъ страдальцѣ, съ кучею дѣтей, которыя должны остаться безъ куска хлѣба. «Господи, Боже мой!—разсуждалъ онъ про себя,—больнаго везутъ чрезъ университетскій городъ, гдѣ есть и клиника и не одна больница, есть благотворительныя общества, на-лицо всѣ высшія власти, а все-таки хлопотать о помощи ему нельзя, потому полиція... сорвать нужно... задержка безпремѣнная... хошь и дашь, задержка будетъ! Да неужели же исхода нѣтъ изъ этого проклятаго положенія?»

— Да какъ же ты, родная, доплелась до Ерусалима?—слышалось изъ комнаты: чай, какихъ диковинокъ насмотрѣлась и въ пути и на мѣстѣ, въ святомъ градѣ!

— И, мать моя, и не разсказать всего! Все по солнцу шли, все по солнцу: черезъ Кѣовъ, черезъ Адестъ, а тамъ все бусурманскія земли, по-нашему, по-русскому, никто ни слова не говоритъ; все по-своему,

все по-своему. И вѣры не нашей, креста не носятъ и не кладутъ. А въ Ерусалимѣ, мать моя, есть гора, большущая такая. А въ той горѣ есть щель. Передъ заутреней Христовой только приложи ухо къ ней, услышишь, какъ грѣшныя души мучатся въ аду...

— Неужто, касатка, сама слыхала?

— Охъ, слыхала, мать, слыхала! Да лучше бы и не слыхать. Такъ болѣзно стонутъ и ноютъ, что сердце у меня замерло и волосы на головѣ поднялись дыбомъ. Видно, въ смолѣ кипятъ: клокочетъ и пыхтитъ. Аль на сковородахъ жарятся, потому лязгъ желѣза и цѣпей чудится.

— Мать ты моя Пресвятая, Владычица Небесная! — раздавались причитанія, сопровождаемыя тяжелыми вздохами.

Подъ монотонные, лживые разсказы болтливой богомолки Перепелкинъ сталъ мало-по-малу засыпать и, наконецъ, уснулъ. И снится ему, что онъ—епископъ, и ѣдетъ по епархіи, съ цѣлью удостовѣриться, наставляется ли его паства духовная въ правилахъ нравственности, въ правдѣ и истинѣ; не терпитъ ли она соблазна отъ нарушенія божескихъ и человѣческихъ законовъ; не страждетъ ли она, безпомощная, отъ стихійныхъ случайностей: голода, холода, опустошительнаго огня и сокрушительнаго наводненія; не колеблется ли ея вѣра отъ человѣческаго безсилія противостоять злу; какими путями доводится она до убѣжденія въ Промыслѣ Божіемъ, успѣшно ли освобождается отъ суевѣрія и предразсудковъ, низводящихъ человѣка на степень животнаго. И, вотъ, на пути чрезъ городъ, у полицейскаго дома, онъ видитъ группу людей унылыхъ, очевидно, пораженныхъ горемъ.—Что такое?—спрашиваетъ онъ, велѣвъ остановиться и подозвавъ къ себѣ одного изъ этихъ людей,—что такое у васъ случилось, что вы всѣ въ такомъ уныніи и кто тамъ у васъ на телѣгѣ лежитъ подъ рогожкой—больной или мертвый?

— Больной... Еле дышетъ... надорвался... возъ поднялъ... Всего свело. Хотѣли, слышь, въ больницу, да не принимаютъ и насъ не отпущаютъ: другія сутки, слышь, стоимъ тутъ.

Онъ, епископъ, хочетъ выйти изъ кареты, чтобы благословить страдальца и ходатайствовать за него, какъ вдругъ—откуда ни возьмись—какъ изъ земли выросъ передъ ними полицеймейстеръ:

— Не извольте безпокоиться, ваше преосвященство,—говорилъ онъ заискивающимъ голосомъ,—это дѣло сейчасъ устроится... маленькія недоразумѣнія тутъ были... теперь устранены... сейчасъ все устроится.

— Хорошо, пришлите мнѣ сказать, когда все устроится: я тутъ по дорогѣ заѣду въ двѣ церкви, но не уѣду изъ города, пока не дадите мнѣ знать, что больной помѣщенъ въ больницу, а ямщики отпущены.

И сладкій трепетъ почувствовалъ онъ, владыка, въ своемъ сердцѣ, когда не прошло и полчаса, какъ онъ увидѣлъ знакомый обозъ, потянувшійся мимо той церкви, изъ которой онъ выходилъ, и подъѣхавшаго

къ нему полицеймейстера съ докладомъ, что больной помѣщенъ въ больницу. И чудится ему далѣе, что мать-таки дождалась исполненія одного изъ ея желаній, увидѣть его не меньше какъ губернаторомъ или архіереемъ. «Послѣднее бы еще лучше», мечтала она когда-то, лаская и цѣлуя его: «ждутъ архіерея... я стою на паперти, затертая толпой. Ты, голубчикъ, сразу запримѣтилъ мать и направляешься стремительно къ ней, чтобы ей первой дать святительское благословеніе. Народъ разступается... мать, мать, говорятъ, ищетъ... а я трепещу отъ радости и боюсь, какъ бы не умереть на мѣстѣ отъ такого счастья». И видитъ онъ, что карета его уже въѣзжаетъ на гору, съ которой, какъ на ладони, видно село, гдѣ онъ родился. Вотъ верховой подскакалъ къ колокольнѣ, и раздался звонъ. Народъ заполнилъ всю ограду и половину улицы, примыкавшей къ ней. Отецъ Савва съ крестомъ и св. водой выступилъ въ полномъ облаченіи въ преддверіе храма встрѣчать своего сына-епископа. И вотъ у него, единороднаго, любимаго отцомъ и матерью, Савоньки, нынѣ епископа, по монашескому обѣту отрекшагося отъ міра и всѣхъ его привязанностей, начинается борьба мірскаго чувства, любви къ родителямъ, съ условіями епископскаго достоинства, требующаго безстрастнаго отношенія къ присным и кровнымъ — выдержитъ ли онъ подобающую роль и не бросится ли онъ на шею матери, цѣлуя ее и въ очи, и въ уста, и въ руки? Нѣтъ, не выдержалъ епископъ: онъ прослезился, благословляя отца, цѣлуя его руки и не давая своей, и страшно зарыдалъ, когда только еще приблизился къ матери, которой такъ давно не видалъ...

— Что такое? Что такое? Голубчикъ, Савва Саввичъ, съ чего вы такъ разрыдались?—говорилъ Куликъ, вскочивши съ своего ложа и опрометью подбѣжавши къ Перепелкину.

— А? что? рыдалъ?.. сонъ...—бормоталъ несвязно полусонный епископъ, обводя глазами кладовку и, отеревъ смоченное слезами лицо, опять уснулъ.

Но сонъ его вскорѣ былъ прерванъ раздавшимся въ кладовкѣ, — гдѣ, какъ ему казалось, они только вдвоемъ съ Куликомъ спали,—дѣтскимъ пискомъ.

Въ углу, на полу, изъ-подъ рваной понявы, вынырнула маленькая дѣвчонка и, прикрывая ручонками чью-то головку, умоляла толстогрудую бабу, стоявшую надъ нею съ прутомъ, дать Митѣ еще поспать маленько и не стегать его.

— Я сама, тетенька, я сама догляжу—вотъ-те Христосъ—догляжу. Не стегай только его, родная! Вчерась и кусочка не ѣлъ, весь день головка болѣла.

— Ну, разговаривай больше, шпивая: я и космы-те оборву,—шипѣла

баба и замахнулась прутомъ, чтобы стегнуть дѣвочку, но Перепелкинъ вырвалъ изъ ея руки прутъ и сломалъ его. Произошла сцена.

— Ты что мнѣ за указчикъ такой?—свирѣпѣла баба,—они, вѣдь, не хозяйскія какія, «въ кусочки ходятъ». Ишь ты, какой еще нашелся заступникъ! Вставайте живо, щенки, а то самое хозяйку пошлю,—крикнула она, уходя изъ кладовки и ругаясь.

Дѣвочка растормошила братишку, и оба поспѣшили къ исполненію какихъ-то обязанностей.

Оказалось, что дѣти—круглыя сироты. Дѣвочкѣ 5 лѣтъ, мальчику—четыре года. Живутъ милостыней—«ходятъ въ кусочки»,—для собиранія которой одному изъ нихъ, поочередно, дается въ день часа два времени, а остальное время, съ ранняго утра и до заката солнечнаго, они должны караулить на дворѣ и на улицѣ хозяйскую птицу: цыплятъ, гусятъ, утятъ и индючатъ. Все это за пріютъ, который имъ давали лѣтомъ въ кладовкѣ, а зимой подъ лавкой у печки. Это считается благодѣяніемъ.

— Какъ-бы не мы, куда бы они дѣлись, мозглявыя!—слышался изъ комнаты протестъ уже самой хозяйки.

Сильно сжималось сердце въ груди Перепелкина, когда онъ сталъ вдумываться въ безпомощное положеніе этихъ сиротъ-малютокъ, брошенныхъ судьбою, очевидно, къ такимъ людямъ, отъ которыхъ не то, что ласки и привѣта, даже простаго человѣческаго состраданія къ нимъ нельзя ожидать.

— Какъ бы имъ помочь?—сказалъ онъ вслухъ, разсуждая самъ съ собой.

— Чу! погромыхиваетъ уже,—откликнулся Куликъ, быстро повернувшійся къ нему лицомъ съ своего ложа и прислушивавшійся къ отдаленному глухому гулу: я вамъ говорилъ, что быть дождю, не даромъ суставы ныли. Вотъ увидите, какой хлестанетъ.

Пробило четыре часа на хозяйской половинѣ. Перепелкинъ, занятый мыслями о судьбѣ малютокъ, оберегателей пернатыхъ выводковъ, пошелъ поискать ихъ во дворѣ, присмотрѣться къ нимъ и поразспросить ихъ, что они и какъ. Дворъ былъ огромный, съ навѣсами кругомъ, откуда несло ѣдкимъ острымъ запахомъ навоза и всякой неперебродившей дряни. Ямщиковъ уже и слѣдъ простылъ: они еще на зарѣ тронулись въ путь. Подъ однимъ изъ навѣсовъ сама хозяйка, дородная женщина, и толстогрудая баба, ея кухарка, доили коровъ. Онѣ недружелюбно поглядывали на Перепелкина, который, хотя и заприметилъ дѣтей подъ однимъ изъ отдаленныхъ навѣсовъ,—гдѣ, повидимому, происходила кормежка цыплятъ, потому что часто слышались, дѣтскими голосами, призывы: «цыпъ, цыпъ, цыпъ!»—но рѣшился не подходить къ нимъ, пока бабы не уйдутъ съ молокомъ въ избу.

Вотъ онѣ спускаютъ уже подобранные высоко и подтыканные, на время доенія, подолы и уходятъ, бросая мимоходомъ суровые и даже, видимо, враждебные взгляды на Перепелкина; но онъ не смущается тѣмъ, и какъ только онѣ скрылись, подошелъ къ малюткамъ такъ тихо, что тѣ и не замѣтили его. Митя, худенькій, тщедушный мальчикъ, съ большой непокрытой и нечесанной головой, одѣтый въ какую-то рвань, очевидно, съ чужихъ плечъ, сидѣлъ, спиной къ Перепелкину, на корточкахъ, выгребалъ своими маленькими и худенькими ручонками пшенную кашу изъ горшка и разбрасывалъ ее самымъ маленькимъ цыплятамъ, строго наблюдая, чтобъ на нее не набрасывались цыплята постарше, которымъ былъ разсыпанъ другой кормъ подальше, гдѣ сидѣла сестренка, и такъ была занята распутываньемъ конскихъ волосъ, напутавшихся вокругъ ножекъ уже не маленькаго цыпленка, что тоже не примѣтила Перепелкина, хотя и сидѣла въ полъоборота къ нему.

Митя, кормя кашкой цыплятъ, соблазнялся ею и самъ: нѣтъ-нѣтъ, да и броситъ горсточку себѣ въ ротикъ.

— Манька, что-жъ ты кашки-то?—обратился онъ къ сестренкѣ:—эво, сколь ищо, и не скормить за день!

Перепелкинъ въ ту же секунду поспѣшилъ осторожно передвинуться за уголъ такъ, чтобъ дѣти какъ можно дольше не примѣтили его.

Дѣвочка отпустила распутаннаго цыпленка, подошла къ братишкѣ и, запустивъ раза два ручонки въ горшокъ съ кашей, набила ею ротикъ.

— Бери ящо, эво сколь осталось!—поощрялъ ее Митя.

Но она заботливо осмотрѣла пернатыхъ и, усѣвшись возлѣ Мити, ручонками стала расчесывать его бѣлокурые жиденькіе волосенки.

— Что, головка не болитъ?

— Нѣ, топеря нѣ.

— А болячку-то почто сорвалъ?

— Свербитъ дюжо.

— Вишь, стегнула-то какъ паскуда.

— Это не Химка, это сама, а Химка эво-гдѣ—показывалъ мальчонка ручкой на своей головкѣ.

Хлопнула дверь въ избѣ, и Перепелкинъ за лучшее счелъ пройти незамѣченнымъ въ огородъ, чтобъ не накликать бѣды на дѣтей. Раскаты грома слышались все чаще и ближе. Кругомъ все небо заволокло. Въ воздухѣ—несмотря на раннее время—чувствовалась духота, вродѣ свинцовой тяжести, производившая томительное давленіе на грудь и голову. Перепелкинъ, поспѣшая въ комнаты, заглянулъ подъ навѣсъ; но дѣтей тамъ не видать было. Только на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣли они давеча, онъ увидѣлъ трехъ насѣдокъ, которыя, подобравъ подъ себя и

свои крылья дѣтенышей, сидѣли нахохлившись съ полузакрытыми глазами. Впослѣдствіи, впрочемъ, оказалось, что дѣти сидѣли тутъ же въ опрокинутомъ кузовѣ тарантаса, прижавшись другъ къ дружкѣ и закрывшись съ головами, такъ какъ сильно боялись грома.

Когда Перепелкинъ вошелъ въ комнату, раздался оглушительный трескъ, вслѣдъ за которымъ полился дождь, какъ изъ ведра. Было около 6 часовъ. На столѣ кипѣлъ самоваръ и стояло нѣсколько чайныхъ приборовъ, но для кого—Перепелкинъ недоумѣвалъ, въ комнатѣ никого не было, ни чужихъ, ни хозяйскихъ. Но вотъ вошелъ Куликъ, а вслѣдъ за нимъ и хозяинъ съ хозяйкой. Послѣдняя сперва зажгла по случаю грозы подъ образами лампадку и восковыя свѣчи, прилѣпленныя къ кіотамъ, а потомъ заварила чай. При раскатахъ грома, Куликъ, хозяева и появившаяся съ горячими ватрушками, толстогрудая Химка истово крестились и всякій разъ приговаривали: Господи—Суся, Владычице Пресвятая, Илья пророкъ праведный, помилуй насъ! Началось чаепитіе, къ которому былъ приглашаемъ и Перепелкинъ, но онъ отказался, подъ предлогомъ, что не привыкъ такъ рано ѣсть и пить.

— А это, господинъ,—не знаемъ какъ васъ величать—обратился хозяинъ къ Перепелкину, можетъ быть, обидѣвшись неумѣстнымъ отказомъ его отъ совмѣстнаго чаепитія—не резонтъ озорничать и ломать прутья, когда за дѣло стегаютъ робятъ.

Перепелкина взорвало выраженіе: «озорничать», и онъ уже готовъ былъ въ самыхъ пылкихъ рѣчахъ объяснить—кто тутъ озорничалъ, но, вспомнивъ, что этимъ можно только навлечь гнѣвъ на несчастныхъ дѣтей и ухудшить ихъ положеніе, онъ тотчасъ же смирился и съ кротостію замѣтилъ, что мы должны слѣдовать Христу, который-де сильно любилъ невинныхъ дѣтей и всегда кротко и нѣжно обходился съ ними.

— Мы писаніевъ не знаемъ,—отвѣчала за мужа жена его,—а знаемъ, какъ насъ учили, то же, вѣдь, прутьевъ не жалѣли.

Перепелкинъ не счелъ нужнымъ продолжать разговоръ и вышелъ посидѣть на крыльцо. Дождь продолжался, но небольшой уже и съ перемежками. Воздухъ освѣжѣлъ, очистился, и стало легко и хорошо дышать имъ. Перепелкинъ все думалъ, что бы сдѣлать въ пользу несчастныхъ сиротокъ. Онъ уже примѣтилъ, гдѣ они, но находилъ совершенно неблагоразумнымъ подходить къ нимъ, а тѣмъ болѣе вступать съ ними въ какіе-либо разговоры, изъ опасенія подвергнуть ихъ преслѣдованіямъ этихъ свирѣпыхъ людей.

Дождикъ уже пересталъ, и можно было собираться въ путь, но Куликъ не выходилъ—значитъ, чаепитіе продолжалось въ комнатѣ, а Перепелкину не хотѣлось и порога переступать туда, пока оно не кончится. Вотъ пробило въ комнатѣ семь часовъ, а Куликъ все пьетъ,

да пьетъ чай. Перепелкинъ сталъ терять терпѣніе и не потому, чтобы ему хотѣлось поскорѣе отправиться въ путь, а потому, что онъ никакъ не могъ придумать, что бы можно было сдѣлать наскоро въ пользу несчастныхъ дѣтей, и хотѣлъ наединѣ посовѣтоваться объ этомъ со старикомъ. Вдругъ съ улицы сталъ доноситься легкій стукъ колесъ по бревенчатой мостовой близъ дома, и раздался громкій смѣхъ и говоръ свѣжихъ молодыхъ голосовъ. На дворъ влетѣлъ маленькій фаэтончикъ, запряженный въ одну лошадь и правимый маленькой, повидимому, барышней. Съ ней рядомъ, обнявши ее правой рукой за талію, сидѣлъ высокій, очень молодой мужчина, какъ бы похожій на нее. Оба были чрезвычайно красивые.

— Вы играете въ шахматы?—крикнула она издали Перепелкину, еще подъѣзжая только къ крыльцу.

Молодой человѣкъ зажалъ ей легонько ротъ, смѣясь и весело раскланиваясь съ Перепелкинымъ, но она, веселая и бойкая, тоже со смѣхомъ отдернула руку своего спутника и продолжала:

— Вѣдь, вы семинаристъ? Я это вижу сейчасъ.

— Да полно тебѣ, Вѣрочка!—говорилъ молодой человѣкъ, взявъ ее на руки и неся ее, какъ куколку, на рукахъ на крыльцо.

— Вѣдь, правда - вы семинаристъ?—опять обратилась она къ Перепелкину, когда ее поставили на ноги.

— Семинаристъ,—отвѣчалъ раскраснѣвшійся, какъ зарево, Перепелкинъ.

— А я поповская дочь,—говорила она, подавая маленькую, въ изящной перчаткѣ, руку Перепелкину. А это—указала она на своего спутника, заливавшагося веселымъ смѣхомъ—мужъ мой—ночной воръ, онъ укралъ меня изъ родительскаго дома въ глухую полночь и на разсвѣтѣ повѣнчался со мною за пятьдесятъ верстъ отсюда. Вотъ—кто мы! И она повисла на шею этому вору и совершенно зацѣловала его, несмотря на то, что на крыльцѣ уже очутились хозяинъ, хозяйка, Куликъ и даже толстогрудая Химка.

— Вы извините ее, пожалуйста,—обратился, въ свою очередь, молодой человѣкъ—ночной воръ къ Перепелкину, крѣпко пожимая ему руку,— она у меня еще совершенно какъ ребенокъ, болтаетъ, что въ голову придетъ. Видите ли, мы ѣхали къ своимъ—здѣсь ея папаша, а мой тесть, живетъ. У нея зоркіе глаза. Вонъ, говоритъ, на крыльцѣ сидитъ семинаристъ—побожилась даже, что семинаристъ—и навѣрное умѣетъ играть въ шахматы. Вотъ я, говоритъ, и сдѣлаю моему свекру сюрпризъ, предоставлю ему сейчасъ часика на два, на три этого молодца. Навѣрное, не откажетъ. Отецъ мой, старикъ, надо вамъ сказать, третій день хандритъ, нѣтъ ему партнера въ шахматы. Мы съ Вѣрой и понятія объ этой игрѣ не имѣемъ...

— Неправда,—перебила она,—играешь ты недурно, да только отъ меня ни на минуту не отстаешь и путаешь, а папа не любитъ, когда разсѣянно играютъ.

— Ну, можетъ быть, и такъ,—согласился молодой человѣкъ, держась за ея гибкую талію и не утерпѣвъ таки, чтобъ не поцѣловать ее крѣпко, что привело на память Перепелкину слова Кулика: «и все цѣлуются да милуются, цѣлуются да милуются».

— А постоянный его портнеръ—видите ли—проживающій у насъ съ давнихъ поръ, отставной маіоръ Хлопкинъ,—продолжалъ молодой человѣкъ,—уѣхалъ на три дня въ городъ, да вотъ ужъ пятый день не возвращается, и посланный вчера въ городъ нарочный нигдѣ не могъ его разыскать: должно быть, закутилъ и удралъ куда подальше.

— Да, полно тебѣ тянуть,—перебила она его опять. Видите ли, старикъ хандритъ, и если вы умѣете играть въ шахматы, да еще не торопливо и долго обдумываете ходы, те вы бы премного обязали и его, и насъ, поѣхавъ съ нами—тутъ близехонько—и пожертвовавъ намъ часика два, если только можно.

Перепелкинъ любилъ играть въ шахматы, и именно такъ, какъ требовалось тутъ, и сейчасъ же согласился, тѣмъ съ большей готовностью, что онъ надѣялся чрезъ этихъ веселыхъ и счастливыхъ людей устроить судьбу сиротокъ, въ чемъ онъ и не ошибся.

Усадьба была близехонько, и потому Перепелкинъ поспѣшилъ, какъ только выѣхали со двора, сообщить молодымъ людямъ о тяжкомъ положеніи малютокъ, которыхъ участь тяжелымъ камнемъ легла на его сердце, но какъ существенно помочь имъ, онъ рѣшительно ума не приложитъ, и только можетъ оставить въ ихъ пользу рублей десять денегъ, но сомнѣвается, чтобъ эти деньги были употреблены на нихъ, не говоря уже о томъ, что жестокое обращеніе съ ними отъ этой помощи вовсе не измѣнится.

Куда дѣвались смѣхъ и веселая болтовня молодой счастливой четы, когда Перепелкинъ, съ дрожью въ голосѣ и слезами на глазахъ, наглядно представилъ имъ видѣнныя картины варварства надъ малютками!

И онъ и она отдались серьезнымъ думамъ, и ни на минуту уже нельзя было сомнѣваться, что судьба малютокъ будетъ устроена. Это были мягкіе, добрые, гуманные и притомъ умственно развитые молодые люди.

— Что касается насъ, а особенно ея вотъ—говорилъ тоже взволнованнымъ голосомъ молодой супругъ: то тутъ и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобъ мы оставили теперь этихъ малютокъ на произволъ судьбы. Ее, вѣдь,—указалъ онъ на супругу и поцѣловалъ таки—и хлѣбомъ не корми, а подавай только побольше такихъ дѣлъ. У нея тамъ, въ имѣ-

ніи, завелся уже цѣлый пріютъ сиротокъ, и, конечно, намъ ничего не стоитъ взять и этихъ дѣтей, но тутъ есть одно затрудненіе...

— Да я объ этомъ-то и сама теперь думаю: согласится ли сельское общество уволить дѣтей и отдать ихъ намъ на попеченіе?

— Я полагаю,—серьезно замѣтилъ супругъ,—что намъ съ тобою и браться самимъ не слѣдуетъ за это дѣло, чтобъ какъ-нибудь не испортить его, или не затормозить надолго, а лучше просить стариковъ, твоего и моего отца: они основательнѣе насъ поступятъ въ этомъ случаѣ, да и вѣсъ ихъ въ глазахъ крестьянъ позначительнѣе нашего.

— Браво, браво!—захлопала въ ладоши молодая супруга и, обвившись руками вокругъ шеи мужа, засыпала его поцѣлуями, такъ что онъ передалъ вожжи Перепелкину, извиняясь передъ нимъ неизвѣстно въ чемъ.

— Видишь, какъ мы сдѣлаемъ это: сперва мы поведемъ сейчасъ атаку на твоего отца и, заручившись его согласіемъ, поѣдемъ ту жъ минуту къ моему. Мой—не сомнѣваюсь—все сдѣлаетъ для меня.

— А развѣ мой отецъ, а также и мать моя отказывали тебѣ въ чемъ-нибудь? Эта маленькая особа,—обратился онъ къ Перепелкину, указывая головой на жену, по тѣснотѣ экипажа, сидѣвшую у мужа на колѣняхъ,—могла бы сдѣлаться деспотомъ въ домѣ, если бы отъ природы не была надѣлена безгранично добрымъ сердцемъ, благородствомъ души и чувствомъ высокой справедливости. Вѣдь, въ ней души не слышатъ всѣ, начиная отъ послѣдней прислуги въ домѣ и кончая моими родителями, которые не надышатся на нее, какъ на . . . Дальше она не дала ему говорить, зажавши ротъ ему своей миніатюрной и чрезвычайно граціозной ручкой.

«Вотъ парочка-то!»—думалъ про себя не безъ-зависти Перепелкинъ. Онъ прикидывалъ въ своемъ умѣ, кто лучше: эта крошка, или Клодочка, лучезарнымъ метеоромъ блеснувшая предъ нимъ на короткій мигъ? «Нѣтъ, Клодочка»,—рѣшалъ онъ безпристрастно, «лучше: у ней и мысль и чувство должны быть глубже, чѣмъ у этой, какъ-бы не вполнѣ еще физически и нравственно сформировавшейся, куколки».

Старикъ чрезвычайно обрадовался, когда ему отрекомендовали Перепелкина, который готовъ пожертвовать хоть цѣлый день на игру съ нимъ въ шахматы, если и ему помогутъ устроить одно доброе дѣло здѣсь въ селѣ, «что мы уже и обѣщали ему», сказали молодые супруги не безъ нѣкотораго волненія.

— Что жъ это за дѣло такое?—спросилъ старикъ, пристально взглянувъ на свою жену и глубокомысленно понюхавъ табачку.

Молодые робковато, какъ-бы не увѣренные въ успѣхѣ своего ходатайства, передавали суть дѣла и съ замѣтно тревожнымъ духомъ ожидали, что скажетъ старикъ.

— Только-то?—обратился онъ къ Перепелкину: ну, давайте играть.

— Какъ, папочка, дѣло въ шляпѣ, какъ вы говорите?—подскочила невѣстка къ свекру и горячо поцѣловала его въ обѣ щеки.

— Конечно, въ шляпѣ,—сказалъ онъ, усаживаясь за маленькій столъ и приглашая Перепелкина занять мѣсто.

— Когда-жъ, папочка, можно это сдѣлать?—осаждала она.

— Да хоть сейчасъ.

— А сельское общество?

— Это пустяки!—отвѣчалъ старикъ нѣсколько сурово: поѣзжайте и привезите ихъ сейчасъ сюда. А если бы тамъ начались споры о правахъ, то скажите головѣ или тамъ въ волости, что я беру дѣтей-сиротъ на свое попеченіе до ихъ совершеннолѣтія, такъ какъ съ ними жестокосердно обращаются, и что никто имъ не мѣшаетъ жаловаться на меня, если кто этого пожелаетъ.

Восторгомъ дышало лицо молодой заступницы, которая опять не преминула поцѣловать старика въ обѣ щеки, съ нѣжностью обняла, мимоходомъ, добродушно улыбавшуюся свекровь свою, и, схвативъ подъ руку своего мужа, кивнула головкой Перепелкину и быстро исчезла.

Чрезъ минуту уже доносился со двора въ комнаты веселый смѣхъ и говоръ ихъ, когда они усѣлись въ экипажѣ и заспорили, чья очередь теперь править.

— Милое дитя!—сорвалось у старухи, стоявшей у окна и проводившей ихъ глазами.

— А, вѣдь, было время, моя милая, когда мы оба—ухъ! какъ свирѣпѣли противъ этой крошки, соблазномъ будто-бы увезшей нашего сынка.

Старуха перекинулась нѣсколькими словами съ гостемъ, распорядилась, чтобъ ему подали чаю, и удалилась.

Старикъ, какъ видно, былъ страстный любитель игры въ шахматы. Онъ очень долго обдумывалъ каждый ходъ и готовъ былъ, повидимому, разсердиться, за одинъ, какъ ему показалось, опрометчивый ходъ, сдѣланный Перепелкинымъ, но вскорѣ увидѣлъ, что у противника есть свой оригинальный планъ, съ которымъ ему пришлось считаться во всеоружіи своего долгаго навыка и опыта, и все-таки, какъ ни бился онъ, радъ былъ уже тому, что игра кончилась «ни въ чью».

— Да, вы того . . —сказалъ онъ, понюхавъ табачку.

Но старуха предложила завтракать, и онъ не договорилъ чего-того.

Оба они были люди симпатичные, простые, на видъ ужъ очень пожилые, и Перепелкину какъ-то легко и пріятно чувствовалось въ ихъ обществѣ. Онъ понялъ теперь и вполнѣ раздѣлялъ мысль сына ихъ, что крошка—невѣстка ихъ, пользуясь безграничной любовью со сто-

роны мужа и стариковъ, дѣйствительно могла сдѣлаться деспотомъ въ домѣ, если бы не обладала такими высокими качествами, какія приписываетъ ей мужъ ея. Но откуда же взять эти качества? Положимъ, можно быть по природѣ добрымъ, мягкимъ, безхарактернымъ до тряпичности, равно какъ жосткимъ, черствымъ и злымъ до звѣрства,—но «благородство души, чувство высокой справедливости»—вѣдь, это же, несомнѣнно, свойства благопріобрѣтенныя, вырабатывающіяся воспитаніемъ подъ вліяніемъ среды, мѣста, духа времени, преобладающихъ вѣяній и настроенія въ общественной жизни, въ тѣсной связи, разумѣется, съ условіями матеріальной жизни. Значитъ же, было въ условіяхъ жизни этой крошки что-то такое, что развило въ ней эти свойства.

«Значитъ же, не праздная и не пустая фантазія, задаться цѣлію—самому стремиться къ самоусовершенствованію, умственному и нравственному, и другихъ направлять и подстрекать къ тому же»,—упражнялся мысленно на своемъ любимомъ, обычномъ уже, конькѣ Перепелкинъ, пока старикъ, прежде чѣмъ сѣсть за завтракъ, настрочилъ отвѣтъ на поданную лакеемъ въ столовой записку, чтеніемъ которой въ то же время занялась и старуха.

— Дѣти пишутъ, что въ волости потребовали отъ нихъ письменнаго удостовѣренія, что я беру сиротъ на свое попеченіе до ихъ совершеннолѣтія—ну и послалъ имъ это удостовѣреніе,—говорилъ старикъ, садясь за столъ и завязывая салфетку на шеѣ.

— А вамъ чего угодно?—въ одно время спросили Перепелкина старики: водочки, винца, или наливочки?

Перепелкинъ налилъ себѣ полъ-рюмки наливки.

— Что жъ вы такъ?—удивился старикъ: вѣдь, ваша братія любитъ выпивку.

— Нѣтъ, я не охотникъ.

— Бываетъ и это. Вотъ у насъ два сына. Тотъ, котораго вы видѣли, и въ ротъ не беретъ ничего хмѣльнаго вотъ уже пять лѣтъ—съ тѣхъ поръ, какъ женился на своей милкѣ, хотя и жестоко покучивалъ студентомъ, ну, а другой, постарше, военный, много горя причиняетъ намъ со старухой своимъ пристрастіемъ къ водкѣ. И въ кого такой задался: ни въ моемъ, ни въ женином родѣ—насколько можно прослѣдить нашу генеалогію по восходящей линіи—пьяницъ не было, были любители кутежей, но не пьяницы. А этотъ напивается до безобразія, постоянно скандалитъ и все больше, и больше запутывается въ долги. Чѣмъ ужъ кончитъ—боимся думать. У старухи показались слезы, она усиленно стала мигать глазами, и старикъ замолчалъ.

Освѣдомившись, затѣмъ, подробно—кто онъ, куда направляется и съ какими цѣлями, старики любезно стали убѣждать Перепелкина про-

ѣхать на ихъ лошадяхъ упряжки двѣ—три, погостивши у нихъ денекъ—другой.

— Нѣтъ, этого я не могу сдѣлать: часамъ къ четыремъ я желалъ бы выйти изъ деревни.

— Да, почему же такъ?—удивились они оба.

— У меня есть спутникъ, который по обѣту идетъ пѣшкомъ на богомолье въ Москву и Сергіевскую лавру, и на лошадяхъ ни за что не согласится ѣхать.

— Ну, и пусть себѣ идетъ, вы догоните.

— Да, извольте видѣть, человѣкъ онъ опытный, знаетъ эти края, а мнѣ хотѣлось бы ко всему присмотрѣться, кое-что изучить или, по крайней мѣрѣ, ознакомиться...

— Да для чего все это вамъ нужно? Вѣдь, вы же учиться идете въ академію или въ университетъ тамъ?—возразили старики, удивленно переглядываясь другъ съ другомъ и вопросительно смотря на Перепелкина.

Перепелкинъ видѣлъ, что не легко растолковать старикамъ, чему бы онъ хотѣлъ поучиться въ дорогѣ, а потому сказалъ только, что онъ, какъ малороссъ, мало знакомый, да и то по книжкамъ—съ Великороссіей, надѣется, при маленькомъ содѣйствіи своего спутника, познакомиться съ нравами и обычаями кореннаго русскаго народа, что̀, дескать, очень интересуетъ его.

Старики недовѣрчиво улыбнулись, переглянувшись другъ съ другомъ.

— А! теперь я догадалась,—сказала, добродушно обрадовавшись своему открытію, старушка,—вы хотите заблаговременно присмотрѣться, гдѣ лучше быть священникомъ.

— Э, э! молодъ, да, небось, себѣ на умѣ!—подтвердилъ старикъ ея догадку, пріятно осклабляясь на Перепелкина. Ну, пойдемъ те же теперь и сразимся не на животъ, а на смерть!—говорилъ онъ, весело подхвативъ Перепелкина подъ руку и уводя его.

— Господь съ тобою!—запротестовала старушка,—какія слова ты употребляешь, ужъ совсѣмъ таки не идущія къ дѣлу!

— Ну, теперь я себя не дамъ вамъ поддѣть, какъ ужъ ни хитрите тамъ: ни, ни, ни,—говорилъ онъ, дѣлая ходъ.

Оба партнера углубились въ игру. Наступило гробовое молчаніе, изрѣдка только прерываемое возгласами старика: ни, ни, ни, не поддамся! если только онъ находилъ какой-либо ходъ со стороны противника особенно хитрымъ, да продолжительнымъ чиханіемъ, когда онъ, для возбужденія мысли, закладывалъ въ ноздри добрую понюшку крѣпкаго табака.

Былъ моментъ, когда Перепелкинъ, какъ ему казалось, могъ по-

прижать старика и выиграть игру, но онъ хотѣлъ повеликодушничать, затянулъ ее и проигралъ.

— Вотъ, что называется,—говорилъ старикъ восторженно,—разбить непріятеля по всѣмъ правиламъ искусства въ пухъ и прахъ!

Но когда Перепелкинъ, не щадя самолюбія старика, замѣтилъ, что игру можно было обратить ни въ чью, если бы онъ не сплоховалъ и воспользовался однимъ моментомъ, то старикъ, какъ истый любитель игры, потребовалъ возстановить этотъ моментъ и сразу далъ ловкій отпоръ хитро придуманному маневру самонадѣяннаго юноши, но слишкомъ ужъ обрадовался такому обороту дѣла и попалъ таки въ просакъ: какъ ни ломалъ голову, какъ ни набивалъ носъ табакомъ, приговаривая: ни, ни, шалишь, не поддамся, игра пошла въ такомъ направленіи, что онъ, видимо, долженъ былъ проиграть.

— Да, вы того...—сказалъ онъ опять упавшимъ голосомъ,—когда игра, дѣйствительно, была проиграна, и такое сокрушеніе духа разлилось по его лицу, что Перепелкину стало жаль его, и онъ попенялъ на себя въ душѣ за этотъ вызовъ, который и кончиться могъ бы все-таки полнымъ вторичнымъ его пораженіемъ, если бы старикъ, слишкомъ понадѣявшись на свою опытность, не сдѣлалъ на радостяхъ одного рискованнаго хода.

Вотъ ужъ скоро будетъ два часа, а молодой четы нѣтъ какъ нѣтъ. Во дворъ въѣхалъ легкій тарантасъ, и старикъ, какъ только заслышалъ стукъ экипажа и разсмотрѣлъ его, быстро оставилъ игру и поспѣшилъ на крыльцо. Перепелкинъ подошелъ къ окну. Изъ тарантаса высаживался, съ помощію лакея, очень, очень пожилой господинъ, съ мягкими и добрыми чертами лица. Старикъ сошелъ съ крыльца ему навстрѣчу, и они, крѣпко обнявшись, нѣсколько разъ принимались цѣловаться, смотря одинъ другому въ глаза и не выпуская другъ друга изъ объятій.

— Вѣрно, того?—подмигнулъ старикъ-хозяинъ.

— Ни, ни, ни!—говорилъ пріѣхавшій, отрицательно качая головой.

— Я, вѣдь, посылалъ за тобой въ городъ: нигдѣ не могли разъискать тебя...

— Ни, ни, ни!—отрицалъ что-то пріѣзжій.

На крыльцо вышла старуха. Пріѣзжій почтительно поцѣловалъ ей руку и освѣдомился о ея здоровьи.

— Вы-то какъ?—спросила она, пристально всматриваясь ему въ лицо, дышавшее необыкновенною кротостію.

— Ни, ни, ни!—потрясалъ пріѣзжій головою и отмахивался руками отъ какого-то таинственнаго предложенія стариковъ.

Всѣ прошли на половину маіорскую,—такъ назывались три комнаты, занимаемыя пріѣхавшимъ господиномъ. Это былъ, «съ давнихъ поръ»,

проживающій здѣсь майоръ, взамѣнъ котораго, вслѣдствіе затянувшагося его отсутствія, притащили сюда Перепелкина. Онъ имѣлъ слабость— пить запоемъ, но это не часто ему случалось. Попьетъ у себя въ комнатѣ, никуда не выходя и избѣгая всякихъ сношеній съ людьми, дней пять-шесть, и затѣмъ мѣсяца три-четыре въ ротъ ничего не беретъ. Отличался необыкновенною кротостію и уступчивостію. Любилъ духовное чтеніе и зналъ наизусть всѣ псалмы Давида и Евангеліе всѣхъ евангелистовъ. Никогда ни съ кѣмъ не спорилъ и свое несогласіе съ мнѣніемъ другихъ выражалъ или совершеннымъ молчаніемъ, или отрицательнымъ покачиваніемъ головы, съ прибавкой иногда: ни-ни. Вообще немногорѣчивъ, къ короткимъ отвѣтамъ прибавлялъ: съ. Съ чувствомъ игралъ на кларнетѣ, забравшись рано утромъ въ садъ и вызывая пернатыхъ на состязаніе, но больше всего любилъ шахматную игру, въ которой былъ силенъ, и Перепелкинъ изъ шести партій съ нимъ не выигралъ ни одной.

Пришелъ лакей и попросилъ Перепелкина пожаловать на майорскую половину. Старики, познакомивъ его съ маіоромъ, ушли.

— Въ Питеръ?—полюбопытствовалъ маіоръ, пыхтя изъ длиннѣйшаго чубука.

— Да, туда... учиться.

— Бывалъ и тамъ-съ. Пыхъ, пыхъ, пыхъ. У Аракчеева служилъ-съ.

— Ахъ, это любопытно,—встрепенулся Перепелкинъ,—что это за человѣкъ былъ такой загадочный?

Маіоръ пыхтѣлъ изъ чубука, смотрѣлъ на Перепелкина и не скоро отвѣтилъ:

— Звѣрь-съ!

— Но уменъ, должно быть, очень?

Пыхъ, пыхъ, пыхъ.

— Глупый-съ.

— Но за что же такъ превозвышенъ?

Началось сильнѣйшее, съ минуту продолжавшееся пыхтѣніе изъ чубука.

— Судьба-съ!

Маіоръ поставилъ трубку въ углу, къ коллекціи многихъ разнообразныхъ чубуковъ, и вытянулся во весь ростъ передъ Перепелкинымъ, какъ бы изображая въ статую обратившагося человѣка.

— Вотъ-съ! больше ничего не требовалъ отъ подчиненныхъ-съ.

— Говорятъ, набожный былъ?

— Одно лицемѣріе-съ.

— Неужели?

— Вѣкъ такой былъ-съ: требовалось.

Сѣли играть. Перепелкинъ, какъ ни старался быть внимательнымъ, но никакъ не могъ совершенно освободиться отъ мыслей, возбуждавшихся въ его умѣ этой не сложной и не многословной характеристикой извѣстнаго государственнаго человѣка, и проигрывалъ партію за партіей.

Наконецъ, къ четыремъ часамъ, когда уже позвали къ столу, пріѣхали молодые и съ шумомъ представляли заробѣлыхъ, растерявшихся, подобно пойманнымъ звѣркамъ, Машу и Митю. Они уже были вымыты, тщательно причесаны и въ чистомъ свѣжемъ бѣльѣ. Ихъ всѣ старались приласкать, но сколько-нибудь подбодрить ихъ и вызвать на разговоръ—оказалось пока невозможнымъ.

— Доброе дѣло-съ!—говорилъ маіоръ, погладивъ тоже по головкѣ мальчика и дѣвочку: доброе дѣло-съ и христіанское.

Рядомъ съ людской была чистая, высокая и очень большая комната, куда торжественно и повели дѣтей всѣ гурьбой. Здѣсь уже было пятеро дѣтей отъ 2 до 6 лѣтъ. Они были ввѣрены непосредственному попеченію вдовы бывшаго садовника, изъ крѣпостныхъ, очень доброй, какъ говорили, и благообразной пожилой женщины. На помощь ей назначена была горничная, которая тутъ же и помѣщалась. Въ комнатѣ, кромѣ чистоты, ничего не замѣчалось такого, что пріучало бы къ изнѣженности, отрывало бы отъ среды и развивало наклонности и вкусы, несовмѣстные со средствами простыхъ бѣдныхъ людей. Въ этомъ виденъ былъ тактъ молодой патронессы, о гуманности и добросердечіи которой успѣлъ маіоръ шепнуть Перепелкину на ухо нѣсколько словъ, пока она перекидывалась ласковыми словами, обращаясь то къ одному, то къ другому дитяти. Они ее обступили, глядѣли на нее привѣтливо, съ любовію, говорили смѣло, бойко, но учтиво; почтительно, безъ малѣйшаго оттѣнка чего-нибудь похожаго на фамиліарность. И здѣсь былъ виденъ тактъ воспитанія.

«Ангелъ-хранитель-съ,—шепнулъ маіоръ Перепелкину, стоя съ нимъ рядомъ позади всѣхъ, когда крошечная патронесса сиротъ-малютокъ взяла на руки двухлѣтняго карапузика, пощекотала его въ грудку и нѣсколько разъ любовно поцѣловала. На лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ изображалось умиленіе.

«Господи,—думалъ Перепелкинъ:—какъ легко и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно дѣлать добро и самимъ сдѣлаться добрыми! Вѣдь, стоитъ только серьезно захотѣть сдѣлать добро, и судьба поможетъ сдѣлать его. Не даромъ говорится: на ловца и звѣрь бѣжитъ. Какъ я счастливъ, что мнѣ удалось вырвать этихъ несчастныхъ дѣтей изъ проклятаго омута!»

Но, къ удивленію его, дѣти съ этимъ омутомъ разставались не только неохотно, а даже съ плачемъ и рыданіемъ обращались къ той же Химкѣ, стегавшей ихъ прутомъ по чемъ попало, чтобъ она не

давала ихъ господамъ. На силу успокоили ихъ: такъ робка и незлопамятна дѣтская натура!

Обѣдъ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ, которую умѣла заводить и поддерживать молодая хозяйка дома. Она мило потрунила надъ неумѣлостью своей и мужа говорить съ простыми людьми и выяснять имъ свои намѣренія; весьма характерно сообщила объ угрозахъ Химки и ея хозяйки по адресу Перепелкина, вслѣдствіе чего она, безъ разрѣшенія «адресата», вынужденною нашлась привезти его вещи съ собой, а «длинноносому» Кулику посовѣтовала продолжать путь и не безпокоиться о спутникѣ, который на лошадяхъ догонитъ его.

— Папа, можно на нашихъ лошадяхъ подвезти его до встрѣчи съ Куликомъ?

— Еще бы! Мы и сами ужъ предлагали, да онъ что-то упирается.

— Ну, теперь не станетъ упираться, когда спутникъ ужъ давно въ дорогѣ: онъ поспѣшилъ уйти, когда и на него стали коситься изъ-за дѣтей.

— А вся эта кутерьма изъ-за васъ произошла,—обратилась она съ милою улыбкою къ маіору. Гдѣ это вы, Николай Ивановичъ, къ нашему общему огорченію и безпокойству, пропадали такъ долго? Ужъ не влюбились ли въ кого?

— Вояжировалъ, милая Вѣра Николаевна, вояжировалъ, больше ничего,—говорилъ маіоръ,—добродушно улыбаясь и смотря на нее съ отеческою нѣжностью.

— Но почему же вы, Савва Саввичъ, отклоняли отъ себя предложеніе ѣхать на нашихъ лошадяхъ?

— Да онъ не спроста путешествуетъ,—подмигнулъ старикъ по направленію Перепелкина,—онъ, видишь, хочетъ, при содѣйствіи знающаго край Кулика, повысмотрѣть себѣ хорошее мѣстечко, чтобъ не искать его долго, по окончаніи курса.

— Нѣтъ, я этого вовсе не имѣлъ въ виду,—сказалъ Перепелкинъ, по обыкновенію конфузясь и краснѣя за чужой промахъ.

— А какъ же вы давеча говорили?—пристали старикъ и старуха.

— Я говорилъ только, что хочу познакомиться съ нравами и обычаями великороссовъ, которыхъ мало, только по книжкамъ знаю.

— Ну, вотъ оно такъ и есть: тутъ, вѣдь, другой же цѣли и не можетъ быть,—смѣялись добродушно старики, которымъ сталъ вторить и маіоръ.

— Нѣтъ, папочка и мамочка,—возразили въ голосъ молодые супруги,—тутъ можетъ быть цѣль совсѣмъ другая, научная.

Маіоръ сдѣлалъ серьезную физіономію. Старики, въ свою очередь,

переконфузились и стали съ дѣтскою растерянностію посматривать на молодыхъ людей, на маіора и другъ на друга.

— Мнѣ собственно хотѣлось бы присмотрѣться къ тому, какъ вообще живутъ люди на бѣломъ свѣтѣ,—рѣшился высказаться Перепелкинъ. Въ чемъ состоитъ ихъ счастье и несчастье, гдѣ корень зла...

— Да вамъ же какое дѣло до другихъ? Вѣдь, вы же не чиновникъ какой!—серьезно замѣтилъ старикъ.

— Можетъ быть, и въ вашемъ заступничествѣ за чужихъ дѣтей есть что-нибудь неладное?—съ безпокойствомъ въ лицѣ обратилась старуха къ переконфузившемуся Перепелкину.

— Что вы, мамочка, что вы... Господь съ вами!—говорили молодые супруги: это вопросы научные, надъ которыми и мы часто задумываемся, для разрѣшенія которыхъ выписываемъ много книгъ, читаемъ ихъ вмѣстѣ, изучаемъ и часто подолгу говоримъ и споримъ по поводу прочитаннаго.

— Что-то я этого не замѣчала у васъ,—сказала старуха, тревожнымъ взглядомъ посматривая то на сына, то на невѣстку.

— А развѣ, мамочка, я не совѣтовалась съ вами, какъ наполнить нашу жизнь такъ, чтобы мы оба еще очень молодые отъ бездѣйствія не подверглись разъѣдающей праздныхъ людей скукѣ, а имѣли бы опредѣленныя цѣли и задачи въ жизни, выполненіе которыхъ сообща, вмѣстѣ другъ съ другомъ, и поддерживало бы до гроба ту неразрывную связь, которая установилась между нами? Развѣ забота, которую мы оба приняли на себя, объ улучшеніи положенія нашихъ крестьянъ и о призрѣніи сиротъ, и вообще заброшенныхъ дѣтей, не составляетъ одной изъ задачъ, которыя требуютъ серьезнаго изученія?

— Да, вѣдь, это все, милая, дѣлается, въ вашихъ личныхъ интересахъ,—съ самодовольствомъ уже возражали старики,—ты имѣешь въ виду себя и мужа. А то вдругъ выискался человѣкъ, который пѣшкомъ хочетъ пройти полторы тысячи верстъ, чтобъ присмотрѣться— кто счастливъ, кто несчастливъ, и въ чемъ корень зла,—иронизировали уже старики.

Перепелкина это взорвало, тѣмъ болѣе, что онъ самъ чувствовалъ, что выразился неловко.

— Вѣдь я же иду,—заговорилъ онъ съ живостью, обратившею на него вниманіе всѣхъ,—съ цѣлію окончить свое научное образованіе въ столицѣ, такъ почему же не воспользоваться продолжительнымъ путешествіемъ и для другихъ цѣлей? Все, что я имѣю въ виду изучить, посредствомъ ли прямыхъ и непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью, или по разсказу другихъ, будетъ способствовать моему умственному и нравственному развитію, а это можетъ быть полезно не

только для меня лично, если ужъ преслѣдовать только личные интересы, но и для всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ придется жить, буду ли я священникомъ, чиновникомъ или простымъ чернорабочимъ.

— Богъ знаетъ, что вы говорите,—ворчали старики, покачивая головой, отъ большого-то ума—чернорабочимъ! Лучше ужъ не смущайте дѣтей такими рѣчами.

Дѣти, дѣйствительно, смутились отъ такой наивности папаши и мамаши. Краска выступила на ихъ лицѣ, и они стыдились поднять глаза на Перепелкина.

— Я вамъ сейчасъ на примѣрѣ покажу, сколько пользы могу я извлечь изъ моего, такъ сказать, научнаго путешествія, положимъ, какъ будущій священникъ,—говорилъ расходившійся уже, горячій на слово Перепелкинъ: въ вашей губерніи, наканунѣ какого-то поста, было перерѣзано, съ цѣлію грабежа, все семейство кабатчика, жившаго въ полуверстѣ отъ села Ржевки, и онъ самъ задушенъ. Злодѣевъ открыли и уличили только по небольшой сумкѣ, съ сдобными лепешками, брошенной ими въ рѣку, при возвращеніи съ мѣста убійства, въ виду незамѣченныхъ ими двухъ бабъ, срѣзавшихъ камышъ...

— Да, это мы знаемъ,—заговорили въ одно время старики и маіоръ: злодѣевъ было трое, ихъ осудили и сослали въ каторгу. Но мало ли кого ссылаютъ... по дѣломъ вору и мука... это и вездѣ бываетъ... что жъ тутъ вамъ за наука?

Дѣти опять конфузливо потупились, особенно молодая хозяйка, у которой такъ и игралъ румянецъ на щечкахъ.

— А наука вотъ въ чемъ: Ихъ спрашиваютъ на судѣ: зачѣмъ же вы бросили въ воду сумку? «Что жъ мы нехристи какіе, прости Богъ грѣхи!—отвѣчаютъ они съ негодованіемъ: тоже, вѣдь, православные,—не станешь ѣсть постомъ скоромное, аль не повезешь домой, чтобъ дѣтей малыихъ оскоромить—вотъ, молъ, что!»

— Такъ что жъ! все жъ таки, значитъ, хоть злодѣи, а постъ-то соблюдаютъ и вѣру...

Старуха не договорила, очевидно, спохватившись, что далеко зашла въ непониманіи сути дѣла.

Разговоръ вдругъ оборвался. Всѣмъ сдѣлалось какъ-то неловко.

Маіоръ и старикъ безъ видимой физической причины стали покашливать, какъ бы желая ослабить впечатлѣніе отъ водворившагося вдругъ гробоваго молчанія. Перепелкинъ мысленно упрекалъ себя, что неловкими выраженіями подалъ поводъ къ разговорамъ, имѣвшимъ такой странный исходъ.

— Если ужъ вы такъ любопытны по этой части,—заговорилъ вдругъ маіоръ, то я вамъ дамъ письмо къ племяннику моему, игу-

мену N. монастыря, близъ Новгорода: бросилъ міръ изъ-за людскаго нечестія-съ!

Всѣ обрадовались перемѣнѣ разговора и устремили глаза на маіора, какъ бы боясь, чтобы онъ, несловоохотливый вообще, не замолкъ вдругъ.

— А, это тотъ, что не любилъ покойнаго Фотія, настоятеля Юрьевскаго монастыря?—поспѣшила поощрить маіора къ разговору молодая хозяйка.

— Да... терпѣть не могъ-съ... за честолюбіе и самолюбіе-съ!

— Онъ, кажется, не любилъ и митрополита Филарета?—вмѣшался старикъ, тоже, вѣроятно изъ опасенія, какъ бы не истощилась эта тема.

— Терпѣть не можетъ-съ.

— За что же?—быстро подхватилъ Перепелкинъ.

Маіоръ, и вообще не скоро отвѣчавшій на вопросы, заставилъ таки долго дожидаться отвѣта на послѣдній вопросъ.

— За сухость сердца-съ!—отвѣчалъ онъ, наконецъ, внушительно посмотрѣвъ на всѣхъ.

Обѣдъ кончился. Перемѣна разговора не привела къ тому результату, какого, повидимому, ожидали всѣ, т. е. къ возстановленію тѣхъ симпатичныхъ отношеній, какія первоначально установились было между стариками и гостемъ. Очевидно, черная кошка пробѣжала между ними. Это чувствовали и видѣли молодые супруги и Перепелкинъ.

Старуха отозвала къ себѣ невѣстку, а сынъ ея увелъ Перепелкина къ себѣ наверхъ въ мезонинъ. Здѣсь онъ крѣпко обнялъ и поцѣловалъ своего гостя.

— Это,—безъ хвастовства скажу вамъ — еще лучшіе экземпляры между окрестными помѣщиками, по крайней мѣрѣ, по сердечной добротѣ и по совершенной неспособности умышленно вредить кому бы то ни было. Вотъ туговаты только понимать такія вещи, о которыхъ мы заговорили тамъ случайно, чего мы съ Вѣрочкой вообще избѣгаемъ.

Перепелкинъ выразилъ опасеніе, какъ бы эта неловкая случайность не повліяла на судьбу дѣтей.

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! никоимъ образомъ,—успокоилъ молодой человѣкъ. Если бъ вы усомнились въ моей готовности или недостаткѣ энергіи къ обезпеченію положенія сиротъ, то это имѣло бы еще какое-нибудь основаніе, потому что до женитьбы на милкѣ я отличался легкомысліемъ, непостоянствомъ и неимѣніемъ никакихъ опредѣленныхъ цѣлей жизни. Но что касается ея, то она такими дѣлами занималась еще въ домѣ отца, о чемъ можетъ засвидѣтельствовать вамъ вся деревня. Да и меня она въ дѣлѣ гуманности переработала такъ, что ужъ за

кого—за что, а за обездоленныхъ я всегда готовъ распинаться. Вѣдь, это чудо что за женщина! говорилъ онъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь,—она и въ другихъ отношеніяхъ переработала меня до неузнаваемости. Женившись на ней,—какъ она правильно вамъ говорила,—воровскимъ образомъ, я бросилъ университетъ и по тряпичности своей готовъ былъ заниматься только амурами съ нею, но она заставила таки меня, въ качествѣ приватнаго слушателя, закончить университетскій курсъ, сама долбила со мною по запискамъ «всякія права»—я былъ на юридическомъ факультетѣ — выслушивала меня передъ экзаменомъ, помогала мнѣ писать диссертацію и успокоилась только тогда, когда я благополучно сдалъ экзаменъ. Вотъ какая эта женщина!—заключилъ онъ въ радостномъ волненіи.

Возвратилась отъ свекрови молодая хозяйка и внесла съ собой оживленіе, тотчасъ же сообщившееся собесѣдникамъ. Огонь свѣтился въ ея глазахъ, а жизнерадостное ея лицо ясно свидѣтельствовало, что она одержала побѣду надъ мнительностію старухи. Поцѣловавъ мужа и обмѣнявшись съ гостемъ нѣсколькими привѣтливыми словами, она предложила пройтись съ ней по саду.

Спустившись въ залу, откуда былъ ходъ черезъ стеклянную дверь въ садъ, они заслышали голоса дѣтей, сгруппировавшихся около цвѣтниковъ, и остановились у окна такъ, чтобъ ихъ не замѣтили снизу. Двѣ шестилѣтнія дѣвочки объясняли привезенной Машѣ, какъ надо ухаживать за цвѣтами, какую траву вырывать, а какую оставлять, когда какіе цвѣты надо поливать, и какъ какіе называются. Маша бойко запоминала названія и полюбопытствовала спросить, больно ли стегаютъ ихъ, если не такъ что сдѣлаешь. Она очень удивилась, когда ей отвѣчали, что здѣсь никогда и ни за что не стегаютъ, а только ставятъ въ уголъ за драку и за капризы.

— Туто-ка, не стегаютъ, Митя, николи не стегаютъ,—радостно обратилась къ братишкѣ, на что тотъ широко улыбнулся, показавъ рядъ бѣлыхъ жемчужныхъ зубовъ.

Ему тоже объяснили сверстники его, что не надо ловить бабочекъ и протыкать ихъ палочками, не надо также и въ птичекъ бросать камушками, раззорять гнѣзда ихъ: «маодая баиня не юбитъ этого», говорила дѣвочка еще меньше Мити, который съ любопытствомъ перебѣгалъ глазенками съ предмета на предметъ и поминутно спрашивалъ: а это что такое? а то что?

— Нравится вамъ эта идиллія?—обратилась молодая хозяйка къ Перепелкину. Мы съ Гришей какъ нельзя болѣе довольны пока деревенской жизнью—не правда ли?—сказала она, взявъ мужа за обѣ руки и смотря ему въ глаза.

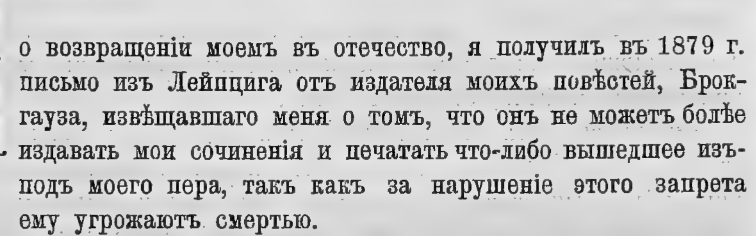
— Правда, правда! милка,—сказалъ онъ, осыпая ее поцѣлуями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки и воспоминанія Михаила Чайковскаго.

(Садыкъ-паши.)

о возвращенiи моемъ въ отечество, я получилъ въ 1879 г. письмо изъ Лейпцига отъ издателя моихъ повѣстей, Брокгауза, извѣщавшаго меня о томъ, что онъ не можетъ болѣе издавать мои сочиненія и печатать что-либо вышедшее изъ-подъ моего пера, такъ какъ за нарушеніе этого запрета ему угрожаютъ смертью.

Въ томъ же году одна полька, находясь въ нуждѣ, обратилась ко мнѣ съ просьбой о вспоможенiи. Такъ какъ мои средства были весьма ограничены, то, не имѣя возможности оказать ей существенной помощи деньгами, я отдалъ въ ея распоряженіе свою повѣсть «Устья Дуная» предоставивъ ей право издать ее въ свою пользу книгопродавцамъ-издателямъ. Она послала повѣсть въ Варшаву, но тамошніе книгопродавцы отвѣтили, что имъ запрещено издавать и печатать сочиненія Михаила Чайковскаго, Садыкъ-паши. Повѣсть была переведена на русскій языкъ и напечатана въ «Кіевлянинѣ»; слѣдовательно, запрещеніе издать ее въ Варшавѣ не могло исходить отъ правительственной цензуры.

Въ то же время я далъ г. Г., съ которымъ мы сражались вмѣстѣ въ 1831 г., и который уѣзжалъ въ австрійскую Галицію, статью, долженствовавшую служить отвѣтомъ на нападки на меня поляковъ въ газетахъ, съ просьбою помѣстить ее въ одномъ изъ журналовъ, издаваемыхъ въ Львовѣ или Краковѣ. Ни въ томъ, ни въ другомъ городѣ статьи не приняли, объясняя отказъ тѣмъ же запретомъ, на который ссылались Брокгаузъ и варшавскіе издатели. Стараніемъ Г. статья эта была переведена на русскій языкъ и напечатана въ издающейся на русскомъ языкѣ газетѣ въ Галиціи.

Такимъ образомъ я находился подъ запретомъ или анаѳемой тайнаго общества и долженъ былъ совершенно отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ печатать мои труды, чтобы не быть невольной причиной смерти моихъ издателей, каковой имъ угрожали.

Принимаясь теперь записывать пережитое и передуманное мною какъ бы въ дополненіе къ оставляемымъ мною запискамъ, я дѣлаю это не съ цѣлью издать эти замѣтки, а оставляю ихъ на память моимъ дѣтямъ и тѣмъ изъ моихъ политическихъ и боевыхъ товарищей, которые трудились вмѣстѣ со мною и понимали мои труды; быть можетъ, это представитъ интересъ и для отдаленнаго потомства, которое будетъ еще говорить, понимать и чувствовать по-польски.

Въ дополненіе этого моего, какъ бы предисловія, привожу копію моего письма къ одному изъ моихъ товарищей Ричарду Бервинскому, который лучше другихъ понималъ мои дѣйствія и былъ однимъ изъ полезнѣйшихъ политическихъ моихъ сотрудниковъ.

«Любезный Ричардъ, изъ письма Бентковскаго, издателя «Познанскаго Дневника», которое вы сообщили мнѣ до отъѣзда моего изъ Стамбула въ Кіевъ, вы могли видѣть, какъ относились ко мнѣ поляки-католики, дѣятели 1863 года. Лучше погубить (potępic) Михаила Чайковскаго, Садыкъ-пашу, хотя бы онъ былъ самый дѣльный изъ поляковъ, самый честный и умный изъ польскихъ политиковъ,—«писалъ онъ»,—нежели обнаружить, что полякамъ недоставало и недостаетъ отваги и политическаго самопожертвованія, ума и практичности. А это было бы неизбѣжно, если бы начать писать всю правду о Чайковскомъ, о его дѣятельности и успѣхахъ на Востокѣ.

«Доводъ іезуитскій, но логическій. Результатомъ примѣненія этого принципа ни практикѣ явился начатый противъ меня походъ двухъ приспѣшниковъ Бѣлоцерковскаго двора, которые, подъ псевдонимами Грифа и Плуга старались чернить меня въ стихахъ и прозѣ; далѣе католическія демонстраціи въ Кіевѣ, угрозы смерти лейпцигскому издателю Брокгаузу и, безъ сомнѣнія, также и другимъ польскимъ издателямъ, если бы они отважились печатать и распространять мои сочиненія. Словомъ, тотъ, кто всѣмъ рѣшительно жертвовалъ для польскаго дѣла, для поляковъ, и кто болѣе всѣхъ успѣлъ сдѣлать для нихъ въ теченіе своей политической карьеры—подвергается анаѳемѣ поляковъ-католиковъ.

«Сынъ Украйны, я горячо любилъ свое отечество и ея славу, болѣлъ душой объ ея упадкѣ. Изучая наше прошлое и настоящее, я не могъ не придти къ заключенію, что латинскій или римскій католицизмъ оторвалъ насъ отъ восточной православной церкви и отъ славянства, отъ нашей силы, отъ нашего могущества, отъ нашей народной будущности, и бросилъ насъ подъ ноги, на съѣденіе Западу, насъ,

людей Востока, не имѣющихъ и не могущихъ имѣть жизни иначе, какъ только на Востокѣ, въ славянствѣ. Это убѣжденіе я высказывалъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, вышедшихъ въ Парижѣ, которыя я выпускалъ въ свѣтъ не какъ плоды литературные, но какъ мысли, выражающія мою будущую политическую програму.

«Когда князь Адамъ Чарторыйскій пригласилъ меня къ дѣятельному участію въ политическомъ служеніи польскому дѣлу, во главѣ котораго онъ стоялъ, то я принялъ это предложеніе съ оговоркой, что я буду проводить въ жизнь мысли, высказанныя уже въ моихъ печатныхъ сочиненіяхъ.

«Въ первую мою поѣздку съ политической миссіей въ Римъ, я старался отклонить посредничество отцовъ-іезуитовъ, которые присвоили себѣ опеку надъ церковью въ польскихъ земляхъ, и завязать непосредственныя сношенія между папой,съ одной стороны, и княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, законнымъ, по мнѣнію нашей партіи, претендентомъ на польскую корону, съ другой. Мои старанія шли успѣшно; непосредственныя сношенія завязались; но я навлекъ на себя неудовольствіе, а быть можетъ и ненависть отцовъ-іезуитовъ и польскихъ «змартвыхъ встанцевъ»—этой новой отрасли іезуитовъ. Они боялись, чтобы такъ называемая лепта св. Петра, вѣрнѣе польская вдовья лепта, присылаемая въ распоряженіе католиковъ, не направилась въ народную королевскую кассу князя А. Чарторыйскаго и не была употреблена на польское дѣло, а не на нужды польско-католическихъ церковныхъ обществъ.

«Пробывъ годъ въ Римѣ, я отправился въ Константинополь. Завязавъ въ этой столицѣ кое-какія сношенія съ нѣсколькими сановниками, стоявшими у кормила оттоманскаго государства, я не желалъ однако нарушать традицій эмиграціонной политики князя А. Чарторыйскаго, опиравшейся на католицизмъ и на отношенія къ Англіи, въ основаніе коихъ было положено соглашеніе съ черкесами и мусульманами Кавказа.

«Я вошелъ немедленно въ уговоръ съ отцами-лазаристами и основалъ польскую колонію на азіатскомъ берегу Босфора, верстахъ въ десяти отъ берега, которая сдѣлалась убѣжищемъ для нѣсколькихъ семействъ польскихъ колонистовъ, и отъ имени которой я выхлопоталъ у французскаго правительства политическое покровительство для тысячи поляковъ, проживавшихъ въ разныхъ мѣстахъ Оттоманской имперіи. Путемъ воспитанія я бросилъ первыя сѣмена соглашенія между лазаристами и болгарами, а равно и другими славянами Турціи. Это было дѣломъ польскаго посредничества, заслугой политики князя Адама Чарторыйскаго предъ славянствомъ.

«Защищая отъ беззаконнаго гнета австрійскихъ властей боснійскихъ отцовъ-францисканцевъ, религіозное общество, проникнутое чисто

славянскимъ народнымъ духомъ, я вошелъ съ ними въ близкія отношенія, ввелъ ихъ въ польскую колонію на Босфорѣ и поручилъ имъ завѣдывать въ ней приходомъ, питая надежду, что этой связью съ католицизмомъ я, хотя отчасти, привлеку поляковъ къ славянству. Несмотря на всѣ мои старанія и на матеріальные успѣхи, дѣло это не пошло такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось; со стороны поляковъ замѣчалось какое-то удивительное отвращеніе отъ славянства и съ другой стороны какое-то непонятное, безсмысленное влеченіе къ западу и къ латинству.

«Католицизмъ былъ причиною, по которой я не могъ сдѣлать для поляковъ болѣе того, что сдѣлалъ.

«Я послалъ двухъ дѣльныхъ людей, лучшихъ изъ поляковъ, Людвига Звѣрковскаго и Гордона, на Кавказъ. Черезъ нихъ я вошелъ въ сношеніе съ независимыми черкесскими племенами и съ самимъ Шамилемъ. Я завязалъ сношенія между этимъ вождемъ Кавказа и княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ,сношенія письменныя, какихъ не имѣли англичане,ведшіе переговоры лишь чрезъ турокъ. Но и на этой почвѣ нельзя было добиться успѣха для польскаго дѣла, и эта натянутая дружба окончилась смертью храбраго Гордона, который былъ измѣннически убитъ хаджи-Керандукомъ Барзекомъ, главой племени убыховъ, а Звѣрковскій былъ раненъ однимъ изъ братьевъ Зазы-оглу, изъ племени шапсуговъ, который взялся провести его къ Шамилю. Зависть и недовѣріе были причиною этихъ преступленій, но болѣе всего то, что между поляками, славянами и кавказцами не могло быть ни племенной, ни исторической связи.

«Не порывая отношеній ни съ католицизмомъ, ни съ населеніемъ Кавказа, я бросился въ союзъ славянскій, православный и на этой почвѣ утверждалъ свою политическую дѣятельность въ интересахъ польскихъ. Вѣрно избранное основаніе не преминуло сказаться желанными успѣхами и результатами. Славянская политика князя А. Чарторыйскаго, руководимая мною, была понята южными славянами и блистательной Портой, въ особенности султаномъ Абдулъ-Меджидомъ и его главными управителями: Мустафа-Решидъ-пашой, Гассанъ-Риза-пашой и Мехмедъ-Фуадъ-пашой. Польско-славянская политика имѣла свой вѣсъ и значеніе и, смѣло могу сказать, что ее цѣнили не меньше политики самыхъ вліятельныхъ державъ Европы; польской политикѣ стали вѣрить, на нее стали полагаться, и она сдѣлалась посредницею между южно-славянскими народами и оттоманскимъ правительствомъ. Установилась прочная политика, явились казацкіе полки съ историческимъ знаменемъ польскаго войска, полные энтузіазма и вѣры въ будущее. Но политика эта въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ постоянно встрѣчала помѣху со стороны польскихъ католиковъ и потому не могла выполнить то, что желалось и что можно было сдѣлать. Зависть и ненависть католицизма къ

православію парализовали успѣхи польскаго дѣла. Вы знаете подробности, вы были участниками моей дѣятельности; поэтому мнѣ нѣтъ надобности повторять эти факты, горестные для меня, какъ поляка.

«Въ 1854 году въ казацкихъ полкахъ, составленныхъ изъ православныхъ, старообрядцевъ и иныхъ сектантовъ православія, польскіе католики хотѣли поставить священниками католическихъ ксендзовъ, задумали перекрещивать солдатъ изъ вѣры православной, славянской, въ вѣру католическую, латинскую, вышивать на казацкихъ знаменахъ, сохранившихся отъ временъ Запорожья, латино-католическіе кресты вмѣсто православныхъ славянскихъ. Я не могъ не сдерживать и не наказывать этихъ политическихъ безумствъ, этого смѣшнаго и вреднаго религіознаго фанатизма. Польскій католицизмъ пустилъ въ ходъ всѣ свои средства и интриги, чтобы не дать мнѣ съ полками перейти черезъ Прутъ, чтобы отозвать меня оттуда, чтобы я не былъ отправленъ съ полками на Кавказъ, чтобы пропагандой и подкупомъ англійскимъ золотомъ возбуждать въ моихъ полкахъ недовольство и безпорядки. Въ Польшѣ удерживали охотниковъ, желавшихъ поступить въ казацкіе славянскіе полки, боровшіеся за польское дѣло; а сочувствіе украинскихъ казаковъ подавляли пушечными ядрами и ружейными пулями русскихъ войскъ, коими предводительствовали тѣ самые люди, которыхъ украинскій народъ призывалъ стать во главѣ казачества, желавшаго бороться за Польшу.

«Таковы были перипетіи той эпохи, коихъ вы были свидѣтелемъ и которыя достаточно объясняются словами графа Владислава Замойскаго, сказанными вамъ, когда вы совѣтовали ему для пользы дѣла сблизиться со мною и дѣйствовать совмѣстно.

«Нѣтъ»,—сказалъ онъ,—«почемъ знать, какъ бы Чайковскій замаралъ меня въ политикѣ съ своимъ казачествомъ, православіемъ и славянствомъ».

«Отвѣтъ этотъ показываетъ, что мы не забыли нашихъ капитальныхъ ошибокъ и ничему не научились.

«Но въ то время моимъ политическимъ противовѣсомъ былъ, по крайней мѣрѣ, графъ Владиславъ Замойскій, гигантъ польскаго магнатства, который одинъ жертвовалъ всегда и вездѣ, ради отечества, жизнію и деньгами. Однако я не разъ говорилъ ему: «Не ройте подо мною ямы, перестаньте соперничать со мною! Когда я перейду съ полками Днѣстръ, стану на польской землѣ и не буду тамъ нуженъ, я сдамъ вамъ командованіе полками, а самъ возвращусь въ Турцію». Я говорилъ отъ души, искренно, и увѣренъ, что графъ В. Замойскій вѣрилъ мнѣ, но католицизмъ удерживалъ его отъ сближенія и дружнаго, согласнаго дѣйствія со мною.

«По окончаніи войны, я упрочилъ организацію нашего войска и далъ ему всѣ средства совершенствоваться въ военномъ дѣлѣ, питая

надежду, что мы дождемся новыхъ событій и, умудренные опытомъ, съумѣемъ ими лучше воспользоваться.

«Наступило возстаніе 1863 года, съ тайнымъ правительствомъ, съ начальниками безыменными, необдуманное, несвоевременное и, по моему мнѣнію, кромѣ того, опиравшееся на ложное основаніе, имѣвшее видъ манифестаціи противъ великаго дѣла монарха, освободившаго народы, подвластные его державѣ, отъ крѣпостнаго права. Возстаніе это велось безъ способности и энергіи въ военномъ отношеніи, съ спекуляціями, нерѣдко мошенническими, въ отношеніи финансовомъ. Я былъ противъ него и высказалъ свое мнѣніе со всевозможною ясностью и откровенностью. Однако я не воспрещалъ охотникамъ изъ полковъ принимать въ немъ участіе, охраняя лишь порядокъ, повиновеніе и воинскую честь въ нашей организаціи; когда же это злополучное возстаніе окончилось, то я принималъ въ ряды моихъ полковъ всѣхъ желающихъ эмигрантовъ и отъ всего сердца оказывалъ имъ помощь и братское покровительство. Въ это-то время появился въ Константинополѣ Ѳаддей Оржеховскій, именовавшій себя барономъ Окша. Онъ выдавалъ себя за коммиссара невидимаго польскаго правительства; польско-католическая партія дала ему въ помощники Владислава Іордана, стараго и извѣстнаго представителя польскаго дѣла на Востокѣ, дѣйствовавшаго, однако, не въ его, а въ свою пользу. Начались всевозможныя интриги и противъ меня, и противъ организаціи казацкихъ полковъ, не побрезгали даже самыми грязными инсинуаціями. Но все было напрасно; организація полковъ безпрерывно совершенствовалась въ военномъ отношеніи; я стоялъ во главѣ ея, и меня осыпали благодарностями, похвалами и довѣріемъ султанъ и мои непосредственные начальники—турки.

Неутомимый въ своихъ проискахъ, баронъ Окша съумѣлъ обѣщаніями, а можетъ быть и подачками, привлечь на свою сторону нѣсколькихъ служившихъ въ полкахъ поляковъ, которые подали военному министру прошеніе о введеніи въ полкахъ команды на турецкомъ языкѣ, т. е.—объ отуреченіи польско-славянской организаціи. Просьба эта была сильно поддержана посольствами австрійскимъ, англійскимъ и другими, не расположенными къ славянамъ и опасающимися славянства политически. Постановленія и распоряженія объ этой перемѣнѣ были изданы военнымъ министромъ и, не взирая на мои протесты, остались въ силѣ. Всѣ знали, что послѣ такой реформы я устранюсь отъ командованія полками, которые не хотѣли быть ни польскими, ни славянскими. Вы сами видѣли и слышали, какъ эти польскіе католики похвалялись и грозили по кофейнямъ Галаты и Перы: «Когда спровадимъ Садыка-Чайковскаго, тогда-де покажемъ, что мы знаемъ и что сдѣлаемъ!»

*

«Я устранился, оставивъ полки въ отношеніи военной организаціи въ блестящемъ состояніи; что они сдѣлали, это видѣли вы, видѣли и другіе поляки. Всѣмъ памфлетистамъ, не исключая Бентковскаго, я могъ бы отвѣчать вопросомъ: «а вы что сдѣлали послѣ меня и безъ меня?»

«Въ Россіи я присоединился къ восточной православной церкви не по личному нерасположенію къ западной, католической церкви, за неразумное и нечестное поведеніе относительно меня нѣкоторыхъ ея послѣдователей, а изъ желанія личнымъ дѣйствіемъ подтвердить явно и откровенно правдивость моего искренняго убѣжденія, столько разъ высказаннаго съ самаго начала моей политической карьеры. Я далекъ отъ желанія пропагандировать между поляками церковь восточную, православную, славянскую. Я знаю, что теперь это невозможно и пожалуй ни къ чему бы не повело; но политическое сознаніе, основанное на свидѣтельствѣ исторіи и многолѣтнемъ опытѣ, заставляетъ меня сказать: латинскій католицизмъ сбиваетъ съ пути польское дѣло и толкаетъ его въ вѣчную могилу. Вашъ Михаилъ Чайковскій, Садыкъ-паша».

29 ноября 1878 года.
Хуторъ Борки, Остерскаго уѣзда,
Черниговской губерніи.

Языкъ, нарѣчіе, есть драгоцѣннѣйшее сокровище каждой народности: съ его упадкомъ или измѣненіемъ упадаетъ или измѣняется народность. Послѣ языка палладіумъ народности заключается въ исторической славѣ народа, въ дѣяніяхъ его предковъ, а потомъ уже въ родной землѣ. Евреи, сохранивъ языкъ и историческую славу, сохранили народность, хотя и потеряли землю своихъ праотцевъ. Мидяне, пареяне и другіе народы древности, не сохранивъ народнаго языка или измѣнивъ его, то же самое сдѣлали и съ историческою славой и хотя сохранили землю праотцевъ, но утратили свою народность.

Католицизмъ латинскій не поддерживаетъ и не возвышаетъ никакой народности; напротивъ, въ силу основнаго своего принципа, онъ парализуетъ ихъ, подавляетъ и подчиняетъ власти церкви, а не власти народнаго правительства. Представители католической церкви перестаютъ быть членами отдѣльной народности, становятся служителями церкви и по долгу своего званія обязаны быть противниками вольностей и самобытности отдѣльныхъ народностей, иначе они не соотвѣтствовали бы своему назначенію. Это составляетъ принципъ западной католической церкви, поэтому она и не признаетъ богослуженія на народномъ языкѣ, уподобляясь въ этомъ исламу, который оффиціальнымъ языкомъ молитвы къ Богу признаетъ языкъ арабскій, точно такъ же, какъ въ католичествѣ оффиціальнымъ языкомъ богослуженія служитъ языкъ латинскій. Восточная церковь и протестантизмъ, допуская оффиціальное богослуженіе на

народномъ языкѣ и признавая принципъ принадлежности своего духовенства къ обществу, можетъ споспѣшествовать развитію и подъему всякой національности, а не обезличенію и угнетенію ея.

Съ 1863 года всѣ дѣйствія поляковъ противъ славянской Россіи, противъ правительства, освободившаго отъ крѣпостнаго права и надѣлившаго землею подвластные ему народы, составляютъ заблужденіе, наносящее тяжкіе удары моральной сторонѣ польскаго дѣла, не говоря уже о сторонѣ матеріальной. Съ этого несчастнаго года, съ этого роковаго возстанія, оно стало безсильно, потеряло объединяющее начало на долгіе годы, а кто знаетъ, быть можетъ и навсегда. Польскіе каменщики, взявшіеся въ 1862 г. за постройку польскаго зданія, такъ расшатали его, что при малѣйшемъ прикосновеніи и даже безъ прикосновенія, оно рушится въ прахъ.

Генералъ Дверницкій, побѣдитель подъ Сточкомъ, человѣкъ не дюжинныхъ военныхъ способностей, ловкій ораторъ и политическій писатель, доказывалъ, что только тотъ можетъ управлять поляками, кто съумѣетъ скрыть свои способности и казаться бо́льшимъ, нежели они, невѣждой, бездарностью, чтобы доставить каждому удовольствіе если не говорить, то по крайней мѣрѣ про себя думать: «я его за носъ или за уши веду или поведу, какъ захочу». Онъ такъ и поступалъ, и управлялъ поляками, даже распоряжался ихъ деньгами, какъ ему хотѣлось. Онъ часто говаривалъ: «Только мы, Ѳаддей Костюшко, князь Іосифъ Понятовскій и я, были дѣйствительно популярны между поляками и могли давать имъ совѣты, т. е. управлять ими по произволу».

Несчастное изреченіе древнихъ римлянъ: «когда маковка поднимется выше другихъ въ огородѣ, подъ серпъ ея дерзкую голову», такъ распространилось между поляками, какъ сорная трава въ пшеницѣ. Оно какъ бы вошло въ ихъ плоть и кровь и было и остается главнымъ препятствіемъ для способнѣйшихъ и наиболѣе благородныхъ людей въ ихъ служеніи отечественному дѣлу. Это испыталъ на себѣ генералъ Домбровскій, творецъ и вождь славныхъ польскихъ легіоновъ. Зависть къ его способностямъ и заслугамъ, а вслѣдствіе этого непопулярность его между поляками были причиной, что Наполеонъ I, послѣ неудачи подъ Березиной, назначилъ командующимъ войсками герцогства Варшавскаго не этого храбраго и умнаго полководца, а князя Іосифа Понятовскаго. По той же причинѣ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, умѣвшій отдавать должное военнымъ способностямъ, не воспользовался въ 1815 году услугами этого извѣстнаго полководца при новой организаціи войскъ Царства Польскаго, хотя высоко уважалъ его.

Князь А. Чарторыйскій, человѣкъ безукоризненной честности, безпредѣльно преданный отечеству, предъ способностями и благородствомъ коего преклонялись даже иноземные монархи, быть можетъ, послѣдній изъ великихъ мужей Польши, подвергся насмѣшкамъ, злословію и клеветамъ отъ поляковъ потому, что онъ былъ между ними гигантъ по своимъ личнымъ достоинствамъ. Генералъ Бемъ, который ни на минуту не переставалъ думать о польскомъ дѣлѣ, когда бодрствовалъ и мечталъ о немъ во снѣ, жертвовалъ ему жизнію, здоровьемъ, всѣмъ достояніемъ, получилъ въ награду отъ поляковъ два злодѣйскихъ выстрѣла, одинъ отъ Пасербскаго въ Буржѣ, другой отъ какого-то поляка, котораго приняли за это въ офицеры польско-венгерскаго легіона, въ Пештѣ; онъ не былъ любимъ при жизни и пріобрѣлъ нѣкоторую популярность только по смерти. Генерала Скржинецкаго, за его доблесть подъ Гроховомъ, Великимъ Дембомъ и проч., всячески старались лишить доброй славы, и онъ перенесъ всякія невзгоды отъ властей. Полякъ изъ поляковъ, маркизъ Велепольскій испыталъ ту же участь, равно какъ и многіе другіе, сколько-нибудь стоющіе поляки, которые умомъ и заслугами вознесли свои головы превыше маковокъ большинства. Вотъ отчего все, что ни предпринимали поляки, шло прахомъ и должно было неизбѣжно кончаться неудачей.

Послѣ 1863 года поляки перестали быть людьми выспренней фантазіи, которую такъ удачно характеризовали турки поговоркой: «гордый и сумасбродный невѣрный гяуръ». Выспренняя фантазія, несмотря на всю свою выспренность, не можетъ существовать безъ великодушія, мужества, благородныхъ, хотя бы и сумасбродныхъ порывовъ. Но, потерявъ фантазію, пріобрѣли ли они разсудительность, умъ, практичность? Это еще вопросъ; пока мы этого не видимъ.

Погубленную однажды, лишенную бытовой независимости народность нельзя поднять и поставить на ноги ни кистью, ни смычкомъ, ни волшебно-гармоническими звуками, ни гимнами, ни литаніями. Независимость отечества нельзя ни вымолить, ни выторговать, ни умомъ выдумать, но надобно отвоевать; всѣ иные способы—мыльные пузыри.

Мы постоянно плачемся на интриги и обманы иноземныхъ государствъ: на французовъ, на нѣмцевъ, на англичанъ, на Наполеона I, Наполеона III, на графа Андраши, на князя Бисмарка I. Но мы не хотимъ признать правды, въ сокрушеніи сердца ударить себя въ грудь и сказать: сами, сами мы во всемъ виноваты.

Не нужно было начинать возстанія въ 1830 году и вести его такъ неумѣло и недобросовѣстно, какъ оно было ведено. Когда же люди или

непредвидѣнныя событія вызвали возстаніе, надобно было провозгласить короля дѣйствительнаго, видимаго, биться до послѣдней капли крови, а не бѣжать за границу и составлять эмиграцію, это политическое безобразіе.

Не надо было дѣлиться на партіи: аристократическую, монархическую, демократическую и монастырскую, а остаться поляками-славянами и искать способа существовать, безразлично как ъ существовать. Надобно было создать себѣ внѣшнюю политику, основанную на славянствѣ, о чемъ, къ сожалѣнію, отцы наши не заботились. Надобно было за границей учредить свои военные кадры, съ военными школами въ видахъ будущей организаціи народнаго войска. При этомъ вести дѣло такъ, чтобы имѣть войско хорошо организованное, согласно съ исторіей, съ традиціями, снабженное всѣмъ необходимымъ, готовое подняться каждую минуту, по первому приказанію.

Въ 1854 году надобно было воспользоваться военною коалиціей западныхъ державъ противъ Россіи, существованіемъ казацкихъ полковъ подъ моимъ предводительствомъ, дружиной народной и при томъ славянскою, и взяться за оружіе искренно, горячо, на самомъ дѣлѣ.

Не надо было давать Пруссіи, Австріи и наконецъ Россіи опередить себя въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. Нужно было сдѣлать это самимъ смѣло, честно, сердечно, хотя бы это навлекло неудовольствіе другихъ правительствъ. Не слѣдовало пускаться въ религіозныя манифестаціи, которыя вносили въ народъ вѣроисповѣдную рознь и должны были лишь прежде времени обнаружить нашу слабость и безсиліе.

Не надо было истреблять за границей то, что было организовано какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи; напротивъ, слѣдовало укрѣплять эти народныя силы, обезпечивавшія будущность самой же народности.

При первыхъ признакахъ движенія въ славянствѣ, надобно было дружно и энергически выступить въ рядахъ славянъ, засвидѣтельствовать жизненность поляковъ въ военномъ дѣлѣ и ихъ славянское самосознаніе такимъ образомъ, чтобы заставить и славянъ, и державы считаться съ польскою народностью. Польская эмиграція 1863 года была достаточно многочисленна и молода: она могла и должна была это сдѣлать. Если же латинскій католицизмъ не дозволялъ соединиться съ православіемъ, то, по крайней мѣрѣ, вѣрные исторіи и традиціямъ, поляки должны были дружно выступить съ оружіемъ въ рукахъ на защиту Турціи и взять на себя хотя бы непризнанную миссію, примирить славянъ христіанъ съ мусульманами и съ оттоманскимъ правительствомъ. Это было возможно: я поступалъ такимъ образомъ и былъ полезенъ какъ турецкому правительству, такъ и мусульманамъ. За

эту дѣятельность я неоднократно получалъ и благодарность турецкаго правительства, и изъявленія признательности отъ славянъ христіанъ.

Теперь, когда мы всего этого не сдѣлали, не вступили на этотъ логическій и практическій путь, намъ не остается ничего инаго, какъ примириться съ русскими искренно, сердечно, во имя славянства, и слиться государственно съ Россіей, признавъ ее за великое политическое отечество всѣхъ славянъ, а слѣдовательно и поляковъ и такимъ образомъ остаться поляками въ этомъ всеславянствѣ.

Теперь на это еще есть время, послѣ будетъ поздно. Ибо злиться, поддѣлывать историческіе и политическіе документы, поддѣлывать кредитныя бумаги и государственные кредитные билеты, лгать, клеветать, хотя бы этимъ занимались какіе угодно громкіе писатели и публицисты, съ какими бы то ни было побужденіями,—не приведетъ ни къ чему, какъ только къ упадку народнаго имени и народной славы, а въ концѣ концовъ къ гибели народности.

Такъ я понималъ и понимаю положеніе польскаго дѣла съ самаго начала моей личной какъ политической, такъ и военной службѣ этому дѣлу.

Во всѣ періоды моей дѣятельности я не щадилъ ни усилій, ни жертвъ, на какія только былъ способенъ, чтобы поступать сообразно съ моимъ добросовѣстнымъ пониманіемъ польскаго дѣла. Я имѣлъ успѣхъ несомнѣнный, потому что правда была за мной и со мной. Я не отступалъ предъ напоромъ противниковъ польскаго дѣла, не обращалъ вниманія ни на какія препятствія и выходилъ съ честью, часто даже побѣдоносно изо всѣхъ такихъ столкновеній. Но у меня не хватило силъ устоять предъ завистью, интригой и всякаго рода хитростями и обманами демократовъ, аристократовъ и польскихъ католиковъ.

Послѣ сорока слишкомъ лѣтъ горячаго служенія польскому дѣлу, саблей и перомъ, я удалился съ поля дѣйствія и напечаталъ въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ откровенную исповѣдь моей политической жизни. Эта исповѣдь была перепечатана и въ польскихъ изданіяхъ ради клеветы на меня и преданія проклятію моихъ политическихъ заслугъ и моего пониманія польскаго дѣла.

Недавнія событія въ славянскомъ мірѣ показали еще разъ, что поляки ничего не забыли и ничему не научились. Ихъ не хватило на такую дѣятельность, которая соотвѣтствовала бы блестящему прошлому славянства, и потому имъ ничего не остается, какъ жить въ славянствѣ, признавая Россію своимъ великимъ политическимъ отечествомъ, если они не хотятъ обратиться въ историческій миѳъ по собственной волѣ и винѣ.

Еще въ 1830 году я говорилъ, что, возставая, надо стряхнуть съ себя католическіе предразсудки и признать православіе за вѣроисповѣданіе нашего народа, за славянскую церковь; я такъ и поступилъ. Я освободилъ своихъ крестьянъ отъ барщины и далъ имъ земельный надѣлъ; окружалъ уваженіемъ своего сельскаго священника и покровительствовалъ ему. Мои крестьяне пошли за мной и были примѣрными солдатами. Когда въ эмиграціи я сдѣлался беллетристомъ не ради литературной славы, но чтобы познакомить поляковъ съ программой своихъ политическихъ идей и добыть матеріальныя средства на осуществленіе ея, то въ первыхъ моихъ сочиненіяхъ: «Казацкіе разсказы» и «Вернигора», я не выступилъ противъ латино-католической церкви, но высказалъ по совѣсти свое убѣжденіе, что политическое безсиліе Польши—причина, по которой не могли развиться ея могущество и величіе, наконецъ самое ея паденіе, должны быть приписаны ни чему иному, какъ тому, что поляки подчинились западной, латино-католической церкви, ибо это оторвало ихъ отъ славянства и поставило во враждебныя отношенія къ восточной, славянской церкви. Эта политическая ошибка, сознать которую мѣшало полякамъ католическое духовенство, въ особенности же отцы-іезуиты, была причиной всѣхъ золъ.

Не такъ поняли мои слова о крестьянахъ и казачествѣ польско-католическіе помѣщики Волыни. Господа помѣщики, многочисленные и имѣвшіе вліяніе въ губерніи, своимъ veto противъ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ и противъ православнаго казачества, парализовали наше возстаніе, а выбравъ ему въ руководители хлыща, который бѣжалъ со страха за границу, до начала возстанія, доконали его. Самъ храбрый Карлъ Ружицкій испугался воинственнаго духа крестьянъ: его страшила коліевщина.

Хорошій пріемъ, оказанный публикой моимъ сочиненіямъ въ самомъ началѣ, не могъ понравиться полякамъ, составлявшимъ ультра-католическій кружокъ, который назывался тогда «монастырькомъ». Противъ моихъ сочиненій и еще болѣе противъ моей личности выступили: Станиславъ Ропелевскій въ своей «Критикѣ польской литературы», Левъ Зеньковичъ и Луціанъ Семенскій въ издававшейся ими газетѣ Pszonka. Весь польско-католическій «монастырекъ» сдѣлался моимъ врагомъ, и только значительная прибыль, которую получалъ издатель моихъ сочиненій, ксендзъ Александръ Еловицкій, и практическій умъ его компаніона, Евстафія Янушкевича, обезпечили дальнѣйшее изданіе моихъ сочиненій.

Нѣкогда, преклоняясь предъ военными способностями генерала Іосифа Дверницкаго, я удивлялся его знанію польскихъ сердецъ, его умѣнью угождать имъ, владѣть ими и направлять ихъ по своей волѣ.

Нынѣ этому качеству, проявившемуся болѣе блестяще и практически, я удивляюсь въ Іосифѣ Крашевскомъ. Извѣстный и неутомимый писатель, онъ затмилъ популярностью у поляковъ Мицкевича, Сенькевича, Залѣсскаго, Мохнацкаго и всѣхъ поэтовъ, писателей и государственныхъ людей старой и новой Польши. Дождался апоѳеоза при жизни, ему бьютъ челомъ какъ богу и свои, и чужіе, бьютъ челомъ и великіе, и малые, монархи и даже самъ папа, потому что онъ съумѣлъ идти въ шагъ съ тенденціей нынѣшняго польскаго вѣка. Онъ проповѣдывалъ въ сущности слѣдующее»: разсѣдлайте коней, говорилъ онъ, поломайте сабли; пусть каждый запрется въ своемъ домѣ, въ своемъ тѣсномъ кругу, какъ въ крѣпости, и никого не впускаетъ къ себѣ; откажитесь отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ; сидите спокойно, ѣшьте, пейте, шалите и копите деньги. Такимъ образомъ сохраняйте народность и вѣру отцовъ вашихъ въ домахъ-крѣпостяхъ, не подвергая риску ни своей личности, ни достоянія. Храните эти сокровища, какъ улитка свое тѣло въ скорлупѣ. Не имѣйте дѣла ни съ правдой, ни съ вѣрой, ни съ правительствами и иноземными народами; относитесь къ нимъ пассивно, оборонительно. Такимъ только образомъ вы исполните свой патріотическій долгъ.

Аристократамъ это нравилось, потому что не надо было жертвовать деньги на народныя возстанія, компрометтировать себя лично и имущественно, участвуя въ подготовительныхъ патріотическихъ работахъ: каждый у себя, за себя и для себя. Демократы были довольны, потому что ихъ не тащили на поля и къ саблѣ, позволяли имъ кричать противъ правительства и противъ общества, развивать свои теоріи въ своихъ домахъ-крѣпостяхъ, въ своихъ скорлупкахъ. Въ общественную жизнь проникъ эгоизмъ, въ политическую—будированіе. А такъ какъ прежнихъ привычекъ и обычаевъ нельзя было истребить разомъ, вдругъ, то привычку жертвовать духовенство взялось направить въ пользу церкви и утилизировало ее на лепту св. Петра. Всѣ остались довольны и справедливо бьютъ поклоны виновнику этого довольства, совершенно справедливо!

Такимъ образомъ поляки, объятые летаргическимъ сномъ празднаго будированія, проспали многолѣтнее движеніе славянскихъ народовъ.

Это будированіе, этотъ летаргическій сонъ могутъ быть названы по справедливости политикой Іосифа Крашевскаго.

Въ моментъ войны французовъ съ нѣмцами, въ моментъ вторженія нѣмцевъ во Францію, въ лагерѣ подъ Шумлой было собрано нѣсколько десятковъ тысячъ турецкаго войска, въ томъ числѣ казацкіе полки и я съ ними. Всѣ турецкіе паши, безъ исключенія, и поляки-офицеры казацкихъ полковъ, за весьма малыми исключеніями, радовались побѣдамъ

нѣмцевъ и бѣдствіямъ французовъ. Радовались упадку, суетности, самонадѣянности французскаго войска и французовъ вообще. Заранѣе съ удовольствіемъ предсказывали паденіе Наполеона III, а съ нимъ и имперіи. Турецкіе паши восклицали:

«Онъ не будетъ болѣе мѣшаться въ наши внутреннія дѣла, не будетъ вовлекать насъ въ новыя войны по своему капризу; по крайней мѣрѣ и мы и весь свѣтъ отдохнемъ спокойно».

Поляки, забывъ все, что сдѣлали для нихъ обѣ имперіи; забывъ благодарность къ французамъ, которые столько помогали имъ, столько оказывали имъ сочувствія во всѣхъ случаяхъ и всѣми способами, кричали: «Такъ имъ и нужно! зачѣмъ не возстановили Польши? Пусть ихъ пропадаютъ! пусть разберутъ ихъ нѣмцы, какъ насъ разобрали нѣмцы и русскіе! Пусть только ведутъ насъ, мы пойдемъ бить ихъ вмѣстѣ съ нѣмцами отъ всего сердца!»

Поляки восторгались подвигами познанскаго ландвера и распивали въ честь его тосты. Даже слова князя Бисмарка, сказанныя императору Вильгельму: «видите, ваше величество, какъ эти познанскія с..... дерутся за насъ», не казались имъ оскорбительными, ибо они говорили, что Бисмаркъ этого не сказалъ, что по ошибкѣ напечатано «Schweine».

Въ лицѣ молодаго Путткамера-фонъ-Клещинскаго, племянника Бисмарка, поступившаго волонтеромъ въ одинъ изъ казацкихъ полковъ, они видѣли агента великаго канцлера, который имѣлъ, по ихъ словамъ, намѣреніе даровать полякамъ королевство Польское, простирающееся отъ Балтійскаго до Чернаго моря, отъ Двины до Дона, до Эльбы и Карпатъ, съ королемъ Фридрихомъ-Карломъ, славнѣйшимъ, послѣ Мольтке, изъ героевъ франко-прусской войны.

Я напоминалъ полякамъ, что Наполеонъ I посадилъ поляковъ на коня, и когда въ 1807 году ему представлялась депутація Великопольской шляхты изъ Познани въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, въ парикахъ и со шляпами въ рукахъ, онъ сказалъ имъ: «не въ такомъ видѣ я надѣялся встрѣтить васъ, господа, а въ народныхъ чамаркахъ, при сабляхъ, въ сапогахъ со шпорами. На коней, господа, берите сабли! Народъ, желающій возстановить независимость своего отечества, не долженъ сходить съ коня и отпоясывать сабли, пока не достигнетъ этого!»

Сто тысячъ поляковъ было на коняхъ и съ оружіемъ въ рукахъ; Наполеонъ сказалъ: «въ вашихъ рукахъ теперь Польша».

Когда, послѣ Березинской катастрофы, Наполеонъ оставлялъ армію, то прощаясь съ княземъ Іосифомъ Понятовскимъ, которому ввѣрилъ предводительство надъ всѣми польскими полками, онъ сказалъ:

«Защищайтесь на отечественной землѣ, вы отстоите меня, и я ворочусь къ вамъ».

Не его вина, что князь Понятовскій, вмѣсто того чтобы защищать родную землю, отстаивать Польшу и стараться упрочить ея независимость, вопреки совѣту генерала Домбровскаго, не сдѣлалъ даже попытки къ оборонѣ и поспѣшилъ съ войскомъ чрезъ австрійскія владѣнія въ Дрезденъ. «Оружіе на возахъ, солдаты съ пустыми руками, подъ эскортой капраловъ императора австрійскаго, тогда еще союзника Франціи», такъ шло польское войско не какъ легіоны Домбровскаго изъ Италіи въ Польшу, но изъ земли Польской въ землю Саксонскую, добровольно оставивъ Польшу. Печальный походъ, но въ этомъ не была вина Наполеона!

Наполеонъ III далъ оружіе и конскую сбрую двумъ казацкимъ полкамъ. Охотники прибывали въ эти полки на средства Франціи. Первоначальный планъ состоялъ въ томъ, чтобы вести кампанію надъ Днѣпромъ, въ земляхъ польскихъ, и поднять польскій вопросъ.

Когда этотъ планъ былъ оставленъ, не по волѣ Наполеона, но подъ давленіемъ Англіи и Австріи, и по внушенію Пруссіи принятъ планъ локализованной войны въ Крыму, Наполеонъ все-таки думалъ о Польшѣ, и я, находясь съ полками надъ Прутомъ, получилъ письмо отъ французскаго военнаго министра, который благодарилъ меня за услуги, оказанныя союзнымъ войскамъ, и извѣщалъ, что если пульсъ общаго народнаго возстанія въ польскихъ земляхъ покажетъ признаки его зрѣлости, то планъ еще можетъ быть измѣненъ. Увы, пульсъ этотъ нельзя было нащупать!

Злополучное возстаніе 1863 года не было ни вызвано, ни поощряемо императоромъ французовъ, и, однако, приглашая Англію и Австрію поддержать дипломатически польское дѣло, онъ самъ также оказалъ ему поддержку. Адамъ Мицкевичъ очень вѣрно замѣтилъ, что польское дѣло, по волѣ Божіей, находится съ Наполеонами въ вѣчномъ и неразрывномъ брачномъ союзѣ.

Французская монархія, какъ бурбонская, такъ и орлеанская, была съ поляками въ дружественныхъ отношеніяхъ, опиравшихся на старинныхъ союзахъ и на католицизмѣ. Вотъ почему во время одной парламентской сессіи палата перовъ и палата депутатовъ приняли постановленіе: «польская народность не погибнетъ». Конечно, безъ поддержки вооруженной силы это былъ протестъ звучный, но пустой; однако онъ имѣлъ извѣстное политическое значеніе.

Республиканское правительство, какъ первой, такъ и второй Французской республики не высказало къ намъ ни горячаго сочувствія, ни желанія поддержать наше дѣло. Безумная, бѣшеная храбрость познанскаго ландвера и неутомимые набѣги прусскихъ уланъ, между коими

отличались волонтеры изъ великопольской познанской шляхты, въ соединеніи съ нежеланіемъ многочисленной польской эмиграціи подняться на защиту Франціи, неспособность и злоупотребленія польскихъ организаторовъ охладили къ намъ сочувствіе французскаго народа. Когда мы перестанемъ быть для нихъ «французами сѣвера» и сдѣлаемся по меньшей мѣрѣ поляками онѣмеченными, Франція перестанетъ быть сестрой Польши. Тогда не будетъ у насъ во всей Европѣ ни нравственной, ни политической поддержки, ибо ни Италія съ папой и отцами іезуитами, ни Швейцарія со своими либеральными учрежденіями, ни Англія со своимъ золотомъ и своими наемными солдатами, ни мадьяры со своими гонведами не замѣнятъ намъ Франціи. Если бы мы забыли, по крайней мѣрѣ, западъ и перестали съ упрямствомъ лѣзть къ нему въ дружбу, къ нему, чуждому намъ и по происхожденію, и по политическимъ интересамъ, и обратились бы сердцемъ къ Востоку, родственному намъ и по происхожденію и по политическимъ интересамъ!

Но одному Богу извѣстно, будемъ ли мы когда-нибудь настолько благоразумны. Католицизмъ всегда будетъ мѣшать намъ слиться съ православными славянами, вступить въ среду славянъ. Только самодержецъ всероссійскій и его правительство могутъ воротить насъ, несмотря на католицизмъ, въ лоно славянства, этой колыбели нашего могущества и силы, изъ которой мы никогда не должны были выходить, съ которой никогда не должны были порывать связи. Таковъ долженъ быть нашъ конецъ, если мы хотимъ сохранить нашу народность, а не отдать ее на жертву германизму, какъ лужичане, оботриты и иныя славянскія племена, обитавшія по Эльбѣ и Одеру.

Такъ я говорилъ, но это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ... Поляки ожидали только клича, хотя бы нѣмецкаго: на конь и на врага! Радовались бѣдствіямъ и неудачамъ Франціи.

Туркамъ я доказывалъ, что, съ паденіемъ Франціи, у нихъ не будетъ ни ста тысячъ штыковъ на ихъ защиту, ни нравственнаго veto, которое защитило бы ихъ отъ превращенія въ англійскихъ сипаевъ, а тогда имъ не останется ничего, какъ только сдаться на милость русскаго императора, если они не хотятъ быть изгнанными изъ Европы и потерять господство въ Азіи. Отвѣтомъ на мои слова была улыбка, а прусскіе офицеры-инструкторы возводили грозныя укрѣпленія неподалеку отъ Шумлы, въ Бешъ-Тепе, увѣряя, что это единственный путь, по которому русскіе, по переходѣ черезъ Дунай, могутъ двинуться чрезъ Добруджу въ Балканы и оттуда въ Константинополь и что укрѣпленія эти будутъ такія, что все русское войско будетъ перестрѣлено изъ разставленныхъ на нихъ крупповскихъ орудій, до послѣдняго солдата.

Честный Абдулъ-Керимъ-Надиръ-паша радовался этому несказанно и, объѣзжая каждый день, по утрамъ, фортификаціоныя работы, съѣдалъ за завтракомъ по два ока пилава, а паши и прусскіе инструкторы однимъ духомъ осушали бокалы шампанскаго, провозглашая тосты въ честь нѣмецкихъ побѣдъ и на погибель Франціи.

Въ это самое время я получилъ отставку, которую ожидалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, и поѣхалъ въ Константинополь; на другой день по пріѣздѣ моемъ въ столицу, я былъ у тогдашняго великаго визиря Али-паши и высказалъ ему самымъ положительнымъ и откровеннымъ образомъ свой взглядъ на вещи, присовокупивъ, что военный министръ Гуссейнъ-Авни-паша, стремясь отуречить созданную мною славянохристіанскую организацію, показываетъ этимъ, что онъ не желаетъ имѣть для защиты престола и государства солдатъ изъ славянъ и христіанъ, и что я опасаюсь, какъ бы эта неполитическая мѣра не сдѣлала изъ нихъ возстанцевъ и бунтовщиковъ во вредъ тому самому престолу и государству, которому они вѣрою и честью служили и могли бы, еще съ большей пользою, служить. Али-паша вполнѣ согласился съ моимъ взглядомъ на вещи, а также съ моимъ мнѣніемъ относительно пораженія Франціи и могущихъ возникнуть отъ того послѣдствій. Что касается отуреченія славяно-христіанской организаціи, то, по его словамъ, мѣра эта была принята по совѣту пословъ западныхъ державъ, которые доказывали, что не должно быть войска въ войскѣ, государства въ государствѣ. Аргументація эта не могла не понравиться султану Абдулъ-Азису и его министрамъ; и такимъ образомъ мѣра, о которой идетъ рѣчь, была принята.

Потомъ онъ спросилъ меня, какого образа дѣйствія должна была, по моему мнѣнію, держаться Турція въ то время и въ будущемъ. Я отвѣчалъ, не колеблясь,—искать союза съ Россіей по собственному побужденію, безъ предварительнаго совѣщанія съ посольствами западныхъ державъ, уничтожить трактатъ 1856 года и положиться на великодушіе императора Александра II.

Видя на его лицѣ удивленіе, вызванное моими словами, я прибавилъ:

«Не удивляйтесь этому совѣту со стороны поляка, который сорокъ слишкомъ лѣтъ боролся противъ Россіи и теперь еще готовъ бороться противъ нея: онъ есть доказательство моей политической честности, нелицемѣрной преданности и искренней признательности къ особѣ султана, къ его правительству и ко всѣмъ туркамъ за ихъ благородное поведеніе относительно меня и моихъ соотечественниковъ».

Онъ пожалъ мнѣ руку, и въ этотъ день мы разстались еще большими друзьями, чѣмъ были когда-либо.

То же самое я повторилъ всѣмъ турецкимъ сановникамъ, съ которыми былъ издавна въ близкихъ отношеніяхъ личнаго знакомства.

Однажды я высказалъ это мнѣніе Эдхемъ-пашѣ, тогда министру публичныхъ работъ, у котораго былъ въ гостяхъ представитель Сербіи, Филиппъ Христичъ, мой добрый пріятель и старый знакомый, горячій, но разумный славянинъ, окончившій образованіе въ Парижѣ. Въ этомъ дружескомъ кружкѣ (съ Эдхемъ-пашой я былъ въ близкихъ отношеніяхъ еще въ то время, когда онъ состоялъ генераломъ-адъютантомъ и начальникомъ военно-дипломатической канцеляріи султана Абдулъ-Меджида),—ничто не мѣшало намъ говорить вполнѣ откровенно и искренно. Христичъ былъ славянинъ, а въ царствованіе Абдула-Меджида, монарха, обладавшаго высокими качествами ума и сердца, мы не разъ разсуждали о федераціи южныхъ славянъ подъ верховною властью султановъ оттоманскихъ, какъ единственно законныхъ потомковъ по женской линіи сербскихъ царей. Весь мой разговоръ дошелъ до слуха генерала Игнатьева, россійскаго посла въ Константинополѣ. Вскорѣ послѣдовало отреченіе Оттоманской Порты отъ статьи Парижскаго трактата 1856 г., отреченіе добровольное безъ предварительнаго соглашенія съ западными государствами и безъ вѣдома Англіи. Со стороны Англіи это вызвало сильное неудовольствіе и рѣзкіе упреки, но мнѣ кажется, что въ то время оттоманская Порта согласилась бы на расторженіе этого трактата во всемъ, что касалось въ немъ оттоманскаго государства, если бы Россія не оказалась слишкомъ умѣренною въ своихъ требованіяхъ и слишкомъ внимательною къ Англіи. Таково было настроеніе Али-паши и самого султана Абдулъ-Азиса.

Смѣло могу сказать, что между сановниками Порты Али-паша лучше всѣхъ понималъ важность союза съ Франціей и наиболѣе сожалѣлъ объ ея неудачахъ и паденіи имперіи.

Этотъ государственный человѣкъ, извѣстный своимъ политическимъ умомъ, но не отличавшійся смѣлостью и непоколебимостью рѣшеній, простеръ, въ данномъ случаѣ, довольно далеко свою смѣлость.

Нѣсколько десятковъ казаковъ, выслужившихъ срокъ службы въ полкахъ, прибыли ко мнѣ изъ Добруджи и стали требовать:

«Если намъ ужъ нельзя воевать въ Турціи, веди насъ во Францію бить нѣмцевъ; вѣдь они наши враги, а французы наши друзья!» Узнавъ объ этомъ, Али-паша пригласилъ меня къ себѣ, говорилъ со мной, призналъ, что подобная демонстрація была бы въ извѣстномъ отношеніи полезна, и совѣтовалъ мнѣ только не ѣздить самому во Францію, такъ какъ война уже близилась къ концу, а послать своего старшаго сына, который вмѣстѣ со мною вышелъ въ отставку, присовокупивъ, что ему извѣстно намѣреніе нѣкоторыхъ зажиточныхъ болгаръ подарить мнѣ лошадей, конскую сбрую и обмундированіе на полкъ и доставить потребное число людей изъ болгаръ, служившихъ въ казацкихъ полкахъ, чтобы сформировать славяно-турецкій легіонъ и идти

на помощь Франціи. Такое предложеніе дѣйствительно было мнѣ сдѣлано. Али-паша не былъ противъ этой мысли и находилъ, что если война продлится и приметъ благопріятный для французовъ оборотъ, то можно будетъ осуществить ее, и что тогда наступитъ благопріятный моментъ отправиться во Францію мнѣ самому и стать во главѣ славянской дружины.

При его матеріальномъ содѣйствіи я обмундировалъ и выслалъ въ два пріема сто тридцать казаковъ на французскихъ судахъ; первый отрядъ подъ начальствомъ двухъ отставныхъ офицеровъ изъ казацкихъ полковъ: Маріана Заленицкаго и Іосифа Стемпковскаго; второй—подъ начальствомъ сына моего Адама Чайковскаго. Послѣдняго я снабдилъ письмами къ Тьеру, съ которымъ былъ хорошо знакомъ еще со временъ пребыванія моего въ Франціи.

Первый отрядъ былъ захваченъ поляками въ Марсели, завезенъ въ Ліонъ и тамъ приписанъ къ какому-то итальянскому легіону. Что касается второго, то, отправляясь съ письмами къ Тьеру, сынъ мой оставилъ его въ Марсели въ казармахъ, и агенты какого-то Гржимайлы включили его въ составъ организованнаго имъ легіона.

Сынъ мой былъ очень хорошо принятъ Тьеромъ, произведенъ въ капитаны конныхъ стрѣлковъ и назначенъ командиромъ своднаго эскадрона, куда имѣли быть зачислены прибывшіе съ нимъ волонтеры.

Но знакомые Гамбетты изъ эмигрантовъ 1863 года успѣли убѣдить его, что я бонапартистъ, сторонникъ Наполеона III и имперіи, близкій знакомый принца Наполеона, человѣкъ опасный, потому что предпріимчивый, что я намѣренъ вызвать во Франціи всѣми силами движеніе въ пользу бонапартизма. Чрезъ двѣ недѣли послѣ назначенія моего сына заключенъ былъ миръ; сынъ мой возвратился въ Турцію, а за нимъ и всѣ охотники-казаки съ ихъ офицерами. Эти послѣдніе разсказывали, что ихъ повсюду преслѣдовали поляки, какъ элементъ православный и славянскій, могущій вредить польскому дѣлу въ глазахъ католической Франціи и несочувствующей славянству западной Европы.

Печальные, недовольные, охотники, прощаясь со мной предъ возвращеніемъ въ Добруджу, говорили: «незачѣмъ было и ѣздить».

Проживая въ Стамбулѣ на заслуженную пенсію, я получалъ изъ Босніи отъ нѣсколькихъ тамошнихъ ксендзовъ францисканцевъ и двухъ беговъ, съ которыми я былъ давно знакомъ, отъ времени до времени, довольно интересныя, обширныя и подробныя сообщенія о положеніи Босніи и Герцоговины и объ интригахъ австро-венгерскихъ агентовъ, возмущавшихъ христіанскихъ жителей этихъ провинцій противъ беговъ землевладѣльцевъ, противъ властей и ислама, а мусульманъ противъ

правительства, замышлявшаго ввести реформы, несогласныя съ привилегіями мусульманъ. Пропаганда эта обращена была главнымъ образомъ на католическое духовенство и торговцевъ какъ христіанскаго. такъ и мусульманскаго исповѣданій. Старались освоить сербовъ Босніи и Герцоговины съ мыслію, что только императоръ Австро-Венгріи можетъ освободить ихъ отъ варварскаго ига турокъ и сдѣлаться ихъ благодѣтелемъ.

Я вручилъ эти сообщенія Али-пашѣ и предложилъ, чтобы онъ назначилъ меня организаторомъ боснійской конницы, и отправилъ въ Боснію и Герцоговину съ двумя казацкими сотнями, укомплектовавъ ихъ волонтерами или изъ существующихъ казацкихъ полковъ, или, еще лучше, изъ некрасовцевъ и старообрядцевъ Добруджи; сотни эти должны были послужить кадрами и образцомъ при сформированіи боснійской кавалеріи и дать мнѣ возможность прекратить пропаганду, стремившуюся взбунтовать жителей этого края. Я обязывался возстановить порядокъ, поддержать спокойствіе и положить конецъ всякой мятежной пропагандѣ. Мои сообщенія обратили на себя вниманіе Али-паши, и по его лицу я видѣлъ, что проектъ мой ему нравился. Онъ взялъ бумаги и просилъ меня придти за отвѣтомъ черезъ нѣсколько дней. На третій день Антоній Аллеонъ, другъ и наперстникъ великаго визиря, съ которымъ я находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ лѣтъ тридцать, объявилъ мнѣ отъ имени великаго визиря, что султанъ и совѣтъ министровъ были вполнѣ согласны съ моимъ предложеніемъ, но въ тотъ самый день, когда вопросъ этотъ обсуждался въ совѣтѣ, драгоманы всѣхъ иностранныхъ посольствъ, за исключеніемъ русскаго, заявили самый рѣшительный протестъ противъ этого постановленія и назначенія меня на службу въ какую-либо изъ провинцій, населенныхъ славянами. Антоній Аллеонъ повторилъ мнѣ слова великаго визиря: «Наши западные опекуны не хотятъ ни нашего примиренія со славянами, ни даже отуреченія славянъ, что̀ составляетъ любимую идею Садыкъ-паши». Я узналъ, что мое представленіе было сообщено въ копіяхъ всѣмъ заграничнымъ посольствамъ въ Константинополѣ, и что русскому посольству предлагали даже купить его, но это предложеніе было отвергнуто, и генералъ Игнатьевъ не пожелалъ видѣть продавца.

Поставщикомъ копій былъ начальникъ тайной полиціи въ Константинополѣ, полякъ Ѳаддей Оржеховскій, баронъ Окша, полномочный коммиссаръ при Оттоманской Портѣ невидимаго революціоннаго правительства 1863 года. Странное дѣло! Когда въ Турціи нашли нужнымъ учредить тайную полицію, то не нашлось ни одного турка, ни одного мусульманина, который согласился бы взять на себя эту обязанность: армянамъ, грекамъ и инымъ христіанамъ не довѣряли, и во все время

моего пребыванія въ Турціи, а оно продолжалось тридцать два года, нашлись только два иностранца, которые исполняли эту обязанность директоровъ тайной политической полиціи.

Первый былъ Цивинисъ Корфіотъ, офицеръ русской службы, исключенный изъ этой службы и изгнанный изъ Россіи за поддѣлку подписи императора Николая I, съ цѣлью выманить бриллiанты у одного изъ московскихъ банкировъ; второй Ѳаддей Оржеховскій, баронъ Окша.

Послѣ разсказаннаго происшествія, за эту нескромность, а можетъ быть и за какія-нибудь другія продѣлки, о безчисленномъ рядѣ которыхъ толковала тогда константинопольская публика, директоръ тайной полиціи былъ отрѣшенъ отъ должности, а затѣмъ и самая канцелярія, состоявшая почти исключительно изъ поляковъ, эмигрантовъ 1863 года, прекратила свою дѣятельность. Изъ продѣлокъ этого почтеннаго директора не могу не разсказать объ одной довольно комическаго свойства.

Въ одинъ прекрасный день баронъ Окша явился въ канцелярію русскаго посольства и предложилъ продать секретный трактатъ наступательнаго и оборонительнаго союза противъ Россіи, заключеннаго между Австро-Венгріей и Оттоманской Портой. Посолъ не хотѣлъ видѣть барона, однако поручилъ первому драгоману купить копію, и за нее было заплачено г. Оржеховскому нѣсколько десятковъ лиръ. На слѣдующій день посолъ съ копіей въ карманѣ поѣхалъ къ великому визирю Али-пашѣ. Прибывъ въ конакъ, онъ быстро вошелъ въ кабинетъ, подалъ великому визирю копію и сталъ рѣзко упрекать его за недостатокъ довѣрія и оскорбительное поведеніе относительно Россіи.

Великій визирь прочиталъ копію, улыбнулся и вмѣсто отвѣта далъ послу ключъ отъ бюро, прося его отворить указанный ему ящикъ и вынуть лежавшую на верху бумагу. Оказалось, что это былъ оригиналъ трактата между Пруссіей и Россіей съ подписями князя Горчакова и князя Бисмарка и съ заголовкомъ на французскомъ языкѣ: «Россійское министерство иностранныхъ дѣлъ». Посолъ читалъ съ изумленіемъ, а Али-паша сдѣлалъ замѣчаніе, что оригиналъ и копія писаны одною и тою же рукой, и узнавъ, сколько стоила копія, отозвался, что трактатъ обошелся дороже, потому что Халиль-Шерифъ-паша, тогдашній посолъ въ Вѣнѣ, заплатилъ за него двѣ тысячи турецкихъ лиръ. Не было надобности искать автора этой поддѣлки; оба сейчасъ же догадались, что имъ былъ баронъ Окша.

Назначенный министромъ полиціи, Кіатибъ-Мустафа-паша, мой товарищъ по войнѣ 1854 г., показывалъ мнѣ всѣ дѣла помянутой тайной полиціи за время директорства Окши. Большая часть его рапортовъ и докладныхъ записокъ, а также рапортовъ нѣкіихъ Владислава Мощинскаго и Подгайскаго, состояла изъ доносовъ на меня и

казаковъ, бывшихъ подъ моимъ начальствомъ. Ихъ обвиняли въ тайной пропагандѣ и потворствѣ болгарамъ и инымъ славянамъ, а меня въ стремленіи сдѣлаться болгарскимъ княземъ. Идея этого послѣдняго доноса возникла по слѣдующему поводу.

Генералъ Лудвигъ Быстроновскій, состоявшій во время русско-турецкой войны на турецкой службѣ, по искреннему убѣжденію и съ добрыми намѣреніями, составилъ мемуаръ, въ которомъ онъ совѣтовалъ Турціи сдѣлать изъ Болгаріи вассальное княжество, даровать ей автономію и назначить меня княземъ болгарскимъ. Одинъ экземпляръ этого мемуара онъ вручилъ Халиль-Шерифъ-пашѣ, бывшему тогда посломъ въ Парижѣ, а другой великому визирю Фуадъ-пашѣ. Объ этомъ мнѣ ровно ничего не было извѣстно; о мемуарѣ впервые разсказалъ мнѣ Халиль-паша, вручая мнѣ паспортъ на выѣздъ въ Россію. Но баронъ Окша зналъ объ этомъ.

Убѣдившись въ томъ, что католицизмъ и эмигранты 1863 г. сдѣлали невозможною мою политическую дѣятельность на пользу Польши за границей въ томъ смыслѣ, какъ я понималъ ее, утомленный опротивѣвшей мнѣ борьбой съ католиками-поляками, опасаясь, что меня заставятъ разрушить собственными руками ту военную организацію, проведеніе которой въ жизнь стоило столькихъ трудовъ и усилій, наконецъ, льстя себя надеждой, что когда я сойду со сцены, они, быть можетъ, опомнятся и между ними найдется человѣкъ болѣе меня популярный, который станетъ во главѣ казацкихъ полковъ и поведетъ далѣе польско-славянское дѣло въ Турціи,—я устранился, оставивъ полки въ такомъ же комплектѣ и такъ же хорошо выученные, какъ они были подъ моимъ начальствомъ. Впрочемъ, чрезъ два дня по моемъ отъѣздѣ изъ лагеря подъ Шумлой, Абдулъ-Керимъ-Надиръ-паша на маневрахъ остался такъ недоволенъ неумѣлостью и неспособностью новаго командира Фарнези, что воскликнулъ предъ фронтомъ: «Нѣтъ Садыкъ-паши, и эти храбрые казацкіе полки ничего не стоятъ».

Неудача моего намѣренія служить въ Босніи показала мнѣ самымъ несомнѣннымъ образомъ, что католицизмъ и veto западной дипломатіи не дозволятъ мнѣ служить въ Турціи и дѣйствовать на славянскомъ основаніи, а иначе я не могъ поступать, не могъ идти наперекоръ своей совѣсти и своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Я воспользовался амнистіей великодушнаго монарха, въ надеждѣ, что своимъ примѣромъ наведу на путь истинный моихъ соотечественниковъ. Не удалось и это, а потому я поселился въ пустынѣ, но въ пустынѣ казацкой; живу одиноко между людьми, размышляю, вспоминаю и пишу. Авось пригодится когда-нибудь, если не для поляковъ, то для сыновей моихъ и внуковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*

Стихотвореніе князя П. Шаликова по поводу событій 14-го декабря 1825 г.

Письмо Шаликова къ Николаю Назарьевичу Муравьеву.

23-го мая 1826 г. Москва.

Имѣвши счастіе пользоваться благорасположеніемъ незабвеннаго дядюшки вашего, Михаила Никитича, равно какъ и честію знакомства съ вашимъ превосходительствомъ, принимаю смѣлость безпокоить васъ, милостивый государь, авторскою просьбою, слѣдовательно самою близкою къ сердцу. Между тѣмъ давно поселившееся въ немъ чувство отличнаго уваженія къ дарованіямъ и особѣ вашего превосходительства придаетъ мнѣ болѣе рѣшимости на сію смѣлость.

Именно о томъ прошу ваше превосходительство, чѣмъ нѣкогда съ счастливѣйшимъ успѣхомъ утруждалъ вѣчно живущаго въ сердцахъ нашихъ истиннаго мецената нашего—прошу достойнѣйшаго его племянника: поднести государю императору прилагаемые стихи, излившіеся изъ души моей по прочтеніи всего того, что было обнародовано объ извѣстныхъ происшествіяхъ.

Ваше предстательство конечно обратитъ монаршее вниманіе на патріотическія чувствованія питомца русскихъ музъ, столь любезныхъ вамъ и столь любящихъ васъ.

Пользуясь симъ случаемъ, прошу ваше превосходительство принять нелицемѣрное свидѣтельство глубочайшаго почтенія и совершенной преданности, съ которыми навсегда имѣю честь пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою князь Петръ Шаликовъ.

Стихотвореніе князя П. Шаликова.

Россіи императоръ новый!
На Тронѣ будь благословенъ.

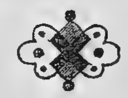
Карамзинъ.

Благословенія сердецъ
Всегда на тронъ сопровождали
Пріявшихъ скипетръ и вѣнецъ
Въ странѣ, гдѣ благость ихъ познали:
Россіи доблестной ови
Знакомы, святы искони!
Россія въ вѣрности ко трону,
Къ владыкамъ, долгу и закону
Тверда, надежна, какъ гранитъ!
Ее ничто не поколеблетъ:
Она сама себя хранитъ;
Самой себѣ лишь только внемлетъ.
Но если слухъ и взоръ ея
Всечасно устремленъ къ державѣ;
Монархъ! всесильная твоя
Предъ ней явилась въ новой славѣ!
Ты воскресилъ Петра въ себѣ,
И далъ урокъ самой судьбѣ,
Что отъ небесъ стяжавшій царство
Разрушитъ злобу и коварство,
Развѣетъ прахомъ дерзкій ковъ,
Спасетъ отечество, наслѣдье;
И въ чистотѣ души готовъ,
Какъ Богъ, врагамъ на милосердье!
Въ огнѣ сладчайшихъ чувствъ своихъ
Поэтъ всѣ вѣки вопрошаетъ:
Еще сравненіе онъ въ нихъ
Съ тобой, монархъ! найти желаетъ.
И Генрихъ, честь, краса людей,
Наставникъ, образецъ царей,
Воображенію поэта,
Въ лучахъ безсумрачнаго свѣта,
Съ улыбкой благости предсталъ
И гласъ исторіи раздался:
„Онъ для „прощенья“ побѣждалъ;
„И подданныхъ отцомъ остался!“
И ты заблуждшихся простилъ;
И ты, монархъ, свой санъ высокій
Сіяньемъ новымъ окружилъ,
Крамолъ разсѣявъ мракъ жестокій!
И Равальяки да падутъ
Въ геенну, гдѣ ихъ муки ждутъ

Раскаянья и поношенья!
Вселенной Титы—утѣшенья!
А первый шагъ ко трону твой,
Монархъ! явилъ вселенной Тита!
Владѣй же россіянъ душой;
Ты ихъ блаженство и защита!

Князь **Петръ Шаликовъ**.

На письмѣ кн. Шаликова рукою Муравьева написано: «государь императоръ изволилъ читать въ Петергофѣ 1-го іюня 1826 г.».

Изъ Варшавскихъ архивовъ.

(1883 г.).

Рѣчь варшавскаго генералъ-губернатора I. В. Гурко при прiемѣ чиновъ варшавскаго учебнаго округа.

11-го *іюля* 1883 года.

Нахожу не лишнимъ сказать вамъ нѣсколько словъ, такъ какъ я считаю задачу учебнаго вѣдомства самою существенною изо всѣхъ. Завѣдуя разными отраслями управленія, другія вѣдомства имѣютъ дѣло съ настоящимъ; учебное же вѣдомство, подготовляя для Россіи будущихъ гражданъ, держитъ въ своихъ рукахъ ея будущее.

Задача эта крайне важная вообще, въ здѣшнемъ же краѣ въ особенности. Само собой разумѣется, дѣло идетъ здѣсь не о томъ, чтобы сдѣлать поляковъ русскими. Правительство не имѣетъ въ виду подобной цѣли. Но зато съ особенною настойчивостью должно быть развиваемо и укрѣпляемо въ юношахъ убѣжденіе, что они русскіе граждане, подданные Русскаго государства и останутся таковыми на вѣки.

Не стану входить въ собственно учебную часть вашей дѣятельности; остановлюсь только на воспитательной, болѣе важной въ данномъ случаѣ и болѣе для меня ясной. Существеннымъ элементомъ воспитанія должны быть подчиненіе и дисциплина. Дѣти, не привыкшія къ подчиненію въ школѣ, не будутъ и въ жизни подчиняться никому и ничему. Но какъ пріучить ихъ къ подчиненію? По природѣ своей, дѣти народъ весьма примѣтливый, чуткій къ тому, что совершается вокругъ. Они не столько воспріимчивы къ отвлеченнымъ нравоученіямъ, сколько къ живымъ нагляднымъ примѣрамъ. У хорошихъ и честныхъ родителей и дѣти бываютъ хороши и честны, и наоборотъ. Поэтому, чтобы видѣть благотворные результаты своей дѣятельности, наставники сами должны служить примѣромъ для учащихся.

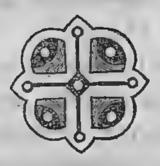
Зная могущественное значеніе примѣра для юношества, германскія школы, для пріученія его къ подчиненію, поддерживаютъ въ своей средѣ строгую дисциплину. Служащіе сами въ своихъ отношеніяхъ къ начальству, къ директорамъ, являютъ примѣръ строгаго подчиненія и этимъ собственнымъ примѣромъ наиболѣе вліяютъ на расположеніе юношества къ послушанію и повиновенію начальству. Необходимо поэтому, чтобъ и у насъ въ школахъ установилось это строгое подчиненіе служащихъ своему начальству и своимъ благодѣтельнымъ примѣромъ дѣйствовало бы на учащихся. Директоръ школы долженъ быть примѣромъ всего: его не только должны уважать, но даже можно сказать бояться.

Повторяю: я профанъ въ собственно учебномъ дѣлѣ; но эта сторона педагогической дѣятельности мнѣ представляется вполнѣ ясною, и на нее я считаю нужнымъ обратить ваше особенное вниманіе.

Я самъ буду слѣдить за этою стороною школьнаго дѣла.

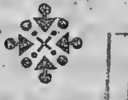
Генералъ-фельдмаршалъ І. В. Гурко состоялъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ съ іюня 1883 г. по конецъ 1894 года.

Сообщилъ **С. Никольскій.**

П о п р а в к а:

Въ сентябрьскую книжку «Русской Старины» въ статью профессора Висковатаго «Карлъ Карловичъ Зейдлицъ» попало только одно вступленіе, а самая статья случайно осталась непомѣщенною, а отложенною на будущее время.

Редакторъ-Издатель **С. Зыковъ.**

